

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЖЕК МАККЛЕВИТ

ЗВЕЗДНЫЙ ПОРТАЛ

Москва

1997

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

*Jack
McDevitt*

---

*Ancient
Shores*

■

ДЖЕК МАКДЕВИТ

**ЗВЕЗДНЫЙ
ПОРТАЛ**

ББК 84 (7США)
М15

Серия основана в 1992 году

Составители серии: Н.А.Науменко, С.Н.Герцева

Перевод с английского А.В.Филонова

Серийное оформление: А.В.Сальников

Художник А.Хромов

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Ralph M. Vicinanza Ltd.
с/o Andrew Nurnberg Associates Ltd.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Макдевит Д.

М15 Звездный Портал: Роман / Пер. с англ. А.В.Филонова. – М.: ООО "Издательство АСТ-ЛТД", 1997. – 528 с. – (Координаты чудес).

ISBN 5-15-000186-4

Когда-то, десять тысяч лет назад, там, где теперь лежат поля, некогда шумели волны древнего внутреннего моря, плавали странные корабли таинственной, ныне бесследно сгинувшей цивилизации. И был построен на морском берегу Звездный Портал – телепортационные врата, ведущие на далекие планеты.

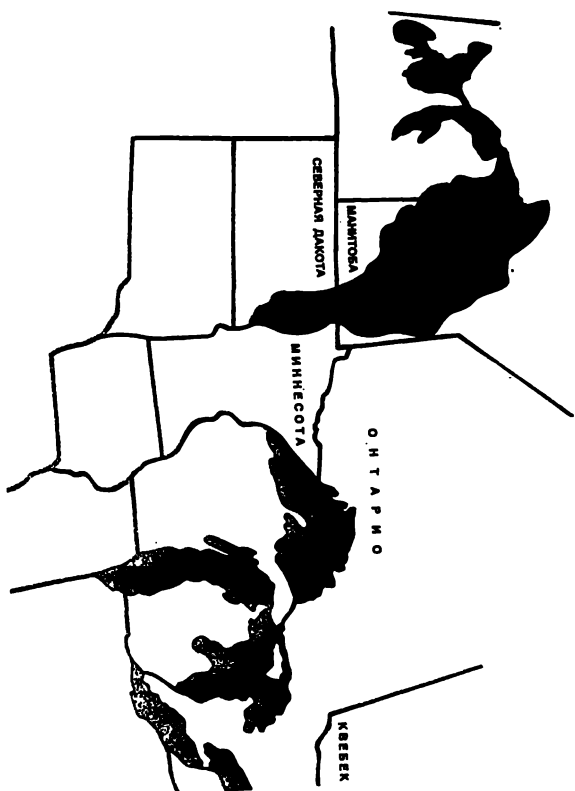
Теперь, в наши дни, врата, тысячелетиями погребенные под слоем земли, обнаружены. И от того, в чьи руки они попадут, зависит будущее человечества.

© Cryptic, Inc., 1996

© Перевод. А.В.Филонов, 1997

© ООО "Издательство АСТ-ЛТД", 1997

*Посвящается Розанне и Эду Гэррити, в
чьей компании я всегда мог размышлять
вслух.*

Хотелось бы выразить особую признательность тем, кто великодушно позволил использовать свое вымышленное alter ego в отчаянной ситуации, описанной в последних главах. Кроме того, я пребываю в долгу перед Галеном Холлом и Брайаном Колом за их комментарии по поводу ранних вариантов рукописи; перед Джимом Кларком, майором ВВС США (в отставке), и перед Джоном Гоффом за технические рекомендации; перед Лорной Шарп из резервации сиу на Дьявольском озере в Северной Дакоте; перед Кристофером Шеллингом из издательства «Харпер-Коллинз» и Сью Варга за помощь в редакции; перед собственной женой и надомным редактором Морин, не теряющей чувства юмора по отношению ко всему этому. А также перед Джимом Карасом, привлечшим мое внимание к озеру Агассис.

1

---

*Чудно порой увидеть в янтаре
Травинку, ком земли или жучка —
Все, что найдешь в достатке во дворе...
Но что за дьявол втиснул их туда?*

Александр Поп,
«Послание к доктору Арбетноту»

Ну ни черта себе! — Тому Ласкеру пришлось повысить голос, чтобы перекричать вой ветра. Уилл выпрямился, держа в руках лопату с черноземом, и взглянул, что привлекло внимание отца.

Из земли торчала жесткая треугольная пластина, смахивающая на акулий плавник. Вроде бы металл, но совершенно не тронутый ржавчиной.

Работали они допоздна при свете праздничной гирлянды на невысоком гребне, ограждавшем ферму с западной стороны, прокладывая трубопровод для подачи наверх воды из колодца. Ласкер осветил находку фонариком, а Уилл потрогал ее носком ботинка. В ночном воздухе пахло надвигающейся зимой. Холодный хлесткий ветер раскачивал гирлянду. Ласкер опустился на колени и руками в перчатках разгреб землю. Предмет оказался ярко-красным, глад-

ким и твердым. Ласкер дернул, но предмет даже не шелохнулся.

Уютный и радостный свет из окон их двухэтажного щитового дома, в четверти мили отсюда, пробивался сквозь стену деревьев, обступивших дом со всех сторон.

«Плавник» оказался монолитной частью шеста, уходившего в землю под углом градусов в тридцать. Уилл поддел шест лопатой и вместе с отцом налег на рукоятку, как на рычаг. Шест закачался, но не стронулся с места.

— На счет «три»! — скомандовал Ласкер.

Они навалились вместе, но не удержались на ногах и со смехом повалились друг на друга.

— Ладно, пап, на сегодня хватит, — сказал Уилл. — Пойдем перекусим.

Из окон спальни Ласкеров открывался вид на плоскогорье Пембина, состоящее из ряда округлых холмов, гребней и зубчатых скал — весьма впечатляющее зрелище посреди плоской как блин равнины. Десять тысяч лет назад здесь было западное побережье внутреннего моря, покрывавшего изрядную часть Дакоты, Миннесоты, Манитобы и Саскачевана. Тогда площадка, на которой ныне стоит дом, находилась на глубине нескольких сотен футов.

Ласкер, как большинство крупных и широкоплечих мужчин, отличался некоторой неуклюжестью. Его каштановая шевелюра уже начала редеть. Резкие, грубоватые черты обветренного лица несли на себе неиз-

гладимую печать множества суровых зим. Всю свою жизнь он прожил в районе Форт-Мокси. Сам он себя считал личностью вполне заурядной — обыкновенным фермером, который много работает, мало вращается в обществе и более всего заботится о своей семье. Он любил свою жену, она отвечала ему взаимностью, а двое их сыновей, подрастая, становились рассудительными, надежными мужчинами. А еще Ласкер любил летать; как и многие местные фермеры, он имел пилотскую лицензию, владел самолетом «Катана DV-20», был обладателем боевого «Мстителя» времен второй мировой войны и состоял членом Конфедерации ВВС — группы энтузиастов, увлекающихся восстановлением старых боевых самолетов.

На следующий день вскоре после рассвета они с Уиллом снова были на гребне. В октябре на северных равнинах обычно холодно и бесприютно, и то утро не отличалось от других. Ласкеру мешала раздутая пуховая куртка, но он еще не упарился от работы настолько, чтобы сбросить ее.

Торчавший из земли дюймов на пять «акулий плавник» был прикреплен к шесту диаметром в пару дюймов. Напорись на такой даже на тракторе — мало не покажется.

— Ну, — вонзая лопату в землю, сказал Уилл, — пора его выворотить отсюда.

Отваленный пласт земли даже в эту пору года источал пьянящий аромат. Вокруг царил удивительная тишь — ни шороха, ни ветерка. На забор присела голубая сойка и, склонив голову набок, принялась наблюдать за людьми. Ласкера вдруг охватило чувство

дивного единения с природой. «Плавник» заинтересовал его — трудно даже вообразить, что это за штуковина и как она оказалась погребенной посреди участка, принадлежавшего роду Ласкеров уже добрых шестьдесят лет. Но что важнее — эта загадка позволила ему чуточку сблизиться с сыном.

Далеко ли шест уходит в землю? Отмерив от «плавника» футов пять по прямой, Ласкер принялся методически копать вглубь. Уилл пришел к нему на помощь, и какое-то время спустя лопаты наткнулись на металл. В шесте оказалось никак не менее полудюжины футов. Они продолжали копать, пока не настало время Уиллу отправляться в школу. Тогда Ласкер пошел в дом, выпил кофе с тостами и снова вернулся к находке. Он все еще занимался раскопками, когда Джинни позвала его поесть.

После ленча жена пошла вместе с ним — посмотреть, из-за чего разгорелся сыр-бор. Высокая, умная Джинни, коренная горожанка из Чикаго, приехала в Северную Дакоту работать таможенным инспектором, подальше от городской суеты. Вскоре она влюбилась в этого парня, а он зачастил в Канаду в надежде, что на обратной дороге будет проходить контроль у нее. Порой он даже покупал что-нибудь подлежащее обложению пошлиной. Джинни до сих пор вспоминала, как он впервые попытался прибегнуть к этой уловке, потратив тридцать долларов в виннипегском книжном магазине на книгу по истории канадской авиации, и был явно разочарован, когда Джинни дала ему знак проходить, потому что книги пошлиной не облагаются.

Друзья пытались отговорить его от ухаживаний. «Суровые зимы очень скоро допекут ее, — твердили они. — И жизнь в крохотном городке тоже. Рано или поздно она непременно сбежит к себе в Чикаго». В их устах «Чикаго» звучало примерно так же, как и «Плутон». Но с тех пор утекло уже двадцать лет, а она все еще здесь. И, как Том, обожает, когда по ночам за стенами дома неистовствует вьюга, а в камине потрескивает огонь.

— А что, эта штука сильно мешает? — озадаченно поинтересовалась она, остановившись над траншеей, вырытой Ласкером вокруг находки. Глубина уже достигла шести футов, и из ямы торчала лестница.

— Вообще-то нет.

— Тогда к чему столько мороки? Разве так уж обязательно вырыть ее целиком, а? Просто отпили ее, и всего-то дел.

— Что случилось с твоей романтической натурой? — парировал Том ее же любимым выражением. — Разве тебе не хочется узнать, что это такое?

— А я и так знаю, — улыбнулась Джинни. — Это шест.

— И как же он там очутился?

Джинни заглянула в траншею:

— Там что-то есть. На самом дне.

Там действительно виднелся кусок ткани. Ласкер спустился, разрыхлил землю вокруг ткани, потом попробовал вытащить ее.

— Не идет. Привязана к шесту.

— Не стоит затея стольких хлопот.

— Этой штуке здесь явно не место.

— Ладно. Но у нас на сегодня запланированы и другие дела.

Ласкер нахмурился и вонзил лопату в мягкую почву.

Находка напоминала мачту, к тому же в комплекте с парусом.

Да еще укрепленную в палубе.

Ласкер позвал соседей, и они принялись копать всей компанией.

Палуба принадлежала яхте, и притом немаленькой.

Полностью освободить ее от земли смогли только через неделю объединенными усилиями соседей, однокашников Уилла и даже прохожих. «Акулий плавник» оказался украшением на верхушке одной из двух мачт.

Сама яхта являла собой прекрасный образчик кораблестроительного искусства; на ней имелась даже рубка, каюты и полный комплект оснастки. Совместными усилиями ее выволокли на поверхность и уложили на бок, подперев шлакоблоками. Младший сын Ласкера Джерри принялся мыть ее из шланга. Стекающая грязь обнажала ярко-алые борта, кремовую белизну внутренних переборок и роскошную палубу, крашенную под сосну. Ударяясь о корпус, вода рассыпалась мелкими радужными брызгами. Спереди и сзади на штирборте болтались веревки — должно быть, швартовы.

С каждым часом толпа прибывала.

Бетти Кауснер осторожно потрогала киль раз-другой, словно боялась обжечься.

— По-моему, это фиберглас, — предположил ее муж Фил.

Джек Венделл, послуживший на флоте, стоял сбоку, уперев руки в бока и разглядывая судно оценивающим взглядом.

— Нет, это не фиберглас, — возразил он. — Ощущение не то.

— Том. — Бетти Кауснер поглядела Ласкеру прямо в глаза. — Чья это яхта?

Ласкер даже не догадывался, кому могла принадлежать эта великолепная яхта, сверкающая в лучах чахлого дакотского солнца.

Не проходило и пяти минут, чтобы кто-нибудь не поинтересовался, не розыгрыш ли это.

Ласкеру пришла в голову лишь одна причина, по которой владельцу могло вздуматься схоронить подобное судно: без наркотиков тут не обошлось. Он искренне опасался обнаружить внутри трупы и, поднявшись на борт, неохотно осмотрел все помещения одно за другим.

И вздохнул с нескрываемым облегчением, не отыскав ничего экстраординарного.

Судно отличалось от виденных Ласкером прежде, хотя он и не мог определить, чем именно. Может, виной тому резкие перепады освещенности из-за облаков, то и дело скрывающих солнце. А может, дело в пропорциях — то ли грот-мачта расположена не там, где обычно, то ли обводы корпуса режут глаз непривычной геометрией.

— До воды далековато, — заметил Уилл, бросив взгляд на восток, в направлении Ред-Ривер.

— С виду она в полном порядке, прям хоть сейчас на воду спускай. — Рэй Хаммонд, владелец участка к востоку, возле шоссе №11, поскреб в затылке. Потом потрогал паруса носком ботинка. — Вот только постирать их придется.

По проселку подкатил автомобиль Эда Паттерсона, владельца магазинчика «Инструмент по руке» в Валгалле. Автомобиль остановился, и оттуда выбрался Эд, его жена и пятеро детей. Эд внимательно осмотрел яхту, покачивая головой, потом они с женой поглядели на Ласкерова с таким видом, будто те выставили на обозрение страшную семейную тайну. Дети, утратив интерес к судну, принялись гоняться друг за дружкой вдоль дороги.

Сходив в свой фургончик, Кауснер вернулся с рулеткой, сделал на земле отметки возле носа и кормы, измерил расстояние и провозгласил:

— Сорок семь футов пять дюймов!

Будь среди собравшихся человек, разбирающийся в парусных кораблях, он опознал бы в судне кеч по наличию полного киля, широкому (чуть меньше семнадцати футов), округлому корпусу и изящному профилю днища. Палубу окружал фальшборт высотой до пояса, сходящийся к носу. Штурвалов оказалось целых два: один в кокпите, а второй — на рубке, расположенной чуть дальше середины палубы. Шпигаты шли и по левому, и по правому борту.

Единственное повреждение, обнаруженное на судне, — сломанный вал гребного винта.

Паруса выстирали и развесили в подвале для просушки. Ласкер смотал с судна канаты, почистил их и убрал в сарай.

На уборку трюма ушло еще два дня.

Под палубой обнаружили две каюты, камбуз и ванная.

В каютах не было ничего особенного — по столу и по несколько стульев в каждой, да по две койки. В грубо обработанные переборки было встроено с полдюжины шкафчиков.

В камбузе нашелся холодильник, ряд устройств, смахивающих на микроволновые печи, и бачки для воды. Но пиктограммы на холодильнике и печах оказались незнакомыми. В ванной был душ, умывальник и самый странный унитаз из когда-либо встречавшихся Ласкеру: низкий, широкий, без всяких признаков сиденья или крышки. Тут тоже обнаружили символы, прочесть которые никто не мог.

— Диковато все-таки, — сказал Ласкер вечером жене после того, как они впервые осмотрели трюм. Толпившиеся вокруг яхты соседи через какое-то время утратили интерес и разбрелись, оставив Ласкеров ломать голову над тем, почему судно оказалось под землей. Как заметил Уилл, до воды тут далеко.

После обеда Ласкер устремил неподвижный взгляд на яхту, поблескивавшую в лунном свете.

— Ты в порядке? — осведомилась Джинни.

— Хотел бы я знать, что это значит. Откуда она взялась?

Она пододвинула мужу кусок пирога с лимонным беэе:

— Должно быть, осталась от твоего отца. Откуда ж еще?

А еще позже, когда она уселась почитать на сон грядущий, Ласкер натянул куртку и вышел.

Расположенный на отшибе Форт-Мокси словно забыл о времени. Здесь не вводили никаких серьезных новаций, не были заметны и солидные культурные сдвиги, вызванные развитием техники, влиянием приезжих и социальной инженерии. Городок и окружающая его обширная прерия будто угодили в тихую заводь времени, где президент Трумэн все еще у руля, где люди по-прежнему относятся друг к другу с симпатией, а преступления почти неведомы. Последнее злодейство случилось здесь в 1934 году, когда Багси Морган устроил перестрелку, пробиваясь через границу.

В общем и целом здесь спокойно жить и хорошо растить детей.

Равнина простиралась без конца и без края. Некогда здесь был бассейн озера Агассис — внутренне-го моря, занимавшего куда большую площадь, чем все нынешние Великие озера, вместе взятые.

Агассис... Да только его давным-давно нету. Ласкер посмотрел на запад, где на месте прежнего берега высился гребень. На всей равнине больше ни морщинки. Какой бесславный конец! Ласкер много раз летал здесь, показывая окрестности мальчикам, — ему хотелось, чтобы они тоже любили родной край.

**«Лесли в десять», КЛМР-ТВ, Гранд-Форкс,
22.26, 18 октября**

Марки: Джули, тут у нас в Форт-Мокси нынче случилась странная история. Прямо посреди пашни откопали яхту.

Хаукинс (с улыбкой): Неужто на хлебной ниве вызрела настоящая яхта?

(Переход на дальний план Форт-Мокси; панорама по прерии, наезд на лесозащитную полосу и строения фермы.)

Марки: Эй, никто не терял яхту? А то у нас рядом с границей один фермер озадаченно чешет в затылке. Слушайте репортаж Кэрол Дженсен.

(Переход на общий план: яхта и зеваки; крупный план Дженсен.)

Дженсен: Лесли, говорит Кэрол Дженсен с фермы Тома Ласкера в округе Кавалер.

(Средний план Ласкера.)

Чудесная яхта, мистер Ласкер. Вы действительно утверждаете, будто кто-то закопал ее на вашей ферме?

Ласкер: Именно так, Кэрол. Прямо тут. (Указывает.) Нынче летом эта земля у меня была под паром. Весной собираемся посеять здесь пшеницу. Но для этого мне нужна оросительная система, чтобы качать воду наверх. Так что мы прокладывали трубы и наткнулись.

Дженсен: На яхту?

Ласкер: Да.

(Ракурс, чтобы подчеркнуть габариты яхты.)

Дженсен: Она была закопана целиком? Или частично?

Ласкер: По самую маковку.

Дженсен: Мистер Ласкер, а кто мог оставить нечто подобное на вашей земле?

Ласкер: Кэрл, я даже не догадываюсь.

Дженсен (*в объектив*): Итак, Лесли, это все. Любопытно, что еще таится в долине Ред-Ривер? Пожалуй, при высадке бегоний будущей весной надо быть чуточку внимательнее. Репортаж вела Кэрл Дженсен с фермы Ласкера у Форт-Мокси.

(Общий план студии.)

Марк: Вот наши новости и подошли к концу. Спокойной ночи, Джули.

Хаукис: Спокойной ночи, Лесли. (*В объектив*.) Спокойной вам ночи. Увидимся завтра в десять. Далее в нашей программе «Поздний выпуск».

Назавтра после репортажа о яхте Ласкера в «Лесли в десять» количество желающих увидеть диковинку сильно подскочило. Их число редко бывало ниже полудюжины, а порой доходило до двадцати. Дети начали продавать им кофе и рогаики и сразу же получили недурной доход.

Заехал и Хол Риордан, владелец склада пиломатериалов в Форт-Мокси — долговязый, педантичный человек, тщательно обдумывающий даже поход в ванную. Он был стариком еще в те времена, когда Ласкер ходил в школу, теперь же стал седым как лунь. Ласкеры установили в трюме аккумуляторный обогреватель, и там стало тепло. Побродив по каютам, пристально оглядев днище и мачты, Риордан явился на крыльцо хозяйского дома.

— Тебе стоит на это взглянуть, — сказал он Ласкеру, ведя его к яхте. — Очень странно, Том.

— А что такое?

— Ты глянь на стык между мачтой и крышей каюты.

Ласкер послушно оглядел стык:

— И что же?

— Судно цельное. Я полагал, что мачту делают отдельно, а после прикручивают. Но вся эта штукovina будто отлита в одной форме.

Риордан не ошибся: на всем судне нигде не было ни малейшего признака стыков или болтов. Ласкер хмыкнул, не зная, что сказать.

Утром Ласкер взял в аренду прицеп и вызвал из Гранд-Форкс такелажников, чтобы те подняли яхту на прицеп и перевезли поближе к амбару.

Толпа прибывала с каждым днем.

— Тебе бы пора брать с них за вход, — предложил Фрэнк Молл, экс-мэр и отставной таможенник. — К тебе народ ездит аж из самого Фарго.

Бородатый, коренастый Молл всегда легко находил общий язык с людьми и принадлежал к числу старых приятелей Ласкера.

— Фрэнк, что это, по-твоему? — поинтересовался Ласкер. Они вдвоем стояли на обочине, наблюдая, как Джинни и Пэг, жена Молла, пытаются регулировать дорожное движение.

Молл поглядел на друга, потом перевел взгляд на судно.

— Ты в самом деле не знаешь, как оно тут очутилось, Том? — В его тоне сквозил упрек.

— Нет, — чутьчку раздраженно отозвался тот. — В самом деле не знаю.

— Будь на твоём месте кто другой, — покачал головой Молл, — я бы решил, что без мистификации не обошлось.

— Никакой мистификации.

— Ладно. Не знаю, каким боком здесь ты. Яхта вроде как в хорошем состоянии. Значит, закопали ее недавно. Когда ж это могло приключиться?

— Не знаю. Для этого надо было раскопать всю округу. — Ласкер с прищуром поглядел на гребень, приставив ладонь козырьком ко лбу. — Не представляю, как это получилось.

— Но чего я в толк не возьму, так это зачем. С какой стати хоронить в земле целый корабль? Он потянет на добрых полмиллиона долларов. — Молл сложил руки на груди и устремил взгляд на яхту. Теперь она стояла на прицепе рядом с дорогой, гораздо ближе к дому, чем раньше. — Кстати, это самоделка.

— Как ты узнал?

— Элементарно. — Молл указал на корму. — Нет регистрационного номера корпуса. Он делается выпуклыми буквами, вроде автомобильных номеров. А тут их нет, — развел он руками.

— Может, ее построили еще до того, как ввели номера корпусов.

— Они обязательны уже давно.

Вымыв паруса струей из шланга, их развесили у входа в амбар, и теперь они слепили взор своей белизной, особенно когда выглядывало солнце, — будто и не лежали бог весть сколько лет в земле.

Ласкер стоял в амбаре, сунув руки в карманы и разглядывая паруса. Только тут до него впервые дошло, что в его распоряжении вполне исправное судно. До сих пор он все ждал, что вот-вот пожалует истинный владелец и предъявит свои права. Но в это тихое, блеклое, холодное воскресенье, почти две недели спустя после извлечения яхты из земли, она как-то вдруг стала его собственностью — к добру это или к худу.

Ласкер ни разу в жизни не ходил под парусами, не считая одной-двух поездок в качестве пассажира. Зажмурившись, он вообразил, как они с Джинни плывут мимо невысоких Виннипегских холмов, а летний закат красит небо в багровые тона.

Но стоило ему взобраться по склону к яме, из которой недавно извлекли яхту, заглянуть в эту разверстную рану на западном краю его владений и задуматься о том, кто скрыл ее там, — как оттуда повеяло жутью.

Чего греха таить, ему было не по себе.

Перила поддерживал ряд балясин, тоже ничем не прикрепленных к палубе, а словно выросших из нее. Когда охотник за сувенирами за день до Хэллоуина решил утащить одну балясину, ему пришлось выпить ее. Никто не видел, как это произошло, но в результате Ласкер по наступлении сумерек стал заводить яхту в амбар и запирает его двери на засов.

На середину ноября у Ласкера был запланирован полет на «Мстителе» в Оклахома-Сити для участия в воздушном празднике. Обычно Джинни отправлялась на подобные мероприятия вместе с ним, на месте стрелка-радииста. Но на сей раз она была сыта суетой по горло и объявила о своем намерении остаться. Кроме того, зная, что судно наверняка стоит целую кучу денег, Джинни не собиралась просто бросить его в амбаре.

— Все на свете знают, что оно тут, — пояснила она мужу.

Ласкер рассмеялся и возразил, что яхта все время стоит у дороги, и пока что никому и в голову не пришло ее утащить.

— Это тебе не машина, знаешь ли.

В пятницу она взглядом провожала его самолет, пролетевший над домом. Он покачал крыльями, а Джинни помахала ему (хотя и знала, что Том этого не увидит) и вернулась в дом, чтобы развесить выстиранное белье для просушки.

Шесть часов спустя она отдыхала в гостиной, смотрела старый фильм «Коломбо» и слушала, как

завывает ветер за стенами. Уилл ушел гулять, а Джерри в своей комнате играл на компьютере. Посвист ветра и шелест листьев действовали очень успокоительно, чем-то напоминая сопение спящих детей и жужжание миксера, готовящего молочный коктейль после их возвращения из школы.

Во время рекламы Джинни поднялась, чтобы взять воздушной кукурузы. И выглянула в окно.

Ночь была безлунная, а сквозь шторы просачивалось слишком много света, и Джинни прижалась носом к стеклу, напрочь запечатанному от холодного ветра Северной Дакоты и не открывавшемуся даже во время короткого лета.,

Сквозь щели в источенных непогодой стенах амбара, находящегося ниже по склону, просачивался зеленоватый свет.

Туда кто-то забрался!

2

---

*Пусть Хейди славная девчушка,
И Мэри тоже хороша.
Но только летчика душа
Принадлежит другой подружке.
Бомбардировщики твердят,
Иного слышать не хотят,
Что если ты в полете,
То для тебя милее нет —
Хоть обойди весь белый свет —
Чем «Молния» в эскорте.*

Неизвестный автор,
«Молнии в небесах»

«**Л**окхид-Молния» сверкал в лучах солнца, клонящегося к закату. Эта живая реликвия, участвовавшая в великом походе против Гитлера, до сих пор могла подниматься в небо и выглядела по-прежнему грозной боевой машиной. О мощи говорил и сдвоенный хвост, и обтекаемая кабина, и широкие, изящные крылья. Сосредоточенные в носу пулеметы и пушка резко выдавались вперед, и не без резона: их огонь был не в пример точнее, чем огонь расставленных на крыльях пушек других машин того време-

ни. Попадать в перекрестье прицела этого самолета не стоило.

— Летать на нем не так-то просто, — заметил Макс.

P-38J — самолет с норовом, требует от пилота способности слиться с ним воедино. Пожалуй, такого, как Макс, он умеет каждой клеточкой своего тела отождествить себя с машиной, с каждой гайкой, проводком и рулем.

— Подумаешь, — свысока бросил Керр, вытаскивая чековую книжку. — Я и не собираюсь на нем летать.

Керр — высокий, импозантный, симпатичный, хоть и чуточку подержанный — смахивал на Бронко Адамса, опереточного героя книжек Керра. Вымышленный Бронко излетал Дальний Восток вдоль и поперек в серии высокооктановых, высокосексуальных триллеров. Сам Керр привык определять собственный стиль, как «одна чертовщина за другой». Неудивительно, что именно он надумал завести один из P-38, которых во всем мире остались считанные единицы.

— Не собираетесь летать? — переспросил Макс, решив, что ослышался. — Но он в великолепном состоянии!

— Я не летаю, — со скучающим видом отозвался Керр.

Макс запоем прочел три его романа — «Желтая буря», «Ночь в Шанхае» и «Полет над Бирмой», они поразили Макса мастерством автора в описании деталей полета.

— И даже не пробовал, — продолжал Керр. — В книгах я все придумал, это совсем нетрудно.

Макс воззрился на писателя, стоявшего на фоне бело-голубой звездной эмблемы, изображенной на гондоле двигателя. Самолет сверкал свежей краской тропического камуфляжа; его бортовой номер «К-9122» был выписан белым на фюзеляже, рядом с названием «Белая молния» и изображением бутылки виски. В 1943 году самолет базировался на аэродроме под Лондоном, где была расквартирована часть эскадрильи, действовавшая совместно с Королевскими ВВС. Потом эскортировал бомбардировщики, летавшие на Берлин, — дальность его полета и огневая мощь идеально подходили для подобных задач. А в 1944 году отправился на Тихий океан.

Послужной список «Белой молнии» был весьма впечатляющим. Макс по крупице восстановил его, копаясь в архивах ВВС, беседуя с пилотами и работниками наземных служб, и записал всю эту информацию на дискету.

— Тут все, что нам удалось раскопать: пилоты, кампании, победы. Кстати, достоверно известно, что он сбил восемь истребителей. И два «Хейнкеля». Это бомбардировщики.

— Ну и ладно. Мне этого не надо, — отмахнулся Керр. Достав ручку с золотым пером, он огляделся в поисках ровной поверхности и подошел к горизонтальному стабилизатору хвостового оперения. — Чек выписать на вас?

— На «Закатную авиацию». Это фирма Макса, восстанавливающая и продающая старые боевые самолеты.

Керр выписал чек. Четыреста тысяч. Доход компании составит сотню с четвертью: Недурно!

На зеленом поле чека была воспроизведена репродукция принадлежащего Бронко Р-38 в полете. Сложив чек, Макс спрятал его в нагрудный карман и поинтересовался:

— Вы что, хотите поставить его в музей?

Вопрос изумил Керра.

— Какой там музей! Я хочу поставить его на газон перед домом.

У Макса вдруг засосало под ложечкой.

— На газон?! Мистер Керр, да во всем мире их осталось всего *шесть* штук! Он в идеальном состоянии! Его нельзя ставить на газон.

— А мне-то казалось, что я волен поступать с ним, как вздумается. — Керр выглядел искренне озадаченным. — Ладно, когда мы приступим к дальнейшему? — Он посмотрел на папку в руке Макса, где лежал бланк купчей.

Пилот Керра Бронко Адамс — обаятельный, остроумный и очень человечный герой. Его обожают миллионы читателей, они считают, что писатель поднял авиационный триллер на новые высоты. И Макса не могла не потрясти мысль, что замечательный творец — просто ничтожество. Да не может такого быть!

— Если вы оставите его посреди газона, — принялся объяснять Макс, — он будет мокнуть под дождем и проржавеет. — На самом деле Макс думал о том, что подобная реликвия заслуживает лучшей участи, чем превратиться в украшение владений богатого вертопраха.

— А вот тогда я вызову вас, и вы приведете его в божеский вид. Ладно, нельзя ли побыстрее, а то меня ждут дела.

Бразильский рейсовик сделал круг над аэродромом перед заходом на посадку, выделяясь на фоне безоблачного неба своей красно-белой окраской.

— Нет. — Макс достал чек и протянул Керру: — Не пойдет.

— Простите? — нахмурился Керр.

— Боюсь, такая сделка не пойдет.

Взгляды их встретились.

— Может, вы и правы, Коллингвуд. — Керр пожал плечами. — Вообще-то Джени и так была не в восторге от этой идеи. — С этими словами он развернулся на месте, пересек гравийную дорожку и вошел в здание аэровокзала, ни разу не оглянувшись. Макс у оставалось лишь догадываться, кто же такая эта Джени.

Макс принадлежал к династии военных летчиков. Коллингвуды летали над Багдадом и Ханоем, были на авианосце «Хорнет»* в Тихом океане и среди Королевских ВВС весной тысяча девятьсот сорокового. Эта фамилия встречается даже в списках эскадрильи Окольцованных Фуражек за 1918 год.

Но Макс оказался пресловутой ложкой дегтя — он не питал пристрастия к армейской жизни и не

---

* Речь идет о налете американской авиации на Токио 18 апреля 1942 года. Успешно проведенная операция оказала существенное влияние на боевой дух и американских, и японских войск. Плавучей базой для самолетов послужил авианосец «Хорнет» («Шершень»). — *Здесь и далее примеч. пер.*

горел желанием лезть под пули. Надо отдать должное его отцу, полковнику ВВС США (в отставке) Максвеллу Е. Коллингвуду — тот постарался не выдавать, как он разочарован в единственном сыне. Но скрыть огорчение до конца все-таки не смог, и Максу не раз доводилось услышать, как отец наедине с матерью высказывает сомнение в непогрешимости генетики.

Это сомнение укреплял тот факт, что юный Макс вообще должен был получить двойную дозу наследственности — на свет его родила Молли Грегори, в прошлом израильская вертолетчица, во время Шестидневной войны заслужившая прозвище Молли Героиня, когда затеяла перестрелку с береговой батареей во время операции по спасению подбитой канонерки.

Молли поощряла решение сына держаться подальше от армии, и он не мог не замечать ее удовлетворения от того, что сын не собирается напрашиваться на неприятности. Как ни странно, одобрение матери огорчало его. Но он умел радоваться жизни, любил общество привлекательных женщин и получал удовольствие, наблюдая метели или закаты. Жизнь дается лишь раз, и Макс не собирался рисковать ее радостями ради чьих-нибудь извращенных представлений о чувстве долга. Главная забота Макса — сам Макс.

Если у него и были какие-либо сомнения насчет собственного характера, то все его подозрения с лихвой подтвердил инцидент в Форт-Коллинз, свидетелем которого Макс стал в двадцать два года. Он работал гражданским пилотом в «Уайлдкэт Эрлайнз», летая с грузами и пассажирами между Денвером и Колорадо-Спрингс. Однажды холодным ноябрьским

днем он осматривал свой двухмоторный «Арапахо», стоя под крылом с блокнотом в руках, когда на приземление пошел рейсовый двухмоторный бело-голубой «Боло». Макс и сам не знал, что привлекло его внимание, но он почему-то решил понаблюдать за посадкой. Солнце стояло еще довольно высоко над горами. Самолет покатил по посадочной полосе, и Макс разглядел лицо широко улыбавшейся девушки с каштановыми кудряшками в переднем правом иллюминаторе салона. Самолет уже приближался к зданию аэровокзала, когда, выпустив тоненькую струйку черного дыма, левый мотор запылал.

Ужаснувшись, Макс двинулся вперед. Должно быть, взорвался бензопровод, потому что пламя с *ревом пронеслось по крылу и охватило фюзеляж* еще до того, как пилот успел что-либо предпринять. Улыбающаяся девушка даже ничего не заметила.

Из здания выскочил кто-то в белой рубашке, с развевающимся галстуком и во весь дух понесся к самолету. Но он был чересчур далеко. Огонь ревел уже над топливными баками. Макс едва успел сделать пару шагов, когда понял, что это бессмысленно, и остановился в ожидании взрыва, понимая, что все уже слишком поздно, и почти желая, чтобы всепожирающая вспышка положила этому конец.

Девушка смотрела на него и теперь тоже заметила пламя. Выражение ее лица изменилось, и она опять посмотрела на Макса.

Этот взгляд навсегда отпечатался в его памяти.

Потом человек с галстуком пронесся мимо Макса, громко шлепая подошвами по бетону, и Макс крик-

нул ему вслед, что он погибнет. Но тот подлетел к самолету, рывком распахнул дверь и скрылся внутри. Девочка все еще смотрела на Макса. Потом чьи-то руки повлекли ее прочь от окна.

В этот миг все и произошло.

Самолет превратился в огненный шар. Волна жара прокатилась над Максом, бросившимся ничком на бетон.

Так он и постиг свою сущность.

Люди чаще всего осознают наступление решительного момента собственной жизни лишь впоследствии, мысленно оглядываясь в прошлое. Поход в книжный магазин приводит к встрече, ведущей прямо под венец. Знакомство с попутчиком в позднем такси может перейти в дружбу, два года спустя обеспечивающую повышение по службе. Заранее не угадаешь.

Макс пережил поворотный момент вскоре после взрыва в Форт-Коллинз, когда запланированное обольщение не состоялось и ему надо было как-нибудь убить время в приятное весеннее воскресенье. Друзья уговорили его посетить воздушный парад боевых машин, где Макс и наткнулся на Тома Ласкера и его торпедоносец «Мститель».

Ласкер оказался летающим фермером, владельцем нескольких тысяч акров на северной границе. Он тогда только-только приобрел «Мститель» на аукционе и уже начинал в этом раскаиваться, когда Макс, не желавший обедать в одиночестве и высматривавший компанию,

узрел сперва самолет, а затем крупного мужчину с обветренным лицом — тот сидел на стуле задом наперед и озабоченно разглядывал машину.

Потрепанный «Мститель» стоял кособоко, краска на нем облупилась. Но что-то в нем затронуло романтическую душу Макса — этот грозный, прекрасный, терпящий бедствие самолет воплощал в себе ожившую историю. То была первая встреча Макса со старой боевой машиной. Она-то и перевернула всю его жизнь.

— Да, тут придется поработать, — заметил Макс Ласкеру.

Ласкер разговаривал с самолетом.

— По-моему, я погорячился, — сказал он.

Тогда-то Макс и начал заниматься старинными самолетами. Заключив сделку с Ласкером, он потратил несколько недель на восстановление «Мстителя»: нанял специалистов, чтобы те поменяли мотор и подтянули гидравлику, установил электронное оборудование последнего образца, заново выкрасил самолет серой краской и нанес на него новый комплект эмблем и знаков отличия. Боевые звезды сверкали на фюзеляже и крыльях, и самолет собрал целую толпу, когда Макс прилетел на нем в Форт-Мокси, чтобы вернуть владельцу.

Хотя расставался он с машиной весьма неохотно. Ласкеру настолько понравился результат, что он вручил Максу щедрую премию. Приехавшая с ним вместе жена Джинни пришла в неистовый восторг при виде итога трудов Макса, чем навечно заслужила его искреннюю симпатию. Она сфотографировалась

перед самолетом, а Том уговорил ее прокатиться. Они с Ласкером кружили над городком полчаса, а Макс дожидался их в конторе. Приземлившись, они пригласили Макса к себе на ферму, где Джинни подала обед с ростбифом. Потом они пили, болтали далеко за полночь, и Макс заночевал в гостевой комнате, как еще много раз впоследствии.

С тех пор Макс занялся восстановлением старых самолетов.

Полковник и Молли Героиня одобрили его выбор.

Под вечер Макс пробил низкие облака, заходя на аэродром Челлис в Фарго. Управлять Р-38 было одно удовольствие, и Макс чувствовал себя на седьмом небе. Однако он упустил изрядный куш. Теперь компании придется заново выставлять машину на продажу, и в следующий раз вряд ли подвернется настолько выгодная сделка.

И все же Макс считал себя скорее художником, нежели бизнесменом. И его искусство вбирало в себя не только дизайн фюзеляжа и боевые эмблемы на нем, но и сдержанную мощь двигателей, и высокие летные качества. Боевые машины «Закатной авиации» не должны гнить на газонах богачей. (Если честно, Макс даже от музеев не приходил в восторг, но там по крайней мере люди могут полюбоваться старыми самолетами в натуральном виде.)

Ну и ладно, гори оно синим пламенем! Может, он и получит за это пару оплеух, зато сегодня снова сидит за штурвалом «Молнии».

Разумеется, он установил в кабине современное навигационное оборудование, так что поймать сигнал радиокompаса и выйти по прямой на ВПП труда не составило. На трехмильной отметке самолет шел на высоте в пять сотен футов. Макс прибрал дроссель и опустил закрылки. Индикаторы замигали, сообщая, что шасси выпущено. Огни аэродрома приближались. Макс легонько подал штурвал от себя. Левее мелькали фары машин, проносящихся по Плейнс-авеню. Как только под крыльями показался бетон, Макс закрыл дроссель и приподнял нос машины. Самолет немного спланировал и коснулся полосы колесами.

«Закатная авиация» располагает собственным ангаром, где разместилась и контора. Макс развернул Р-38, радиосигналом открыл ворота ангара и вкатил крылатую машину внутрь. Там стояли еще два самолета, над которыми сейчас трудилась компания: Норт-Американ Р-51 «Мустанг», предназначенный для Смитсоновского института, и Рипаблик Р-47 «Удар грома», принадлежащий аризонскому телевизионщику.

Заглушив мотор, Макс выбрался из кабины и ухмыльнулся, вообразив, как удивится механик поутру, когда увидит «Молнию» на прежнем месте. Через минуту он уже был в кабинете. Стелла оставила кофеварку включенной, так что Макс нацедил себе кофе и уселся за стол.

Автоответчик записал пару звонков — один от поставщика запчастей, а второй от Джинни Ласкер.

— Макс, — произнес записанный голос, — пожалуйста, позвони, как только сможешь.

В голосе ощущалось напряжение, чуть ли не испуг. Макс уже было снял трубку, но тут же отложил ее, услышав, что входная дверь открылась.

— Привет, Макс! — с порога улыбнулась Сейл Брэддок и с любопытством взглянула на него. — В чем дело? Сделка сорвалась?

Сейл — хозяйка и единственный пилот компании воздушных грузоперевозок «Тор», тоже расквартированной в Челлисе, обладательница чарующих синих глаз, пышной копны каштановых волос, задумчивой улыбки и штурмана компании «Ти-Даблю-Эй» из Сент-Пола. У Макса были поползновения на ее счет, но Сейл держала его на расстоянии вытянутой руки. Порой они даже перешучивались на эту тему.

— Ты любишь не меня, а «Бетси», — утверждала Сейл. «Бетси» — так окрестили транспортник модели С-47, который она три года назад купила у «Закатной авиации». Самолет стал флагманом компании «Тор», перевозящим грузы по Соединенным Штатам и Канаде. За это время парк «Тора» пополнился еще двумя самолетами, а теперь Сейл договорилась о покупке четвертого.

Время от времени Сейл участвовала на «Бетси» в воздушных парадах, а однажды они с Максом даже воспользовались самолетом ради доброго дела. В прошлый Новый год Фарго замело, медицинские вертолеты не справлялись с экстренными вызовами, а на дальней ферме в критическом состоянии ждал помощи парнишка, почти отхвативший себе руку циркулярной пилой. Они навесили на С-47 лыжи и слетали на нем в Пеликан-Рэпидс. Приземлившись

восточнее городка на льду озера, они захватили парнишку и доставили его в Фарго, где врачи благополучно пришили руку на место.

— Он не заслуживает такой машины, — криво усмехнулся Макс.

Похоже, новость порадовала Сейл. Макс знал, что заботливое отношение к самолетам — одна из тех его черт, которые нравятся ей больше всего.

— И в чем же дело?

— Мне он пришелся не по нутру.

Взяв чашку, она налила себе кофе.

— Не темни. Речь шла о больших деньгах, так что одной антипатии мало.

— Нет, правда. Слушай, вокруг куча людей, готовых глотки друг другу перегрызть ради обладания этим самолетом. Я не хочу хвататься за первое попавшееся предложение.

— Сомневаюсь, что у многих из них столько же денег, сколько у Керра, они не станут швыряться ими направо и налево.

Порой Максу начинало казаться, что у него есть шансы завоевать сердце Сейл, но он оставил подобные попытки больше года назад.

— Может, и так. — Он пожал плечами. — Пожалуй, что так.

Сев напротив него, Сейл попробовала кофе и поморщилась:

— Пора заварить новый.

— Что-то ты припозднилась, — посмотрел на нее Макс.

— Лечу завтра в Джексонвилль.

Чтобы участвовать в ежегодном параде на аэродроме Сесил, подумал Макс. Значит, она осматривала свой С-47.

— Все ли в порядке? — осведомился Макс.

— На все сто. — Она поставила чашку и встала. — Пора мне.

— Увидимся как-нибудь, — кивнул он.

Сейл поглядела на него долгим взглядом и удалилась. Входная дверь скрипнула, открываясь, затем хлопнулась.

Проклятие!

Нажав кнопку автоматического набора номера Ласкеров, он услышал гудок, и почти тотчас же Джинни сняла трубку:

— Алло!

— Привет, Джинни. Что стряслось? Ты в порядке?

— Да. Спасибо, что позвонил, Макс, — с тревогой в голосе отозвалась она. — Я в полном порядке. — Джинни на миг замялась. — Но у нас происходит нечто странное.

— Что?

— Я бы не стала тебя беспокоить, но Том отправился в Титусвилль, и я не смогла с ним связаться.

— А зачем он тебе? В чем дело?

— Ты знаешь про судно, что мы нашли?

— Судно? Нет. Где нашли?

— Здесь, на ферме.

Макс представил себе многие и многие акры пахоты, раскинувшиеся на бескрайней, плоской как блин равнине.

— Извини, Джинни, но, по-моему, я что-то недопонял.

— Мы нашли судно, Макс. Откопали. Оно было зарыто. Спрятано.

— Ты шутишь?

— Макс, речь идет не о весельной лодке. Это *яхта*. Про нее рассказывали по телевидению.

— Боюсь, я как-то проглядел.

— Я, собственно, почему позвонила — нынче вечером я выглянула из окна и увидела в амбаре свет. От яхты.

— Она горит?

— Нет. Светится.

— Значит, кто-то забрался туда и включил свет? Ты это хочешь сказать?

— Амбар заперт. Вряд ли ее кто-либо трогал. Помоему, свет включился сам по себе. Это габаритные огни, длинные зеленые лампы на носу.

Макс все еще не мог взять в толк, о чем речь:

— А кто ее зарыл?

— Макс, мы не знаем. Мы ничего не знаем — кто зарыл и когда... — Голос ее дрожал.

— Ты хочешь, чтоб я приехал? — Джинни замялась, и эта пауза оказалась красноречивее слов. — Ладно, уже выхожу.

— Спасибо. — В ее голосе прозвучало облегчение. — Я отправлю Уилла встретить тебя в аэропорту.

3

Вот тихий света предел...

Альфред Теннисон, «Титон»

Ну по крайней мере хотя бы есть повод снова вывести «Молнию» на взлетную полосу. Лететь от Фарго до Форт-Мокси и границы миль сто пятьдесят на север. Ночь стояла беззвездная, земля была погружена во тьму, изредка разбавляемую огоньками уединенных ферм и одиноких автомобилей, катящихся по проселочным дорогам.

В кабине самолета Макс всякий раз чувствовал себя обновленным, словно оставил повседневные хлопоты на земле. Мерный рокот двух моторов наполнил ночь, и Макс попытался вообразить, каково было лететь бок о бок с В-17 над Германией. Потом представил, как выпускает очередь в поединке с двумя «Мессерами-109», и впереди вспухает огненный смерч.

Заходя на посадку в Международном аэропорту Форт-Мокси, он-широко улыбался. Уилл Ласкер дождался его рядом с черным пикапом марки «форд». Одетый в куртку с футбольным номером, парнишка выглядел смущенным.

— Вы уж простите, что мы вас вытащили в такую даль, — сказал он. — В общем, мы не боимся какого-то света, но вы же знаете женщин...

Макс кивнул и забросил сумку в кузов.

Уилл обрушил на него целую лавину сведений, рассказав, как они нашли яхту, как та выглядит, как их до сих пор донимают ежедневные посетители.

— Многие считают, что это мы сунули се в яму.

— Могу понять, откуда у них такое мнение.

Уилл сосредоточенно всматривался вперед. Машина оставила огни Форт-Мокси позади, выкатившись на темные просторы прерии.

— Только сумасшедшему придет в голову такое, — продолжал парнишка, словно не слышал реплики Макса. — Будь у нас такая яхта, мы спустили бы ее в озеро, а не в яму.

Макс даже не представлял, что за судно можно найти посреди пашни. В его воображении сложился образ прогнившего корыта с фонарями, свисающими с планшира, и он оказался совершенно не готов к зрелищу, ждавшему в амбаре, куда привела его Джинни.

— Боже мой! — выдохнул он. — Вы меня разыгрываете!

Изящная яхта сверкала яркими красками даже в свете голых ламп накаливания. Уилл оказался прав: подобному судну место в озере Виннипег, а не в общарпанном амбаре в окрестностях Форт-Мокси.

— Мы не имеем представления, откуда она взялась, — сказала Джинни, угадав его мысли по выражению лица. — Ни малейшего.

Яхта стояла на прицепе. Снабженный шарниром грот был сложен. У стены высилось несколько свертков белого холста.

— Это паруса, — пояснила Джинни, проследив направление взгляда Макса.

По влажной духоте и запаху конюшни Макс догадывался, что в глубине амбара расположены стойла лошадей. Потом разглядел лампу на носу судна, длинную и каплевидную, но та не горела. На всем судне не было ни огонька. Широкий, длинный киль шел от носа до кормы. Штурвал виднелся на корме, но вполне вероятно, что его дубликат имелся и в рубке, установленной чуть впереди от кокпита. На носу, под лампой, были начертаны черные угловатые письмена, не похожие ни на какие известные Максу.

— Ты их выключила? — спросил он. — Лампы, я имею в виду.

— Не совсем. — Джинни щелкнула выключателем.

Амбар погрузился во тьму — непроглядную, вязкую, чуть ли не осязаемую. Лошади забеспокоились.

— Джинни! — окликнул Макс.

— Давай подождем.

Что-то затлело — сперва слабым, фосфорическим блеском, текучим и аморфным, словно лунный свет, просачивающийся сквозь тонкую облачную пелену. Свет становился ярче прямо на глазах, набираясь насыщенной зелени, как лужайка после весеннего ливня или лучи солнца, просачивающиеся в море. Он наполнил стойла, озарил вилы и мотыги, отбросил резкие тени от трактора и яслей, расположенных у стены. Макс изумленно глядел на сияние, теперь уразумев, чем была напугана Джинни.

— С другой стороны еще одна, — сообщила она. — Белая.

— Габаритные огни, — произнес Макс. — Но они ведь неправильные, а? Здесь левый борт. Огонь должен быть красным.

— Не знаю.

— Ну да, красный по левому, а зеленый по правому. — Обойдя яхту, он осмотрел ее с другой стороны. — А белый — это вообще пальцем в небо. — Он потрогал обшивку, и та оказалась на ощупь приятной, как резное красное дерево или кожаное кресло. Макс обернулся к Джинни. — Она старая?

— Даже не представляю! — махнула та рукой.

Макс сцепил руки за спиной и двинулся вокруг яхты. Итак, прежде всего стоило бы выяснить, зачем зарывать в землю такое сокровище?

— Кто-нибудь предъявлял на нее права?

— Нет.

— Она в прекрасном состоянии, хоть в витрину ставь. — Он недоверчиво разглядывал сверкающие борта, полированные мачты, яркие краски. Потом подошел к полкам с парусами. На ощупь материал оказался совсем не похожим на парусину.

— Мы выстирали их, — сообщила Джинни.

— Вряд ли она долго пролежала в земле.

— Ни за что не поверю, что ее закопали на моей памяти. Сколько я здесь живу, такого быть не могло.

— А что было внутри? Трупы?

— Мы тоже этого опасались. Нет, никаких трупов. И никаких наркотиков.

— А как насчет регистрационного номера? Предыдущего владельца можно вычислить по нему.

— Если он и есть, то мы не смогли его отыскать. — Джинни подошла к нему поближе. — Макс, в ней нет и мотора.

— Не может быть. У нее же есть винт... — Тут он заметил, что вал сломан. — Во всяком случае, был.

— Знаю. Вал уходит в небольшой зеленый ящик. Открыть ящик мы не смогли, но на мотор он не очень-то похож.

Джинни снова включила свет. Макс сложил ладони чашей над габаритным огнем и наблюдал, как тот угасает.

— Эта штука пугает меня до потери пульса. — Она сплела руки на груди. — Макс, что это такое?

Подобных яхт Макс не видел еще ни разу в жизни.

— Пойдем-ка в дом, — только и сказал он.

Он был рад оказаться подальше от яхты. Джинни настаивала, чтобы оба сына перенесли свои постели в гостиную. Джерри пришел в восторг от возможности поспать на новом месте — тем более что ему тоже было не по себе. Уиллу было все равно, но он сделал вид, что не доволен.

— Уважь мать, — сказал ему Макс с заговорщицким видом: мол, мы-то, мужчины, понимаем, что к чему.

Дети послушались, и они заночевали в гостиной всей компанией. Джинни оставила свет включенным во всем доме.

4

---

*Скользит по туманной глади морей,
И трюмы полны пространств и времен...*

Уолтер Асквит, «Древние берега»*

Спал Макс плохо. Он старательно разыгрывал добродушное удивление перед страхами Джинни и ее требованием, чтобы все держались вместе, будто в амбаре завелся некий демонический дух, наведавшийся с равнины. Но именно Макс предложил оставить включенными парочку ламп снаружи. Уж лучше сочащийся в окно свет будет исходить от шестидесятиваттных лампочек «Дженерал электрик», чем от этого бог-весть-чего. И все же Макс втайне гордился, что именно к нему Джинни обратилась за помощью.

Однако причиной его беспокойства послужило отнюдь не загадочное явление в амбаре, а ощущение дома, духа семьи. Подобная атмосфера окружала его лишь в детстве. Порой Ласкер подшучивал над разнообразием и многочисленностью интрижек Макса — дескать, с каждой не больше одного раза. Макс поды-

---

* Эта цитата вымышленна, как и многие другие.

грывал ему, потому что именно такой реакции от него ждали, — но на самом деле отдал бы все на свете, лишь бы в его жизни появилась такая же Джинни.

Утром они разыскали Тома. При свете дня вчерашние тревоги показались высосанными из пальца; Джинни не так-то просто было растолковать, с какой стати она обратилась за помощью, и Макс чувствовал себя очень неуютно.

— Я не хочу, чтобы ты считал меня истеричкой, — говорила она мужу в трубку, — но тут было довольно жутко. Я за то, чтобы избавиться от этой чертовщины.

Голос Ласкера звучал через динамик. Он не мог поверить, что свет включился сам по себе, и все спрашивал, уверена ли она. Наконец он вроде бы счел объяснения достаточными, хотя Макс прекрасно понимал, что Том поверит рассказу жены лишь после того, как увидит все собственными глазами. Что же до избавления от яхты, то:

— По-моему, не стоит принимать поспешных решений. Если хочешь, можно накрыть ее брезентом. Тогда ты ни черта не увидишь.

Джинни бросила взгляд на Макса:

— Том, вряд ли мне станет от этого намного легче.

— Макс, а ты-то что думаешь? — поинтересовался Ласкер. — У тебя есть какие-нибудь соображения на сей счет?

— Нет, ни малейших. Но я скажу тебе одно: в земле яхта пролежала не так уж долго.

Ласкер надолго умолк, потом наконец сказал:

— Ладно уж. Слушайте, я трогаюсь сегодня же, ближе к полудню. Отлетаю свое и сразу же в путь. Буду дома во второй половине дня.

Стоял холодный, серый, унылый день, грозивший то ли дождем, то ли снегом, то ли и тем и другим вместе. Во время завтрака приехали несколько человек, принявшихся стучать в переднюю дверь — мол, нельзя ли взглянуть на яхту? Джинни покорно отперла амбар и выгасила прицеп под хмурое небо стареньким трактором «Джон Дир». Развешанные на прицепе таблички призывали посетителей ничего не трогать.

— А стоит ли утруждать себя? — спросил Макс, за обе щеки уписывая блинчики и бекон. — Оставь судно в амбаре, и все это безобразие прекратится.

— Я бы не задумываясь так и поступила, но Том считает, что это не по-добрососедски. Он думает, что, раз люди приехали поглядеть на эту штуковину аж из Виннипега или Фарго, они имеют право ее увидеть. — Она пожала плечами. — Не то чтобы я была с этим не согласна, но эта суматоха уже сидит у меня в печенках.

Подъехали новые машины с зеваками, пока Макс заканчивал завтрак.

— Мы надеемся, что скоро им это наскучит. Или они промерзнут. Нам все равно. — На мгновение холодные голубые глаза Джинни встретились со взглядом Макса. В ее глазах до сих пор читался страх, даже при свете дня. — Макс, я бы с радостью избавилась от яхты.

— Тогда продайте ее. — Макс знал, что Джинни может уговорить мужа.

— Мы непременно так и поступим. На это уйдет какое-то время. Но я даже не уверена, что мы можем ею свободно распоряжаться.

Макс доел блинчики и потянулся за новой порцией. Обычно он старался не переедать, но устоять перед стряпней Джинни не мог.

— Любопытно, — произнес он, — не зарыто ли тут что-нибудь еще.

— Надеюсь, нет, — вздрогнув, отозвалась Джинни.

Макс все пытался составить сценарий, сводящий концы с концами, и никак не мог отделаться от мысли о мафии — кто ж еще способен измыслить нечто столь же дикое? Быть может, яхта была важной уликой в каком-нибудь чикагском убийстве?

Кто-то постучал в кухонную дверь.

Открыв, Джинни увидела женщину средних лет, одетую в меха, в сопровождении невозмутимого седовласого шофера.

— Миссис Ласкер? — справилась пришедшая.

Джинни кивнула.

Женщина вошла, расстегнула шубу и тут увидела Макса.

— Доброе утро, мистер Ласкер.

— Моя фамилия Коллингвуд.

При этом известии она лишь слегка приподняла бровь и повернулась обратно к Джинни.

— Я Эмма Маккарти. — Ее острые, инквизиторские черты говорили о высокомерной привычке судить все и вся. — Я хотела бы осведомиться, не продается ли ваша яхта, дорогуша. — Она закрыла за собой дверь, оставив шофера на крыльце.

— Да нет, вряд ли, — ответила Джинни. — Мой муж в восторге от нее. Мы собираемся сами воспользоваться ею ближайшим летом.

Маккарти кивнула и уселась на стул, дав Максу знак налить кофе.

— Прекрасно вас понимаю. На вашем месте я была бы настроена точно так же. Очаровательная яхта.

Джинни вручила чашку гостье.

— Несомненно, вы хотите иметь возможность выбора, — продолжала та. — Однако могу вас уверить, лучшей цены вам не предложит никто. Может, вы позволите мне взглянуть на судно поближе? Я хотела бы осмотреть каюты. И мотор.

Джинни присела за стол напротив гостьи.

— Должна вам сказать откровенно, мисс Маккарти...

— Миссис, — поправила та. — Мой муж Джордж, упокой, Господи, его душу, нипочем не снес бы, если бы я теперь отреклась от него.

— Миссис Маккарти, — улыбнулась Джинни, — я с удовольствием покажу вам яхту. Но в данный момент я не готова принять ваше предложение.

Миссис Маккарти сбросила шубу, позволив ей упасть на спинку стула и всем своим видом заявляя: «Выложим карты на стол».

Извинившись, Макс пошел собирать вещи. Пора возвращаться в Фарго. Том скоро придет, по владениям слоняется толпа зевак, так что в присутствии Макса вряд ли есть нужда. Из окна гостиной ему было видно, что автомобили все продолжают прибывать. Заморосил дождь. Виднеющиеся за дорогой серые, пустынные поля протянулись до самого горизонта.

Откуда ж тут взялась яхта?

Ни регистрационного номера, ни табличек.

А паруса якобы пролежали в земле больше двух десятков лет, как утверждает Джинни. Безумие. Это просто не может быть правдой.

Бросив сумку у входной двери, Макс направился в амбар, чтобы еще раз взглянуть на паруса. Аккуратно сложенные, они были спрятаны в пластиковые мешки. Открыв один из них, Макс извлек ткань — ослепительно белоснежную и мягкую. На ощупь она напоминала скорее рубашку, чем парус.

Вернувшись в дом, он мог даже не спрашивать, как прошли переговоры, — Джинни была на седьмом небе.

— У нее такой же бизнес, как и у тебя, Макс, — сообщила Джинни. — Можешь ты в это поверить? Только она восстанавливает суда.

Джинни протянула Максу визитную карточку. «Пеквод, Инк., — значилось там. — Миссис Джордж Маккарти, директор. Судостроение, как в былые дни».

— Как я понимаю, она сделала тебе предложение?

Глаза Джинни округлились.

— Да! — Ее голос сорвался на фальцет. — Шестьсот тысяч!

Она обняла Макса и стиснула с такой силой, что он едва удержался на ногах.

По дороге подкатил небольшой автобус. Дверцы его открылись, но пассажиры — похоже, группа пенсионеров — не спешили выбраться под дождь.

— Не хватайся за это предложение чересчур поспешно, — покачал головой Макс.

— Как? Почему?

— Потому что яхта, наверное, стоит не в пример дороже. Послушай, Джинни, корабли — не моя спе-

циальность, но хвататься за первую попавшуюся сделку неблагоразумно. — Макс сосредоточенно нахмурился. Черт его разберет, что тут и как. — Помоему, немного выждав, ты ничего не потеряешь. А если всплывет что-нибудь существенное, то еще и выиграешь.

Джинни надела куртку и вместе с Максом вышла на крыльцо, где прятались от дождя пять или шесть туристов. С неба сеяла мелкая изморось, было ужасно холодно.

— Джинни, — спохватился Макс, — у тебя есть снимки? В смысле, яхты.

— Разумеется.

— А нельзя ли мне взять парочку? И еще одно: я хотел бы прихватить кусочек паруса. Можно?

Джинни неуверенно взглянула на него:

— Ладно, а зачем?

— Я бы хотел выяснить, что это за ткань.

— Смахивает на тонкое полотно.

— Я тоже так подумал.

— Дай знать, если выяснишь, — улыбнулась она и поглядела на стену ливня, надвигавшегося с запада. — Лучше уберу ее под крышу.

Спрыгнув с крыльца, она забралась на трактор и завела двигатель. Большинство посетителей, поглядев на небо, решили убраться; пока можно, и бросились к автомобилям.

Джинни уже завезла судно в амбар до половины, когда обернулась, чтобы проследить, как оно впишется между стойлами, и вдруг затормозила, уставившись на яхту.

— Макс! — Она подозвала его взмахом руки. — Посмотри!

— Да льет как из ведра! — запротестовал он.

Но Джинни продолжала дожидаться его. С обреченным вздохом сунув руки в карманы, Макс двинулся по чавкающему газону к амбару.

— Ну, чего тут?

Дождь усилился, промочив его до нитки.

Не обращая внимания на ливень, Джинни указала ему на корпус яхты:

— Смотри!

— Ничего не вижу.

— По-моему, она не может промокнуть, — шепнула Джинни.

Над яхтой парил легкий туман, как над раскаленным шоссе во время летнего ливня.

— Ну и что? — развел руками Макс.

— Глянь на трактор.

Никакого тумана.

Краска трактора поблескивала, и по крыльям сбегали крупные маслянистые капли.

Зато от корпуса яхты капли разлетались мелкой россыпью, играя радужными красками, будто невидимая сила отталкивала воду.

Часом позже Р-38J прокатился по взлетной полосе Международного аэропорта в Форт-Мокси и взмыл в отсыревшее хмурое небо. Макс взглядом проводил удаляющуюся бетонку. Ветровой конус на крыше одинокого ангара показывал примерно двадцать

узлов и направление на юго-восток. К северу от аэропорта шли вперемежку сборно-щитовые домики, частоколы, немощенные улицы, рощицы и просторные поляны. Над крышами горделиво вздымалась водонапорная башня, украшенная названием городка и девизом «Славное место для житья». Ред-Ривер даже с виду казалась ледяной.

Макс направил машину вдоль шоссе №11 на запад; в дождь, над просторными полями с поникшими, увядшими подсолнечниками, ожидающими, когда их запашут в землю. Неподвижность обширного пейзажа нарушал лишь фермерский грузовичок да стая запоздавших гусей, летящих на юг. Пролетев над владениями Тома, Макс увидел, что дорога почти опустела, амбар заперт, и свернул на юг.

Дождь барабанил по стеклу фонаря, серое небо казалось вязким, как кисель. Макс оглядел левый лонжерон, прозаичный и основательный. Силовой привод истребителя составляют два эллисоновских двигателя с жидкостным охлаждением мощностью по 1425 лошадиных сил каждый. Выпущена «Белая молния» была шестьдесят лет назад на заводе корпорации «Локхид» в Сиэтле. Это тоже чудо, как и яхта. Но самолет — настоящий, это чудо, удерживаемое в воздухе законами физики. Р-38J и похороненная яхта с работающими габаритными огнями не могут ужиться в одном и том же мире.

Ни за что.

Макс поднял машину до семнадцати тысяч футов, ее номинальной высоты, и положил на курс до Фарго.

Обрезок паруса Макс оставил в Колсоновском институте, попросив выяснить состав материала и по возможности место производства. Ему обещали дать ответ в течение недели.

Стелла Везерспун, заместитель Макса по административной части — толстая, ясноглазая матрона с тремя детьми-старшеклассниками и разведенная с мужем, постоянно задерживающим алименты, — занималась в «Закатной авиации» вопросами, требующими организаторской хватки. Она писала контракты, составляла графики работ, нанимала субподрядчиков. Кроме того, будучи прирожденным консерватором, она прекрасно чувствовала разницу между рассчитанным риском и ставкой ва-банк, таким образом, постоянно сдерживала порывы Макса. Будь она вчера на месте, Керр получил бы свою «Молнию» без лишних вопросов. «Не стоит влюбляться в самолеты, — то и дело предупреждала она Макса. — Это деловые предприятия, а не женщины».

Входящего в контору Макса она встретила неодобрительным взглядом:

— Привет, Макс.

— Он не подходил для Р-38.

Стелла возвела очи горе:

— Наше дело — восстанавливать и продавать самолеты, а не приискивать им заботливых хозяев.

— Он ничтожество, — стоял на своем Макс. — Подобные деньги к добру не приведут.

— Ага, как же. Макс, мир переполнен ничтожествами. Если ты откажешься торговать с ними, то вычеркнешь изрядную часть населения.

— Мужского населения, — уточнил Макс.

— Ты сказал, не я.

— Вчера вечером я был на границе. — Макс взял почту.

— В самом деле? И зачем же?

— Сам толком не знаю. Том Ласкер раскопал на своей ферме яхту.

— Я видела ее по телеку. Так это у Ласкера? До меня как-то не дошло.

— У него. — Подтянув стул, Макс сел рядом с ней и открыл портфель. — Стелла, мне нужна твоя помощь. Джинни дала несколько фотографий. — Он протянул ей шесть глянцевых снимков девять на двенадцать.

— Если яхта не один год пролежала в земле, то она прекрасно сохранилась.

— Ты тоже заметила, а? Слушай, чего я от тебя хочу: надо выяснить, кто эту штуковину построил. На ней никаких номеров. Разошли снимки по факсу. Опроси кораблестроителей, посредников, импортеров. И береговую охрану. Кто-нибудь да сможет прояснить ситуацию.

— А нам-то что за дело?

— А то, что мы всюду суем свой нос. То, что твой начальник хочет выяснить, что за чертовщина тут творится. Хорошо?

— Хорошо. И когда тебе все это надо?

— Сию секунду. Дай мне знать, как только что-нибудь выяснишь.

Зайдя в свой кабинет, Макс попытался дозвониться до Морли Кларка из Мурхедского государственного.

— Профессор Кларк на лекции, — сообщил магнитофонный голос. — Вы можете оставить ему сообщение после гудка.

— Это Макс Коллингвуд. Морли, я пошлю тебе по факсу парочку снимков. Это яхта, а на корпусе что-то написано. Если сможешь распознать язык, а лучше — получить перевод, я буду благодарен.

Эверетт Крендалл вышел Ласкеру навстречу, чтобы ввести его в свой кабинет.

— Том, я видел твою лодку на днях. Ты везунчик, как я погляжу.

Эв обладал удивительной способностью вечно пребывать в помятом виде, причем это касалось не только одежды, но и лица.

— Из-за нее-то я и пришел.

— А что? Чья это лодка?

— Не знаю.

— Да кончай, Том! Ты должен хотя бы догадываться.

Кабинет Эва был битком набит старыми кодексами, дипломами в рамках и фотографиями, большинство из которых были сделаны во время его пребывания в должности окружного прокурора. Видное место на столе занимал портрет Эва в компании сенатора Байрона Гласса во время прошлогоднего празднования Четвертого июля.

— Эв, — усаживаясь, сказал Ласкер, — у меня наметился выгодный покупатель.

— На яхту?

— Да. Она моя? Ее можно продать?

Эв утвердительно кивнул, хотя его темные глаза сказали «нет». Сняв очки, он расправил скомканный платок и принялся их протирать.

— Трудно сказать.

— Но она же найдена в моих владениях! Значит, она моя, верно?

Эв сжал ладони коленями и уставился на них.

— Том, а если б я оставил свою машину в твоих владениях, она перешла бы к тебе?

— Нет. Но яхта-то была захоронена!

— Ага. — Эв мгновение поразмыслил. — А если я надумаю спрятать свое фамильное серебро, зарыв его у тебя на заднем дворе, станет оно твоим?

— Не знаю. Вряд ли.

— А никто не подавал голоса? То есть — никто не предъявлял прав на яхту?

— Нет. Никто.

— А ты потратил достаточно усилий для выяснения личности владельца?

— А разве это моя обязанность?

— А то чья ж еще? Слушай, она вполне может быть ворованной. Похитители спрятали ее у тебя в земле, уж Бог знает почему. В таком случае она принадлежит прежнему владельцу. — Эв всегда являл собой осторожность в человеческом обличье. Он гордился тем, что не вырабатывал суждений, не собрав всех фактов до единого. Из чего, естественно, выте-

кает, что он никогда не становился ничьим безоглядным сторонником. Или противником. — Под вопросом остаются, насколько я понимаю, намерения. Бросили ли ее насовсем? Если да, то ты можешь с полным правом считаться ее владельцем. Я полагаю, если понадобится, это право поддержит любой суд. Если кто-либо надумает его оспорить.

— А кто его может оспорить?

— Ну-у, трудно сказать. Родственники могут заявить, что владелец — или владелица — был недееспособен, когда бросил яхту. Сам факт захоронения может послужить веским аргументом в пользу этого заявления.

— Так как же мне утвердиться в правах на владение судном?

— Давай я выясню этот вопрос, Том. А тем временем было бы бесполезно узнать, как яхта оказалась у тебя.

5

Древности — останки истории, каким-то чудом уцелевшие в кораблекрушениях времени.

Фрэнсис Бэкон,
«Усовершенствование образования», гл. II

Стелла занималась изысканиями три дня, но определить производителя не сумел никто. Обнаружились две более или менее сходные модели яхт, но точно такой же — ни единой. Макс попросил Стеллу продолжить расследование.

Символы с яхты поставили Морли Кларка в полнейший тупик. Более того, Макс даже не сумел убедить его, что это не розыгрыш.

— Эти знаки, — твердил Кларк, — не принадлежат ни к одному из алфавитов ни одной из индустриально развитых стран.

Букв оказалось одиннадцать — скорее всего название судна. А рукописный шрифт мешал определить, где кончается одна буква и начинается другая. Макс распознал «О», и только.

Они сидели в кабинете Кларка, за окном которого виднелся городок Мурхедского государственного

университета. Светило ласковое солнце, и безветренный воздух прогрелся до сорока градусов.

— Не может быть, Морли, — возразил Макс. — Ты что-нибудь проглядел.

Кларк — стройный, широкоплечий, атлетически сложенный фанатик софтбола* — снисходительно улыбнулся:

— Не спорю, Макс, но не вижу, что именно. Может, базы данных не так полны, как предполагается. Но для практических нужд, по-моему, мы чертовски хорошо осведомлены. Вот только твоя абракадабра не подходит ни под какой шаблон. В общем, двум символам нашлись эквиваленты. Один в хинди, другой в кириллице. Из чего следует, что это чистой воды совпадение. Если составить наугад несколько черточек и крючочков, непременно выйдет что-нибудь похожее на букву. — Он поглядел на лежащую на столе фотографию. — Макс, это шутка.

Макс поблагодарил Кларка и поехал обратно на аэродром Челлис, гадая, кто тут шутник, а кто — объект насмешек. Проблема попеременно то озадачивала, то раздражала его. Это непременно какая-нибудь бандитская штучка, иначе и быть не может.

Он ехал по шоссе №1-29, когда Стелла дозвонилась до него по сотовому телефону:

— Тебе звонят из Колсоновского. Ответишь на звонок?

Уже? Ведь прошло всего два дня!

---

* Разновидность бейсбола. Размеры поля меньше, а игра ведется более крупным и более мягким мячом.

— Ладно, переключи.

— Хорошо. Да, еще!

— Что?

— На том конце взволнованы.

В трубке щелкнуло.

— Мистер Коллингвуд? — Стелла оказалась права: говорившая будто только что взбежала на пару этажей.

— Да, это Макс Коллингвуд. Чем могу служить?

— Моя фамилия Кэннон. Из Колсоновского института. Насчет образцов, оставленных вами позавчера.

— Ясно.

— Как я понимаю, сейчас вы не у себя?

— Я буду там через десять минут. Что вы выяснили?

— Можно с вами встретиться там? — вопросом на вопрос ответила она.

Темнокожая стройная женщина лет за тридцать, с доброй улыбкой и широкими скулами, в темно-синем деловом костюме и с кожаным портфелем в руках, едва сдерживала волнение. Визитная карточка именовала ее заведующей лабораторией Колсоновского института.

— Рада познакомиться, мистер Коллингвуд, — протянула она руку для пожатия. — Я Эйприл Кэннон.

— Не ожидал вас увидеть так скоро, — сказал Макс, принимая у нее пальто.

Она лишь заговорщицки улыбнулась, потом села, положив портфель на колени, и пристально поглядела на Макса.

— Признаюсь, обычно мы не доставляем заказы на дом, мистер Коллингвуд. Но мы с вами знаем, что столкнулись с чем-то весьма необычным.

Макс кивнул, словно так и предполагал.

— Где вы это взяли? — Ее взгляд стал пронзительным.

Макс на мгновение задумался, не удержать ли источник в секрете. Впрочем, какого черта! Об этом было по телевидению.

— Она была зарыта на границе.

— Яхта? Та, что нашли на ферме?

Макс молча кивнул.

— Яхта. Ну, черт меня подери! — Эйприл уставилась невидящим взглядом в пространство. — Можно на нее посмотреть?

— Разумеется. Там уже перебивала куча народу. — Макс заметил, что мысли Эйприл витают где-то далеко. — Так что же вы хотели мне сообщить?

— Позвольте задать вам один вопрос. — Она пропустила его реплику мимо ушей. — Вы больше нигде не оставляли эти образцы?

— Нет.

— Хорошо. — Она расстегнула портфель, извлекла оттуда папку и протянула Макс. — Как у вас с химией?

— Плоховато.

— Ничего страшного. Послушайте, мистер Коллингвуд...

— Полагаю, разговор пойдет быстрее, если вы будете звать меня просто Макс.

— Ладно, Макс, — улыбнулась она. У Макса сложилось впечатление, что она его не видит. — У Колсона оборот маленький. Я делала анализы собственноручно. Больше никто не знает.

— Не знает чего?

Она указала на папку.

Открыв ее, Макс увидел одностраничный формуляр.

— Может, переведете это для меня на нормальный язык?

— А нас не подслушают? — огляделась Эйприл.

— Нет, — изумленно отозвался Макс.

— Ладно. Материал волокнистый. Волокна весьма тонки и переплетены между собой. — Тут ее голос снизился почти до шепота. — У него атомный номер сто шестьдесят один. Это трансурановый элемент.

— Что значит трансурановый?

— Это искусственный химический элемент.

— А это плохо?

— Трансурановый, причем с лихвой. Мы синтезировали один такой, он даже пока не получил названия. Так у того атомный номер сто двенадцать. А ведь он возглавляет список. То есть возглавлял. А этот материал... — Она покачала головой. — Он не должен существовать.

— И что вы этим хотите сказать?

Лицо ее приняло настороженное выражение.

— Технология производства подобных материалов не известна никому на свете. Даже будь она известна, этот химический элемент оказался бы крайне нестабильным. И горячим.

— Горячим? В смысле — радиоактивным?! — Макс начал лихорадочно прикидывать, долго ли он пробыл рядом с парусами.

— Да. Должно быть. — Она извлекла остатки образца и поднесла его к лампе. — Но он в полном порядке. Может быть, за определенным пределом трансурановые утрачивают радиоактивность. Не знаю. Никто не знает.

— А вы вполне уверены?

— Да. Разумеется, уверена.

Макс встал и подошел к окну. Заходящая на посадку «сессна» только-только коснулась полосы.

— По-моему, я просто не понимаю того, что вы рассказываете.

Эйприл долго не отвечала.

— Никто, — наконец прервала она молчание, — где-то совершил технологический скачок вперед, намного опередив нас. Громадный скачок.

— И насколько это важно?

— Макс, я говорю не просто о продвижении вперед. Я говорю о световых годах. Этого просто не может быть!

— Очевидно, все-таки есть, — развел руками Макс.

— Наверное. — Ее взгляд снова приобрел отсутствующее выражение.

— Ну, и каковы же выводы? Это имеет какую-нибудь коммерческую ценность?

— О, несомненно. Электронные оболочки предельно стабильны. *Предельно*. Я уже проделала ряд испытаний. Ткань не взаимодействует с другими веществами.

— Я что-то по-прежнему не улавливаю сути.

— Она практически не поддается разрушению.

И тут у Макса впервые нашлось возражение:

— Что-то вы путаете! Этот образчик я отрезал обыкновенными ножницами.

— Я говорила не о таком разрушении, — покачала она головой. — Разумеется, материал можно разрезать. Или сломать. Но коррозия ему не страшна. Он не рассыплется сам по себе. — Эйприл пристально вглядывалась в его лицо, должно быть, в попытке угадать, не утаивает ли он что-нибудь. — Как, по-вашему, если я поеду туда прямо сейчас, мне позволят взглянуть на судно нынче вечером?

— Наверняка. Я позвоню и замолвлю за вас словечко, если хотите. — И тут смутная мысль, брезжившая где-то на периферии его сознания, вдруг обрела четкую форму. — Вы говорите, он не разлагается. И каков же возраст образца?

— Неизвестно. Трудно сказать, как определить возраст подобного вещества. По-моему, это просто невозможно. — Эйприл встала.

— А этот материал изнашивается?

— О да, разумеется. Все на свете изнашивается. Постепенно. Но он весьма и весьма изнosoустойчив. К тому же его легко очистить, потому что другие вещества к нему не пристаю́т.

Макс подумал о водяной дымке вокруг яхты и ее радужном сиянии:

— А не отправиться ли мне вместе с вами? Пожалуй, я подброшу вас на самолете.

На проселок, ведущий к дому Ласкеров, въехал голубой правительственный автомобиль, прокатился по кольцевой гравийной дорожке перед фасадом, миновал две припаркованные там машины и остановился. Оттуда выбрался пожилой толстячок. Взяв с сиденья потрепанный черный портфель, он окинул взглядом происходящее и направился к двери.

— Джеффри Армбрустер, — представился он, когда Ласкер открыл, — служба контроля за доходами. — С этими словами он предъявил документы с такой ловкостью, будто извлек их из рукава.

— А что, есть какие-то проблемы? — Ласкер сглотнул слюну.

— Нет-нет, — беззаботно отозвался инспектор. — Ни малейших.

Ласкер отступил, пропуская его, Армбрустер поблагодарил и переступил порог.

— Холодновато, — заметил Ласкер, хотя по местным стандартам день считался довольно теплым.

— Да, пожалуй. — Армбрустер расстегнул пальто. — Как я понимаю, вам недавно довольно крупно повезло, мистер Ласкер?

Налоги. Об этом Ласкер прежде как-то не подумал.

— Вы о яхте?

— Да, — кивнул Армбрустер.

Взгляды их на мгновение встретились, и Ласкер понял, что инспектор не относится к числу людей, получающих удовольствие от своей работы.

— Да, совершенно верно. Вы ведь подали прошение об утверждении вас в правах собственности на судно?

Ласкер предложил ему присесть за кофейный столик.

— Верно. Подал.

— Если прошение будет удовлетворено, мистер Ласкер, пожалуйста, не забывайте, что данный предмет подлежит налогообложению, как обычный доход.

— И в какой сумме?

— Ничего не могу сказать. Первым шагом будет оценка судна. — Он открыл портфель. — Вам следует заполнить вот это.

Ласкер взглянул на бланки, пододвинутые к нему инспектором.

— Спешить некуда. Однако если упомянутое судно перейдет в вашу собственность, вам потребуются внести установленную плату. — Армбрустер вручил Ласкеру карточку. — Звоните мне в любое время, и я с удовольствием вас проконсультирую.

Джинни включила в прачечной стиральную машину, и пол, слегка задрожал.

— Удивительно, насколько быстро вы отреагировали, — заметил Ласкер. — Я даже и не подумал о налогах.

— Такова моя работа, мистер Ласкер. — Инспектор закрыл портфель и встал. В его манерах сквозила какая-то печаль.

«Интересно, каково иметь работу, требующую постоянной конфронтации?» — подумал Ласкер и спросил:

— Как насчет кофе?

— Да, спасибо. — Похоже, предложение Армбрустера обрадовало. — Но только если есть готовый. Мне бы не хотелось никого затруднять.

— Да какие там затруднения!

Инспектор последовал за Ласкером на кухню, где к ним присоединилась Джинни. Поставив кофейник на огонь, она разрезала творожный пирог с вишней. Армбрустер похвалил дом.

— Его построил мой отец, — с гордостью сообщил Ласкер. — Мне тогда было лет двенадцать.

Просторный дом опоясывала широкая веранда, а дубовые полы покрывали толстые ковры, купленные Джинни в Сент-Поле. Чрезвычайно высокий потолок в гостиной являл собой редкость для мест с таким суровым климатом. Они просидели почти целый час, болтая о яхте. Армбрустер считал, что отнюдь не случайно ее нашли в миле к югу от границы.

— Кто-то с чем-то пытался улигнуть, — заявил он. Правда, не сумев объяснить, кто и с чем мог пытаться улигнуть.

Мало-помалу разговор перекинулся на работу Армбрустера.

— Обычно люди начинают нервничать, когда узнают, на кого я работаю. Моя жена никому не говорит, чем я занимаюсь. — Он улыбнулся.

«У налоговых инспекторов не бывает друзей, — подумал Ласкер. — Не считая других налоговых инспекторов».

— Ни на кого не вешают столько собак, как на налоговых инспекторов, — продолжал Армбрус-

тер. — Так уж заведено от века. Но видит Бог, это мы, а не гуси, спасли Рим. Равно как и все прочие достойные места.

Тут он на мгновение смутился. Затем поблагодарил хозяев, подхватил свой портфель и пальто, попрощался и вышел.

Несколько минут спустя Уилл подъехал к крыльцу с Максом и Эйприл Кэннон. Макс познакомил ее со всеми, но Эйприл не могла отвести глаз от яхты.

— Хотите взглянуть поближе, доктор Кэннон? — спросила Джинни.

— Если можно. И зовите меня Эйприл.

— А в чем дело? — поинтересовался Ласкер. — Что мы узнали?

Макс, обожающий тайны не меньше любого другого, предложил Джинни устроить для Эйприл тур, пока он сам введет Тома в курс. Мужчины ушли в дом и подбросили в огонь еще полено.

Женщины отсутствовали чуть ли не целый час, а когда вернулись, у них зуб на зуб не попадал. Ласкер налил всем по порции бренди.

— Итак, Эйприл, — начал Макс, — каковы же выводы?

— Вы в самом деле хотите знать? — Эйприл отхлебнула из бокала. — Не представляю, как могли построить эту яхту.

Прислушиваясь к треску огня, Макс наблюдал, как Эйприл пытается привести мысли в порядок.

— Я понимаю, как это нелепо звучит, — сказала она.

— Что именно вы имеете в виду? — спросил Макс.

— Это за пределами возможностей нашей науки и техники. Впрочем, я знала это еще до приезда сюда.

— Возможностей нашей науки? — уточнил Ласкер.

— Далеко за пределами.

— Так что же вы хотите сказать? — не унимался Макс. — Что яхту построили в Японии? Или на Марсе?

— Может, и на Марсе. А может, здесь, в Южной Дакоте была когда-то сверхвысокоразвитая цивилизация, исчезнувшая с лица Земли до появления индейцев.

Макс бросил взгляд на Джинни, чтобы выяснить, как та приняла это известие. Вид у нее был скептический, ничуть не изумленный — они с Эйприл наверху уже обсудили этот вопрос.

— Безумие, — проворчал Ласкер.

— Безумие или нет, но никто на свете в наши дни не способен воспроизвести материал этого судна. — Эйприл допила остатки бренди. — Мне тоже в это не верится.

— С виду это самая обыкновенная яхта, — заметила Джинни.

— Понимаю. Может, если бы она не выглядела такой уж обыкновенной... — Эйприл покачала головой.

— Эйприл, — вступил Макс, — а если серьезно? Неужели вы считаете, что подобную парусную яхту могли построить на Марсе?

— Как хорошо у огня! — Она переставила стул поближе к камину. Полёно треснуло, взвился всер

искр. — Послушайте, даже если бы ее строили на Альфе Центавра, это не сыграло бы ни малейшей роли. Практичные конструкции парусных судов можно по пальцам перечесть. Могу вам гарантировать, что ее строителей мы видом не видывали, слыхом не слыхивали.

Ветер посвистывал в ветвях деревьев. Заработала пара автомобильных двигателей.

— Жаль, что я не видела судна, когда вы извлекли его из земли, — проронила Эйприл. — Пока его не вымыли.

— А что? — поинтересовался Ласкер.

— Тогда мы могли бы сделать определенные выводы по возрасту глины. Впрочем, может, это и не существенно. — Она вытащила из кармана белый конверт.

— Это со швартовых, — пояснила Джинни мужу и Максу. — Мы нашли в них щепочки.

— А зачем это? — спросил Макс.

Эйприл наполнила бокал.

— Обычно я отношусь к подобным вещам довольно легкомысленно. Но сегодня я чувствую себя ответственной. — Она обернулась к Максу. — У обоих канатов с одного конца есть петля, а с другого — карабин. Кстати, карабины до сих пор работают. В яхтах я не разбираюсь, но тут вывод довольно очевиден. Причаливая, вы накидываете петлю на утку, а второй конец, с карабином, крепите к пирсу.

— И что нам это дает?

— Мы сможем выяснить, к чему ее привязывали. Не исключено, что это поможет нам узнать, где она

была. — Спрятав конверт, она поглядела на Ласкера. — Том, когда вы нашли ее, яхта стояла вертикально?

— Нет, лежала на правом борту. Под углом.

— Под каким?

— Ну, не знаю... Градусов тридцать.

— Хорошо. — Эйприл выглядела довольной. —

Склон гребня идет как раз под углом градусов тридцать.

— И что с того? — в который раз спросил Макс.

— Может, ничего. А может, она туда легла.

— Как это легла? — Ласкер никак не мог угнаться за рассуждениями. — Когда?

— Когда затонула.

6

---

*Где та последняя гавань, из которой
нам уже не суждено выйти?*

Герман Мелвилл, «Моби Дик»

Эйприл едва не передумала лететь с Максом, когда он показал ей истребитель, на котором собирался подняться в воздух. Вообще-то в этом одноместном боевом самолете можно установить второе сиденье позади пилота. Многие самолеты, купленные после войны коллекционерами, были переделаны подобным образом, и «Белая молния» принадлежала к их числу.

Теперь же, на обратной дороге, Эйприл была настолько взволнована, что забралась в кабину, даже не пикнув. Макс вывел самолет на рулежку, беседуя с Джейком Торалдсоном — директором аэропорта Форт-Мокси и главным диспетчером в одном лице. Работал он всегда прямо из своего кабинета.

— Макс! — окликнула Эйприл.

— Да? — Он привел самолет к ветру.

— Я бы хотела взглянуть кое на что. Мы сможем пролететь над фермой Ласкеров?

— Разумеется. — Макс переговорил с Джейком. Воздушное пространство в том районе оказалось свободным. — И что же вы надеетесь увидеть?

— Сама толком не знаю.

Поднявшись до трех тысяч футов, Макс выровнял самолет и направился на запад. Небо начало затягивать тучами, дул крепкий встречный ветер, а прогноз погоды обещал под вечер дождь, возможно, даже со снегом. Наверное, дождь вдоль границы и снег на юге, если все пойдет, как обычно.

Внизу лежали унылые, выстуженные поля. Хозяева отдали их во власть зимы, а сами подались на дачи в более уютных широтах или прочие места, дающие им приют в межсезонье.

Определить, где именно начинаются владения Ласкера, было невозможно.

— Вся земля на несколько миль к северу от шоссе принадлежит ему, — пояснил Макс.

Обычно землевладельцы ставят дома приблизительно в центре своих обширных участков. Но когда отец Ласкера строил новый дом, он предпочел поставить его поближе к шоссе и под сенью гребня, чтобы загородить дом от ледяного ветра, насквозь продувающего бескрайние просторы прерии.

За гребнем еще на несколько миль тянулась равнина, но дальше земля резко вздымалась, образуя плоскогорье Пембина.

Плоскогорье состоит из цепи холмов, утесов и пиков. В отличие от окружающей равнины они почти не возделаны. Припорошенное снегом плоскогорье встало зубчатой стеной, кое-где перемежающейся с

редкими домами и узкими проселками, связывающими дома между собой и с шоссе №32, проходящим вдоль восточной стороны подножия цепи.

— Десять тысяч лет назад, — сказала Эйприл, — мы летели бы над озером Агассис.

Следуя ее указаниям, Макс сделал вираж и направил самолет вдоль цепи холмов на юг. Эйприл вертела головой, попеременно разглядывая то складчатый ландшафт плоскогорья, то плоскую как блин равнину, раскинувшуюся до самого горизонта.

— А где был другой край? — поинтересовался Макс. — Восточный берег?

— Ближе к озеру Вудс. Очень далеко.

Макс попытался вообразить, как этот пейзаж выглядел в те дни. Наверное, здесь было царство непуганой дичи. Канадских гусей.

— Оно просуществовало всего десять тысяч лет, — продолжала Эйприл. — В геологических масштабах — всего лишь мгновение. Вот почему Тому удастся выращивать здесь лучшую на свете пшеницу.

— А что с ним случилось потом?

— Ледники, породившие его, отступили и разрушили северные берега. — Она развела руками. — Вода просто-напросто вытекла.

В воздухе висела мелкая изморось.

— Часть озера уцелела по сей день, — снова повела разговор Эйприл. — К примеру, озеро Вудс. А также озера Виннипег и Манитоба. И множество миннесотских озер.

Перед мысленным взором Макса раскинулась бескрайняя водная гладь, поглотившая прерию, Форт-

Мокси и Нойес на севере, Холлок на шоссе №75, а на юге — Гранд-Форкс, Чиф-Ривер-Фоллз и Фарго.

— Если поискать, в земле можно найти множество доказательств. Остатки раковин, планктон и всякое такое. — Мысленно Эйприл пребывала где-то далеко. — Кстати, если уж на то пошло, оно еще может вернуться. Во время следующего оледенения.

И тут до Макса дошло, куда она клонит.

— Так вы хотите сказать, что яхта имеет какое-то отношение к озеру, верно?

Но Эйприл промолчала.

В институт она приехала уже под вечер, под проливным дождем. У дверей ей встретилась целая гурьба работников института, направляющихся к выходу.

— Пошли. — Джек Смит взял ее под руку и развернул на сто восемьдесят градусов. — Тебя подвезти?

Куда подвезти? Лишь через пару секунд Эйприл сообразила: ах да, на вечеринку в честь ухода Харви Кека на пенсию.

Несмотря на симпатию к Харви, ехать ей не хотелось — сейчас мысли Эйприл занимали лишь привезенные образцы. Конечно, можно сослаться на срочный заказ, отставание от графика. На головную боль в конце концов. Но Харви она обязана очень многим.

Проклятие!

Убрав образцы в сейф, она утешила себя мыслью, что займется ими утром, на свежую голову, и спустилась к своей машине. Сорок минут спустя она въехала на стоянку «Бокала».

Совместные праздники в институте поощрялись. Праздники устраивались в ознаменование крупных контрактов, в честь работников, заслуживших серьезные награды, и даже по случаю рационализаторских идей сотрудников. И «Бокал» — семейный ресторан с умеренными ценами и хорошим баром — стал более или менее традиционным заведением для подобных мероприятий. Между собой они даже звали его «Кол-соновский рай» и ради каждого события развешивали по залу Дельта фирменные эмблемы и флаги. Ради сегодняшнего события позади трибуны повесили лозунг с изложением Кековской философии руководства: заботиться не только о клиентах, но и о коллегах. Кроме того, переднюю часть комнаты украшало его каучуковое деревце в кадке и вешалка с потрепанным стетоскопом, который он проносил почти три десятка лет.

Когда Эйприл приехала, большинство сотрудников собрались в ресторане, и многие были уже изрядно навеселе.

Взяв ром с кокой, она под села к друзьям. Но обычная болтовня о недоразумениях с детьми, перебивание косточек начальству, жалобы на проблемы с отчетами, приходящими от субподрядчиков, казались ей сегодня невероятно скучными. Столкнувшись с настоящей загадкой, Эйприл не могла дождаться момента, когда можно будет подойти к ней вплотную.

Харви любили все. Похоже, проводить его пришел весь персонал. Он уходил с поста заместителя директора, и у Эйприл открывались вполне приличные виды на эту должность, хотя и не сразу. Новым заместителем будет временно назначен Берт Кода, ко-

торому тоже пора на пенсию. При нынешнем положении дел Эйприл двинется вверх, как только Кода отойдет от дел. Если она займет этот пост, то получит прибавку в двадцать пять тысяч и будет еще достаточно молода, чтобы стремиться взойти на самый верх служебной лестницы — не так уж скверно для девочки, начавшей карьеру посудомойкой.

Но сегодня вечером ей было на все наплевать. По сравнению с тем, что лежит в ее сейфе, пост директора — сущий пустяк. Она едва сдерживалась, чтобы не вскочить на трибуну и не провозгласить о своем открытии. «Эй, послушайте! Нас навещали инопланетяне. У меня есть доказательства!»

Впервые оказавшись в этих краях в качестве первокурсницы университета Северной Дакоты, Эйприл попыталась совершить в выходные автомобильный тур по окрестностям, включив в маршрут Черные холмы. Но западные штаты, как правило, куда просторнее восточных, и скоро ее вывела из себя бесконечная смена шоссе. Развернувшись, она поехала обратно и наткнулась на резервацию сиу на южном берегу Дьявольского озера. (На северном берегу располагается процветающий степной поселок, названный в честь озера.)

В результате она заинтересовалась этим племенем, завела там друзей, а со временем выработала подход к жизни, который привыкла приписывать на счет философии сиу: «Буду жить под открытым небом, где нет стен, где Дух бродит по земле».

Одной из ее подруг стала Андреа Ястребица, специалистка по шоу-бизнесу в резервации Дьявольского озера, выразившая для нее ощущение народа, остав-

шегося в стороне от хода истории. Эйприл была огорчена бедностью резервации и разочарованием Андреа.

— Мы живем в основном за счет великодушия бледнолицых, — говорила Андреа. — Мы забыли, каково полагаться только на себя.

Она отметила, что индейские мужчины зачастую умирают молодыми от наркотиков, болезней и кровавых стычек, что наиболее респектабельно в большинстве резерваций выглядят кладбища.

В собственной жизни Эйприл со всех сторон наткалась на стены. Замужество ее кончилось неудачно: она не хотела отказываться ни от семьи, ни от карьеры, но никак не могла добиться равновесия между потребностями мужа и необходимостью подолгу задерживаться на работе. Теперь ей уже за тридцать, и эта суета не доставляет ей ни малейшего удовлетворения. Были, конечно, и достижения, но если она вдруг умрет сегодня вечером, то не оставит после себя ничего. Выходит, что и жила зря.

По крайней мере так Эйприл казалось, пока она не провела исследования куска ткани, принесенного Максом Коллингвудом. Самое смешное, что она почти не замечала собственной неудовлетворенности жизнью, пока не увидела результаты исследований и не поняла, с чем столкнулась.

Сотрудники говорили о Харви с большим теплом, описывая, как наслаждались они работой под его началом, как он вдохновлял их, каким он был хорошим начальником. Двое прежних колсоновских работников, пошедшие гораздо дальше, относили свой успех на счет того, что Харви воодушевлял их.

— Главный его принцип: «Поступай по совести, какие бы последствия это ни сулило» — поддерживал меня в самые темные дни, — сказала Мэри Эмбри, ставшая директором-распорядителем в химической компании Доу. — Этот принцип не всегда способствует повышению по службе, но зато он заставил меня понять, что можно не терять самоуважения даже тогда, когда другие от тебя отворачиваются. — Она тепло улыбнулась смущенному Харви.

Директор добавил свою долю похвал:

— Сорок лет — срок немалый. Харви всегда говорил, что думал. Порой мне не хотелось этого слышать. — Взрыв смеха. — Порой мне совершенно не хотелось этого слышать. — Смех громче. — Но ты никогда не увиливал от ответственности, Харв, и я благодарен тебе за это. — Аплодисменты. — Хочу посоветовать всем присутствующим в этом зале, собирающимся пойти на руководящие должности: берите в свою команду людей, подобных Харви, чтобы они говорили вам то, что вам непременно следует услышать. Холите их и лелейте. Пусть они будут вашей совестью.

Тут начались овации, Харви встал, и Эйприл увидела на глазах окружающих искренние слезы. Харви сиял от нахлынувших чувств. Когда публика утихла, он демонстративно отодвинул трибуну в сторону. (Его нежелание пользоваться трибунами вошло в легенду.) Поблагодарив по своему обычаю коллег за доброту, он обратился к ним:

— В каком-то смысле сегодня — чудеснейший день в моей жизни. Хотелось бы думать, что Колсоновский институт стал более солидным учреждением,

нежели до моего прихода, а также что его работники и клиенты более преуспевают. Если это действительно так, если в этом есть хотя бы частичка и моих заслуг, то эти годы прожиты мной не зря.

Эйприл еще ни разу не видела его таким счастливым за все двенадцать лет своей работы в институте. И от этого ей стало очень грустно.

Заместитель директора посвятил свою жизнь процветанию компании и ее работников. Он не успокаивался, пока не добивался совершенства во всем. И теперь, обращаясь к коллегам, он еще раз повторил:

— Никогда не путайте результат с идеалом. Не совершают ошибок лишь те, кто не делает ровным счетом ничего.

Подчиненные обожали его.

И вот теперь он превозносил рядовых сотрудников, благодарил их, уходя во тьму. Назавтра он вернется в свой кабинет, проработает до конца недели, и на этом все кончится.

«В каком-то смысле сегодня — чудеснейший день в моей жизни».

Боже, неужели ради этого и стоило жить? Чтобы пара-тройка дюжин гостей за праздничным столом растроганно прослезилась, а после разошлась по домам, оставив Харви Кека наедине со всеми его грядущими проблемами?

Эйприл украдкой утерла глаза.

Нет, с ней ничего подобного не случится. Уж она-то позаботится, чтобы ее жизнь была посвящена высокому предназначению, а не потугам быть любезным начальником. И загадочная яхта Тома Ласкера станет ее золотым ключиком.

7

Дальний рокот времен отшумевших...

Уолтер Асквит, «Древние берега»

Ласкер все утро копался в моторе трактора; заменяя изношенный цилиндр и приводной ремень. Он только-только вернулся в дом и как раз собирался пойти в душ, когда раздался звонок в дверь. Пришли Чарли Линдквист и Флойд Рикетт.

Чарли — дружелюбный здоровяк весом в три сотни фунтов и ростом в шесть футов три дюйма — считал, что можно покорить весь мир, если только правильно отгадывать, что люди хотят услышать, и говорить им это. В принципе эта философия служила ему не так уж плохо: за свою жизнь он сумел организовать в Форт-Мокси полдюжины предприятий, стал владельцем «Городского видео», «Мороженых деликатесов» (разумеется, сейчас закрытых на зиму) и четырех домов рядом с библиотекой, заодно занимая посты директора Рекламной ассоциации Форт-Мокси и председателя городского совета.

Флойд — высокий, седой, остроносый и остроглазый — принадлежал к числу таких же уважаемых

лиц. Будучи почтовым служащим, он обладал не-сгибаемыми принципами и сильным чувством важности собственного времени. «Давай по сути!» — любил говаривать он, пронзая воздух тремя пальцами. Вообще говоря, он всю жизнь действовал, как ледокол: вклинивался в разговоры, громил политических противников на совете и разрубал гордые узлы всяческого рода. «Жизнь коротка, нечего тратить время попусту, вперед во весь опор!» На почте Флойд специализировался в разрешении проблем, создаваемых бестолковой публикой, и весьма неодобрительно относился к неряшливой обертке, неразборчивому почерку и неумению правильно написать почтовый индекс.

Так что ничуть не удивительно, что Чарли и Флойд не могли поладить между собой.

Они обменялись с Ласкером рукопожатиями, причем Чарли — сердечно, а Флойд — с некоторой осторожностью.

— Народ все подваливает поглядеть на яхту, как я погляжу, — заметил Чарли, стараясь произнести это как можно небрежнее. Сам он всегда считал себя весьма деликатным человеком.

— Сегодня народу маловато. Это по погоде. — Ласкер ввел их в гостиную, где все трое уселись вокруг кофейного столика. — По-моему, эта новость уже устаревает.

— А заодно холодает, — подхватил Флойд, для большей выразительности рубанув воздух ребром ладони.

— Мы это заметили еще в городе. Народу поменьше, чем прежде. — Чарли покачал головой. — Жаль, что это не случилось весной.

— Какая разница? — отозвался Ласкер. — Мы все равно уже сыты по горло этой обезьяньей работой. Мне надоело каждый день возить ее из амбара и в амбар. Запру ее, и дело с концом.

— А не стоило бы, Том. — В небрежном тоне Чарли сквозил намек, что подобный поступок был бы весьма эгоистичен и неблагоразумен.

— Это плохо скажется на бизнесе, — кивнул Флойд. — Очень многие из тех, что сюда приезжают, едят в городе. И ходят по магазинам. А некоторые даже остаются на ночлег. — Откинувшись на спинку стула, он заложил ногу на ногу. — Фактически говоря, было бы недурно, если бы у нас нашлось побольше подобных завлекаловок.

— Ты должен понять, — продолжал Чарли, — что от тебя зависят очень многие в городе.

— Чарли, это же всего-навсего яхта! — возразил Ласкер.

— А вот тут ты ошибаешься, — встрял Флойд. — Это новость в масштабах всей страны! И прямо у нас, в Форт-Мокси.

— Да в каких там масштабах! — махнул рукой Ласкер. — Нас показали по телевизору один-единственный раз. И потом, большинство посетителей считают, что я зарыл ее сам. Думают, будто все это липа.

Флойда эта мысль потрясла.

— Но ведь это не так, а, Том?

Ласкер одарил его таким взглядом, что Флойд съехался.

— Слушайте. — Чарли так и лучился великодушием. — Все это к делу не относится. На этом можно сделать большие деньги, и до нас дошло, что ты просто не получаешь своей доли от прибыли, Том. Вот мы и предлагаем поставить это на более деловую основу.

— В каком это смысле?

— Для начала, — снова встрял Флойд, — надо снять достопримечательность с прицепа. То есть, ты только не обижайся, но сейчас это больше смахивает на распродажу подержанных автомобилей. Ничего удивительного, что люди не воспринимают ее всерьез.

— Достопримечательность? — недоверчиво переспросил Ласкер. — Так она теперь еще и достопримечательность?

— Том, ты не обижайся. — Чарли заерзал, усаживаясь поудобнее, и стул со скрипом осел на сторону. — Мы просто подумали, что было бы неплохо поставить ее на помост.

— Помост вызвался построить Эд, — подхватил Флойд, подразумевая Эда Гранжа, обычно распоряжающегося парадами и прочими церемониями. — Не волнуйся, он все сделает как надо.

— И поставим над ней шатер с обогревом, — продолжал Чарли.

— Не нужен мне никакой шатер перед домом! — скривился Ласкер.

— Мы понимаем. — Добросердечная улыбка Чарли означала, что все учтено. — Мы же не изверги, чтобы так обойтись с тобой, Том. Тем более, как нам кажется,

она будет лучше смотреться там, где ты ее откопал. — Взгляд его внезапно омрачился. — Ты, случаем, не засыпал яму, а?

— Засыпал, а то как же. В тот же день, когда мы извлекли эту чертовщину из земли.

— Скверно, — протянул Флойд. — Не следовало тебе так поступать.

— С чего бы это? Яма была тридцать футов глубиной. Если бы туда кто-нибудь свалился, мог бы порядком расшибиться.

— Ладно уж, чего теперь-то руками разводить. Жаль, что мы сразу не додумались. — Чарли побарабанил пальцами по столу. — Делать укрытие надо так и так. Мы знаем, где раздобыть цирковой шатер. Старый, но в отличном состоянии. Да ты не волнуйся, это только на время.

— Что значит «на время»?

— Суть в том, — сказал Флойд, — что, если правильно разыграть карты, мы сможем привлечь постоянный поток туристов. Надо поразмыслить о музее.

У Ласкера голова пошла кругом.

— Ну, не так сразу, — заметил Чарли. — Слушай, мы собираемся раскрутить рекламную кампанию. Начнем брать плату за вход. Естественно, ты будешь получать свой процент. Посмотрим, как оно пойдет.

— Погодите-ка, разве можно брать за это плату?

— А почему нет? — Чарли уже почувствовал запах жизни. — Если хочешь, чтобы люди воспринимали что-то всерьез, надо заставить их платить — немного, но все-таки. Держу пари, что в первую же неделю

наплыв любопытных удвоится. Мы думали дать тебе тридцать процентов, остальное пойдет в бюджет города. Годится? Для тебя это обернется чистой прибылью. Не будет стоить тебе ни цента. — Он кивнул Флойду, и Флойд кивнул ему в ответ. — За все будет платить город. Вот, у нас тут есть несколько рисунков на футболки. Позволь, покажу...

Он глазами сделал знак Флойду, и тот протянул папку. Чарли открыл ее и извлек оттуда несколько эскизов. На всех была изображена яхта в нескольких ракурсах, но надписи различались. «Дьявольская шхуна», — гласила одна. «Мои предки посетили Форт-Мокси, Северная Дакота, и мне досталась эта фиговая майка», — сообщала другая. На третьей была карта верховьев Ред-Ривер с отмеченным местом находки «дьявольской шхуны».

— Что за бред про дьявола? — удивился Ласкер.

— Это идея Мардж, — объяснил Чарли. То есть Мардж Питерсон, секретаря городского совета. — Это подстегнет интерес публики.

— По-моему, хватили через край.

— Слушай, народ любит подобную дребедень. К тому же от этой находки пахнет «Сумеречной зоной»*. — Правда?

— Она светится, разве нет? — добавил Флойд. — Ты уже нашел источник питания?

Ласкер покачал головой.

---

* «Сумеречная зона» — сериал фильмов ужасов, построенных на ощущении недосказанности и неопределенности, где источник ужаса по большей части остается «за кадром».

— Чудненко. Неизвестный источник тока. Надо сделать упор на этом, Чарли. И на литерах. Литеры хороши.

— Ага. — Чарли взялся за пальто. — Слушай, рад был потолковать с тобой, Том. Машина уже раскручена, так что парочка ребят заглянет к тебе завтра, чтобы дать ей ход. Ты главное не дергайся. Тебе останется лишь поплевывать в потолок да загреть денежки.

Они уже направлялись к двери, когда Чарли внезапно остановился, и Флойд едва не налетел на него.

— Да, еще одно! Туалет. Нужен туалет.

— Нет, — отрезал Ласкер.

— Ничего, сделаем что-нибудь снаружи. За деревьями, подальше от глаз.

Они пожали Ласкеру руку, открыли дверь и огляделись. На улице уже было человек двадцать да приближались еще два автомобиля.

— Понял, о чем я? — сказал Чарли.

Эйприл подняла пакет так, чтобы он был виден на просвет.

— Здесь вы видите несколько волокон, застрявших в швартовых. Это волокна древесины. Древесины ели.

Она передала пакет Максу. Тот прищурился, разглядывая образец:

— И о чем же это нам говорит? Поблизости ни одной елки.

— Сейчас — да. Но раньше были. Одно время они были здесь весьма распространены.

— Когда?

— Когда здесь было озеро.

Они сидели в ресторане, и Макс вполуха слушал ропот голосов и позвякивание вилок.

— Вы уверены?

— Уверена.

У Макса вдруг засосало под ложечкой. Тут подошла официантка, и вместо запланированного клубного сэндвича он заказал салат Цезаря.

— Вы что, хотите сказать, что той посудине десять тысяч лет?

— Я бы не стала делать поспешные выводы, Макс, — смутилась Эйприл. — Будем пока что строго придерживаться фактов. Во-первых, судно не гниет, не ржавеет и не разлагается на протяжении исключительно долгих отрезков времени. Во-вторых, тросы, лежащие в амбаре Ласкера, некогда были привязаны к словому бревну. Волокна дерева, пошедшего на изготовление бревна, были живыми десять тысяч лет назад.

— Но судно-то новехонькое! — не удержался Макс.

— Макс, это судно будет всегда выглядеть новым. Его можно зарыть обратно в землю и откопать лет через пятьдесят, и оно будет выглядеть точь-в-точь так же, как сегодня.

— Не верится как-то.

— Вполне понимаю. Видите ли, это выходит за рамки наших представлений, но отнюдь не противоречит законам природы. — Эйприл понизила голос. — Уж и не знаю, какая альтернативная схема способна истолковать эти факты. Возраст древесных волокон не

подлежит сомнению. Равно как и состав первоначальных образцов. Я полагаю, здесь кто-то побывал. В давние-предавние времена некие представители высоко-развитой цивилизации катались под парусами по озеру Агассис. И по крайней мере один раз привязывали судно к дереву или бревну.

— И кто же это был? Мы что, говорим об НЛО? Или как?

— Не знаю. Но вопрос достойный.

Принесли диетическую кока-колу. Макс отхлебнул из бокала, пытаясь привести мысли в порядок:

— Ерунда какая-то получается. Допустим на минуточку, что вы правы. И что это нам дает? Умозаключение, что некто прилетел сюда с другой планеты для того, чтобы покататься на яхте? Неужели вы это серьезно?

— Это отнюдь не противоречит здравому смыслу. Попробуйте взглянуть на картину пошире, причем пошире в самом всеобъемлющем смысле. Сколько может быть больших озер в радиусе, скажем, двадцати световых лет? Агассис могло казаться орде туристов вполне привлекательным. — Она улыбнулась. — Знаете, давайте оставим бездоказательные рассуждения и сосредоточимся на том, что мы знаем наверняка. А мы знаем, что располагаем совершенно уникальным искусственным химическим элементом.

— А откуда мы это знаем? — поинтересовался Макс.

— Я это гарантирую.

— Значит, вы гарантируете... Эйприл, мне очень не хотелось бы говорить, но всего пару дней назад я

даже не знал, что вы есть на белом свете. Не обижайтесь, но вы можете заблуждаться.

— Могу. Но тем временем, Макс, подумайте вот о чем: если я все-таки знаю, о чем толкую, то эта яхта бесценна в самом буквальном смысле. — Эйприл поймала себя на том, что говорит чересчур громко, склонилась к Максу и вполголоса продолжала: — Послушайте меня. Вам хотелось бы получить подтверждение. Я знаю, что оно нам не требуется. Попробуйте получить подтверждение — и вместе с ним получите второго химика. Я же хотела бы сузить круг допущенных насколько возможно. Мы держим в руках фундаментальное открытие и с ним попадем на обложку «Тайма» — вы, я, Ласкеры... — Ее черные глаза заблестели от волнения. — Но есть и еще одна причина, почему стоит пока придержать это в секрете.

— А именно?

— Там может оказаться что-нибудь еще.

Лайза Ярборо начала свою профессиональную карьеру в роли учителя физики в частной школе в Александрии, штат Вирджиния. Но она была (и осталась) необыкновенно привлекательной женщиной, от всей души обожавшей секс. При свете дня она рассказывала с кафедры об энергии и сопротивлении, а после сумерек демонстрировала массу первой и полное отсутствие второго.

С самого начала Лайза обнаружила, что ее хобби может быть весьма прибыльным. Не то чтобы она опустила до установки тарифов, но мужчины по

собственному почину проявляли изрядную щедрость. Кроме того, смышленная, обеспеченная молодая женщина, не сдерживаемая ни ханжескими принципами, ни ложными представлениями о долге, способна извлечь из подобных увлечений кое-какую пользу. Она покинула александрийскую школу посреди второго учебного года под громкий гомон молвы, чтобы занять выгодную должность в фирме, работающей на Пентагон; в новой компании считали, что она может оказать влияние на военпредов. Лайза оправдывала возложенное на нее доверие, не брезгуя средствами, и быстро продвигалась по служебной лестнице. Быть может, ее путь на вершину и в самом деле лежал через постель, но она все-таки воздерживалась от романов с мужчинами, непосредственно связанными с ней по службе, и таким образом поддерживала самоуважение.

Мало-помалу она приобрела интерес к политике и стала работать административным помощником одного сенатора со Среднего Запада, два раза безуспешно баллотировавшегося от своей партии в кандидаты на пост президента. Она занялась лоббированием и неплохо содействовала табачной промышленности и Национальной образовательной ассоциации. Для адвокатской фирмы «Барлоу и Биггс» она исполняла роль канала связи не с одним десятком конгрессменов. Получив политическую должность, она какое-то время послужила заместителем начальника заместителя департамента сельского хозяйства. И со временем стала руководителем мозгового центра консерваторов.

И как раз в этой-то роли Лайза обнаружила в себе дар писателя. С двенадцати лет она вела подробнейшие дневники; привычка эта восходила к тому моменту, когда она впервые уединилась на заднем сиденье отцовского «бьюика» с Джимми Проктором. С Джимми у нее была, так сказать, первая настоящая связь, и этот опыт пришелся Лайзе настолько по душе, что она чуть не лопалась от желания рассказать о нем. Но подруги в средней школе Честер Артур для этого не годились. А родители были баптистами.

По идее Лайзе и самой следовало быть баптисткой, судя по ее бурной духовной активности: она посещала юношеские вечера по вторникам и четвергам, а также проповеди по средам и воскресеньям. Но к окончанию школы она успела переспать с половиной хора.

Пока мозговой трест помогал обставить Дукакиса в гонке с призом в виде Белого дома, Лайза решила, что может написать автобиографию по своим дневникам. Обещание посмаковать аппетитные подробности взаимоотношений с целым рядом известных лиц из правительства и средств массовой информации привело к семизначному авансу. Из мозгового треста ее тут же вышвырнули, поскольку ограничиваться известными демократами она была не намерена.

К ней началось паломничество прежних возлюбленных и одноразовых кавалеров, моливших о выборочной амнезии. Когда же уговоры и подкуп не срабатывали, они ударялись в слезы или прибегали к угрозам, но Лайза стояла на своем. «Что обо мне по-

думают люди, если я отклонюсь от правды?» — сказала она телеведущему.

Книга под названием «Капитолий любви» стала бестселлером, а затем и телефильмом, и Лайза купила сеть магазинов автозапчастей. А остальное, как говорится, ушло в историю.

С Эйприл Кэннон Лайза впервые повстречалась во время работы в департаменте сельского хозяйства, на обеде, устроенном группой «зеленых». Ее кавалер был одним из спикеров — высокий живчик, пышущий энтузиазмом и отягощенный убеждением, что искоренение лесов уже зашло за грань, откуда нет возврата. А еще он был убежден, что женщины вообще и Лайза в частности не способны противостоять его чарам. И тут вдруг Лайза, собиравшаяся завершить вечер в своем обычном стиле, разговорилась с новой знакомой и решила для разнообразия оставить кавалера с носом. На Эйприл ее кавалер тоже не произвел впечатления, и они вдвоем улизнули в ночной Вашингтон.

И с той поры стали близкими подругами.

Так что Лайза ничуть не удивилась, когда Эйприл позвонила и попросила о встрече. Когда же подруга отказалась назвать причину встречи, это только подстегнуло интерес Лайзы, и она дала согласие.

На следующий день после звонка Эйприл приехала, таща за собой какого-то невзрачного типа.

— Лайза, это Макс Коллингвуд.

Женщины знали друг друга слишком хорошо, чтобы предаваться праздной болтовне. Эйприл спокойно рассказала о случившемся на ферме Тома

Ласкера. Когда она закончила, Лайза с ответом не торопилась.

— А ты уверена? Это, часом, не жульничество?

— Ошибки тут нет, а жульничество просто невозможно. — Эйприл положила на стол конверт из плотной бумаги, вскрыла его и вытащила стопку фотографий. Яхта снаружи. Изнутри. Паруса. Крупно перила и балясины. И надпись.

— Действительно, странная, — согласилась Лайза. — Неужели ни один язык не подходит?

— Ни один из тех, что мы могли найти.

Лайза продолжала разглядывать фотографии, но мысленно переключилась на Эйприл. Информация настолько сенсационна, что Лайза еще раз решила взглянуть на все это со стороны. Она не могла не задаться вопросом, не пытаются ли ее надуть. Эйприл на подобное не пойдет, в этом нет сомнений. А вот как насчет этого Коллингвуда?..

— И каковы выводы? — спросила она. — Откуда доставлен этот элемент... эта яхта?

— Догадки выходят за рамки того, что я тебе говорила, — устало усмехнулась Эйприл. — Традиционных толкований у нас нет.

— А нетрадиционные?

— Твои годятся ничуть не хуже наших.

Кивнув, Лайза подошла к письменному столу и вытащила чековую книжку.

— И что же дальше?

— Мы хотим тщательно исследовать этот район. Выяснить, не погребено ли там что-нибудь еще.

— Что вам для этого надо?

— Геологический радар. Мы можем нанять его по умеренной цене.

— Но что там можно найти? Вторую яхту?

— Не исключено, — ответил Макс.

— Но у вас уже есть одна! Я понимаю, что две лучше, чем одна, но каким образом вторая яхта углубит наши познания?

— Там могут быть останки, — пояснила Эйприл.

— А-а. Это десять тысяч лет спустя? Да еще после того, как часть из этих десяти тысяч прошла в воде? Вряд ли. Понщите лучше, где они устраивали пикник.

Женщина-химик подалась вперед, и глаза их встретились.

— Лайза, они должны были каким-то образом добраться сюда. Возможно, они так и не вернулись домой.

Лайза отметила, как напряженно дышат присутствующие.

— Сколько вам надо?

Когда прибыл геологический радар Геотехнического института, чтобы начать исследования, Макс уже ждал его. Ему и Ласкерам казалось, что если в земле еще что-то есть, то оно обнаружится чуть ли не сразу. Если же ничего не найдут, то на этом все и кончится.

Максу не хотелось иметь ничего общего с НЛО — это не пошло бы на пользу ни ему, ни «Закатной авиации», так что он решил не слишком высовываться. Но с другой стороны, если в этом действительно

что-то есть, не обойдется без пристального внимания прессы, да и большие деньги не исключены.

Команда Геотеха состояла из трех человек, работающих в большом фургоне песочного цвета. Руководила ими энергичная и довольно педантичная молодая женщина по имени Пегги Мур; фирменный комбинезон был ей очень к лицу. Она с места в карьер осведомилась у Макса, что именно надо искать.

— В техзадании об этом сказано как-то расплывчато, — уточнила она.

— Что-нибудь необычное, — сказал Макс.

Этот ответ тоже не относился к числу конкретных. Мур на миг нахмурилась и пристально взглянула на собеседника с плохо скрытой враждебностью; график у нее чересчур плотный, чтобы еще нянчиться с бес толковыми клиентами.

— Не уловила.

— Мы и сами толком не знаем, что ищем, — пояснил Макс. — Мы думаем, что здесь могут быть погребены объекты искусственного происхождения. Мы бы хотели, чтобы вы сказали нам, что обнаружится в земле — если вообще что-то обнаружится.

— Мистер Коллингвуд, а нельзя ли хотя бы в общих чертах? Какие объекты — наконечники стрел? Индейские кладбища? Бочки из-под мазута? От этого зависит, каким образом мы будем действовать.

— В прошлом месяце тут откопали яхту.

— Я видела это по телевизору. Так это тут, да?

— Ага. Мы бы хотели знать, нет ли там чего-нибудь еще.

— Хорошо. Когда мы в курсе, это экономит нам массу времени.

— Ладно.

— Мы уже нашли грабли, пока калибровали аппаратуру.

Внутри фургон был забит компьютерами, принтерами, дисплеями и радиоаппаратурой. Сам радар был смонтирован на небольшом тракторе.

— Изображение передается в фургон по радио, — объяснила Мур. — Оно высвечивается на главном экране. Мы будем высматривать затемнения, необычную окраску — словом, все, что предполагает наличие объектов искусственного происхождения.

Была уже середина ноября, и день стоял ужасно холодный. Тяжелые тучи сулили снегопад, но за весь день упало лишь несколько снежинок.

Кроме Мур, в команду входило еще два техника: Чарли Рамирес, мрачноватый мужчина, управлявший трактором и радаром, и специалист по радиотехнике Сара Вайнбарджер — блондинка с прямыми волосами, тоненькая как тростинка.

Из-за пронизывающего холода Мур и Чарли водили трактор по очереди. Чарли не любил холода и много говорил о Неваде.

— Здесь я очутился только потому, что мою работу на южной границе прикрыли. Как только граница откроется, я сматываюсь отсюда.

Снедаемый любопытством Макс поинтересовался, нельзя ли понаблюдать за ходом операции изнутри фургона.

— Это против правил, — отрезала начальница команды.

— Да я никому не буду мешать!

— Ничуть в этом не сомневаюсь, мистер Коллингвуд. Но для нас это может иметь последствия. — Ее взгляд был холоден, как ноябрьские небеса. — Сами понимаете.

Они наметили поисковый маршрут, и Чарли повел трактор к вершине холма. Миновав ветрозащитную полосу, он въехал на гребень и сделал резкий правый разворот в сотне ярдов от места первоначальной находки, завершая прохождение первой из серии перекрывающихся прямоугольных полос.

Уйдя в дом, Макс занял место у окна столовой. Трактор тарахтел до самого вечера, методично утюжа участок Ласкеров ярд за ярдом.

8

---

*Этот омытый временем
Ветхозаветный причал...*

Уолтер Асквит, «Древние берега»

В этот день команда техников не обнаружила ничего, но Макс уверил Ласкерова, что все идет, как надо, и полетел домой. Второй день поисков — пятница — тоже не принес никаких результатов, и работы свернули до понедельника.

Эйприл просила Макса и Ласкерова говорить о находке как можно меньше, и сама следовала этому правилу, не обмолвившись коллегам по институту ни словом. Но ей хотелось поделиться хоть с кем-нибудь. Энтузиазм Макса не уступал ее собственному, и потому в последующие дни, пока радар безрезультатно обшаривал владения Тома Ласкера, они встречались по вечерам, чтобы вместе пообедать, выпить, но главное — ради долгих и жарких бесед.

Эти беседы укрепляли их надежды и постепенно вели к возникновению неофициального союза. Однако о том, что составляло их конкретные упования, они говорили нечасто. Эйприл рассчитывала, что

удастся воспроизвести технологию производства трансурановых элементов, а Макс надеялся, что Землю действительно посещали инопланетяне и что доказательства тому лежат где-то неподалеку. Но Макс подозревал, что рано или поздно на поверхность всплывет более прозаическое объяснение: Эйприл могла проглядеть нечто важное. Обычно ей удавалось развеять его сомнения между пиццей и пивом — хотя лишь на время.

Самой же Эйприл опереться было не на кого. Вообще-то она считала, что обладает железным характером и не принадлежит к числу людей увлекающихся или одержимых тщеславием. И все же ей хотелось бы услышать мнение со стороны, получить подтверждение специалистов. Но ставка была чересчур велика, и Эйприл знала, к чему привела бы преждевременная информация: в бой двинулись бы тяжеловесы, отодвинув Кэннон в сторонку.

Ей просто надо было с кем-нибудь поговорить! Ласкеры, сидящие на эпохальном открытии, смотрели на происходящее чересчур благодушно, чем раздражали ее. Разумеется, они заинтересованы, возможности интригуют их, но запала у них маловато. У Эйприл даже сложилось впечатление, что, скажи она Тому Ласкеру, что на его участок рухнула летающая тарелка, он пошел бы на нее посмотреть, но только после того, как накормит скотину.

Макс — дело другое. И в этот трудный период он стал единственной ее поддержкой.

Самые будоражащие возможности они предпочитали не обсуждать всерьез, подшучивали над тем, как

все это скажется на их собственной жизни. Эйприл расписывала фото Макса на обложке «Тайма» — он высовывается из кабины «Молнии» в заливатски распахнутой летной куртке. Человек года! А он рассуждал о Нобелевской премии для женщины, подарившей миру вечную гарантию на автомобиль.

Дни шли за днями, но геологический радар так и не обнаружил ничего существенного. В душе Макса начало крепнуть убеждение, что все это чересчур хорошо, чтобы оказаться правдой. Эйприл напомнила ему, что разведка была предпринята наудачу, но, даже если она кончится ничем, у них в руках все равно остается бесценная находка.

— Открытие уже не спрячешь, — заметила она, прибавив, что написала статью о результатах своих исследований. — Я не хочу публиковать ее, пока мы не проникнемся уверенностью, что там больше ничего нет. Не стоит подавать повод к эпидемии кладоискательства.

— Согласен, — кивнул Макс. Они сидели в закусочной торгового центра в Фарго, находящегося на границе двух штатов, смакуя пиццу-пепперони. — Но если там что-то есть, какова вероятность наткнуться на это?

Эйприл прикрыла глаза:

— Почти нулевая. Дно озера чересчур обширно. — Она высыпала в кофе пакетик заменителя сахара и принялась размешивать его. — Речь идет о солидной части территории США и Канады. Если уж на то пошло, что-то может лежать прямо здесь. — Она

указала на пол. — Кто его знает? Район Фарго тоже какое-то время находился под водой.

Макс послушно воззрился на кафель:

— Интересно, сколько стоит эта яхта?

— Макс, если мы не ошиблись, ты можешь сам назначать цену. — Она проводила взглядом женщину, пытавшуюся справиться и с ворохом покупок, и с верещавшим ребенком. — Надеюсь, нам удастся найти ответы хоть на какие-то вопросы. По правде говоря, у меня скверное ощущение, что мы столкнулись с тайной, разрешить которую не сможет никто и никогда.

— Было бы недурно найти что-нибудь такое, что поможет нам выяснить, кому же принадлежало судно.

— Останки. Нам нужны останки, — сказала Эйприл с таким пылом, что двое детишек, шагавших мимо них с воздушными шариками, замерли и уставились на нее. — Послушай, они оставили яхту. Это означает, что случилось нечто непредвиденное. Шторм, например. А может, на них напали туземцы.

— Или, — подхватил Макс, — они просто не смогли за ней вернуться.

— Это чудесное судно, — возразила Эйприл. — Лично я бы ни за что не оставила его, если бы уезжала. Я вообще не стала бы его нигде оставлять. Нет, по-моему, велика вероятность, что случилось нечто непредвиденное. — Голос ее стих, словно отдалившись. — Ох, Макс, не знаю... Не хочу строить догадки. — Она откусила кусочек пиццы и очень тщательно его прожевала, прежде чем продолжать: — Если

нечто непредвиденное действительно случилось, весьма велика вероятность, что их основное транспортное средство все еще здесь.

Вообще-то Максу следовало бы пребывать на верху блаженства. Вickers-музей в Саут-Бенд должен был вот-вот получить солидные субсидии — это сулило серьезные перспективы для компании Макса. Кроме того, поступило два заказа на гидропланы «Каталина», на которые у Макса имелся выход, а «Популярная авиация» намеревалась опубликовать статью о «Закатной авиации». Позиции компании настолько укрепились, что Макс начал подумывать, не оставить ли «Белую молнию» себе.

И все же его снедало какое-то беспокойство. Геологический радар подбирался к западной границе владений Тома Ласкера, не обнаружив ничего необычного. Эйприл же говорила чуть ли не о звездолете. Но, может быть, поиски пошли в неверном направлении? Как ни крути, не в озеро же они приземлились!

Наверное, стоит обдумать все это еще раз. Как там говорила Лайза Ярборо? «Поищите лучше, где они устраивали пикник».

Погода держалась холодная. Макс начал регулярно смотреть новости «Лесли в десять», передаваемые из Гранд-Форкс по кабелю. «Лесли в десять» понемногу раскручивали происшествие в Форт-Мокси каждый вечер. Началось с футболок с «дьявольской шхуной». Потом репортаж о рассерженных горожанах, предупреждающих городской совет, что болтов-

ня о дьяволе скорее отпугнет людей, чем привлечет их в Форт-Мокси. Далее последовало интервью с мужчиной, утверждавшим, будто ему удалось откопать совершенно невредимый «шевроле» 1937 года выпуска в парке Дрейтона. Передавали и мнения приезжих: что яхта предвещает конец света; что она свалилась с самолета; что это рекламная выходка какого-нибудь кораблестроителя; и, наконец, что это уловка американского правительства, чтобы заманить канадских туристов.

Том пожаловался по телефону, что шатер смердит слонами, заставив его, Тома, впервые порадоваться тому, что южные ветры — редкость. Эйприл ярилась из-за того, что яхта не упрятана под замок, а, наоборот, выставлена на всеобщее обозрение, но Том чувствовал свою ответственность перед людьми, бок о бок с которыми прожил жизнь, и продолжал выставлять яхту. Заодно он выслал ей брошюру и футболку с изображением яхты и надписью «Я дьявольски рад, что побывал в Форт-Мокси». Брошюра оказалась недурно оформленной: на обложке была изображена яхта, лежащая на вершине гребня, зловеще вырисовываясь на фоне полной луны. История находки лаконично излагалась в нескольких строках после набранного готическим шрифтом заявления, что «ученые озадачены». Там же было несколько фотографий дома Ласкеров и снимков жизни городка, выгодно представляющие «Фургон первопроходцев», ресторан Клинта и мотель «Северная звезда».

Макса не оставляла мысль, что поиски ведутся не там, где следует. И в тот день, когда прибыли фут-

болка с брошюрой, он решил проверить это предположение.

Главное отделение библиотеки Фарго расположено в деловом районе, на перекрестке Первой авеню и Третьей улицы. Это двухэтажное квадратное строение, вклинившееся между унылыми каменными и кирпичными зданиями, кое-где скрашенными деревьями и кустами.

Под вечер, как раз перед часом пик, Макс миновал полицейский участок и въехал на стоянку перед административным центром. К вечеру заметно потеплело, шедший с полудня снег сменился дождем, и над асфальтом стелился стылый туман. Вокруг зажженных, несмотря на ранний час, фонарей сверкали радужные ореолы, а грузные свинцовые тучи едва ли не цеплялись за крыши домов. Выбравшись из машины, Макс запахнул куртку поплотнее и рысцой припустил к библиотеке, находившейся в половине квартала от стоянки.

У стеллажей и столов толпились старшеклассники, в воздухе висел тяжелый дух сырого хлопка. Пройдя в справочный отдел, Макс собрал все атласы, какие только смог найти, и потащил их к столу.

Озеро Агассис оказалось самым крупным среди множества озер Северной Америки ледникового периода. Оно было морем в полном смысле этого слова, покрывая площадь в 110 тысяч квадратных миль. Образовалось оно в результате таяния континентального ледового щита. Но через несколько тысячелетий те же ледники, отступая на север, от-

крыли выход в залив Гудзон, и озеро Агассис просто-напросто вытекло.

Воспоминания о нем сохранились в виде озера Вудс, реки Ассинибойн, озера Рейни, озера Ред в Миннесоте, реки Ред на севере и озера Виннипег. Но в пору величия воды озера покрывали равнину слоем в триста футов глубиной.

Макс проверил, когда здесь появились туземцы. Оказывается, достаточно рано, чтобы полюбоваться озером Агассис. А что еще они видели?

Волокна ели в швартовых свидетельствуют о том, что яхту привязывали, а не просто бросали якорь. Для этого нужна бухта. А где на разумном расстоянии от фермы Тома Ласкера могла находиться бухта, дающая защиту от непогоды?

Где бы вы построили причал на берегу озера Агассис?

Длина береговой линии привела Макса в ужас, простираясь от северной оконечности провинции Саскачеван до водопада Святого Антония в Миннеаполисе — пожалуй, добрых десять тысяч миль побережья. И все-таки шанс есть. Яхта стояла у причала, ее оторвало и унесло, вскоре после чего она села на мель или была потоплена штормом. Несокрушимым этот вывод не назовешь, но такая вероятность существует. Значит, гавань должна была находиться где-то по соседству. Скажем, на западном берегу между Фарго и Виннипегом.

Макс еще долго разглядывал карты.

Что требуется от хорошей бухты? Разумеется, чтобы у берега было достаточно глубоко. Следова-

тельно, встает вопрос о характере рельефа. Но это можно проверить. Еще бухта должна обеспечивать укрытие от течения и ветра. И быть достаточно глубокой, чтобы яхта могла маневрировать без риска сесть на мель даже во время отлива. Значит, не должно быть пологих склонов. Подобных местечек не так уж много.

Во всяком случае, Макс искренне на это надеялся.

Поднявшись в воздух, Макс набрал высоту и повернул к западу, высматривая береговую линию. Но не нашел ее. Долина Ред-Ривер на юге поднимается, и плоскогорье, так сильно выделяющееся у границы, становится почти невидимым. С воды берег должен был казаться здесь совершенно плоским. Значит, глубоководных стоянок здесь быть не могло.

Макс повернул на север, и под крыльями замескал заснеженный пейзаж, среди которого вежами высились силосные башни да временами попадались одинокие поселки, связанные между собой длинными, спокойными двухполосными дорогами. Древний берег стал виден лишь после того, как самолет оказался в округе Кавалер.

У дамбы Херцог шоссе №5 проходит в ложбине. Макс снизился до четырех тысяч футов, чтобы приглядеться получше. Покрытые снегом поля лежали в запустении и неподвижности, нарушаемой лишь одиноким пикапом, подъезжавшим с востока. Возможно, ложбина маскирует древний берег, и Макс несколько раз пролетел над ней, так и не прийдя к окон-

чательным выводам. К сожалению, если берег был действительно здесь, тут вряд ли что найдешь. Сделав на всякий случай фотографию, Макс полетел дальше.

Второй подозрительный участок он нашел к югу от Валгаллы, в стороне от шоссе №32.

И еще один — в Канаде.

Итого, три варианта.

Ближе всех к ферме Ласкера оказался участок в Валгалле. «Он и будет первым», — подумал Макс, поворачивая на юг.

По пути он связался с Эйприл.

— Не бог весть что, — подытожил он, — но хоть что-то.

— Разумеется, — без энтузиазма откликнулась она. — Все ж лучше, чем то, чем мы заняты теперь. А кому принадлежит эта земля?

— Если хочешь, я выясню.

— Да. Давай. И получи для нас разрешение оглядеться.

Том встретил его в аэропорту Форт-Мокси. Идея Макса его тоже не вдохновила, но, пожал плечами, он взял тот же тон, что и Эйприл:

— Можем съездить туда, если хочешь.

Они поехали на запад по шоссе №11, миновали ферму и выехали на край плоскогорья Пембина, где свернули к югу по шоссе №32. Холмы и гребни с запада от дороги тянулись непрерывной цепью, с каменными россыпями у подножия и поросшей у вершины лесом. Именно тут и расположилась Валгал-

ла — благоденствующий степной городок, состоящий из щитовых домиков, лесных и продуктовых складов.

А через десять минут пути на юг от города деревья расступились, и впереди открылся подковообразный каньон.

— Гребень Джонсона, — сказал Ласкер.

Каменистые склоны каньона на юге и западе были почти отвесны, пологим оказался лишь северный склон, густо поросший лесом, как и дно долины. На обочине стояла машина, и двое мужчин рубили дрова прямо у дороги, складывая их в кузов пикапа.

Каньон, просторный возле устья — по крайней мере ярдов двести шириной и глубиной раза в два больше, у дальней стены сужался на треть. Дальше от шоссе вел проселок, углублявшийся в лес и взбиравшийся на северный гребень, петляя, как серпантин.

Солнце уже опускалось к вершине западной стены, над которой по обе стороны возвышались на пятьдесят — сто футов соседние склоны. Ласкер выехал на обочину, заглушил двигатель и поинтересовался:

— И куда подымалась вода?

— Зависит от того, о каком периоде идет речь. Но не поднималась настолько, чтобы южная сторона могла послужить удобной бухтой. Зато довольно долго можно было завести судно вон туда, — Макс указал на дальнюю стену, — причалить к пирсу и сойти на берег, не замочив ног.

Ласкер с прищуром смотрел против закатного солнца. В вышине кружила стая птиц, однако слишком далеко, чтобы их разглядеть.

— Может, оно и так. По-моему, это территория краснокожих.

Адвокатская контора Арки Рыжего Папоротника располагалась в похожем на барак офисном здании из серого асбоцемента на окраине Кавалера, столицы округа. С одной стороны от него разместился ортодонтолог, а с другой — финансовый консультант. Стоянка была рассчитана мест на двадцать, половина из которых оказалась занята. Ласкер отыскал свободное местечко рядом с запретной зоной и втиснул машину туда.

Как только они переступили порог, на них посмотрела энергичная молодая особа, сидевшая за компьютером.

— Добрый вечер, джентльмены. Чем я могу вам помочь?

Узнав их фамилии, она позвонила по телефону, и четверть часа спустя их ввели в кабинет, загроможденный дубовым столом, кожаными креслами и рядом книжных шкафов со стеклянными дверцами. Боковые стены покрывали почетные знаки и дипломы, а вот задняя была демонстративно отдана охотничьему луку и вееру из пяти стрел.

Арки Рыжий Папоротник оказался молодым мужчиной среднего роста, с темными, угрюмыми глазами и густыми каштановыми волосами; одет он был в серый твидовый костюм. «Свежеиспеченный юрист», — подумал Макс. Войдя через внутреннюю дверь, Арки поздоровался с Ласкером, как с давним знакомым, осведомился о его семье и пожал руку Максу.

— Итак, — начал он, когда все уселись, — что именно вы, джентльмены, хотите делать на гребне Джонсона?

Разговор повел Ласкер, как уговаривались заранее.

— Мы хотим получить разрешение провести исследования геологическим радаром. Поискать, нет ли там чего.

Адвокат склонил голову к плечу, будто не слышал:

— В самом деле? Зачем? Что вы надеетесь найти?

— Просто хотим оглядеться. Посмотреть, есть ли там хоть что-нибудь. Мы согласны ничего не извлекать из земли.

Рыжий Папоротник вытащил из нагрудного кармана очки и аккуратно водрузил их на переносицу.

— Почему бы вам не выложить напрямую, что именно вы ищете? Том, там что, еще одна яхта?

Ласкер оглянулся на Макса.

— Да мы ведем изыскания по всему району, мистер Рыжий Папоротник, — включился Макс. — Разве узнаешь заранее, что и где найдешь?

«Откройся ему», — одними губами произнес Ласкер, и Макс вздохнул. Открыться адвокату? Это в корне расходится с одним из наиболее фундаментальных принципов Макса.

— Мы полагаем, — сказал Макс, — что там могли сохраниться предметы времен палеолита.

Адвокат чуточку прищурился и повернулся к Ласкеру:

— Значит, это все-таки связано с яхтой? Верно?

— Да, — ответил тот. — У нас есть слабая надежда, и только, что на вершине гребня Джонсона

что-то похоронено. Но все это может оказаться иллюзией.

— Тогда почему бы вам не поделиться своими сведениями об этой яхте? — кивнув, спросил Рыжий Папоротник.

— Все было напечатано в газетах, — попытался уклониться от ответа Макс.

— Да ничего в них не было! Ну, откопали на ферме старую посудину. В очень хорошем состоянии, словно она пролежала в земле не больше недели. И включающую огни по ночам. — Он устремил пристальный взгляд на обоих посетителей. — Хотите получить доступ на гребень Джонсона? Тогда говорите начистоту, в чем дело.

— А нам гарантирована тайна? — уточнил Ласкер.

— Я бы хотел иметь возможность изложить это губернатору, если понадобится. Но даю вам гарантию, что, пока вы мне ничего не скажете, мы не сдвинемся ни на йоту.

— О каком губернаторе речь? — недопонял Макс.

— О главе администрации местных сиу, — пояснил Ласкер. — Зовут его Джеймс Ходок.

— Во главе сиу стоит губернатор?!

— Вожди командуют краснокожими только в кино, — отрезал адвокат. — А теперь расскажите о яхте.

Макс кивнул:

— Быть может, она намного старше, чем выглядит.

За окном пронесся тяжело груженный трейлер, и все здание затряслось. Макс рассказал об открытии Эйприл, пристально наблюдая при этом за адвокатом и ожидая, что тот вот-вот сочтет их психопатами.

Но Рыжий Папоротник даже бровью не повел и не обмолвился ни словом. Дослушав до конца, он заинтересовался:

— Итак, вы предполагаете, что некто плывал по озеру Агассис на яхте?

Столь прямолинейно изложенное предположение прозвучало глуповато.

— Не знаем, — отозвался Макс. — Это возможно.

— Ладно. — Открыв стол, Рыжий Папоротник извлек листок бумаги. — Сколько вы готовы заплатить за право доступа?

Ласкер заерзал:

— Арки, поскольку мы не собираемся причинять никакого ущерба, то надеялись, что ты простопустишь нас поглядеть.

— Конечно. Надеюсь, ты понимаешь, Том, что, будь моя воля, я бы не раздумывая дал вам разрешение. Но у совета племени свои правила, и мне волеяневолей приходится им подчиняться. — Он выжидательно посмотрел на посетителей.

— Пожалуй, сотню мы можем наскрести, — решился Макс.

Рыжий Папоротник утвердительно склонил голову — не в знак согласия, а отвечая каким-то своиммыслям.

— А как именно вы намерены вести поиск?

— При помощи геологического радара.

Адвокат что-то записал на своем листке, наморщил лоб и приписал еще что-то. Потом поднял голову:

— Не представляю, как я могу принять меньше тысячи.

— Но это же нелепость! — вскочил Макс.

— Это обычная процедура, — возразил Рыжий Папоротник. Он выдержал многозначительную паузу, чтобы дать прочувствовать посетителям весомость своего заявления. Макс мысленно поставил на предприятии крест. Конечно, остаются и другие подходящие места, но гребень Джонсона — просто-таки идеальная гавань. Если причал был где-то поблизости, то именно там.

— Нет, тысячу нам не потянуть, — проговорил Макс. — Но может быть, вы все-таки примете во внимание, что, если мы действительно что-то найдем, выгода будет обоюдной.

— Не сомневаюсь. — Рыжий Папоротник вздохнул. — Ладно. Знаете, что я сделаю? Позвольте мне поговорить с губернатором. Быть может, ради такого дела он захочет сделать исключение и согласится на умеренную цифру. Сколько вы можете предложить? — вежливо улыбнулся он Макс.

— Как насчет пяти сотен?

Рыжий Папоротник на миг прикрыл глаза:

— Полагаю, он сочтет это вымогательством. Но попытаюсь. — Он снова что-то записал. — Я составлю контракт. — Он улыбнулся. — Разумеется, вы понимаете, что любые находки, относящиеся к истории коренных американцев, остаются собственностью племени. Все остальное, представляющее какую-либо ценность, мы будем использовать на паях согласно обычным условиям.

— А именно? — осведомился Макс.

Рыжий Папоротник извлек еще лист бумаги.

— В данном случае должен подойти раздел четвертый. — Он протянул документ Ласкеру: — Это типовое соглашение со всяким, кто проводит археологические изыскания на территории племени.

— По-моему, нам нужен адвокат, — резюмировал Макс.

Похоже, эта мысль Рыжего Папоротника позабыла.

— Я всегда рекомендую это всякому, кто вступает в правовую сделку и нуждается в консультации. Я напишу договор, а вы можете зайти во второй половине дня и подписать его, если пожелаете. — Он встал, давая понять, что разговор окончен. — Могу ли я еще чем-либо вам служить?

— А вы им когда-нибудь пользовались? — Макс восторженно оглядел лук.

— Он принадлежал моему отцу, — ответил адвокат, будто считал такое объяснение исчерпывающим.

Пегги Мур выросла в Плимуте, штат Нью-Хэмпшир, под сенью Белых гор. Школу она окончила в Нью-Йорке, трижды побывала замужем и не очень-то жаловала тех, кто вставал у нее на пути. В Геотехническом институте она совмещала целый ряд обязанностей, но руководство командой геологического радара было самой любимой из них. И не потому, что эта работа казалась самой многообещающей, а потому, что приносила наиболее ощутимые плоды. Ничто не могло сравниться для нее с удовольствием сидеть перед монитором, высматривая геологические

образования, сулящие нефть, — ну, разве что, кроме находки костей мастодонта, сделанной в Небраске и ставшей знаменательным пунктом карьеры Пегги.

Она предполагала, что на ферме Ласкера они ищут вторую яхту. Но теперь, без каких-либо объяснений, их послали на вершину гребня Джонсона. Какого же черта они выискивают?!

Этот вопрос не давал ей спать по ночам. Пегги заподозрила, что тут замешано нечто противозаконное — чем же еще может объясняться столь упорная секретность? Однако Макс (напомнивший Пегги первого мужа) кажется слишком уж осторожным, чтобы впутаться во что-то уголовное, а Ласкеры явно чересчур просты для этого. Сомнение у нее вызвала только Эйприл Кэннон, которую Пегги не успела толком узнать. В той угадывается какая-то жестокость; пожалуй, она способна преступить закон, если на то найдутся серьезные основания. Но ответа на главный вопрос это не дает. Что они ищут? Клад? Зарытые наркотики? Потерянный тайник с баллонами нервно-паралитического газа?

Пегги поглядела на Сару, отслеживающую сигнал с радара Чарли. В последние дни погода чуточку улучшилась, стало теплее, и Чарли без жалоб выписывал по гребню поисковый маршрут. Данные поступали в систему, и та преобразовывала их в изображения скал и глины.

Пару дней было не по-зимнему тепло, и укрывший землю снег растаял. Из-за раскисшей земли езда по гребню стала опасной, и Пегги проклады-

вала поисковый маршрут очень осторожно, чтобы держать Чарли подальше от обрыва. Пристально следя за его продвижением, она время от времени велела ему сдавать назад, жертвуя полнотой охвата ради безопасности.

Радар давал приличное изображение гластов на глубину около сотни футов. Для археологических нужд — если принять предположение, что именно такова цель изысканий — этого более чем достаточно.

Западная часть гребня Джонсона, верхушка дальней его стены, плоская и поросшая травой, является плато ярдов сто пятьдесят в поперечнике, вытянувшееся на пару тысяч ярдов с севера на юг. С южной стороны зияет овраг, отделивший плато от соседних холмов, а с севера сплошной стеной высятся деревья.

Макс просил сосредоточить внимание на кромке обрыва.

— Помедленнее, — велела она Чарли, находившемуся чересчур близко от края.

— Понял, — отозвался Чарли, одетый в пуховую лесорубскую куртку и шерстяной треух с опущенными ушами.

Пегги ужасно хотелось найти хоть что-нибудь, и не только затем, чтобы наконец сориентироваться в происходящем, но и потому, что, будучи профессионалом, она намеревалась выдать заказчику результат, хоть тот и без надобности усложняет работы. И потом, ее раздражало недоверие Макса и его компаньонов. Никто не собирается красть у них бусы, наконечники стрел или чего там еще. Кроме того, было

еще одно обстоятельство, указывающее на геологическую мотивацию: не очень-то смахивают они на людей, заинтересованных в откапывании старинных горшков. Но она объяснила им, что если бы они хотели отыскать, к примеру, золото, то непременно должны сказать об этом, чтобы добиться положительного результата.

Пегги сидела, закинув ноги на пульт и прихлебывая кофе, когда на экранах появилось очень странное изображение.

— Ни черта себе! — только и вымолвила Пегги, задержав на своем дисплее стоп-кадр.

9

---

*За озаренные луной места,
где некогда смеялись люди,
Почившие теперь в земле
ничтожным прахом...*
Уолтер Асквит, «Древние берега»

Макс находился в Таксоне, чтобы поторговаться за бомбардировщик «Галифакс», когда ему вдруг позвонила Эйприл.

— По-моему, мы получили эту штуку, как на блюдечке, — приглушенным голосом сообщила она. — Что-то погребено на гребне.

— Что? Еще одна яхта? — Макс глядел из окна пустынного здания маленького частного аэропорта на стоящий на взлетной полосе «Галифакс» в окружении аукционеров.

— Нет, куда крупнее! Примерно сто пятьдесят футов в поперечнике. Именно там, где ты и предполагал. У откоса.

— Черт!

— Макс, оно круглое.

— Что?

— Сам знаешь.

Последовало долгое, полное значительности молчание на обоих концах провода.

На компьютерных распечатках было что-то вроде куполообразного строения.

— Провалиться мне сквозь землю, если я видела нечто подобное, — сказала Пегги. — Это не похоже ни на дом лесника, ни на силосную башню. И уж ни в коем случае это не ферма. — Она с подозрением взглянула на Макса. — Как я понимаю, вы должны знать, что это такое.

Макс знал, что надеялся найти. Но абрис находки выглядел не очень-то аэродинамическим, и Макс лишь отрицательно покачал головой.

— А что вам еще приходит в голову? — поинтересовалась Эйприл.

— Ничего. Ничегошеньки. Просто большое круглое строение. Примерно пятисот футов в окружности.

— А в высоту?

— Двадцать футов у периметра. Тридцать или около того у вершины купола. — Они все вместе сидели в аппаратном фургоне, стоящем в опасной близости от обрыва, прямо над находкой. Ветер упорно толкался в борт фургона, будто хотел столкнуть его в пропасть. — И еще одна странность: площадка тут в основном скальная, покрытая лишь несколькими футами почвы. Ясно? Но эта штука выстроена в выемке. Вот поглядите, видите эти тени? Это сплошной гранит.

Эйприл попросила увеличить изображение.

— Выемка тоже круглая, — продолжала Пегги. — М-м, я бы сказала, что ее сделали специально для того, чтобы вместить купол.

Макс переглянулся с Эйприл.

— А вот еще. — Пегги указала на потемнение, находящееся под передней частью объекта (разумеется, если считать, что его передняя часть обращена к откосу). — Это канал, вырубленный в скале.

Канал выходил из-под строения и вел прямо к обрыву.

— А из чего купол сделан? — спросила Эйприл.

— Не знаю. Но могу утверждать наверняка, что не из камня.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Сужу по отраженному сигналу. Он почти как у стекла. — Пегги постучала кончиками пальцев по столу. — Просто не представляю, как подобное сооружение могло очутиться в этом месте. Будь мы на равнине, я бы сказала, что это брошенный ангар. Оно достаточно просторно для этого. Но с какой стати строить ангар здесь? Эта штука смахивает на беседку, выстроенную для того, чтобы посиживать на терраске, любуясь долиной. Верно? — Она в упор взглянула на Макса. — Да только терраской тут и не пахнет.

Макса покорило от ее раздраженного тона. Ему захотелось взять и выложить ей все. Но что тут скажешь? Что если его предположения верны, то она только что нашла летающую тарелку?

Выбравшись из фургона, они усталились в землю, будто могли одним лишь усилием воли сделать ее прозрачной, чтобы заглянуть вглубь. Всю ночь шел

снег, но крепкий ветер, дувший весь день, оголил вершину гребня. Солнце зашло, и температура стремительно падала.

Вдали разъезжал взад-вперед трактор с радаром в поисках других объектов. Его двигатель периодически взрывал, вспарывая вечернюю тишину. Далеко внизу по шоссе №32 ползла пара светящихся фар, да пара сельских домиков затеплила свет в окошках. Окружающий пейзаж мало-помалу погружался во мрак.

Эйприл застала Макса врасплох. Взяв его под руку, она увлекла его вдоль обрыва, подальше от Пегги.

— Насчет канала, — сказала она. — Ты думаешь то же, что и я?

— Он для яхты, — кивнул Макс.

Она затрепетала от волнения:

— По-моему, мы сорвали банк.

— Пожалуй.

Некоторое время они хранили молчание, и Макс смаковал свои ощущения.

— А как по-твоему, — наконец подала она голос, — сиу дадут разрешение на раскопки?

— Несомненно. Им это тоже на руку.

Повернувшись спинами к ветру, они устремили взгляды во тьму.

— Не по душе мне превращать это в коммерческое предприятие, — проронила Эйприл. — Мне бы хотелось пробраться туда потихоньку и никому ни гугу. Но теперь речь идет о более обширном проекте.

Макс поддержал ее:

— Провести раскопки будет не так-то просто. Эта штукавина намного больше, чем яхта. — Промерз-

шая земля поскрипывала под ногами. — И вообще, может, лучше обождать до весны?

— Нет, — решительно поджала губы Эйприл. — Я не собираюсь дожидаться целых полгода! Тут можно в считанные дни набрать целую армию добровольцев. Когда мы покажем Лайзе, что нашли, она наверняка профинансирует нас, так что с этим проблем не будет. — Она поплотнее закуталась в пальто. — А можно поместить объявление в университетском вестнике, чтобы набрать землекопов среди студентов. Опять же в Форт-Мокси, в Кавалере и Валгалле множество народу, кому в эту пору года заняться нечем. Вряд ли мы столкнемся с особыми проблемами, набирая рабочую силу. Прежде всего сюда надо доставить тяжелое оборудование. — Глаза ее сияли во тьме, и вся она была теплой и какой-то уязвимой. — Как ты думаешь, Макс? Это оно?

Как и Макс, она боялась безоглядно верить в открытие, пока не убедится наверняка.

— Не знаю.

А расположенная на востоке долина Ред-Ривер уходила к горизонту, будто пытаясь дотянуться до низких звезд.

Лайза Ярборо провела приятный вечер в компании полудюжины друзей, сперва посмотрев шоу «Кошки», а потом отправившись в тайский салон. Машину она вкатила в гараж лишь около половины второго ночи. Зайдя в дом, она заперла дверь и вклю-

чила автоответчик на воспроизведение поступавших звонков.

Голос Эйприл сказал:

— Позвони мне, как только придешь.

Может, и стоило обождать с этим до утра, но в голосе подруги прозвучало сдержанное волнение, распалившее любопытство Лайзы.

Эйприл сняла трубку уже на втором гудке.

— Что у вас там? — с ходу поинтересовалась Лайза.

— На гребне что-то захоронено. Мы пока не знаем, что это такое, но этой штуке там явно не место.

— Она имеет отношение к яхте?

— Это мы узнаем, когда откопаем ее. Не хочу загадывать. Может, там просто сделали силосную яму. Даже не знаю. Но большущая штуковина. И круглая. Лайза, я в этом деле уже не объективна, но нынешним владельцам земля принадлежит с двадцатых годов. И они утверждают, что там ничего такого не было.

— Ладно. Сколько тебе надо?

У них довольно скоро возникла привычка изобретать прозаические объяснения существования купола. Как ни крути, их наберется не одно и не два — к примеру, тут был санаторий для ищущих уединения, какая-нибудь тайная правительственная лаборатория, заброшенный тренировочный полигон Национальной гвардии. Но на уме у них было совсем не то, что на языке.

Под руководством Макса доставили экскаватор. За день до того, как строительная компания «Коро-

лева Севера» начала работы, Макс, Эйприл и Ласкеры решили отпраздновать это событие и собрались вечером в «Фургоне первопроходцев», украшенном рождественскими гирляндами якобы по поводу грядущих праздников, но каким-то образом касавшимися охоты Макса за гаванью и успешного ее завершения. И тут, будто лишь для того, чтобы подстегнуть настроение, буйное и келейное в одно и то же время, приехал Рыжий Папоротник и привез поздравления от губернатора племени.

Они сидели за угловым столиком, наблюдая за плавным кружением пар под песню Бака Клейтона «Не пинай меня, малышка, когда я в тоске». Музыка проникла Максу в самую душу, настроив его на сентиментальный лад, заставив ощутить себя одиноким и счастливым. «Перебрал спиртного», — решил он.

Какой-то незнакомый тип, симпатичный блондин лет тридцати, пригласил Эйприл потанцевать. Она улыбнулась и пошла с ним, и это пришлось Максу не по душе.

— Его зовут Джек, — сообщил Ласкер. — Он работает на складе.

А главное, сказала Эйприл минут через пять, это что бы ни случилось на гребне, яхта у них останется в любом случае. По ее мнению, это не подлежащее сомнению доказательство посещения Земли высоко развитой цивилизацией.

— Но, — добавила она, — я прямо горю от нетерпения посмотреть на купол вблизи. — Глаза ее сияли.

Когда же Макс как бы между прочим поинтересовался у Ласкера, что тот намерен делать с яхтой, великан взглянул на приятеля с удивлением:

— Продам, как только выясню, сколько она стоит.

— Она бесценна, — промолвила Эйприл.

— Ненадолго. Мне не терпится избавиться от этой чертовщины.

— Почему?! — ошарашенно спросила Эйприл.

— Потому что мне надоел цирковой шатер и майки с картинками. Мне не по вкусу, когда мне обидками дают понять, будто я мало делаю для города. Нет, я обращаю ее в наличные, как только подвернется подходящая возможность.

Макс тешил себя мыслью, что, может быть, тоже приложил руку к отысканию НЛО, и воображал, как показывает президенту рубку управления. «Это навигационные приборы, господин президент. А вот здесь, справа, стартер генератора гиперполя». Нет, там не будет никакого генератора гиперполя. А будет... тахонный двигатель, что ли? Или квантовый? «По нашим оценкам, на крейсерской скорости до Альфы Центавра одиннадцать дней пути». Произнести эту фразу Макс хотелось чрезвычайно.

Предполагая появление телесериала, он уже гадал, кто будет играть Макса Коллингвуда. Лучше бы кто-нибудь сильный, но в то же время уязвимый. Он уже числил себя в списке самых завидных женихов «Эсквайра». А вот он дает интервью Ларри Кингу (интересно, будет ли он волноваться, когда телекамеры заработают?). Макс решил, что если все пойдет хорошо,

то он оставит «Молнию» себе, выстроит музей боевых самолетов и сделает ее центральным экспонатом.

Мемориальный музей Коллингвуда.

Они старались не привлекать к себе внимания, но алкоголь горячил кровь, и сидеть тихо становилось все труднее. Они поднимали тосты друг за друга, за Лайзу Ярборо, за команду геологического радара, за озеро Агассис, а еще за Форт-Мокси («центр американской культуры к западу от Миссисипи»).

— По-моему, — заметил Макс, — тут нам понадобится археолог. Сдается мне, можно нанять кого-нибудь, чтобы руководить раскопками. Это поможет обойтись без оплошностей, неизбежных, если мы будем делать все сами.

— Я против, — тут же возразила Эйприл.

— Прошу прощения?

— Не нужен нам никакой археолог. — Она разглядывала свой бокал в полусвете электрических свечей. — Не нужно вовлекать сюда никого лишнего без крайней необходимости. Стоит привести сюда археолога, и он тут же заявит, что мы дилетанты, и постарается взять руководство работами в свои руки. Понемногу он перетянет одеяло на себя, и вся честь достанется ему, — сказала Эйприл, всем своим видом заявляя: уж я-то знаю толк в таких делах, можешь мне поверить. — Пойми, большинство ученых по природе своей хищники. Иначе им не выжить. Дай такому палец, и он всю руку отхватит. — Она перевела дыхание. — Слушай, давай говорить прямо. Это не обычные археологические раскопки. В этом деле лучше нас не разбирается никто.

— Понятно. Из ученых ты тут одна и не хочешь подпускать никого другого, — констатировал Макс.

— Макс, да ведь это же наше дитя! — рассердилась она. — Ты хочешь, чтобы в драку полезли тяжеловесы? Попробуй — и увидишь, долго ли мы продержимся у руля.

Строительная компания «Королева Севера» обеспечила малый экскаватор и бригаду. Экскаватору не было одолеть бугры, ведущие на плато, но как только он прибыл на место, работы пошли без помех.

— Только не повредите эту штуку, хорошо? — сказал Макс.

— Мы будем осторожны, — заверил его бригадир — седовласый, крепко сбитый мужчина в толстой куртке. Ему сказали, что это старое зернохранилище, в котором могут быть спрятаны несколько ценнейших произведений искусства (Макс стал весьма изобретателен). — Конечно, сами понимаете, мы только поможем вам подобраться к этой штуке поближе, а после придется копать вручную, а это уж без нас.

По периметру района раскопок вбили колышки, натянув на них шпагат с белыми ленточками, развевавшимися на ветру. Пока бригада «Королевы Севера» выдвигалась в исходное положение, Пегги Мур в красном свитере, надетом по случаю существенного потепления, стояла у фургона, сложив руки на груди. Трактор с радаром Чарли поставил всего десятком ярдов дальше.

В фургоне в это время царила атмосфера, наэлектризованная до предела. Эйприл заняла пост у главного дисплея (правила, запрещающие посторонним находиться в фургоне, были давным-давно позабыты) и руководила раскопками оттуда. Макс постарался убедить себя в том, что под землей таится всего-навсего силосная яма или старинное индейское жилище. Марсиане отделились на многие световые годы.

Экскаватор занял позицию перед разметкой и застыл. Экскаваторщик посмотрел на планшет, переговорил по радиотелефону и продвинул машину еще на пару ярдов. Поднятый ковш раскрыл свои челюсти, помедлил и вонзил их в грунт. Земля задрожала.

Экскаваторщик потянул за рычаги, ковш поднялся, развернулся, оставляя след из мелких камешков и просыпавшейся почвы, и вывалил свой груз в сторону. Затем стрела вернулась к начатой яме. По плану надо было вырыть вокруг находки широкую траншею. Настоящие раскопки купола начнут завтра добровольные землекопы Эйприл, набранные в основном из числа местных фермеров, которым нечем заняться в это время года.

С затянутых тучами небес упало несколько снежинок.

Пегги Мур достала видеокамеру и начала снимать ход работ на пленку. А она не дура! Макс осознал, что должен был и сам догадаться так поступить. Не исключено, что видеоматериалы будут стоить кучу денег еще до окончания раскопок.

Фактически в ближайшее время придется обнаруживать свои находки и созвать пресс-конференцию. Сколько еще времени пройдет, пока пресса не заинтересуется происходящим на гребне Джонсона? Но что сказать на пресс-конференции, вот в чем вопрос. Нельзя объявить о находке НЛО, а после откопать старый нужник.

К закату на плато появился ров двенадцати футов шириной и тридцати глубиной. Подковообразный, как каньон, ров охватывал участок раскопок с трех сторон, на расстоянии пятнадцати футов от объекта. В ров уложили дощатый настил, поставили лестницы и настелили поверх него деревянные мостики.

— Тут нужна осторожность, — пояснил бригадир. — Есть риск, что земля обрушится, и если вы подкопаете под мостиками, а без этого, наверно, не обойдется, тогда надо будет принять меры, чтобы они не сломались. Лучше пригласите профессионала, знающего толк в этом деле.

— Спасибо, — сказала Эйприл. — Мы будем осторожны.

Он протянул ей документ на подпись. Эйприл взглянула в бумагу.

— Тут изложены сопутствующие опасности, меры предосторожности и рекомендация нанять специалиста по технике безопасности.

— А заодно эта бумага освобождает вашу компанию от ответственности за несчастные случаи, — заметила Эйприл.

— Ага, а как же. — Он подставил планшет.

Пробежав документ глазами, Эйприл подписала его. Бригадир вручил ей второй экземпляр, она сложила лист вчетверо и спрятала в карман.

Экскаватор тронулся в обратный путь по проселку, двигаясь против легкого ветерка, метущего поземку. Бригадир с удовлетворением оглядел итоги своей работы и сказал:

— Счастливо, люди. Будьте поосторожнее.

Когда он ушел, Макс и Эйприл медленно обошли ров кругом, освещивая на его дно фонариками.

— Придется изрядно покопаться, — заметил Макс.

— Народу у нас хватает, — отозвалась она.

10

---

*Торговцы, фермеры, чиновники, студенты,
Простолюдины — шли толпою,
Шли чередою неизменной...*

Уолтер Асквит, «Древние берега»

Поутру шумная толпа добровольных землекопов собралась в актовом зале муниципалитета Форт-Мокси. Прессу представлял Джим Стейвсант, городской серый кардинал, а также редактор и издатель еженедельника «Новости Форт-Мокси». Стейвсант толком не знал, ради чего собирают рабочих, кроме того, что на гребне Джонсона будут какие-то раскопки, но для городка, не богатого новостями, это событие тянет на передовицу.

Ровно в восемь Эйприл постучала по микрофону, дождалась, пока собрание утихнет, и поблагодарила всех за приход.

— Нам почти ничего не известно об этой постройке, — сказала она. — Мы не знаем, ни насколько она прочна, ни какую ценность она представляет. Пожалуйста, будьте поаккуратнее, чтобы ничего не повредить. Мы не торопимся.

Стейвсант, заодно исполнявший и обязанности фотокорреспондента, сделал пару снимков.

— Если вы наткнетесь на что-нибудь, кроме почвы и камней, пожалуйста, позовите прораба.

— Это что, чего-нибудь индейское? — поинтересовался мужчина в красной клетчатой куртке из переднего ряда.

— Мы не знаем, что это, — улыбнулась Эйприл. — После того как вы нам поможете это выяснить, мы вам непременно сообщим. Пожалуйста, оставайтесь со своими бригадами. Завтра вы можете явиться прямо на место работ. Или прийти сперва сюда, если хотите. В восемь отсюда поедет автобус и будет ходить туда-сюда каждый час до двух часов. Мы заканчиваем в половине пятого. Вы можете закончить, когда пожелаете, но, пожалуйста, отметьтесь у своего бригадира, если только хотите, чтобы вам заплатили.

Собравшиеся рассмеялись. Они пребывали в отличном настроении — на них неожиданно-негаданно свалился заработок под Рождество, да и погода держится.

— Есть вопросы?

— Ага, — подал голос один из студентов. — На месте будет какое-нибудь горячее питье?

— На месте будет фургон с раздачей горячего кофе, горячим шоколадом, сэндвичами и гамбургерами. Горячий шоколад и кофе бесплатно. Пожалуйста, не мусорьте на месте. Там будут урны, пользуйтесь ими. Всех, кто будет мусорить, попросят удалиться. Еще вопросы будут?

Землекопы потянулись к выходу, на ходу застегивая куртки.

Толпа покидала старое щитовое здание и рассаживалась по автобусам, машинам и пикапам. Стейвсант сделал еще несколько снимков и подождал Эйприл, чтобы поинтересоваться:

— Доктор Кэннон, а что там такое на самом деле?

— Джим, честное слово, не знаю и не хочу строить безосновательные догадки. Скорее всего это просто старое зернохранилище начала века. Дайте мне пару дней, а потом приходите и поглядите собственными глазами.

Стейвсант кивнул. «Новости Форт-Мокси», как правило, публикуют статьи, которые люди хотят увидеть напечатанными: о поездке в Аризону, о воссоединении семьи, о благотворительном празднике. Поэтому владелец, репортер и редактор не привык иметь дело с людьми, уклоняющимися от ответа на вопрос. Да вдобавок жизнь ему осложняет проблема, совершенно не знакомая ежедневным газетам: трехдневный разрыв между новостью и появлением «Новостей» на свет. А срок сдачи следующего номера уже прошел, так что подверстать в него материал уже не удастся.

— Как-то не верится, чтобы кому-то пришлось в голову строить зернохранилище на вершине гребня. Это немного нерационально, как по-вашему?

— Джим, мне уже пора.

— Пожалуйста, уделите мне всего минуту. Доктор Кэннон, вы ведь химик, не так ли?

— Да.

— А какой интерес химику участвовать в раскопках?

К подобному допросу Эйприл оказалась совершенно не готова.

— Это мое увлечение.

— А тут есть археолог? Настоящий? Руководящий работами?

— Ну, правду сказать, нет. В общем-то.

— Доктор Кэннон, пару месяцев назад у нас в районе откопали яхту. Этот проект имеет к ней какое-нибудь отношение?

— Даже не знаю. — Эйприл чувствовала, что вот-вот запутается. — Джим, прошу прощения, я должна идти.

Тут она увидела Макса и, помахав рукой, заспешила к нему. Но Стейвсант не отставал.

— Тут у нас поговаривают об НЛО.

Она остановилась, понимая, что должна крепко подумать, прежде чем сказать хоть слово. Но ничего путного в голову не пришло.

— Ничего не могу вам сказать, — выпалила она.

Разумеется, произнести более фатальную глупость было бы трудно.

Они взяли в прокат три фургона: один для кухни, другой под координационный центр, а третий — для отдыха «генералов». А еще установили палатку для хранения инвентаря.

Макс поселился в Форт-Мокси в мотеле «Северная звезда», позвонил Стелле, сказал, что задержится тут на несколько дней, и попросил организовать доставку его автомобиля.

Ласкер согласился взять на себя руководство административной стороной работ. Без лишних слов он наметил общий план, назначил прорабов, организовал рабочие бригады и составил такой график смен, чтобы рабочие проводили в тепле столько же времени, сколько и под открытым небом.

Кроме того, он не считал зазорным для себя взять в руки лопату. Его почин стал очень популярен, особенно когда к нему присоединились Эйприл и Макс. Так что дела пошли быстро, и в тот самый день, когда «Новости Форт-Мокси» вышли в свет со статьей об НЛО, Лем Хардин, работавший на полставки на лесоскладе, докопался до твердой зеленой поверхности.

НЛО НА ГРЕБНЕ ДЖОНСОНА? УЧЕНЫМ НЕЧЕГО СКАЗАТЬ

Джим Стейвсант

Форт-Мокси, 17 декабря

Доктор Эйприл Кэннон, руководящая раскопками на гребне Джонсона, сегодня отказалась опровергнуть упорные слухи о находке летающей тарелки.

Кэннон возглавляет команду из более чем двухсот землекопов, пытающихся откопать таинственный объект, недавно обнаруженный в результате интенсивных изысканий при помощи геологического радара. Археологи Университета Северной Дакоты утверждают, что гребень Джонсона — неподходящий участок

для поисков захоронений или поселений коренных американцев, и теряются в догадках, чем объяснить инициативу Кэннон.

Информационные агентства тут же подхватили эту новость и разнесли ее по всей стране.

Макс узнал об успехе, когда издали донеслось громкое «Ура!». Он уже встал из-за стола и потянулся за курткой, когда зазвонил телефон.

— Крыша, — сообщил Ласкер.

Весть быстро разлетелась по всему участку, люди бросали тачки и торопливо взбирались по лестницам, чтобы посмотреть на находку. Взглядам тех из них, кому удалось подобраться достаточно близко, открылась маленькое изумрудное окошко, видневшееся на дне котлована.

Когда Макс подошел, Эйприл уже стояла рядом с находкой на коленях, сняв перчатки. Макс спустился к ней.

— На ощупь, как выпуклое стекло, — сказала она. — По-моему, прозрачное.

Взяв фонарик, она включила его и поднесла к расчищенному участку, но солнце светило чересчур ярко. Эйприл нетерпеливо стащила с себя куртку и накрылась ею с головой.

— Что там? — не утерпел кто-то из рабочих.

— Пока не понятно. — Эйприл поглядела на Макса. — Свет туда проникает.

— Ты замерзнешь, — сказал Макс, но тоже сунул голову под куртку. Внутри действительно можно было заглянуть.

Эйприл достала папку, собрала несколько крупинок и сунула их в конверт. Затем огляделась и заметила Ласкера.

— Теперь поосторожнее. Рядом с этой штукой никаких лопат! Мне плевать, даже если на раскопки уйдет целый год. Только не повредите ее. — Эйприл натянула куртку и перчатки и выбралась из ямы. — Не знаю, но, на мой взгляд, на крышу сарая это не похоже. Может, мы и в самом деле наткнулись на что-то стоящее. — Клапан конверта был покрыт самоклеящимся составом. Эйприл запечатала его и спрятала в карман. — Макс, можно попросить тебя об одолжении?

— Что прикажешь?

— Не подбросишь меня самолетом в институт?

— Но ведь основные события разыгрываются здесь!

— Здесь они будут позже, — покачала она головой. — А сегодня основные события будут в лаборатории.

Эйприл так и не поняла, откуда пресса так быстро узнала о находке. Бригада новостей «Лесли в десять» прибыла еще до того, как они с Максом успели покинуть плато, а вслед за телевизионщиками подоспели и газетчики.

— Нет, — сказала она им. — Ни о каких НЛО я ничего не знаю.

Она решительно заявила, что понятия не имеет, откуда пошли слухи, что они не искали ничего конкретного — просто поговаривали, что на гребне

что-то зарыто, а им удалось откопать какой-то кусок стекла.

— Вот и все, — подытожила она. — На этом пока все.

Кэрол Дженсен из «Лесли в десять» настаивала на официальном заявлении для прессы.

— Как вам завтра утром? — предложила Эйприл. — Годится? В девять. Это даст нам возможность выяснить, что мы обнаружили. Но, пожалуйста, сенсаций не ждите.

Макс доставил ее в аэропорт Челлис. Не теряя времени, Эйприл прыгнула в свой автомобиль, отмахнувшись от его приглашения на ленч.

— Я позвоню, как только что-нибудь прояснится, — пообещала она напоследок.

Макс отправился в свою контору, заказал пищу и включил телевизор как раз во время полуденных новостей. Новости оказались скверными. На экране он увидел себя — он стоял рядом с Эйприл и выглядел круглым дураком, а она явно уклонялась от прямых ответов. Но что хуже всего, репортеры опознали в нем владельца «Закатной авиации».

В «Полуденных новостях» делали упор на мнимые сенсации, связанные с НЛО, и упоминали о том, что две недели назад на вершине горы в Айдахо ожидали приземления инопланетян. «Не являются ли раскопки в Форт-Мокси еще одним примером подобного заблуждения? — вопрошал комментатор. — Следите за нашими передачами».

Во второй половине дня новость крутили уже по Си-эн-эн, где вслед за репортажем с гребня Джон-

сона шла информация о сезонном обострении душевных заболеваний. Далее следовало интервью с явно помешанным юношей, утверждавшим, что в плоскогорье Пембина таится источник энергии, помогающий людям познать свою истинную природу. В Миннесоте какие-то фермеры утверждали, что видели, как нечто светящееся приземлилось в лесу близ Саук-Центра. В Пенсильвании и Миссисипи ходили рассказы о похищении людей инопланетянами. А в Лавлок, штат Невада, водитель, врезавшийся в валун в нетрезвом состоянии, утверждал, будто за ним гнался НЛО.

— Макс, да ты теперь знаменитость! — сказала Сейл. Макс и не заметил, как она появилась на пороге. На ней был безупречно отглаженный китель компании воздушных грузоперевозок «Тор», синий с золотым кантом. Ее волосы длиной до плеч взметнулись мягкой волной, когда Сейл повернулась, чтобы закрыть дверь.

— Я уже на пути к славе и богатству, — вздохнул Макс.

Сейл села напротив него.

— Надеюсь, ты его одолеешь. — Она изобразила капризный настрой. — А я сегодня увидела «Зеро»*.

— И?..

— Если ты действительно нашел НЛО, то все это покажется тебе детскими игрушками.

---

* Мицубиси А6М, известный под названием «Зеро» — японский истребитель морского базирования. В начале второй мировой войны был лучшим истребителем в Тихоокеанском театре военных действий. В конце войны часто использовался для полетов камикадзе.

— Только не держи пари на этот счет, — ухмыльнулся Макс.

— Не стану, Макс, — улыбнулась она в ответ. Макс ощутил, как в душе всколыхнулась волна тепла. — Послушай, я лечу в Виннипег. Ты занят?

Он покачал головой:

— Просто жду звонка. Ты туда надолго?

— Туда и обратно. Везу груз телекоммуникационных запчастей. — Взгляд ее обрел серьезность. — Макс, а она в самом деле там?

— Сомневаюсь.

— Жаль, — расстроилась Сейл. — Кстати, почему бы тебе не слетать со мной? Ты мог бы показать мне, где вы копаете.

Макс увидел себя выходящим из вашингтонской студии после интервью с Ларри Кингом. Сейл его поджидает, но он лишь отмахивается от нее. «После поговорим, я спешу на передачу «Сегодня вечером»».

— Макс! — окликнула она.

— Ага. Конечно, полетели. — Но ему воистину не терпелось узнать о результатах исследований Эйприл сразу, как только они появятся. — Каким самолетом?

— «Бетси».

— Ладно. Я только закончу тут и присоединюсь к тебе.

Он позвонил Эйприл. Она на звонки не отвечала, и Макс наговорил на автоответчик, как связаться с С-47. Затем оставил записку Стелле, ушедшей на ленч, натянул куртку и вышел на взлетную полосу.

Сейл уже сидела в кабине, занимаясь предполетной проверкой самолета. С-47 сохранил свои бое-

вые эмблемы. Единственной данью его нынешней миссии стало изображение колотушки и надпись «Компания грузоперевозок Тор», приютившиеся на хвосте.

Макс залез в самолет через грузовой люк и закрыл его. Салон был забит упаковочными ящиками. Пробравшись между ними, Макс занял кресло второго пилота. Сейл, общавшаяся с Вышкой, подняла руку, давая понять, что заметила его.

Пропеллеры медленно вращались.

— А что это за спешка с телефонами? — поинтересовался Макс. Обычно подобные грузы доставляются наземным транспортом.

— Кто-то напортачил, производство стоит. Вот я и получила заказ. По большей части мой бизнес держится на том, что я разгребаю кучу, когда кто-нибудь завалит дело. — Она ухмыльнулась. — Так что без работы я не останусь.

Она вывела самолет на северную взлетную полосу. По серому небу плыли тучи. «Вечером будет снег», — подумал Макс, наслаждаясь своим ощущением C-47. Это выносливая и исключительно послушная машина. Если вам надо доставить груз через линию фронта, то лучшего самолета и пожелать нельзя.

— Поехали, — сказала Сейл, давая полные обороты. Прокатив по бетонке, C-47 взмыл в небеса.

Больше года назад Макс обнаружил, что роман с Сейл у него не получится. Как только это выяснилось, ему стало легко говорить с ней. Она чудесно умеет слушать, а в ее деликатность Макс верил безоговорочно.

— Меня пугает, — признался он, — что дело вынесено на общее обозрение. Теперь вся страна считает, будто мы знаем, что там может быть НЛО. В результате мы выглядим чокнутыми.

— А что ты сам-то думаешь?

— Что эта штука окажется чем-то иным.

— Тогда чего ж ты копыя ломаешь?

Макс немного поразмыслил.

— Ну а вдруг... — Услышав ее смех, он осекся.

— Вот видишь? Вы и есть чокнутые. Впрочем, меня это не волнует. Если ты действительно нашел НЛО, то радоваться надо. — В кабине было холодно, и она включила обогрев. — Если он действительно там, Макс, я хочу на нем прокатиться. — Она поглядела на Макса, а он засмеялся и показал ей большой палец.

Подняв машину до четырнадцати тысяч футов, Сейл повернула на север. В мирной, озаренной солнцем кабине C-47 стало совсем уютно.

— И кому он будет принадлежать? — спросила Сейл.

— Наверно, сиу.

— Почему сиу?

— Он на их земле. — Мысль о краснокожих, управляющих самым совершенным в мире космическим кораблем, позабавила его. — Любопытно, а что скажет по этому поводу Бюро по делам индейцев?

— Даю руку и отсечение, что индейцам не разрешат оставить его себе.

У Хоупа они легли на курс вдоль Мейпл-Ривер на север. Когда самолет пролетал над Приятной доли-

ной, зазвонил телефон. Сейл подняла трубку, послушала и передала ее Макс.

Звонила Эйприл.

— Макс, это сто шестьдесят первый, — задыхающимся голосом вымолвила она.

— Как и яхта? — Он стиснул трубку и заметил заинтересованный взгляд Сейл. — Ты уверена?

— Да, Макс. Я уверена. — Эйприл даже не пыталась скрыть свой восторг.

— Поздравляю, — произнес Макс. Сейл с любопытством наблюдала за ним.

— И я тебя. Слушай, нам надо сейчас же туда возвращаться.

— Я уже примерно там. Лечу в Виннипег. Вернусь под вечер, и полетим обратно. Годится?

— Вполне. Позвони, когда будешь здесь.

Пообещав позвонить, Макс напомнил:

— А ты думала о завтрашней пресс-конференции?

— Да, думала.

— Похоже, у нас больше нет причин держать рот на замке.

«О чем?» — одними губами произнесла Сейл.

Максу показалось, что он слышит, как лихорадочно крутятся шестеренки в голове Эйприл.

— Мне было бы спокойнее, если бы мы потянули с этим, пока не откопает всю штуку целиком.

— Подобную роскошь тебе вряд ли позволят.

— Как я понимаю, вы нашли НЛО, — пару секунд спустя сказала Сейл.

— Нет, новости не настолько хороши. Но хороши. — Макс вкратце объяснил, что к чему.

Она устремила на него теплый взгляд широко распахнутых глаз:

— Макс, я рада за тебя.

Гребень Джонсона приближался. Макс смотрел вниз, на череду холмов, гладких и белых в свете солнца, и на низкую, плоскую седловину, внезапно обрывающуюся в пропасть.

— У вас там порядком народу, — заметила Сейл.

Вообще-то даже чересчур много. Люди виднелись повсюду, а на автостоянке яблоку негде было упасть.

— Должно быть, к нам уже нагрянули туристы.

Сейл положила машину в вираж, начав долгий, плавный разворот.

— Наверно, это еще цветочки. Может, тебе пора подумать о регулировке движения и правилах безопасности? — Достав из бардачка полевой бинокль, она поднесла его к глазам, чтобы поглядеть на гребень. — По-моему, твои работники не очень-то продвинулись.

Макс потянулся к телефону, но она удержала его руку:

— А не лучше ли сделать это лично? Тем более что я с удовольствием и сама бы взглянула.

Отложив бинокль, она подала штурвал от себя. Самолет пошел на снижение.

— Ты что, собираешься приземлиться прямо здесь? — удивился Макс. — В нескольких милях восточнее есть аэропорт.

— А это дорога к нему? — указала она вниз.

Двухполосная дорога из Форт-Мокси была забита до отказа, и машины еле двигались короткими рывками.

— Она самая.

— На это у нас нет времени. Слушай, Макс, я с удовольствием полюбуюсь на НЛО вблизи. Ты же видел землю. Есть возражения?

В длину плато, плоское и лишенное растительности (если держаться подальше от краев), насчитывает около двух тысяч ярдов. Снежные наносы прикрывают его лишь местами, в виде узких полос.

— Приличный боковой ветер.

Сейл поглядела вниз и взглядом дала понять, что бояться нечего.

— Меньше двадцати узлов. Для «Бетси» это сущий пустяк.

— Мало ли что.

— Не волнуйся, Макс, — рассмеялась она. — Если кто-нибудь подаст жалобу, я скажу, что ты протестовал всю дорогу.

Десять минут спустя она посадила машину на плато, даже не расплескав кофе. Все находившиеся на земле уставились на большой самолет, медленно кативший к участку раскопок. Когда Макс распахнул дверцу, Ласкер уже дожидался его.

— Надо было сразу догадаться, что это ты, — начал Том, но тут увидел Сейл и прикусил язык. Лицо его приобрело дурацкое выражение, неизменно появляющееся на лице каждого мужчины, оказавшегося рядом с ней.

— Сейл, — представил Макс, — это Том Ласкер, наш номинальный босс.

Они обменялись рукопожатием.

Туристы и зеваки были повсюду. Они вовлекали землекопов в разговоры, толпились на мостиках и всячески мешали работе. Многие стояли у края раскопа, другие подходили чересчур близко к обрыву.

— Надо что-то сделать, — сказал Макс.

— Я пытался приставить людей, чтобы они не подпускали зевак, — вздохнул Ласкер. — Но те агрессивны, к тому же их слишком много, за всеми не уследишь. Да вдобавок никто из присутствующих не располагает реальными полномочиями.

Макс наблюдал за бесконечным потоком автомобилей, подъезжающих к плато.

— Ладно, попросим полицию поставить на подъезде какой-нибудь кордон. Может быть, ограничить число туристов, допускаемых сюда одновременно?

— Полицейские за такое братья не захотят.

— Им придется, пока кого-нибудь не прикончили. Надо ввести пропуска для наших людей.

— А что нам делать до того? Из-за этого бардака мы топчемся на месте.

Макс порывисто вздохнул:

— Отпусти людей пораньше домой. — Он поглядел на кишашую толпу. — А кто тут шеф полиции?

— Эмил Датабл.

— Ты с ним знаком?

— Мы встречаемся в разных кругах, но я с ним знаком.

— Позвони ему. Объясни, что тут происходит, и попроси о помощи. Скажи, что нас буквально вытеснили с раскопа, и попроси прислать людей, чтобы очистить территорию.

— Ладно, — кивнул Том.

— А тем временем, — повернулся Макс к Сейл, — ты, наверное, хочешь посмотреть, что там такое?

— Да, если ты не против.

По деревянному мостику они перешли через главную траншею. Дальше повсюду высились кучи земли и было проложено еще несколько канав поменьше. По пути Макс заглядывал в каждую из них. Наконец он остановился:

— Здесь.

Раскоп стал шире, чем утром. И зеленое окошко тоже.

— Смахивает на стекло, — заметила Сейл.

Минут через пять к ним присоединился Ласкер и сообщил:

— Копы на подходе.

— Отлично. Кстати, Том, Эйприл говорит, что это тот же материал. Может, мы и в самом деле заполучили НЛО.

— Вряд ли, — покачал головой Ласкер.

Макс из осмотрительности не позволял надеждам чересчур разгораться, но комментарий Ласкера — а главное, его тон — подействовал на них, как ледяной ливень.

— Почему вряд ли?

— Пойдем со мной, — поморщившись, как от зубной боли, отозвался Ласкер.

Он повел их обратно к главной траншее и спустился по лестнице. Макс и Сейл последовали за ним. В траншее было холодно и сумрачно. Под ногами поскрипывали доски настила. Повсюду трудились ра-

бочие — одни копали, другие оттаскивали землю и грузили ее в бадьи. Бадьи при помощи блоков поднимали на поверхность, где и опорожняли.

— Здесь. — Ласкер указал на изогнутую стойку, выступающую из западной стены траншеи футах в пяти над его головой и уходящую в землю. — Их тут несколько штук. Верхний конец прикреплен к объекту. А этот конец, — он указал на нижнюю часть стойки, — уходит в скалу. Чем бы эта штука ни оказалась, черта лысого она способна сдвинуться с места хотя бы на дюйм.

Вся макроиндустриальная система прогнозируется по стабильному и статистически предсказуемому уровню износа и уничтожения продуктов производства. Разумеется, если принять предположение, что речь идет о наиболее употребительных продуктах. Значительное снижение любого из этих двух факторов немедленно отразится на производстве и вызовет сокрушительные возмущения в экономике.

Эдуард Денёв, «Индустриальный фундамент и мировое сообщество», издание третье

Для начала я бы хотела положить конец слухам о летающих тарелках, — сказала Эйприл прямо в объективы телекамер. Стоявший рядом с ней Макс предпочел бы оказаться за тысячу миль отсюда, но старался не подавать виду. Стену позади них украшал государственный флаг. — Не знаю, откуда пошли эти слухи, но только не от нас. Впервые я узнала о них из «Новостей Форт-Мокси». — Она улыб-

нулась Джиму Стейвсанту, стоявшему футом в пяти от нее с видом крайнего самодовольства.

Собрание проходило в актовом зале муниципалитета Форт-Мокси. Макс был просто подавлен числом и именами съехавшихся журналистов. Прибыли представители Си-эн-эн и Эй-би-си, телеграфных агентств и нескольких крупных ежедневных газет Среднего Запада и даже один корреспондент «Джампан таймс». Макс Тауэр, знаменитый фельетонист из «Чикаго трибьюн», сидел в первом ряду. Крохотный степной городишко прославился на всю страну — по крайней мере хотя бы на несколько часов.

Накануне вечером Эйприл с Максом приняли решение не замалчивать ничего, кроме догадок. Если информацию дадут по Си-эн-эн, то не стоит рисковать и нарываться на сокрушительные комментарии. Эйприл отрепетировала заявление для прессы, а Макс задал ей все вопросы с подковыркой, какие только пришли ему в голову. Но одно дело репетиция, и совсем другое — реальная аудитория. Эйприл не оратор, а Макс боится выступлений перед публикой, как огня.

— Но кое-какие новости у нас есть, — продолжала Эйприл, вынув из портфеля стопку листов. — Вот данные лабораторного анализа образца парусины, найденной на яхте Ласкера, а также образца наружного покрытия объекта, найденного на гребне. Химический элемент, из которого сделаны эти объекты, имеет атомный номер сто шестьдесят один.

Фотокорреспонденты подошли поближе и защелкали затворами.

— Этот элемент находится в дальнем конце периодической таблицы, хотя точнее было бы сказать, за ее пределами.

Поднялось сразу несколько рук.

— Что именно это означает? — спросила высокая молодая женщина из центра зала.

— Это означает, что до сей поры мы с этим элементом не сталкивались. Правду сказать, не так уж давно я была убеждена, что подобный элемент должен быть крайне нестабилен и существовать не может.

Новые руки.

— А кто мог произвести это вещество?

— Об этом мне ничего не известно.

В руках у некоторых слушателей появились сотовые телефоны. Публика начала напирать, протягивая Эйприл микрофоны и выкрикивая вопросы. Эйприл попросила обождать с вопросами до конца ее заявления. Затем в общих чертах описала цепь событий, начиная с обнаружения судна. Она назвала Макса и Тома Ласкера, воздав им должное (а может, возложив ответственность) за находку на гребне. Потом подробно описала результаты испытаний материалов с яхты и из раскопа.

— Вы сможете получить их перед уходом. — Далее Эйприл призналась, что вразумительного объяснения дать не может, и добавила: — Но мы знаем наверняка, что объект на гребне является строением, а не транспортным средством. Так что всякие измышления на сей счет исключаются. — Эйприл пленительно улыбнулась. — Оно смахивает на старое паровозное депо.

В зале снова поднялись руки.

«Виннипег Фри пресс»: Доктор Кэннон, вы утверждаете, что земная наука не способна произвести подобный материал?

Си-эн-эн: Удалось ли вам установить возраст находки?

«Гранд-Форкс геральд»: Поговаривают, что этим раскопки не исчерпываются. Планируете ли вы начать изыскания где-либо еще?

— По одному, пожалуйста, — загордилась ладонью Эйприл и посмотрела на репортера «Фри пресс». — Если кто-то на такое и способен, он мне не известен.

— А как насчет правительства?

— Вряд ли. Но лучше спросите у них сами. — Она повернулась к корреспонденту Си-эн-эн. — Этот элемент не подвержен распаду, так что точному датированию он вряд ли подлежит. Но судя по всему, для постройки купола строителям пришлось углубиться в скалу. Возможно, нам удастся установить, когда проводились земляные работы. Но пока мы этого не делали.

— А у вас нет фотографий? — помахала блокнотом женщина слева от нее.

Эйприл дала знак Джинни Ласкер, стоявшей рядом с демонстрационной доской, и та откинула лист, закрывавший эскиз купола.

— Насколько мы можем судить, — сказала Эйприл, — вся наружная поверхность сделана из одного материала. Кстати, на ощупь он похож на гнутое стекло.

— Стекло? — переспросил корреспондент Эй-би-си.

— Ну, с виду точь-в-точь как стекло.

Новый град вопросов:

— А что внутри?

— А вы уверены, что ничего не напутали?

— А сможем ли мы воспроизвести этот материал теперь, когда он у нас появился?

И так далее.

Эйприл старательно подыскивала ответы на все вопросы. Она не представляет, что находится внутри купола. Она организовала проверку тех же образцов другой лабораторией, и результаты оказались идентичными. Она не представляет, можно ли научиться производить аналогичные материалы.

— Если это нам удастся, — добавила она, — то мы сможем делать паруса, которые прослужат очень долго.

— Насколько долго? — уточнил репортер «Фарго форум».

— Ну-у, о-о-очень долго, — ухмыльнулась она.

Вопросы безопасности они разрешили вполне успешно. Рабочим раздали пропуска, и полиция не позволяла зевакам заходить на территорию раскопок.

Даже не будь всего остального, уже одна пресс-конференция дала бы Максу понять, какого джина он выпустил из бутылки. Он дал несколько интервью, стараясь не выходить за намеченные рамки. «Что тут произошло на самом деле? Кто построил купол?» Макс отказывался пускаться в догадки. «Мы знаем

не больше вашего». И сказал, что предпочитает оставить за прессой право на досужие домыслы.

Журналистов на раскопе собралось больше, чем землекопов. Они фотографировали, задавали вопросы и стояли в очередях, чтобы взглянуть на прозрачную зеленую поверхность, расчищенную уже в нескольких местах.

Как раз перед полуднем Том Ласкер зашел к сидевшему в фургоне Макс. Телефоны звонили без умолку, и с раскопок сняли несколько человек, чтобы те помогли отвечать на звонки.

— Макс, эта история пошла в эфир, — сообщил Том. — Ее крутят во всех выпусках новостей без исключения. Кстати, звонил Чарли Линдквист. Он нас обожает.

— А кто такой Чарли Линдквист?

— Председатель городского совета Форт-Мокси. Знаешь, что он сказал?

— Нет. И что же?

— Он сказал, что это лучше Несси. Чтоб меня разразило. — Том ухмыльнулся от уха до уха. — И самое нелепое, Макс, что это действительно так. Это величайшее событие в наших краях со времени Сухого закона. Кавалер, Валгаллу и прочие городки ждет процветание.

Снаружи послышался возбужденный гомон. Макс выглянул в окно и увидел, что Эйприл прокладывает себе путь к фургону сквозь толпу репортеров.

— По-моему, она им нравится, — заметил он.

— Ага, еще бы! Она им подкинула обалденную сенсацию.

Дверь распахнулась, и Эйприл, пятясь, втиснулась внутрь.

— Дайте мне час, — крикнула она кому-то, — и я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы.

— Добралась до моего детства, — сообщила она, захлопнув дверь и привалившись к ней спиной. — Кое-кому из них хочется вытащить из этого очередную историю о том, как обездолженные афроамериканцы выбираются из грязи в князи. — Она со вздохом плюхнулась в кресло и только тут заметила Ласкера. — Привет, Том. Добро пожаловать в психушку!

— Да у меня дома не лучше. Народу не протолкнешься, такого еще не бывало, да еще армия репортеров. Нынче утром, когда я уезжал, они допрашивали расспросами детей.

— Быть может, именно так отныне будет выглядеть наша жизнь, — развела руками Эйприл.

— Я как-нибудь с этим справлюсь. — Макс упиался происходящим.

— Эй, я голодна, как волк! У вас тут какой-нибудь сандвич не завалился?

Макс достал ей из холодильника сандвич с ростбифом и пепси. Эйприл развернула сандвич и откусила изрядный кусок.

— Ты здорово смотрелась, — заметил Макс.

— Спасибо. — Ее губы изогнулись в улыбке. — Я чуточку волновалась.

— По тебе не скажешь, — соврал Макс, потому что она нуждалась в поддержке.

Кто-то постучал. Ласкер откинулся на стуле и выглянул в окошко. Потом открыл дверь, впустив седовласого, худого, но невероятно высокого мужчину.

Посетитель взглянул на Эйприл в упор, как на врага:

— Доктор Кэннон?

— Да. — Она с вызовом посмотрела на него. — Чем могу служить?

Пришедший буквально источал холодную ярость. Его редеющие, подстриженные бобриком волосы агрессивно топорщились. Подернутые влагой глаза прятались за линзами бифокальных очков — похоже, давно нуждающихся в замене на более сильные. Он скользнул взглядом мимо Ласкера и Макса, будто те были пустым местом.

— Моя фамилия Эйхнер. Я заведующий кафедрой архсологии в Северо-Западном. — Он посмотрел на Эйприл с высоты своего роста; судя по тону, свое моральное превосходство он ставил еще выше. — Как я понимаю, это вы распорядитесь этим... — он помолчал, — ...мероприятием?

Тон его был полон снисходительности. Эйприл не спускала с него глаз:

— По какому вы делу, доктор Эйхнер?

— Мое дело — сохранение прошлого, доктор Кэннон. Простите за банальность, но эта находка, это бог весть что, откапываемое вашими людьми, может представлять громадную ценность.

— Мы знаем.

Он бросил ледяной взгляд на Макса — дескать, попробуй-ка возрази!

— Тогда вы должны знать, что существует изрядная вероятность повреждения, а следовательно,

и невосполнимой утраты. Все идет совершенно бесконтрольно. На раскопках нет ни одного профессионала.

— Вы имеете в виду профессионального археолога.

— А кого ж я еще могу иметь в виду?!

— Как я понимаю, — встрял Макс, — вы претендуете на это место.

— Откровенно говоря, — Эйхнер по-прежнему обращался к одной лишь Эйприл, — я чересчур занят, чтобы заниматься полевыми изысканиями. Но вы просто-таки обязаны пригласить сюда кого-нибудь, знающего толк в своем деле.

— Однако, доктор Эйхнер, — возразила Эйприл, — мы работаем с предельной осторожностью.

— Предельная осторожность дилетанта — это звучит малоубедительно. — Он достал буклет с надписью «Национальная ассоциация археологов» и протянул его Эйприл. — Я предлагаю вам позвонить в любой университет с приличной кафедрой. Или в Комиссию по древностям. Ее номер на второй странице. Они с радостью помогут вам подобрать кого-нибудь.

Эйприл не шевельнулась, и он швырнул буклет на стол.

— Я не могу помешать тому, что вы тут вытворяете. И очень жаль. Будь такое возможно, я бы положил этому безобразию конец сию же секунду. Поскольку такой возможности у меня нет, я взываю к вашему разуму.

— Спасибо. — Взяв буклет, Эйприл не глядя бросила его в сумочку.

Эйхнер посмотрел на нее, потом на сумочку:

— Я говорю вполне серьезно. Вы несете профессиональную ответственность. — Распахнув дверь, он пожелал всем здоровья и удалился.

Добрую минуту царило молчание.

— Наверно, он прав, — подал голос Ласкер.

— Нет, — покачал головой Макс. — Ни на грош. Кафедра археологии в Северо-Западном знает о подобных раскопках ничуть не больше нашего.

— Я согласна, — поддержала его Эйприл. — Тем болес что Шлиман был дилетантом.

— Помнится, я где-то читал, — заметил Ласкер, — что в Трое он жутко напортачил.

Сбывалось все, на что Эйприл возлагала надежды. Она сделала открытие века и, пожалуй, увековечила себя. В один прекрасный день Эйприл Кэннон окажется среди гигантов науки. В этом ей уже ничто не может помешать. Она пока толком не поняла, что же открыла, но в эпохальности открытия сомнений нет.

В тот же вечер о находке говорили по всем каналам, уже всерьез, не поминая о сезоне помешательства. «Час новостей с Джимом Лерером» показал ряд химиков, почти единодушно сходящихся в том, что где-то была допущена ошибка или произошло недоразумение.

— Но, — сказал Алан Наримото из Миннесотского университета, — если доктор Кэннон права, это открытие неоценимой значимости.

— Как это? — спросил Лерер.

— Если на время забыть о нашей исходной посылке и представить, что мы сумеем воспроизвести

процесс производства этого элемента... — Наримото покачал головой и повернулся к коллеге Мэри Эспозито из Университета Дюка, подхватившей эстафету.

— Тогда мы смогли бы, — завершила она, — сделать ткань для вашего костюма, Джим, которая пережила бы вас.

Эй-би-си показала сюжет, в котором Эйприл стояла рядом с куполом, держа в руках рулон скотча шириной в два дюйма.

— Это обыкновенная клейкая лента, — проговорила она, отрывая футовый кусок ленты и наклеивая его на картонную коробку и затем срывая. Лента потянула за собой изрядный кусок картона. — В отличие от картона наш элемент крайне слабо взаимодействует с другими веществами. — С этими словами она оторвала еще кусок скотча, крепко прижала его к стене купола и отпустила. Скотч медленно отделился и упал на землю. — Ему не страшны ни снег, ни вода, ни грязь — даже клейкая лента. — Камера сделала наезд на зеленую поверхность. — Подумайте, какой замечательный получился бы из него защитный лак для вашего автомобиля.

Комментарии были хоть и осторожными, но не враждебными. Эйприл считала, что выглядела хорошо — этакий образчик сдержанности и уверенности. Только факты, мэм!

Атомный номер бог весть где — за углом и напротив, отсюда не видать. «Этот элемент находится в периодической таблице невероятно далеко. Вообще-то можно без натяжки сказать, что он находится

за ее пределами». Научный обозреватель «Тайма» побелел как мел. Вот это был славный день! Сегодня вечером ученые всей страны впервые прочтут эту информацию. Эйприл пока не публиковалась, но это не беда, потому что у нее есть доказательства. Отныне она войдет в легенды. Чудесное чувство!

В мотеле «Северная звезда» бара не было. От возбуждения Эйприл не могла ни спать, ни читать и уже было собралась позвонить Максу, чтобы предложить пойти отпраздновать событие еще разок (хотя оба они явно перебрали на радостях во время обеда в Кавалере с Ласкерами), когда зазвонил телефон.

Звонил Берт Кода, заместитель директора Колсоновского института, работающий там со времен второй мировой войны. Институт давным-давно заменил этому усталому, издерганному, отчаявшемуся человеку и жену, и семью, и Бога, и страну.

Без лишних экивоков он с ходу выпалил:

— Эйприл, ты что, из ума выжила?!

Это не могло не пробудить ее от грез.

— В каком это смысле?

— Ты сегодня выступала перед камерами.

— И что?

— Ты даже словом не обмолвилась об институте.

Ни единым.

— Берт, это не имеет ни малейшего отношения к институту.

— Что ты городишь?! Насколько я помню, во время нашей последней встречи ты еще работала на нас. И когда же ты уволилась? Ты что, смотала удочки, когда я отвернулся?

— Послушайте, я просто старалась не впутывать институт в это дело.

— Почему? С какой стати тебе такое вздумалось?

— Потому что тут идет речь об НЛО, Берт. Может, о зеленых человечках. Вы хотите, чтобы институт ассоциировался с зелеными человечками? Я полагаю, что Колсоновскому положено держать марку оплота научной мысли.

— Пожалуйста, перестань юлить.

— Я и не собиралась.

— Еще как собиралась! Это же бесплатная реклама, да притом в безмерных количествах! Что-то я не слышал сегодня болтовни об НЛО.

— Еще услышите.

— Плевать! — В голосе его зазвучали угрожающие нотки. — Эйприл, тебя показывают по всем программам. Как я понимаю, завтра ты будешь во всех газетах. Ты, Эйприл. Не Колсоновский институт, а Кэннон. — Он порывисто вздохнул. — Ты хоть слышишь, о чем я говорю?

— Но это скверная реклама!

— Скверной рекламы не бывает. Когда репортеры выстроятся к тебе в очередь, а это уж непременно, будь так любезна, упомяни о своем работодателе, переплачивавшем тебе не один год. Как ты, сможешь себя заставить?

Эйприл выдержала паузу. Она с удовольствием бросила бы вызов этому сукину сыну. Но, откровенно говоря, она страшилась его.

— Ладно, — проронила она наконец. — Если вам так хочется.

— О да, именно этого мне и хочется.

Эйприл мысленно увидела, как он откинулся назад с закрытыми глазами и выражением отчаяния на лице, появляющимся всякий раз, когда он сталкивается с вездесущей глупостью.

— Да, я очень этого хочу. Кстати, можешь упомянуть, что мы особо хороши по части экологии. Ах да, еще вот что... Мне было бы любопытно узнать, где ты была и за чей счет трудилась, когда познакомилась с этим делом впервые.

12

---

*Чуточку блистающего времени между
двумя вечностями; второго шанса у нас не
будет больше никогда!*

Томас Карлейль,
«Герои и героическое в истории», т.5

Назавтра температура упала до минус двадцати по Фаренгейту. Земля закаменела, люди начали обмораживаться, а у Мака Эберли, пожилого фермера, зазавшего на гребень половину своего семейства, начались боли в груди. Во время праздников погода совсем испортилась, и Эйприл неохотно признала, что придется устроить сезонный перерыв. Уплатив землекопам щедрую премию, она объявила, что работы будут возобновлены при первой же возможности. И уточнила: весной. А на следующий день разыгрался буран. В канун Нового года индекс зависимости обмораживания от скорости ветра достиг ста градусов ниже нуля.

Рассказ о находке довольно скоро вытеснили из газет более животрепещущие новости: Суперкубок, банковский скандал, связанный с жуткими история-

ми о сексе и наркотиках, и судебное разбирательство по нашумевшему делу об убийце-маньяке.

Эйприл опубликовала результаты своих исследований, и новый элемент по традиции назвали «кэннони-ем». Североамериканская коллегия физиков наградила ее Спингармовской медалью, а Национальная академия наук устроила банкет в ее честь. Но долгая задержка все равно легла ей на душу тяжким грузом.

Макс вернулся в Фарго и зажил прежней жизнью, обналичивая свою новоприобретенную славу. Люди, заинтересованные в покупке, продаже или восстановлении старых военных самолетов, предпочитали «Закатную авиацию» другим компаниям. Кроме того, Макса начали постоянно приглашать в качестве оратора на различные мероприятия. Он никогда не любил говорить перед аудиторией, но приглашения подкреплялись суммами до тысячи долларов за полчаса. Так что он прошел краткий курс ораторского искусства и обнаружил, что с опытом приходят раскованность и даже умение захватить внимание публики и вызвать смех. Он произносил речи на мероприятиях Ротари-клуба, на деловых обедах, на вручении университетских наград и на собраниях «Рыцарей Колумба». Но когда он выяснил, что Эйприл получает в среднем по шесть тысяч, то поднял свои ставки и очень удивился, когда большинство заинтересованных лиц охотно пошли на его условия.

Однажды он провел выходные с отцом, и тот пришел в восторг. Впервые на памяти Макса полковник с гордостью и удовольствием представлял сына своим друзьям.

Теперь Макс всегда обедал в компании Эйприл и в один прекрасный момент обнаружил, что в его душе зреет чувство к ней. Ему пришлось сознательно подавлять это чувство, чтобы поддерживать с ней чисто деловые отношения. Макс твердил себе, что предприятие на гребне Джонсона сулит чересчур большие перспективы, чтобы идти на осложнения, вытекающие из романтических отношений с женщиной, вступившей в дело в роли его партнера. А расовые предрассудки могли еще более осложнить дело, потому что нельзя сбрасывать со счетов риск, что его ухаживания приведут к взаимному отчуждению. Тем более что она не делала никаких шагов ему навстречу. И все же когда Эйприл познакомила его с лейтенантом полиции и призналась, что питает к тому искреннюю симпатию, Макс пал духом.

Время от времени они брали «Молнию» и летали над плато. Раскопки совсем замело, о царившей на гребне лихорадочной деятельности свидетельствовали лишь конусообразные груды земли. Однажды в морозный январский день Эйприл попросила приземлиться.

— Не могу, — отозвался Макс.

— Почему? Сейл здесь приземлялась.

— Я не знаю, глубокий ли снег. У Сейл был дюйм, а у нас, наверное, фут. А под ним может оказаться лед.

— Жаль.

В феврале совершенно неожиданно стало неестественно тепло, воздух прогрелся градусов до пятидесяти. Такая погода продержалась подряд несколько дней, и Эйприл приехала на машине в Форт-Мокси,

захватила Ласкера и вместе с ним осмотрела раскопки. Оба они прекрасно понимали, что приступать к работам еще рано, но мысль о пассивном ожидании в течение еще нескольких недель казалась обоим невыносимой.

— Может, нам повезет, — заметила Эйприл, — и, когда чуть подморозит, можно будет продолжить работы.

Ласкер эту идею не одобрил, но Эйприл уладила дело с Лайзой Ярборо, и весенняя кампания начала набирать обороты.

Теплая погода продержалась восемь дней. Землекопы вернулись на участок, и работа закипела. Они выгребли снег из раскопа, высыпали его в каньон и начали энергично вгрызаться в промерзшую землю, методично очищая дюйм за дюймом. В результате этих усилий им удалось очистить переднюю часть купола, все такого же изумрудно-зеленого и напоминающего стекло. Ко всеобщему разочарованию, двери там не оказалось.

Они предполагали, что вход должен быть спереди, то есть на участке, обращенном к пропасти, но столкнулись с глухой стеной. Правда, оставалась еще масса работы, но из-за близости к пропасти продвижение было медленным и небезопасным.

От обрыва купол отделял трехфутовый карниз, являвший собой землю вперемешку с камнями, наполнившими канал, отмеченный еще на радарных распечатках. Быть может, войти через канал и несложно,

но близость его к пропасти влечет немалый риск. Прежде чем решиться раскапывать канал, Эйприл хотела до конца очистить все строение. Дверь наверняка где-нибудь да найдется.

Заодно возвели несколько модульных домиков в качестве складских и штабных помещений.

Землекопы завели обычай брать с собой фонарики, с помощью которых они время от времени пытались заглянуть сквозь кэннониевую стену. Некоторые утверждали, что смогли что-то разглядеть, а кое-кто божился, что некто смотрел на них изнутри. В результате гребень заслужил репутацию, сперва давшую повод к шуткам, а потом породившую у большинства работников стремление покинуть плато до сумерек.

Двадцать второго февраля, в день рождения Вашингтона, погода вернулась к норме. Долина Ред-Ривер промерзла насквозь, и двадцать третьего Макс справлял собственный день рождения с Эйприл и Ласкерами под завывание метели. Впрочем, ночью ветер стих, и наступившее утро было солнечным, ясным и морозным. Настолько морозным, что рабочих пришлось распустить по домам задолго до заката.

Но к тому времени почти весь купол был освобожден от плена навалившейся на него земли. Он все еще был местами завален горами земли и камней, но уже возвышался отдельным строением, радуя глаз своей элегантною простотой. Совершенно круглая стена, как и куполообразная крыша, после мытья засверкала, как новенькая.

Макс уже проводил взглядом первые машины, покотившие вниз с плато, когда услышал вопли и смех, доносившиеся из-за поворота стены купола.

У задней стороны здания собралась группа людей. Двое землекопов вытирали стену, а остальные прикрывали глаза от солнца, чтобы лучше видеть. Несколько человек заметили Макса и возбужденно замахали ему.

Они нашли на стене изображение.

Голова оленя.

Изображение было предельно простым и ясным: одной дугой намечен изгиб плеча, другой — рога. Здесь точка глаза, там — скобка морды.

Изображение было нанесено белым цветом, контрастно выделяясь на фоне темной кэннониевой стены. Как и само строение, рисунок отличался непритязательной, плавной чистотой линий, без росчерков и завитушек.

Сняв фотоаппарат с плеча, Эйприл оглядела купол в начинающихся сумерках. С пасмурного неба сеял снежок.

— Идеально! — Она щелкнула затвором, чуть сместила точку съемки и сделала еще один снимок. Снег с шорохом осыпался вдоль стен. — Он очарователен в снегопад, — промолвила она, вместе с Максом шагая вдоль периметра строения и делая снимок за снимком. — Такое может случиться один-единственный раз за всю историю человечества! — Она снимала купол, голову оленя, окружающие холмы и стоянку. И

Макса. — Встань-ка вон туда, Макс, — распорядилась она, а когда Макс замялся, засмеялась и за руку отвела его на нужное место, как маленького, велела стоять смирно и сделала еще несколько снимков. — Ты будешь помнить этот момент всю свою жизнь. А порой будешь готов пойти на убийство, только бы вернуть этот миг обратно.

Макс знал, что это правда.

Он тоже сфотографировал ее на фоне громадного строения, приникшего к земле, будто изготовившееся к прыжку доисторическое чудовище.

— Здорово, — сказала Эйприл. — Это здорово!

И вдруг, когда Макс меньше всего этого ждал, бросилась к нему в объятия и поцеловала его.

Назавтра армия телевизионщиков вернулась с подкреплением. Они интервьюировали всех и каждого и проявляли особенный интерес к оленьей голове. В тот вечер работа задержала Макса на гребне допоздна. На плато еще не совсем стемнело, когда Том Брокау открыл финальный сюжет вечерних новостей, по традиции призванный пробудить у зрителя положительные эмоции.

— В Северной Дакоте группа исследователей возобновила раскопки чрезвычайно таинственного объекта, — сообщил он. Одновременно на экране появились общие планы участка раскопок, снятые и с земли, и с воздуха. — Вы видите объект, найденный менее полутора года назад в нескольких километрах от канадской границы. Руководство раскопок разговорчивостью не отличается, но люди, имеющие к ним отношение, не исключают возможности того, что объект оставлен тут

инопланетными гостями. Так ли это? — Брокау улыбнулся. — Посмотрите репортаж Кэрол Дженсен из нашего филиала КЛМР-ТВ в Гранд-Форкс.

Крупный план Дженсен, одетой в модное пальто, на фоне выпуклой стены. Ветер треплет ее непокрытые волосы, а она старается не подавать виду, что замерзла. (Трудно даже поверить, что в других областях страны бейсболисты уже выбежали на стадионы для весенних тренировок.)

— Том, нам довелось услышать массу кривотолков об этой находке со времени ее обнаружения в ноябре прошлого года. Эксперты всей страны в один голос утверждают, что образцы материала, взятые с объекта, называемого куполом, просто не должны существовать. Кроме того, они заявляют, что не имеют представления, как подобный материал мог быть произведен. Однако он существует. И небольшая группа археологов-любителей возобновила раскопки. И уже до их окончания мы получили первые убедительные доказательства посещения Земли инопланетянами.

«Ага, — подумал Макс, — отлично. Пока что нам не пришлось говорить этого самим».

Остальные каналы подошли к делу примерно так же — не без опаски, но с энтузиазмом. Убедившись, что все чисто, пресса не могла упустить столь грандиозную новость, не раструбив о ней на весь мир.

Натянув куртку, Макс вышел на улицу. Уже вошла луна, озарив купол и отбросив резкие тени на круглое углубление, в котором он выстроен. Теория Пегги Мур о том, что углубление сделано намеренно,

чтобы дать место для купола, теперь казалась не подлежащей сомнению. Скалистый берег находился слишком высоко над уровнем воды, прикинул Макс, вообразив древнее озеро. Поэтому пришельцы сделали в скале котлован, поставили на его дне свою верфь и пробили канал в последних футах скалы, преграждавших судну путь к воде.

Со временем внутреннее море отступило, оставив строение высоко над землей, а за десять тысяч лет ветер занес углубление землей.

Быть может, удастся найти кусок скалы, вынутый отсюда? Макс подошел к обрыву и взгляделся вниз.

Гарри Эрнест был единственным на весь Форт-Мокси правонарушителем. В Чикаго он проникся страстью к настенным росписям при помощи аэрозольных красок. После смерти матери он перебрался жить к родственникам в Северную Дакоту (отца своего он не знал).

Главной проблемой Гарри было то, что в захолустье типа Форт-Мокси свободолюбивой натуре вроде него просто негде скрыться. Он единственный вандал к северу от Гранд-Форкс, и потому, стоит только какой-нибудь разухабистой надписи появиться на стене водонапорной башни, церкви или концертного зала «Олень», как помощник шерифа уже знает, где искать виновного.

К чести Гарри и к огорчению его родни, он не предал своего искусства даже в столь неблагоприятной обстановке. Но поскольку он не сомневался, что

расплата неминуема, то научился выбирать в качестве полотен такие здания, где его труды принесут самые обильные плоды. И когда по телевизору показали купол, на Гарри снизошло вдохновение.

Том Брокау еще не успел попрощаться с телезрителями, как Гарри уже собирал баллончики с краской, припрятанные на чердаке. «Пожалуй, золотая и белая будут отлично выделяться на фоне темной стены», — подумал он.

Он всерьез пораскинул умом над выбором достойного послания миру и наконец решил, что чем проще, тем лучше. Он просто выразит те же мысли, которые запечатлел на бесчисленных кирпичных стенах в самом Чикаго и его окрестностях.

Около одиннадцати, когда весь дом затих, Гарри взял из верхнего ящика дядино бюро ключи от машины, вылез из окна своей спальни и потихоньку вывел семейный «форд» из гаража. Полчаса спустя он обнаружил, что подъездную дорогу перекрыла полиция, из-за чего ему пришлось проехать мимо и остановиться в полумиле дальше. Оттуда он двинулся напрямик через лес, пока не наткнулся на дорогу, и преспокойненько прошел по ней пешком.

Купол возвышался над долиной округлой тенью на фоне мерцающих звезд, и Гарри решил, что надпись будет прекрасно видна с шоссе №32, когда солнце озарит ее.

Вокруг виднелось несколько времянок, в одной из которых горел свет и кто-то расхаживал внутри. Больше на всем плато не оказалось ни души.

Гарри зашагал по плато, негромко насвистывая и вовсю наслаждаясь собой. В тени купола он остановился, чтобы проверить баллончики. Снова похолодало, но краска разбрызгивалась отлично. Вполне удовлетворившись, Гарри постоял минуточку, подставив лицо ветру. Ага, именно ради этого и стоит жить — ветер в волосах, предчувствие снегопада... И вызов, брошенный миру в лицо.

Гарри улыбнулся и прошел по узкому карнизу перед куполом, ничуть не опасаясь развернувшейся рядом бездны. Дойдя до середины, он повернулся, чтобы оглядеть свой холст, и попятился, пока каблук не оказался за краем. К счастью, ветер дул с запада, так что строение защищало его. А это важно, если имеешь дело с аэрозольными красками.

Гарри обрадовался, обнаружив, что купол сделан из стекла — по телеку на этот счет были разногласия. Но о стекле что-то толковали, так что Гарри взял эмаль.

Направив на стену луч фонарика, Гарри обнаружил, что она просвечивает, и подошел поближе, пытаясь заглянуть внутрь, но тут же подумал, что никакой внутренней вовсе нет, что эта штука может быть сплошной.

Пожав плечами, он достал баллончик.

Первое слово будет написано золотом. Задрав голову, Гарри смерил стену взглядом. Угол невыгодный, но тут уж ничего не попишешь — стена слишком близко.

Ночную тишину нарушал лишь посвист ветра да гул самолета где-то вдали.

Гарри примерился и нажал на головку распылителя. Краска вырвалась из сопла узким веером мельчайших капелек, и ладонь ощутила приятное давление реактивной струи аэрозоля.

Но в отличие от водонапорных башен и церквей купол воспротивился взаимодействию с окружающим миром. Капли не удержались на поверхности. Какая-то часть струи сконденсировалась и сбегала вниз каплями, крайне малая толика краски задержалась в стыках и выщербинах, но почти весь аэрозоль отразился от стены и завис в воздухе золотым облаком.

Повисев на месте всего лишь какое-то мгновение, облако начало рассеиваться и оседать.

Гарри даже не понял, что стряслось — просто лицо его вдруг увлажнилось, глаза ужасно щипало.

Вскрикнув, он выронил баллончик и упал на колени, растирая глаза кулаками. Рука его задела что-то во тьме, и Гарри осознал, где находится, не мог не осознать этого. Затем земля исчезла из-под ног, и он рухнул в бездну.

Макс, сидевший в своем кабинете ярдах в ста от него, услышал крик, высунул голову из дверей, но решил, что это какое-нибудь животное.

13

---

*Во всем бескрайнем море полночи
Вперед влечет нас только свет...*

Уолтер Асквит, «Древние берега»

Поисковая партия нашла Гарри к полудню. Родственники заявили о его пропаже в восемь утра, машину нашли в девять тридцать, а землекопы наткнулись на фонарик и аэрозольный баллончик на карнизе перед куполом в начале одиннадцатого. Дальше все было проще простого.

Мысль о том, что кто-то хотел причинить находке вред, возмутила Макса до глубины души. Он даже не испытывал жалости к подростку, пока не подошел к обрыву и не поглядел вниз.

Арки Рыжий Папоротник приехал под вечер, осмотрел карниз вместе с Максом и тряхнул головой.

— Прямо не верится!

Макс согласился с ним.

— Не исключена возможность иска от родственников, — добавил Арки. Эта реплика ошарашила Макса.

— Но ведь он приехал нахулиганить!

— Это не важно. Он ребенок, а это опасная зона. Хороший адвокат докажет, что мы не обеспечили мер безопасности. И будет прав.

Пар дыхания облачками повисал в воздухе — день стоял ясный и холодный, температура опустилась градусов до пятнадцати.

— Когда же люди научатся отвечать за собственные действия?

Рыжий Папоротник, одетый в толстую шерстяную куртку с капюшоном, лишь развел руками:

— Этому парнишке мы уже ничем не поможем, но сделаем так, чтобы подобное не повторилось. Таким образом мы по крайней мере продемонстрируем добрые намерения, если такая необходимость возникнет. — Он указал Максу на стоянку, куда как раз въезжал зеленый фургон, выкативший из-за деревьев, обступивших подъездную дорогу. — Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Фургон остановился, и оттуда выбрался индеец в голубой джинсовой куртке, на вид лет тридцати, среднего роста, с черными волосами и темно-кариими глазами. Помахав рукой, он двинулся к ним. Что-то в его облике подсказало Макс, что с этим человеком лучше вести себя аккуратно.

— Это мой шурин, — сообщил Рыжий Папоротник. — Адам Пробивающий Дырку Сквозь Небо, прошу любить и жаловать.

Тот протянул ладонь для рукопожатия и уточнил:

— Можно — просто Небо.

— Адам будет возглавлять службу безопасности, — продолжал Арки.

— Какую еще службу безопасности? — удивился Макс.

— Возникшую сегодня утром, — не смутился адвокат.

— Мои люди подтянутся в пределах часа, — кивнул Небо, окидывая плато взглядом. — Нам нужен будет штаб.

— Какая-нибудь из этих хижин подойдет? — предложил Рыжий Папоротник.

— Да, вполне.

Макс было заспорил, что у них нет лишнего места, но адвокат не дал ему и слова сказать.

— Если ты хочешь продолжать работы, Макс, то обязан обеспечить безопасность. Я рекомендую Адама.

Адам переступил с ноги на ногу, устремив на Макса совершенно бесстрастный взгляд.

— Ага, конечно, — согласился Макс. — Кто бы спорил.

— Хорошо. — Небо извлек из бумажника визитную карточку и протянул ее Максу. — Здесь мой номер. Мы разместимся и приступим к делу под конец дня.

У Макса возникло ощущение, что он попал в компанию мошенников. Есть ли у Адама нужная квалификация? Только охочих до стрельбы аборигенов тут и не хватало! Рыжий Папоротник будто прочел его мысли.

— Адам — консультант по вопросам безопасности. В основном для авиакомпаний, железных дорог и транспортных фирм.

Небо посмотрел на Макса и перевел взгляд на купол.

— Работа мне предстоит уникальная, но могу вас уверить, что больше никаких происшествий не будет.

В течение часа подъехала пара грузовиков, прибыли рабочие и принялись возводить забор из металлической сетки. Установленный футаж в тридцати от купола забор должен был окружить его со всех сторон. Теперь всякому желающему свалиться с карниза пришлось бы сперва преодолеть восьмифутовую преграду.

— Частные автомобили за ограду пропускаться не будут, — пояснил Небо.

Макса это вполне устраивало. Он до сих пор ломал голову, как это юный вандал умудрился брызнуть краской себе в глаза. Уже начал распространяться слух, что парнишка посветил фонариком сквозь стену, чтобы заглянуть внутрь — и что-то увидел.

Забор был возведен в течение двадцати четырех часов. Затем Небо сразу же установил по периметру раскопа дежурные прожекторы и пять телекамер.

Прибыли одетые в форму охранники-сиу. Первый из них, повстречавшийся Максу, вполне соответствовал представлениям Макса о типичном индейце — крупный, черноглазый и немногословный. Звали его Джон Малый Призрак, и настроен он был весьма поделовому. Представления Макса проистекали из сотканного Голливудом образа людей порой благородных, порой неистовых, но почти всегда безгласных, так что его потрясло знакомство сначала с индейцем-адвокатом, а потом с индейцем — консультантом по вопросам безопасности. А то, что с Джоном Малень-

ким Призраком он чувствовал себя гораздо спокойнее, чем с Небом или Рыжим Папоротником, как ни парадоксально, вселило в него тревогу.

Провели полицейское расследование обстоятельств смерти Гарри Эрнеста. Заполнили бланки, задали Максу несколько вопросов. (Он сказал, что пробыл на плато до полуночи и вряд ли тут кто-то был, когда он уезжал. Об услышанном ночью «зверинном» вопле он успел напрочь позабыть.) Полицейские сказали, что это совершенно очевидный случай гибели в результате несчастного случая при совершении хулиганских действий. Нет никаких оснований обвинять кого-либо в халатности. Так они и доложат, так и будет записано в материалах следствия.

Макс побывал на похоронах. Людей на кладбище было мало, да и те, судя по всему, пришли по дружбе к опекунам мальчика. Подростков не было. Опекуны вели себя на диво сдержанно.

На следующий день Рыжий Папоротник известил Макса, что иск вряд ли последует.

Туристы продолжали прибывать целыми толпами. Их допускали на плато, но за забор заходить не разрешали. Полицейские открыли еще одну подъездную дорогу с западной стороны плато и установили одно-стороннее движение.

Дверь пока что никто не нашел.

Забор загораживал и переднюю часть Купола, так что стало можно вести раскопки канала, не опасаясь за жизнь рабочих.

Перед объективами телекамер туда привезли девушку в инвалидном кресле, отличницу одной из местных школ, чтобы она дала зачин. Мило улыбаясь и позируя перед камерами, она копнула землю. И уж тогда землекопы взялись за работу.

С самого начала было ясно, что дело затянется, потому что работать приходилось в тесноте. Одновременно копать могли лишь два человека. Тем временем небо снова затянуло тучами, стало теплее, пошел снег. По всей окружности здания целая армия людей, вооруженных метлами, обметала стены и полдюжины стоек, поддерживающих строение. Эйприл и Макс наблюдали за происходящим на экране охранный монитора в контрольном модуле.

Для большинства землекопов наступила последняя неделя работ. Им заплатят, поблагодарят и отпустят на все четыре стороны. Чарли Линдквист запланировал торжественный обед в муниципалитете Форт-Мокси и организовал выпуск дипломов для рабочих, гласивших «Я помогал откопать Купол». (К тому времени здание уже приобрело заглавную «К».) Пресса проявляла все более пристальное внимание, число посетителей тоже прибывало. Шоссе №32 было забито машинами на многие мили в оба конца.

Эйприл время от времени спускалась в раскоп, чтобы пройти вдоль стены. Ей нравилось находиться рядом, касаться Купола ладонью и думать о том, что на этом самом месте стояло совершенно чужое существо, озирая голубые воды давным-давно исчезнувшего ледникового озера.

Но сегодня стена стала какой-то не такой. Эйприл стояла позади Купола, рядом с оленьей головой, устремив взгляд на длинный, плавный изгиб склона, поднимающегося к северному гребню, и пытаясь разобраться в собственных ощущениях. С виду все осталось по-старому.

Эйприл коснулась выпуклой поверхности, прижала к ней ладонь.

Стена была теплой.

Ну, в общем, не совсем теплой — но и не такой холодной, как положено. Эйприл медлила, не решаясь отнять ладонь от стены, словно боясь спугнуть неожиданное тепло.

Небосвод на западе потемнел, ветер усилился. Работы прекратились, землекопы принялись натягивать над раскопом полотнища брезента, чтобы раскоп не замело снегом. Когда с этим было покончено, всех отпустили по домам.

Никто не хотел быть застигнутым пургой по дороге, в том числе и Макс.

— Ты готова? — спросил он у Эйприл.

— Да. Ступай, я сейчас же следом.

Ветер уже закружил поземку. Скоро видимость будет почти нулевой.

— Эй, — натягивая куртку, сказал Макс, — как насчет того, чтобы я забежал за пиццей?

— Отлично. Увидимся в мотеле.

Макс кивнул и поспешно выскочил за порог. Ветер едва не вырвал дверь у него из рук.

Подойдя к воротам, он поздоровался с дежурившей в охране Андреа Ястребицей. Кроме того, она вроде бы исполняла роль дикторши на радио Дьявольского озера и была чертовски хороша собой.

— Добрый вечер, мистер Коллингвуд, — ответила она. — Вы уж там поосторожнее. Дорога ужасно скользкая.

— А вы? Вы-то когда уедете?

— А мы останемся до утра или до того времени, когда подоспеет смена. Там видно будет.

— А вы уверены, что так лучше? — нахмурился Макс.

— Уверена. Нам здесь куда безопаснее, чем вам в дороге.

Буран неся над бескрайней равниной со скоростью пятьдесят миль в час, превратив все вокруг в неистовую снежную круговерть, заматавая дороги и дома, застилая их белой пеленой. Нельзя было разобрать, где верх, где низ. Всякий, кто отважился выехать в такую погоду, видел немногим дальше собственных «дворников».

Эйприл сетовала на задержку, вызванную метелью. Мысли ее теперь были заняты почти исключительно одним лишь Куполом. Ей не терпелось узнать, что там внутри и кто его построил, так что изрядную часть времени она проводила, наблюдая за кропотливой работой по очистке канала.

Еще в день знакомства с яхтой Тома Ласкера Эйприл начала вести дневник. Упрекая себя за избыток

самоуверенности, она все-таки заключила, что столкнулась с событиями исторической важности, а поэтому подробный отчет впоследствии будет представлять немалый интерес. В первые дни она довольствовалась изложением методик и результатов анализа. Но после того как Макс нашел гребень Джонсона, она пустилась в рассуждения. А когда устроила сезонный перерыв в раскопках, то обнаружила, что пишет мемуары — и в результате начала описывать свои эмоциональные реакции.

Оленья голова сбила ее с толку — рисунок казался настолько человеческим, что заставил Эйприл усомниться в выводах собственных исследований. Во всяком случае, при взгляде на этот простой, незатейливый рисунок все, во что она верила, показалось ей полнейшей белибердой. Почти всю вторую половину дня Эйприл потратила, пытаясь поточнее сформулировать собственные ощущения, а после достоверно изложить их в дневнике. Тут очень важно не показаться читателю психически ненормальной.

Спрятав дневник в ящик стола, она прислушалась к ветру. Пора идти. Отключив компьютер, она вышла в метель минут через десять после Макса.

Преодолевая сопротивление ветра, Джон Малый Призрак распахнул ворота, а потом предложил ей переночевать на месте.

— На дороге опасно! — перекрикивая вой разбушевавшихся стихий, он словно бросал Эйприл слово за словом.

— Я буду осторожна, — пообещала она.

Юркнув в машину, она с радостью захлопнула дверцу, отгородившись от вьюги, отдышалась и включила зажигание. Двигатель мерно заурчал. Заднее стекло облепил снег. Достав щетку, Эйприл выбралась, обмела стекло и подождала, пока в кабине станет достаточно тепло, чтобы снег на стекле таял, потом осторожно дала задний ход, выводя машину со стоянки, и направила ее к прогалине среди деревьев, обступивших подъездную дорогу. Вокруг машины неистовствовали снежные вихри, рев бурана заглушал все остальные звуки.

Может, Малый Призрак и прав: стоило остаться.

Эйприл свернула налево, к западному выезду. Ей предстояла долгая дорога по гребню — несколько сотен ярдов, на протяжении которых она в полной мере испытала ярость бури, но продолжала ехать прямо и открыла дверцу, чтобы видеть колею, оставленную предыдущими машинами. Добравшись наконец до леса, где под сенью вязов и кустов бузины царило относительное безветрие, она вздохнула с облегчением.

Проехав мимо стоящей на обочине пустой «тойоты», Эйприл направила машину вниз по дороге.

Сугробы в безветренных местах наметает на диво быстро, и ехать ей приходилось споро, чтобы не увязнуть. Беда в том, что сугробы заслоняли дорожные столбики и кюветы, да вдобавок дело усугублялось тем, что эта вспомогательная дорога была открыта буквально на днях и Эйприл еще не изучила ее.

Она продолжала пробиваться вперед, сползая по крутым спускам и юзом протискиваясь через крутые

виражи. Двигатель надрывно взрывывал, пробиваясь сквозь глубокий снег, но в конце концов Эйприл не справилась с управлением, и автомобиль боком сполз в сугроб. Она попыталась дать задний ход, но машина лишь раскачивалась, погружаясь все глубже.

Проклятие!

Застегнув пальто, она осторожно распахнула дверцу и поставила одну ногу на землю. И тотчас же провалилась по колено. Снег просыпался в сапог, наполнив его холодной сыростью.

Час с четвертью спустя напуганная и насквозь продрогшая Эйприл ввалилась в сторожку.

— Благодарение Господу за ограду, — пролепетала она непослушными губами, — иначе мне бы ни почем вас не найти.

Андреа Ястребица была ведущей ПЛИ-ГМ на Дьявольском озере. До этой должности она добралась, перепробовав целый ряд работ в резервации, обычно эксплуатируя свое изрядное обаяние индейской девушки при продаже корзин, мокасин и весел для каноэ состоятельным туристам. Она около года проработала во внутренних силах правопорядка, прежде чем обнаружила свой талант радиожурналиста. Началось это с серии воззваний к молодежи касательно наркотиков и преступности. Она по-прежнему продавала автомобили, дезодоранты, компакт-диски и множество всяческих других вещей своим ясноглазым слушателям. На берегах Дьявольского озера не нашлось бы человека, не любящего Снежную Ястребицу.

Ей только-только исполнилось двадцать шесть лет, и Андреа еще не распростилась с надеждами продвигнуться. Два года назад здесь побывал один продюсер из Миннеаполиса и, услышав ее передачу, предложил ей попробовать силы на более широком поприще. Андреа направилась в города-близнецы* в полной уверенности, что получила работу, но продюсер врезался на машине в грузовик, а пришедшая ему на смену мырма средних лет с гадючьим взглядом не придавала их устному договору ни малейшего значения.

Андреа собиралась провести несколько передач с гребня Джонсона. Она не сомневалась, что вышла на грандиозный материал, и намеревалась выжать его досуха. Получив у Адама разрешение, она разработала график дежурств таким образом, чтобы он совпадал с ее эфирной сеткой, и набила сторожку своим оборудованием.

Внутри было холодно даже несмотря на электрокамины. В модульных домиках хорошая теплоизоляция, но они не рассчитаны на зимние условия на вершине плато в Северной Дакоте. Ветер продувал домик насквозь. Андреа укуталась в свой толстый шерстяной свитер, искренне мечтая об огне настоящего очага.

Любопытно, удастся ли ей не класать зубами во время выхода в девятичасовой эфир через ретранслятор? Она уже набросала по своему обычаю тезисы и проглядывала их, когда с улицы ввалилась Эйприл.

Малый Призрак подхватил ее и усадил в кресло.

---

* Миннеаполис и Сент-Пол.

— Привет, — проговорила Эйприл, смущенно улыбувшись. И только тогда узнала старую подругу. — Андреа, неужто это ты?!

— Салют, — отозвалась Снежная Ястребица.

Когда Эйприл проснулась, за окнами было уже темно, и воздух наполнял сладостный аромат жареной картошки и ростбифа. В углу комнаты мерцали экраны мониторов.

— Как самочувствие? — осведомилась Андреа.

— Нормально. — Эйприл потеряла ступню одной ноги о лодыжку другой. Кто-то уже успел надеть на нее толстые носки. — Что ты тут делаешь? — Ей смутно припомнилось, что она уже задала этот вопрос, но ответа, видимо, не услышала.

Андреа передвинула кресло, чтобы Эйприл видела ее, не поднимаясь.

— Охраняю. За это хорошо платят.

— А почему ты не заглянула ко мне?

— Со временем непременно заглянула бы. Я просто не была уверена, что это прилично. — Андреа пощупала лоб подруги. — По-моему, ты в полном порядке. И как же это тебя угораздило?

— Чересчур промешкала с отъездом.

Андреа кивнула:

— Не хочешь перекусить? Правда, у нас только свежемороженые полуфабрикаты, но вполне пристойные.

Эйприл выбрала отбивную. Андреа поставила упаковку в микроволновую печь и сообщила:

— Звонил Макс. Мы сказали, что ты здесь.

Царивший в домике уют согревал Эйприл душу. Малый Призрак оказался весьма немногословным, зато был прекрасным слушателем; подобное дарование очень быстро завоевывает человеку популярность. Он почти не отходил от мониторов, хотя те показывали одну снеговую кутерьму в свете прожекторов да пляшущие тени. Они немного поболтали, и в разговоре Эйприл выяснила, что Андреа весьма заинтригована Куполом.

— Я собираюсь сделать передачу о нем, — пояснила она.

— Снежная Ястребица на гребне событий, — улыбнулась Эйприл.

— Именно так, детка. Я вот все прикидываю, не хочешь ли ты появиться нынче вечером в эфире. Не желашь стать гостьей передачи?

Эйприл поразмыслила над предложением. Конечно, она в долгу перед подругой, но отвечать на телефонные звонки ей как-то не хотелось.

— Пожалуй, сегодня я пас.

Но ей было все-таки любопытно остаться и послушать.

Передача Снежной Ястребицы шла с девяти вечера до полуночи. Хотя темой разговора были раскопки, это не мешало людям звонить, чтобы высказаться по поводу проекта нового налогообложения на недвижимость, школьного образования, склонности округа без всякой надобности повышать расценки почтовых услуг и прочих, не относящихся к делу вопросов. Снежная Ястребица (занятно, как Андреа

преобразилась перед микрофоном, став более напористой, даже беспардонной) разделялась с ними скопом, обрывая на полуслове.

— Эдди, — к примеру, говорила она, — я торчу на гребне Джонсона, отмораживая себе задницу, а вы сбиваетесь с темы. Люди, пожалуйста, постарайтесь держаться в русле разговора. Мы тут говорим о Куполе.

Однако в общем и целом диалог произвел на Эйприл сильное впечатление. Она даже сама не знала, чего именно ждать. Звонившие в студию были настроены прагматически. Их будоражила таинственность, окружающая раскопки, но слушатели отдавали предпочтение вполне реалистическим трактовкам феномена, и лишь каждый пятый выдвигал завиральные теории. Большинство же, точь-в-точь как Макс, единодушно сходились в том, что тут допущена какая-нибудь ошибка, которая рано или поздно выплывет на поверхность.

Под конец передачи буран начал утихать, и сквозь снежные вихри стал смутно проглядывать силуэт Купола.

И он будто бы светился во тьме.

Эйприл отвернулась, потом снова поглядела на него.

Должно быть, это просто иллюзия, порожденная игрой света от прожекторов. Проблема лишь в том, что они едва просвечивают сквозь снежную пелену.

Более того, снег кажется зеленым.

Свет в сторожке мешал ясно разглядеть происходящее, так что Эйприл натянула сапоги и накинула куртку. Малый Призрак устремил на нее вопросительный взгляд.

— Сейчас вернусь, — шепнула она и вышла.

От изумления у нее перехватило дыхание — над куполом сиял мягкий изумрудный ореол.

Снежная Ястребица заметила, что происходит нечто непонятное, но была занята разговором с Джо Гринбергом из Форт-Мокси, а переносного микрофона у нее было. Повернувшись к Джону Малому Призраку, она приподняла брови и указала головой на дверь, только что закрывшуюся за Эйприл.

— Он светится, — сказал Малый Призрак.

— Кто?

— Купол. — Разумеется, весь этот разговор прозвучал в эфире. Ничего страшного, пока что ни малейшего урона. Но он был нанесен мгновение спустя: — Дьявол, надеюсь, он не радиоактивный!

14

У страха глаза велики.

Сервантес, «Дон Кихот»

Валгалла, Кавалер и Форт-Мокси, как и прочие степные городишки по всей Северной Дакоте, — социальные образования такого типа, который можно отыскать, пожалуй, лишь в зонах сурового климата. Их население составляют люди, объединившиеся перед лицом предельной изоляции, понимающие, что покинуть город зимой, не заглянув в сводку погоды, равносильно смерти, разделяющие гордость за свое умение удерживаться от преступлений и наркотиков. Ближайшее место развлечений находится в восьмидесяти милях от Форт-Мокси, а ближайшая аптека — в Канаде. До кинотеатра всего полчаса езды, но зато он работает лишь по выходным, а в охотничий сезон и вовсе не открывается. Все это ведет к тому, что подобные общины приобретают многие черты патриархальных семейств.

Мел Хотчкисс сидел на кухне собственного дома на окраине Валгаллы, вполуха слушая Снежную Ястребицу и воздавая должное вошедшей в обычай поздней

вечере, в данном случае состоявшей из вишневого пирога. Он только-только налил себе вторую чашку кофе, когда в разговор вступил чей-то незнакомый голос. Очевидно, случилось нечто непредвиденное. Мел отставил кружку, чтобы подойти к окну и поглядеть в сторону гребня Джонсона, когда Малый Призрак подал реплику, повергшую всю округу в состояние шока: «Дьявол, надеюсь, он не радиоактивный!»

И в самом деле, над плоскогорьем полыхало зеленое зарево.

Десять минут спустя, задержавшись лишь ради звонка брату и другу, Мел с женой, тремя дочерьми и собакой уже катили на запад от городка в своем пикапе с парой чемоданов.

В течение часа в бегство ринулось все население городка. Поглядывая на зловещее зарево, они грузили в машины детей, домашних животных, драгоценности и компьютеры и спешили прочь. Даже немногие, из принципа отказывающиеся верить во что бы то ни было касающееся астрологии, нумерологии, полтергейстов или НЛО, все-таки вынуждены были покинуть родные фермы, поддавшись на уговоры напуганных супругов и доброжелательных подростков. Они направлялись на юго-восток к Лангдону, на восток к Форт-Мокси и на север к границе, неприкосновенность которой охранялась только дорожными знаками и красными конусами. Никому и в голову не пришло остановиться ради международных любезностей — и вся лавина ринулась в Канаду.

Полиция штата тотчас же примчалась со счетчиком Гейгера, и в половине второго ночи объявила,

что никакой опасности нет. Радио- и телестанции разнесли эту весть, но было уже поздно. Городок практически опустел, а дороги вокруг него заполнили разбитые, брошенные на произвол судьбы машины.

Эйприл, Джон Малый Призрак и Снежная Ястребица слушали репортажи и следили за световыми росчерками удаляющихся фар с нарастающим чувством ужаса.

К счастью, никто не погиб.

Обошлось тремя пожарами и полудюжиной сердечных приступов. Несколько человек перехватили Джимми Патчмана, когда он выезжал со двора, и заставили открыть бензоколонку. Они уплатили за бензин, но Патчман все равно утверждал, что на него напали рэкетиры. Полиция, пожарные и «Скорая помощь» были загружены до предела и еще до конца недели опубликуют оперативные отчеты о своей деятельности. Муниципалитету Валгаллы пришлось выложить из своей и без того скудной казны девять тысяч долларов за аренду материальной части и выплату сверхурочных работникам аварийных служб. Да еще поговаривали о суде Линча над кое-кем с гребня Джонсона.

Макс узнал обо всем за завтраком и решил, что тут замешан тот же эффект, который заставляет светиться яхту в амбаре Тома Ласкера и который до чертиков напугал Джинни, — только на этот раз в более крупном масштабе. На этот раз без исков не обойдется.

Оставив яичницу с беконом недоеденной, он позвонил в охрану, намереваясь поговорить с Адамом, но попал на Эйприл.

— Ночка выдалась прескверная, — сказала она.

— А я и не догадывался. — Макс перевел дыхание. — Выезжаю.

По пути ему попало штук пять разбитых машин на обочинах.

В небе рокотали полицейские вертолеты.

На повороте к плато стояла «тойота», и сидевший в ней мужчина горячо спорил о чем-то с дежурным полицейским. Заметив Макса, коп закатил глаза и дал ему знак проезжать. Это еще больше распалило водителя «тойоты».

В гору Макс не гнал, по пути разглядывая снежные отвалы на обочинах дороги, оставленные бульдозером. У въезда на гребень он миновал одного из охранников-сиу, регулировщика движения. Зажав в одной руке рацию, продрогший охранник махнул второй, чтобы Макс не останавливался.

В восемь утра приехала дежурная смена и принялась убирать брезент. Макс пристально вглядывался в Купол, но яркое солнце мешало понять, испускает ли тот собственное свечение. Остановив машину на обычном месте, Макс приложил ладонь козырьком ко лбу, чтобы лучше видеть.

— С рассветом он погас, — сообщила Эйприл пару минут спустя.

— Точь-в-точь как яхта.

— Да. С той только разницей, что на сей раз включились не габаритные огни. Светилось все здание целиком.

Они записали утренние выпуски новостей на видео, и Эйприл прокрутила один из них для Макса. В репортаже были использованы несколько планов, снятых с самолета: плато было залито ровным сиянием.

— Больше смахивает на фосфоресценцию, чем на электричество, — заметил Макс.

— И мы так подумали. — Эйприл отхлебнула кофе.

На улице послышались восторженные вопли. Выглянув в окно, Макс не увидел ничего необычного и поинтересовался:

— Отцы города из Валгаллы голоса не подавали?

— Что ты имеешь в виду?

— По-моему, вчера вечером мы устроили в городе панику, — вздохнул он. — Наверное, они от нас не в восторге.

— Макс, никто не умер, — улыбнулась она. — Хотя я все-таки прослежу, чтобы Адам попридержал Снежную Ястребицу. Не нужны нам прямые репортажи отсюда. Во всяком случае, передаваемые нашими собственными работниками.

— Кем-кем?!

— Андреа Ястребицей. Она одна из сиу, занятых в охране. — Эйприл пересказала обстоятельства, давшие начало инциденту.

— Ну что ж, может, нам и удастся выкрутиться. Есть шансы, что благодаря этому Валгалла начнет стричь купоны.

Тут зазвонил телефон. Эйприл сняла трубку, послушала и сосредоточенно сдвинула брови.

- Вы шутите? — Она выслушала ответ. — Кто?! — И показала Максу сразу два больших пальца. — Выходим!
- Что там? — не вытерпел Макс.
- Мы вошли!

Пока все старались пробиться в Купол спереди, один из охранников просто-напросто открыл сзади дверь, отмеченную оленьей головой.

Тотчас же собралась толпа, посреди которой стоял герой дня.

— Отличная работа, Джордж, — сказал Адам Небо, подошедший одновременно с Максом.

Героем дня оказался Джордж Чистый Родник — молодой, невозмутимо улыбающийся сну. Но никакого входа Макс не увидел. В это время с противоположной стороны Купола вышел Том Ласкер.

Чистый Родник, остановившись рядом с оленьей головой, лучезарно улыбнулся. Потом с показной небрежностью протянул правую ладонь, плотно обтянутую ковбойской перчаткой, как на родео, и коснулся стены прямо над мордой оленя.

Оленья голова отъехала кверху, открыв коридор. Толпа зааплодировала, но заодно чуточку попятилась.

В коридоре не видно было ни дверей, ни окон. Длинной он тоже не отличался, футов через двадцать кончаясь тупиком. В нем не было ничего приметного, кроме полудюжины прямоугольных панелей величиной с клавишу выключателя света, смонтиро-

ванных на стенах примерно на уровне пояса, по три с каждой стороны.

Эйприл двинулась ко входу, но Чистый Родник ухватил ее за рукав:

- Позвольте мне сперва кое-что вам показать.
- Ладно, что там?
- Смотрите.

В задних рядах слышались возгласы желавших узнать, что там происходит. Кто-то представлялся как корреспондент ЮПИ.

Внезапно дверь без всякого предупреждения закрылась, не оставив ни малейшей щелочки, будто ее там и не было.

- Почему это вдруг? — спросила Эйприл.

Чистый Родник глянул на часы:

— Она остается открытой ровно двадцать шесть секунд.

— Спасибо, Джордж. — Эйприл надавила на морду оленя.

Дверь даже не щелохнулась.

- В чем дело? — удивилась Эйприл.

Чистый Родник демонстративно стащил черную перчатку. С виду она была совершенно обычной.

- Попробуйте вот этим.

Нахмурившись, Эйприл сняла вязаную варежку и натянула перчатку.

- А что, есть какая-нибудь разница?

В ответ Чистый Родник лишь улыбнулся, и этот ответ оказался красноречивее слов. Эйприл притронулась к стене, и проход открылся вновь.

- Черт меня подери! — только и вымолвил Ласкер.

Макс ощутил, как изнутри пахнуло теплом. «Там еще и обогрев работает!»

Эйприл сравнивала перчатку с варежкой:

— Так в чем тут причина?

Ответа на этот вопрос Чистый Родник не знал.

— Просто эта штука срабатывает, когда это делают в моей перчатке. Да и голыми руками этого тоже не сделаешь.

— Странно... — Эйприл посмотрела в коридор, потом на перчатку. — Джордж, если вы не против, я придержу ее на пару минут. — Она сунула перчатку в карман и посмотрела на Макса. — Ты готов?

— К чему?

— Войти.

Челюсть у Макса отвисла.

— Ты шутишь?! А если нас там замурует?

— Я тоже хочу войти, — вызвался Чистый Родник.

— Нет. Мне будет спокойнее, когда вы останетесь здесь и сможете открыть дверь, если мы не сумеем сделать этого изнутри. Надеюсь, работают обе перчатки?

Они испытали вторую перчатку, и та оправдала ожидания.

— Дайте нам пять минут, — распорядилась Эйприл. — Если мы не выйдем, открывайте.

— Эйприл, — не унимался Макс, — а ты знаешь, как устроена венерина мухоловка?

Она улыбнулась в ответ, будто Макс пошутил, и ступила в коридор. Макс поколебался, ощутил спинной чей-то взгляд и вошел следом.

Внутреннее пространство едва достигало шести футов в высоту и футов четырех в ширину. Макс

почти физически ощущал давящую близость грязновато-белых стен, покрытых таким толстым слоем пыли, что разглядеть их поверхность было просто невозможно. Пол покрывал толстый слой земли.

— Откуда-то поступает тепло, — заметила Эйприл, держа ладони с растопыренными пальцами перед собой, чтобы определить направление воздушных потоков.

Макс озирался в поисках кнопки открывания двери. Но на глаза ему попались лишь шесть панелей. Две пары находились одна напротив другой. А пятая и шестая панели оказались в противоположных концах коридора. Макс отметил в памяти положение ближайшей к двери панели, чтобы найти ее, когда дверь закроется, и они с Эйприл окажутся в темноте.

Она провела ладонями по стене и принялась отряхивать их от пыли.

— Похоже, тепло идет со всех сторон.

Дверь поехала вниз. Макс едва сдержал желание броситься наружу, пока не поздно, и дверь закрылась.

Но внутри осталось довольно светло — серая полоса, идущая поперек двери, давала достаточно света, а когда Макс протер ее рукавом, сразу посветлело, и через миг Макс узрел людей, стоящих по ту сторону двери.

— Она прозрачная.

— Хорошо, — усмехнулась Эйприл, занятая изучением стенных панелей. Подойдя к расположенной в дальнем конце коридора, она надела перчатку. — Макс, ты готов?

— Валяй.

Она сделала глубокий вдох:

— Один крохотный шажок для женщины...* —
Она коснулась панели. Затем нажала.

В стене раздался щелчок, и прямо перед ней открылась дверь, ведущая в ротонду.

— Ага! — с торжеством выдохнула Эйприл и вошла.

Внутри царил серый полумрак, едва-едва позволявший толком оглядеться.

— Вот оно, главное место действия! — провозгласила она.

Там царило запустение. Несколько колонн поднимались к потолку, смыкаясь с сетью балок, и все. От середины зала к дальнему концу Купола шел канал.

Дверь скользнула вниз.

У Макса в душе на миг всколыхнулась паника, но он сразу увидел такую же панель, как оставшаяся за дверью, и успокоился.

— Вот и наш канал, — указала Эйприл на траншею. — Яхта входила спереди, а швартовали ее прямо тут.

Рядом с каналом даже были столбики, видимо, служившие этой цели.

Стало трудно дышать.

— Пошли, — сказал Макс. — Воздух тут скверный.

Да и могло ли быть иначе?

---

* Аллюзия на высказывание Нила Армстронга, первым ступившего на Луну: «Это маленький шаг одного человека и громадный скачок всего человечества».

Подперев двери, чтобы те не закрылись, они при помощи пары мощных вентиляторов проветрили помещения. Затем, убедившись, что никакой опасности нет, открыли доступ внутрь для собственных работников и журналистов.

Ров оказался примерно пятнадцати футов в глубину, как раз таких размеров, чтобы вместить судно. Чтобы завести его в укрытие, приходилось складывать грот-мачту, но это не проблема.

Остальные коридорные панели открывали двери еще четырех комнат. Две из них когда-то были то ли жилыми, то ли складскими помещениями, но теперь оказались просто-напросто пустыми. В других обнаружили шкафчики и трубы. В шкафчиках было хоть шаром покати. Притопленная ванна и унитаз наподобие того, что на яхте, наводили на мысль, что одна из комнат была ванной. Вторая напоминала кухню.

Макса сразу же охватило разочарование. Уж больно все оказалось обыденно. Эйприл выглядела совсем подавленной.

— А что ж мы, собственно, хотели увидеть? — спросил он.

Полнейшая пустота.

Ни космического корабля, ни древних архивов, ни доисторических компьютеров, ни снаряжения.

Ничегошеньки.

Истинные силы не в земле лежат, но в нас.

Уолтер Асквит, «Древние берега»

Том Брокау демонстрирует необходимую долю скепсиса.

— Сегодня, — говорит он, — мы получили новые свидетельства того, что инопланетяне посетили Северную Америку в конце последнего ледникового периода. Сегодня ученые вошли в таинственную постройку, не одну тысячу лет таившуюся под землей невдалеке от канадской границы.

Рядом с ним появляется компьютерная карта района Валгаллы и Форт-Мокси, затем следуют кадры воздушных съемок Купола и его абрис.

— Это здание выстроено из материалов, воспроизвести которые земной науке не под силу, как нам сказали. Послушайте репортаж Роберта Бэйзелла с места событий.

Озябший Бэйзелл стоит перед Куполом. Ветер пытается вырвать у него микрофон.

— Привет, Том. — Он полуоборачивается, чтобы Купол был лучше виден в объективе. — Итак, ученые считают, что это сооружение возведено десять тысяч

лет назад. Никому не известно, откуда оно тут взялось и кем были его неведомые строители. Пошедший на его постройку материал, по утверждениям экспертов, прежде был совершенно неведом земной науке. Сегодня группа людей под руководством доктора Эйприл Кэннон впервые вошла внутрь, и вот что они увидели.

Перед зрителями появляется внутреннее помещение Купола. Под аккомпанемент Третьего органного концерта Баха камера плавно панорамирует вдоль зеленых стен и канала.

Макс, в компании Эйприл и Ласкеров смотревший передачу в «Фургоне первопроходцев», вновь ощутил всколыхнувшееся в душе разочарование и обиду. Даже в шкафчиках пусто! Хотя бы старый башмак попался для разнообразия, и то было бы славно.

Хоть бы какой-нибудь пустячок!

— Том, если Купол действительно настолько стар, как утверждают некоторые эксперты, — продолжает Бэйзелл, — то перед нами чудо техники. Температура внутри достигает почти шестидесяти градусов.. Как видите, здесь у нас холодно. Следовательно, вполне логично заключить, что внутри имеется система отопления, сохранившая работоспособность и по сей день. — Вновь переход на общий план плато, где метет поземка, а у людей вокруг Купола подняты воротники. — Следует добавить, что это сооружение светится в темноте... Во всяком случае, светилося вчера ночью. настолько ярко, что напугало жителей расположенной неподалеку Валгаллы, и те спешно покинули город.

Экран разделен на две половины. Появившийся на одной из них Брокау выглядит озадаченным,

— А вы уверены, что это не ловко подстроенный розыгрыш?

— Это зависит от того, что вы имсете в виду, Том. Эксперты расходятся во мнениях по поводу возраста сооружения, но они единодушны в том, что материал, пошедший на его постройку, не может быть создан ни одним из известных человечеству способов.

В кадре появляется пожилой бородатый мужчина, сидящий за письменным столом на фоне громадного стеллажа, сплошь уставленного книгами. Субтитры сообщают, что это Эллиот Рирден, заведующий кафедрой химии Миннесотского университета.

— Профессор Рирден, — спрашивает Брокау, — вы меня слышите?

— Да, Том.

— Профессор, каково ваше мнение на сей счет?

— Судя по всему, это утверждение подкреплено фактами. — В серых глазах Рирдена пляшут огоньки сдерживаемого волнения.

— Профессор, почему вы сказали «судя по всему»?

— Я бы не сказал, что проблема заключается в самих доказательствах, — поразмыслив, отвечает химик. — Но напрашивающиеся выводы таковы, что тут невольно замнешься.

— И каковы же эти выводы? — спокойно осведомляется Брокау.

Рирден устремляет взгляд прямо в объектив:

— Полагаю, если признать результаты анализов правильными, мы вынуждены будем прийти к одно-

му из двух выводов. Либо под конец прошлого ледникового периода здесь жили люди, достигшие чрезвычайно высокого уровня развития цивилизации, намного превосходящего наш, а после каким-то образом бесследно пропавшие, либо... — Взгляд его устремлен в глаза зрителям. — Нас посещали.

— Вы имеете в виду НЛО, профессор? Инопланетян?

Рирден беспокойно ежится:

— Если есть какая-либо третья возможность, то мне она неведома. — Он поджимает губы. — Тут мы столкнулись с непостижимым. По-моему, разумнее всего было бы сохранять непредвзятость мнений и не делать поспешных выводов.

На экране появляется изображение подсвеченного Купола, да вдобавок озаренного ярким светом луны. Это прямая трансляция съемок, сделанных с воздуха.

— Теперь, когда ученые вошли внутрь, — продолжает Брокау, — ответы на сложные вопросы будут скоро получены. Эн-би-си даст специальный репортаж о тайне гребня Джонсона в спецвыпуске сегодня вечером в девять.

Том Ласкер наколот на вилку кусочек мяса и ткнул ею в сторону экрана.

— Я рад слышать, что мы вот-вот получим ответы на сложные вопросы.

Макс и Эйприл прибыли на гребень Джонсона на рассвете — и успели увидеть, как угасает зеленое зарево. Вслед за ними катили по дороге автомобили прессы, а в небе над плато кружил вертолет.

Факс израсходовал всю бумагу еще ночью, а на компьютере скопилось несколько тысяч посланий, пришедших по e-mail'у. Чуть ли не каждый житель Земли вдруг загорелся желанием посетить Купол.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала Эйприл. — Но, честно говоря, я даже не представляю, как нам это осуществить. Мы не сможем принять сразу столько народу.

Журналисты и важные шишки уже прибывали в неисчислимом множестве. Эйприл поговорила с прессой, признавшись, как опасалась, что, ознакомившись с результатами ее исследований, коллеги-ученые отрекутся от нее.

Но обошлось без этого. Все подошли к проблеме весьма непредвзято.

Она разъяснила необходимость оградить владения от орд посетителей до той поры, пока не будет собрана информация о том, что таит в себе Купол.

— Так что, — подвела она итог, — мы впустим внутрь всего шестерых репортеров. Трех от телевидения, трех от газет. Выбор кандидатов на ваше усмотрение. Дайте мне на подготовку тридцать минут. Тех, кто пойдет, я попрошу не отходить от сопровождающего. Всякий, кто будет бродить сам по себе, будет выведен. Согласны?

Кое-кто недовольно заворчал, но большинство рассмеялось. Пока пресса пыталась отобрать представителей, Эйприл с Максом направились к оленьей двери. Она всю ночь была подперта лопатой, чтобы внутренние помещения успели проветриться. Эйприл вынула лопату, и дверь тотчас же закрылась.

Затем Эйприл сняла перчатку и пальцами коснулась оленьей головы. Как Макс и предполагал, ничего не произошло.

— Итак, мы установили, что дело в перчатке Джорджа, так? — начала она.

— Очевидно, — согласился Макс.

— Но почему? — Она извлекла из кармана шарфик и продемонстрировала Макс. — Куплен в Кмарте, на распродаже, за шесть зеленых. — Она обернула шарфик вокруг ладони и снова коснулась изображения.

Дверь открылась.

— Вуаля! — Эйприл снова подставила лопату.

— А почему она отреагировала на шарф?

— Пока толком не знаю. Что у шарфа есть общего с перчаткой Джорджа, отличающего ее от моей варежки и от голой ладони?

— Черт его знает... — развел Макс руками.

— Перчатка Джорджа, — Эйприл вынула ее из кармана, — сделана из полипропилена. Шарф — из полиэстера. И то, и другое — продукция технически развитой цивилизации.

— А нельзя ли подробнее? — сосредоточенно нахмурился Макс.

— Это лишь догадка. Но когда Куполом еще пользовались, поблизости могли быть и туземцы. Кто знает, кто еще тут мог оказаться? Скажем, медведи. В общем, как бы ты устроил дверь, чтобы твои люди без труда могли пользоваться ею, а туземцы — да и вообще все остальные — не могли?

— Не знаю.

— А я бы воспользовалась датчиком, реагирующим, скажем, на синтетику. А на все остальное — голая кожа, мех, что-либо иное — дверь бы не отпиралась.

Нахлынули орды любопытствующих. Они ринулись через пограничные заставы США, напрочь забив шоссе и двухрядные дороги к северу от Фарго и Дикинсона. Они прибывали спецрейсами в Международный аэропорт Форт-Мокси, где обнаруживали, что контора по прокату автомобилей располагает одной-единственной машиной, а на весь город имеется лишь одно такси. Столкновение пяти автомобилей у Дрейтоновского въезда на шоссе №1-29 создало затор, заблокировавший движение в северном направлении на два часа. На шоссе №18 водители черными словами проклинали пробку, растянувшуюся на многие мили и заставлявшую их двигаться рывками по несколько ярдов. К исходу первого дня после начала тотальной обработки общественного мнения насчитывалось двое погибших, свыше двадцати раненых и почти двести человек с обморожениями различной тяжести. Ущерб, нанесенный частным владениям, оценивался в четверть миллиона долларов. Этот день остался в памяти людей, как единственный в истории Северной Дакоты день автодорожной бойни.

Полиция весь день пыталась в радиообращениях урезонить водителей. В два часа дня президент выступил по радио и телевидению, призывая людей к спокойствию. (Что довольно странно, поскольку

причиной беспорядков послужил отнюдь не разгул страстей.) «Обстановка на дорогах в Валгалле и ее окрестностях, — сказал он, — крайне сложная. Если вам хочется увидеть, что творится на гребне Джонсона, то легче и безопаснее всего это сделать из вашей собственной гостиной».

Мы любим заявлять, что большинство людей лишено чувства историзма. Это заявление обычно основывается на неосведомленности: кто и что сделал, когда произошло то-то и то-то. И все же кто из нас не ухватился бы обеими руками за возможность посетить Геттисберг* в великий день или перекусить в компании Цезаря, если таковая представится? Всем нам хочется прикоснуться к истории, стать частью всесокрушающего прилива. И вот она, возможность, событие высочайшей важности, и разве усидит человек дома перед телевизором, если он может самолично побывать на гребне Джонсона?

По унылым чертам лица и лишенным всякого выражения глазам шефа полиции, грузного мужчины с утробным голосом, нипочем нельзя было догадаться о его сметке и ясном уме. Звали его Эмил Датабл, но подчиненные за глаза тут же окрестили его «Дай-то Бог!», точно подметив его склонность относиться ко всему с сомнением.

Он приехал на плато ближе к полудню. К тому времени Макс с командой помощников уже не первый час сидел на телефоне, отвечая на бесчисленные

---

* Сражение при Геттисберге 1—3 июля 1863 года фактически решило исход войны между Севером и Югом.

звонки металлургов, археологов, промышленников, политиков и любителей диковинок со всего света.

Датабл был отнюдь не в восторге. Появление этой гадости сильно осложнило его работу. Он понимал, что в его епархии разыгрываются события грандиозной важности, но предпочел бы, чтобы они разыгрались где-нибудь в другом месте.

— Может, придется вызвать Национальную гвардию, — сказал он Макс. — Смахивает на то, что в нашу сторону направляется вся Северная Америка.

— Тоже мне, новость! — отозвался Макс. — Может, стоило бы вообще закрыть въезд на плато и не подпускать людей на пушечный выстрел.

Датабл огляделся, будто опасаясь, что их могут подслушать:

— Вы что, серьезно?! Да дела в округе пошли лучше некуда! Если я закрою эту штуку, то моя работа вылетит в трубу. — Он выглянул из окна. Стоянка была забита сотнями машин. — Послушайте, эта ситуация как нельзя на руку нашим городам. Все еще стоит мороз, и никому тут долго не вытерпеть. Они приезжают, глядят и едут дальше. Затем основная масса приезжих направляется в ближайшие города, чтобы поесть чего-нибудь горячего и пробежаться по магазинам. Все в движении, ничто не стоит на месте. То есть не стояло до недавнего времени. А сейчас у нас слишком большой поток автотранспорта.

Макс кивнул, в душе порадовавшись, что об этом голова болит не у него.

— Макс, — минутку помолчав, проронил Датабл, — вы, часом, не собираетесь начать пускать их внутрь, а?

— В Купол? Нет. Мы открыли доступ лишь для прессы и исследователей.

— Хорошо. Потому что это затормозило бы дело. Нужно держать их на холоде. Пока нам будет это удаваться, все будет в порядке. — Датабл энергично кивнул. — Только не передумайте! — Он встал и направился к двери, но на пороге задержался. — Если повезет, температура упадет ниже нуля. Это было бы нам на руку.

Вертолеты прибывали каждые пару минут, доставляя все новые отряды журналистов и важных шишек. Ласкеру нужна была помощь в организации порядка, и Макс вдруг оказался ответственным за приветствия. Эйприл забросали вопросами и просьбами сделать фотографии, и она честно старалась ответить всем. Но день выдался изнурительный, и все они обрадовались, когда увидели, что солнце садится.

— Нелепость какая-то, — жаловалась Эйприл. — Меня ждет самая интересная на свете находка, а мне нет отбою от репортеров. Мне хочется хорошенько оглядеться-внутри.

Так уж получилось, что у журналистов было гораздо больше времени, чем у нее, чтобы осмотреть Купол изнутри.

Были и другие помехи. Еще не успевшая осознать этого Эйприл вдруг проснулась знаменитой — никто из ученых во всей стране не мог похвастаться такой же известностью. В первые же двадцать четыре часа после их выхода на мировую арену (именно так это

теперь представлялось) она получила деловые предложения от трех ведущих косметических фирм, желавших, чтобы Эйприл одобрила их продукцию, от пищевой компании («Внеземное наслаждение»), от агентства по прокату автомобилей и от Эм-си-ай.

Она водила по Куполу целые толпы посетителей, давала интервью и устраивала пресс-брифинги. Теперь фотографы обнаружили, что у них есть фотогеничный объект съемки, и пыхали своими блицами непрерывно. Она явно упивалась всем этим, и Макс радовался за нее. Она сообразительнее и проворнее его да вдобавок обладает чарующей улыбкой и пристрастием к лаконичным заявлениям для электронной прессы.

На третий день после проникновения в Купол начался кропотливый процесс просеивания и устранения скопившейся в нем земли. Были расчищены отдельные секции стены, чтобы впустить внутрь рассеянный солнечный свет.

Подобный свет просачивается летним днем сквозь лиственный кров леса. Но тут, конечно, никаких листьев не было — просто зеленые стены, вероятно, кэн-ониновые, ничем не отличающиеся от наружных, окно на уровне груди, охватывающее панораму в двести семьдесят градусов, с осью симметрии в передней части Купола.

Ласкер попросил Макса присматривать за ходом работ, Эйприл описала ему необходимые меры предосторожности, после чего он был предоставлен самому себе. Кроме того, в это же время они успели нанять в качестве пресс-атташе экс-мэра Фрэнка Молла.

Макс думал, что источником настоящей информации станут стены. Ему хотелось узнать, как можно сделать систему, не теряющую работоспособности даже через десять тысяч лет. И все же ему было жаль, что первый контакт принес всего-навсего совершенную систему отопления.

Оставив Эйприл записку, Макс поехал обратно в мотель, но застрял в пробке и прибыл в Форт-Мокси лишь через два часа, издерганный и раздраженный. Городок пребывал буквально в осаде. Машины стояли повсюду, на улицах было негде яблоку упасть. Макс кое-как пробился к стоянке мотеля, но там свободных мест не оказалось. В конце концов ему удалось пристроить машину на Легхорн-стрит, в шести кварталах от мотеля.

Пешком шагая обратно, он видел юнца в свитере, изображающем Купол, с подписью «Форт-Мокси, Северная Дакота — МИР ИНОЙ». В витрине «Замка и зонта» красовалась целая выставка стаканов, тарелок, полотенец, суперобложек, солонок и перечниц с символикой Купола, а заодно ряд его сувенирных моделей. В расположенном через Бэннистер-стрит от него «Супермаркете Майка» рекламировалось примерно то же самое, но в большем ассортименте.

Навстречу Максусу неспешно катили два школьных автобуса, разукрашенные яркими флагами с силуэтом Купола. На передке ехавшего первым было начертано «Туманный дух». В автобусах сидели юноши и девушки студенческого возраста, они радостно махали Максусу, проезжая мимо него.

Макс помахал им в ответ, поспешил вдоль по улице (он уже успел озябнуть) и наконец с радостью окунулся в уют своей комнаты в мотеле. Внезапно охватившее со всех сторон тепло выпило из него все силы, и, сбросив куртку на кресло, Макс повалился на кровать.

Автобусы остановились у ресторана Клинта. Зал оказался полон, где уж вместить еще шесть десятков человек, но Клинт не собирался упускать такую уникальную возможность. Он предложил приготовить сэндвичи и кофе на вынос и забронировал приехавшим места на ужин. Когда они удалились, Клинт отметил, что запасы консервированного мяса, пикулей и картофельного салата тают с непредвиденной быстротой, и отправил сына в Гранд-Форкс заказать дополнительные поставки.

В «Замке и зонте» Арнольд Уайтекер дивился скорости исчезновения с полок автозапчастей. Очень хорошо шли игры для детей, способные занять их в дороге, и — зловещий признак — огнестрельное оружие. Да еще бинокли. Спрос на атрибутику Купола взмыл до небес. Арнольд считал, что взял солидную партию этой дребедени, но та грозила закончиться завтра к вечеру.

Когда же он позвонил, чтобы заказать еще, виннипегский поставщик смог лишь вписать его в список очередников.

Мотель «Северная звезда» был набит под завязку уже вторую неделю подряд. За всю его историю такое случилось впервые. В то самое время, когда Макс

уснул в своей комнате, руководство обсуждало вопрос об удвоении тарифа.

Во всяком случае, цена выпивки в «Фургоне первопроходцев» уже заметно выросла. Правда, владелец ресторана Марк Хэнфорд осмотрительно назначил отдельные цены для местных и приезжих. При обычных условиях Марк считал бы подобную практику неэтичной, но времена настали необычайные. Бизнесмену положено приспосабливаться к смене обстановки. Он считал, что никто даже не обратит внимания; именно так и получилось.

Заодно Марк решил предложить городскому совету наградить Тома Ласкера почетным дипломом, ничуть не сомневаясь, что предложение пройдет единогласно.

Шарлотта Андерсон, сидевшая на переднем сиденье головного автобуса, физически ощущала силовые линии. Они наполняли ее, протекая сквозь пустоту и вознося ее на высочайший уровень сознания, недоступный ей прежде. Надрывный рев мотора автобуса, продвигавшегося рывками по несколько ярдов, сменился ровным рокотом, и в душе Шарлотты вспыхнула радость триумфа. Цель близка!

Источник энергии находится на юго-западе, мучительно близко отсюда. Несколько лет назад она уже побывала в подобной точке на Аляске, близ Бэрроу. Там Шарлотта тоже стала едина с космосом, установив контакт между своим внутренним «я» и ок-

ружающей Вселенной, включившись в великую сеть бытия. Тогда у нее тоже было приподнятое настроение. Но тот неведомый источник был погребен в горном перевале, под ледниками.

Шарлотта — опрятная рыжеватая блондиночка родом из Лонг-Айленда, с аккуратно подстриженными волосами, немного нарочито веселая, словно ее жизнерадостность была наигранной, а не природной — окончила Принстон magna cum laude* и получила степень магистра современной европейской истории. Хотя воспитали ее преданной католичкой, во время учебы в высшей школе Шарлотта поняла, что ее не устраивает религия, так аккуратно разложившая все по полочкам. Господь — не счетовод. Окончив университет, она объявила, что стала унитарянкой**. Логика мироздания выходит за рамки рассудочного истолкования, разъяснила она огорченному отцу, человеку дано лишь расслабиться и созерцать ветер, веющий среди звезд. Отец уверил мать, что все будет в порядке, что все это юношеский вздор, и Шарлотта со временем перерастет эти глупости.

Она знала, что кое-кто из парней в группе больше интересуется ею самой, чем источником энергии, но это не так уж и плохо. Дай срок, они окажутся на месте, и этого будет достаточно.

---

* с отличием (лат.).

** Унитарянцы — последователи монотеистического религиозного учения, отошедшего от христианства и отрицающего «триединство» божества. Унитарии считают, что Бог всеобъемлющ и не отдает предпочтения никому из людей, заботясь о спасении всего человечества независимо от вероисповедания, а критерием веры и религиозных практик являются разум и совесть человека.

Автобусы приехали из Миннеаполиса, где Шарлотта работала менеджером в «Макдональдсе»; после того, как покинула дом, чтобы найти свое истинное «я». Когда на ферме в Северной Дакоте обнаружилось судно, она сразу поняла, что это лишь предвестник чего-то более грандиозного. И Кюри Миллер из Мэдисоновского института — тоже. Они обсудили это по сети — манхэттенская группа, Кюри со своей группой, Сэмми Ротштейн из Бойси, и Беннетты из Джексонвилля, и прочие друзья по всей стране — и в Филли, и в Сиэтле, и в Сакраменто. Когда ситуация дозрела, более шестидесяти членов телекоммуникационной общины, желая оказаться поближе к месту событий, вылетели в Гранд-Форкс, где Шарлотта и еще несколько человек из района городов-близнецов поджидали их с автобусами. Они арендовали здание муниципалитета Форт-Мокси и провели там две ночи, дожидаясь отставших. Теперь час пробил. Подгадать более удачный момент специально было бы трудно: последние новости с гребня Джонсона воспламенили их энтузиазм (если он вообще нуждался в воспламенении), и Шарлотта со всеми вместе поняла, что впереди их ждет настоящее чудо.

Потом Эйприл так и не могла вспомнить толком, кто именно из команды Макса первым заметил ряд пиктограмм на стене в задней части Купола. Честь открытия приписывали себе несколько человек, но больше всего Эйприл поразило, что целые легионы журналистов, физиков, математиков и конгрессме-

нов промаршировали мимо, не заметив картинок. Да она и сама их не замечала.

В стеклообразной поверхности обнаружилось шесть пиктограмм — не бросающихся в глаза, не белых, а черных, и потому почти не контрастирующих с темно-зеленой стеной.

Рабочие покинули Купол, оставив на месте тачки и лопаты. На полу осталось еще около двух дюймов земли. Эйприл стояла у стены, внимательно разглядывая пиктограммы. Шесть пиктограмм размером с ладонь располагались двумя вертикальными рядами: дерево, завитушки, смахивающие на дым, яйцо, стрела, пара переплетенных колец и фигура, напоминающая скрипичный ключ.

Выполненные в стиле оленьей головы пиктограммы казались объемными. Эйприл внимательно пригляделась к дереву — верхней левой картинке. Как и другие, та располагалась под самой поверхностью. Вынув носовой платок, Эйприл протерла стену, чтобы видеть яснее.

Дерево вдруг вспыхнуло.

Эйприл испуганно отпрянула.

Пиктограмма осветилась мягким янтарным светом, будто неоновая лампочка.

Эйприл поднесла ладонь к стене, но не ощутила никакого перепада температур.

И ничего не произошло — не открылись никакие двери, не изменилась освещенность. Эйприл снова приложила ладонь к пиктограмме, чтобы проверить, не погаснет ли та.

Дерево продолжало светиться.

Затем в нескольких футах от Эйприл вспыхнуло золотистое сияние. Сияние разгоралось, в нем мерцали звезды. Она пыталась крикнуть, но голос пропал.

И вдруг сияние угасло так же быстро, как возникло. Будто щелкнули выключателем.

Вот только никакого звука не было.

Эйприл простояла без движения добрую минуту. На месте сияния сверкал в солнечном свете чистый круг пола.

Шарлотта осмотрела штабель коробок, сложенных в задней части автобуса. Одна коробка съехала с места и грозила вот-вот вывалиться в проход. Шарлотта двинулась туда, но Джим Фредерик из Мобила опередил ее, сунув коробку на место. Поблагодарив его, Шарлотта вернулась на свое сиденье.

Они выбились из графика — автодорожная пробка, растянувшаяся на девять миль к северо-востоку от раскопок, задержала автобусы на два часа. Знаки, установленные вдоль дорог, предупреждали посетителей, что доступ на участок открыт лишь до шести. Сегодня не успеть.

Членами сети, как правило, становились студенты или молодые профессионалы — по большей части белые, любители бега трусцой или аэробики, нуждающиеся в средствах. В шестидесятых они разъезжали бы на «автобусах свободы». Все они свято веровали в то, что жизнь можно сделать лучше для всех и каждого, и средства для этого лежат у всех под рукой.

В автобусе гуляли сквозняки, окна замерзли, но Шарлотта и ее товарищи не теряли бодрости духа. Открыв термосы, они раздавали горячий кофе и шоколад. Они распевали дорожные песни — от речитативов Толкиена и Гаяна до ритуальных песнопений с прошлогодней генеральной ассамблеи в Юджине*. Они расхаживали взад-вперед по проходу, стараясь согреть ноги. И смотрели, как понемногу растет впереди плоскогорье Пембина.

Автобусы свернули на шоссе №32 перед самым закатом. Тут дорожное движение пошло не в пример быстрее, но до Валгаллы они добрались уже после шести. Шарлотта испытывала искушение протрубить отбой и остановиться здесь ради ужина и ночлега. Однако когда к ней подошли с тем же предложением двое ее лейтенантов, она вдруг воспротивилась:

— Давайте хотя бы попытаемся. Если нас сегодня не пустят, у нас есть еще чем заняться.

Выехав на двухрядную дорогу, они довольно прилично разогнались. Водитель — рок-гитарист из Нью-Мексико по имени Фрэнки Атами — показал вперед:

— Вот оно.

Сбоку от дороги светились фонари и было установлено ограждение. Машинам давали от ворот поворот.

— Останови-ка, — велела Шарлотта.

Рядом с барьером, преграждающим въезд, стояли двое полицейских в теплых куртках. Фрэнки остано-

---

* Город, где расположен Орегонский университет, основанный в 1872 году.

вил автобус и открыл дверь. Шарлотта свесилась наружу, но полицейские дали знак проезжать.

— Офицер, мы приехали издалека, — сказала дрожащая от холода Шарлотта.

— Извините, мэм, — ответил тот, что повыше ростом. — У нас закрыто на ночь. Приезжайте завтра утром.

— А во сколько вы открываетесь?

Но полицейский лишь молча ткнул пальцем в сторону дороги. Фрэнки, глядя в зеркало заднего обзора, осторожно вывел автобус на шоссе.

— Съезжай на обочину, когда сможешь, — попросила его Шарлотта. — Попытаемся взглянуть на него.

Фрэнки с сомнением поглядел на кюветы по обе стороны дороги, уже успевшие стать последним приютом для нескольких машин.

— Это навряд ли.

Совсем упав духом, они ехали на юг, пока гребень совсем не скрылся из виду. Тогда Шарлотта выудила карту и сказала:

— Ладно, первый поворот налево.

Это вывело их на проселок, и уже в сумерках они выехали на участок, расположенный в нескольких милях от плато, но с отличным видом на него.

— Фрэнки, найди подходящее место и остановись, — распорядилась Шарлотта.

Они съехали на обочину. Второй автобус свернул следом и остановился обок с первым. Люди начали снова между машинами, попивая горячий кофе и шоколад. В задней части автобуса Джим Фредерик начал распаковывать коробки. Порыв-

шись в них, Мэй Томпсон и Ким Мартин достали фонари, наполнили их у дороги керосином и раздали всем по одному.

Кто-то запел. Заря на западном горизонте отгорела, в небе замерцали первые звезды.

И вдруг, будто кто-то щелкнул выключателем, вершина гребня озарилась изумрудным сиянием.

Все застыли в благоговейном молчании.

Спустя добрую минуту к Шарлотте подошла Мэнни Кристофер, программистка из Провиденс, проронив:

— Это он.

Они молча обнялись и забормотали поздравления. Шарлотта зажгла свой фонарь. Это послужило сигналом для остальных, и они объединили сияние фонарей, выстроившись живой цепью лицом к гребню Джонсона.

Шарлотта ощутила тягу, исходящую от объекта, находящегося на плато. Купол, как называют его в прессе. Но в иные времена он носил иное имя, которым наделили его иные существа. Несмотря на холод, лица ее друзей светились теплом и оживлением в мерцании фонарей. «Маяки, — подумала она. — Фонари и лица. Маяки для вселенской энергии».

Она подняла фонарь, и остальные последовали ее примеру.

В эту минуту она любила их всех до единого. А еще любила чудесный мир, в котором ей довелось родиться.

На краткий миг ей удалось увидеть друзей, всю сложность жизни на Земле и звезды в очах Бога.

— Сегодня гость нашей передачи Си-эн-эн «Один на один», — сказал ведущий, — Альфред Макдоноф из университета Торонто, лауреат Нобелевской премии по физике. Доктор Макдоноф, что на самом деле происходит на гребне Джонсона?

Макдоноф — худой, хрупкий седовласый человек — посмотрел на него поверх очков:

— Я бы сказал, Тед, что мы видим первое реальное свидетельство, что нас посещали обитатели иных миров.

Ведущий кивнул:

— Сообщают, что в Куполе имеется источник энергии.

— Да. Вряд ли подлежит сомнению, что... — физик помолчал, подбирая слова, — ...это место производит свет и тепло.

— Известно ли нам, как это осуществляется?

— Насколько известно мне, механизм пока никто не искал.

— Почему?

— Потому что определить его местоположение затруднительно. Похоже, нам придется взломать стену, чтобы выяснить устройство объекта. Естественно, никому не хочется этого делать.

— Доктор Макдоноф. — Голос ведущего чуточку изменился. — Мы слышали, что есть основания полагать, будто находке более десяти тысяч лет. Как вы относитесь к этому утверждению?

— Это не исключено.

— Почему? Как же может освещение работать спустя такой срок? — Ведущий улыбнулся. — Ведь нам приходится платить за гарантийное обслуживание, чтобы защититься от тостеров, выходящих из строя через пару лет.

Макдоноф ответил ему улыбкой и нечаянно уронил искру в бочку с порохом.

— Уверяю вас, Тед, что если объект на гребне Джонсона и в самом деле является тем, чем кажется, то мы весьма скоро приспособим использованные в нем технические решения к своим нуждам. Полагаю, мы сможем подарить вам весьма долговечный тостер. — Он с довольным видом откинулся на спинку стула. — Правду сказать, мне кажется, что мы сможем подарить вам первый тостер, способный прослужить не одно поколение.

16

Я невольно задумываюсь о том, как бы все обернулось, если бы не дистанционный ключ от гаражных дверей Уэсли Фью.

Майк Тауэр, «Чикаго трибьюн»

Чего я не могу понять, так это что случилось с землей.

Исчезло несколько дюймов земли, обнажив каменный диск примерно пяти футов в диаметре, известково-белый с рельефной черной решеткой и приподнятый над серым полом на дюйм-другой.

— Смахивает на то, что мы открыли сверхсовершенный пылесос, — отозвался Макс, откладывая видеокамеру и разглядывая решетку с приличного расстояния. Тут еще слишком много неизвестного, и последовать за землей Макс вовсе не собирался.

— Вот эта, — указала Эйприл на изображение дерева. — Надо всего-навсего прикоснуться к стене.

— А не попробовать ли нам еще разок?

— Но на сей раз с чем-нибудь более наглядным, чем земля, — согласилась она.

Внутри стояло несколько деревянных стульев для отдыха рабочих. Макс взял один из них и установил

на решетку. Затем приготовился к съемке и дал знак начинать.

Эйприл прижала ладонь к стене напротив дерева. Пиктограмма начала светиться.

— Есть! — кивнула Эйприл.

Но ничего не произошло, и свечение внезапно исчезло.

Макс поглядел на пиктограммы. Сделаны они со вкусом, но выглядят скорее функциональными, нежели декоративными. И тут ему на глаза попалась немного утопленная в стену пластина у самого пола. Может, еще один выключатель?

— Что ж, давай, — подбодрила его Эйприл. — Попробуй.

Макс нажал на пластину и почувствовал, как что-то щелкнуло. В стене распахнулся круглый лючок дюймов семи в диаметре. Под ним обнаружились провода.

— Ну, хоть что-то, — оживился Макс. — Мы выяснили, что наши выключатели подключены к источнику тока.

— А что, если попробовать другую пиктограмму? — предложила Эйприл.

Направив камеру на стул, Макс включил запись.

— Наверно, стоило бы убедиться, что мы не стоим на одной из таких решеток, — подала голос Эйприл.

Макс каблуком расковырял землю под собой и не обнаружил никакой решетки.

— По-моему, нам ничто не грозит.

Рядом с деревом был символ, напоминающий выходящий дымок. Эйприл притронулась к нему, но тот остался темным.

— Кажется, не работает, — заметил Макс.

— Очевидно. — Почти небрежно Эйприл притронулась к пиктограмме яйца. Та засветилась. — Горит.

Макс попятился на пару шагов и снова включил камеру.

Эйприл бросила взгляд на часы.

В видеоискателе светилась красная лампочка. Камера вдруг потяжелела, и Макс передвинул ее на плече чуточку повыше.

Он уже начал подозревать, что феномен не повторится, когда в центре видеоискателя вспыхнула крохотная звездочка.

— Двадцать три секунды, — сообщила Эйприл.

Звездочка разрасталась и становилась ярче.

— Боже мой! — выдохнул Макс. — Да что же это такое?!

Сияние охватило стул.

Макс следил за вспышками и переливами света до рези в глазах. А затем все исчезло.

И стул в том числе. Перед ними была лишь чистая решетка.

Эдуард (он же Дядюшка Эд) Кроули уже третий год работал главой администрации в корпорации «Тредлайн», дочерней компании фирмы «Крайслер», три года назад добившейся независимости и большого успеха благодаря выпуску добротных автомобилей по разумным ценам (девиз компании), с особым упором на качество последующего обслуживания.

Дела «Тредлайн» шли лучше некуда. Придерживаясь принципа разумной командной работы, корпорация избавилась от руководителей с диктаторскими замашками, заменив их людьми, умеющими поощрять инициативу и ободрять подчиненных, способных принимать самостоятельные решения, да при том следить, чтобы все старались добиться успеха. И вот наконец все утряслось. В прошлом квартале «Тредлайн» получила первые стабильные прибыли, и теперь кривая доходов явно поползла вверх. По мнению Дядюшки Эда, будущее сулило им только процветание.

Его открытый календарь лежал на письменном столе красного дерева. Через четверть часа предстоит беседа с торговыми представителями компании в Германии, которая наверняка затянется до ленча. В час собрание персонала, в тринадцать сорок пять уединение для размышлений, в четырнадцать пятнадцать посещение отдела перспективного планирования. Дядюшка Эд всегда исповедовал теорию «пешего руководства», понимая, насколько важно быть на виду у людей. В три часа совещание с главой юридического отдела, а в четыре — с Брэдли и его инженерами. А с шестнадцати тридцати дверь кабинета открыта для всех. Всякий может заглянуть, чтобы покалякать с боссом.

Правду говоря, посетителей у него бывает не так уж много. Руководители нижестоящего звена и без того заходят к нему по любой надобности, поэтому им не рекомендуется злоупотреблять вечерними часами. А простые работники не очень-то рвутся в ка-

бинет главы компании. Но время от времени все-таки заходят. К тому же открытая дверь — отличный символ для рядовых работников и отличный пример для начальников любого рода.

Он принялся пересматривать план реструктуризации долгосрочного займа компании в надежде найти в нем лазейку и выудить из нее средства, необходимые исследовательско-конструкторскому отделу. Но в глазах уже рябило от цифр, поясницу ломило. Бросив взгляд на часы, он понял, что ломает голову над планом час с четвертью. Это уже чересчур.

Пора передохнуть и проветрить мозги. Дядюшка Эд встал, подошел к окну и устремил взгляд на горизонт, поверх крыш Индианаполиса. И тут записал интерком.

— Да, Луиза?

— Мистер Хоскин, линия один.

Уолт Хоскин — вице-президент по финансовым вопросам, суетливый коротышка, так и не научившийся мыслить вне рамок обыденного, — потому-то ему никогда не подняться выше нынешней ступеньки в иерархии. Именно Хоскин и был автором плана, лежащего сейчас у Дядюшки Эда на столе — плана вполне удовлетворительного в пределах традиционных правил, принципов политики компании и накопленного опыта. Звезд с неба Хоскин не хватает. А чтобы «Тредлайн» смогла на все сто процентов воспользоваться тенденциями, сложившимися на рынке, надо выбираться из накатанной колес, проложенной Хоскином. Дядюшка Эд снял трубку:

— Слушаю, Уолт.

— Эд, ты смотрел утренние новости? — пискнул Хоскин.

Вообще-то новости Дядюшка Эд не смотрел. Будучи холостяком, он частенько ночевал в кабинете, если засиживался допоздна, как вчера. Так что ни вчера вечером, ни сегодня утром он даже телевизора не видел, не говоря уж о новостях.

— Нет, — спокойно отозвался он. — А что? Что стряслось-то?

— Мы упали на семнадцать пунктов, — произнес Хоскин тоном грешника, возглашающего о Втором Пришествии.

Дядюшка Эд всегда гордился своей способностью хладнокровно встречать всяческие кризисы и потрясения. Но эта новость огорошила его.

— На семнадцать пунктов?! — рявкнул он. — Какого дьявола?!

Он даже представить себе не мог, какая дурная весть или каприз рынка может привести к столь сокрушительному эффекту.

— Это из-за той штуковины в Северной Дакоте.

— Какой такой штуковины?

— НЛО.

Дядюшка Эд с самого начала игнорировал репортажи с гребня Джонсона, считая их массовым психозом.

— Уолт, — процедил он, пытаясь взять себя в руки, — Уолт, о чем речь?

— По некоторым сведениям, вот-вот появится возможность делать автомобили, способные ездить чертовски долго, чуть ли не вечно!

Дядюшка Эд уставился на телефон:

— Да никто же в это не верит, Уолт!

— Может, и не верит. Но люди думают, что другие поверят, и стремятся избавиться от своих акций. Какая-то женщина сегодня утром на Эй-би-си заявила, что машина, сделанная из этого вещества, переживет своего владельца, если только тот будет вовремя менять масло и не попадет в аварию.

Хоскин пребывал на грани истерики. Дядюшка Эд опустился в кресло.

— Эд, ты здесь? — окликнул Хоскин. — Эд, как ты себя чувствуешь?

Около часа на биржах царила полнейшая неразбериха и растерянность. Затем начались массовые продажи. К полудню рынок пребывал в свободном падении. Индекс Никкей за один день понизился на девятнадцать процентов, а промышленный индекс Доу-Джонса потерял триста восемьдесят пунктов.

Они вновь и вновь прокручивали запись на видеомagneтoфoнe.

Стул.

Свет.

Пустая решетка.

Они переключили магнитофон на показовое воспроизведение, следя, как разгорается сияние, как в нем вспыхивают искры, как оно, словно протоплазма, поглощает стул.

— Повтори, только медленно, — попросила Эйприл.

Стул будто растворялся в воздухе.

На протяжении пары кадров Максу казалось, что ножки и спинка просвечивают, как на фотоснимке с двойной экспозицией.

Они сидели в модуле конторы. Окружающие их телефоны продолжали звонить без умолку. Вертолеты прилетали и улетали каждые пять минут. Чтобы справиться с наплывом посетителей, Эйприл пришлось нанять ораву студентов, занимавшихся проведением экскурсий и координацией визитов важных шишек. Двое из этих студентов, одетые в темно-синюю форму с эмблемой Купола на рукаве, сейчас старались отвечать на звонки, не спуская глаз с экрана.

— Надо проделать это еще разок, только со светофильтром, — предложил Макс.

Но теперь придется воспользоваться другой пиктограммой: как и дерево, яйцо сработало лишь один раз и более ни на что не годилось.

Эйприл пропустила его реплику мимо ушей, сосредоточенно уставившись в чашку с кофе. Наконец она подняла голову:

— Макс, как по-твоему, что это такое?

— Ну, скажем, приспособление для уничтожения мусора. — Эта мысль показалась ему забавной. Макс бросил взгляд на экран и вдруг заметил нечто неординарное.

— Что? — вскинулась Эйприл, заметив выражение его лица.

Позади почти прозрачного стула на стене просматривались две вертикальные линии.

— В Куполе их нет, — сказал он, пытаясь мысленно обозреть пространство между решеткой и стеной позади нее. Там не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего эти линии, да и на самой стене тоже.

— Что же ты думаешь по этому поводу? — поинтересовалась Эйприл.

И тут воображение Макса разыгралось.

— Подозреваю, что мы отправили этот старый стул в чей-то вестибюль, — проронил он.

Уверенность в том, что на всем белом свете лишь он один знает правду о зловещей конструкции на гребне Джонсона, усугубила отчаяние Рэнди Кея. Он пытался предупредить брата, пытался поговорить со своей бывшей, чтобы она хотя бы спрятала сына, пытался даже растолковать все отцу Качмареку, но никто не поверил ни одному его слову. Рэнди понимал, насколько нелепой кажется его версия, и не мог придумать ни единого способа убедить родных и друзей, что опасность действительно существует. Убедить хотя бы кого-нибудь. Так что у него не осталось иного выбора, как попытаться взять контроль над ситуацией в собственные руки.

На самом деле штукавина, названная Куполом, — сигнальный бакен, оставленный для того, чтобы забить тревогу, когда человечество созреет. Рэнди подозревал, что она простояла на вершине гребня дольше, намного дольше, чем те десять тысяч лет, о ко-

торых распинаятся все телестанции. Да это и не существенно. Главное, что он знает об опасности и знает, как с ней справиться.

Работая в строительной фирме «Монограмма», Рэнди сейчас занимался ремонтом шоссе №23 в районе Огилви, к северу от Миннеаполиса. Ему становилось дурно при одной лишь мысли о том, что станет с симпатичными домиками за белеными огородами, с тенистыми парками, с обширной сетью дорог после прихода врага.

Конечно, посланный сигнал уже не вернуть, он уже летит сквозь бездны космоса. Так что осталось лишь одно, единственное, что еще можно сделать — прервать сигнал, чтобы твари с той стороны поняли, что взять Землю будет не так-то просто. Рэнди покажет им, что знает об их планах и что им следует приготовиться к долгой и трудной битве, если они вздумают ринуться сюда.

Он приедет на вершину гребня, разгонит машину и расшибет ее к чертям об эту хреновину. В кузове его «Исудзу-Родео» будет лежать пятьсот фунтов тола, а детонаторы будут подключены к радиоуправляемой модели автомобиля, купленной в магазине игрушек. Если все пойдет как следует, Рэнди быстро выпрыгнет из машины, крикнет окружающим, чтобы те укрылись, и превратит Купол в груды мусора. Рэнди искренне надеялся, что никто не пострадает, но даже если внутри кто-то будет, тут уж ничего не поделаешь. В конце концов люди поймут — хотя, быть может, не сразу. Но как только до них дойдет, что Рэнди сотворил, его покажут по телевидению. И его бывшая раскается, что не слу-

шала его, да поздно, потому что он лучше удавится, чем возьмет эту суку обратно. Даже если ему придется отказаться от мальчика.

Он катил по скоростному шоссе, безмятежно глядя на голые, занесенные снегом поля. Спокойствие снизошло на него, когда он выехал из Миннесоты. В Форт-Мокси он будет под вечер. В газетах писали, что в мотелях Валгаллы свободных мест нет, но Форт-Мокси тоже достаточно близко. Рэнди не придумал, как вернуться в мотель после того, как его автомобиль погибнет, но это не беда. Едва окружающие увидят внутреннюю начинку Купола, они еще благодарить будут, а кто-нибудь наверняка догадается подвезти его.

Выключатель для бомбы Рэнди сделал из электронных потрохов игрушечного автомобиля, подсоединив к ним запал, но вставив деревянный клинышек между контактами, чтобы те случайно не соединились.

В этот же день Рэнди дважды подстерегли крупные неудачи. Первая произошла, когда он проезжал Дрейтон по шоссе №1-29 — его «подрезал» красный жилой фургон с манитобскими номерами; Рэнди врезал по тормозам, машину занесло, и он выскочил на соседнюю полосу, на волосок разминувшись с тяжелым грузовиком. Когда машина наконец остановилась, развернувшись в противоположном направлении и съехав с насыпи, Рэнди решил, что ему невероятно повезло, и вздохнул с облегчением. И напрасно — клинышек сдвинулся с места, и сдвинулся еще раз, когда Рэнди пришлось включить двигатель на полную мощность, чтобы въехать на крутую заснеженную насыпь. К тому времени, когда он снова выехал на шоссе, клинышек

совсем вывалился; хотя контакты и не соприкасались, но были достаточно близко, чтобы между ними смогла проскочить искра. Так что для взрыва недоставало сущего пустяка.

У северного конца шоссе, как раз перед канадской границей, Рэнди свернул на восток, на шоссе №11, и доехал до Форт-Мокси. Второй раз ему крупно не повезло, когда он подъехал к перекрестку на Двадцатой улице. Он находился на окраине, где не было ничего, кроме лесосклада и одинокого белого здания, вмещавшего «Мороженые деликатесы» и жилище Уэсли Фью. Так уж получилось, что Уэсли, уже шесть недель страдавший от холода со своей работой в банке, как раз вернулся домой, собираясь выпить чего-нибудь покрепче и сразу отправиться в постель. А еще вышло так, что дистанционный ключ от дверей гаража Уэсли был настроен на ту же частоту, что и радиоуправляемый автомобильчик, переделанный Рэнди в запал бомбы.

Гараж задней стеной выходил на Двадцатую улицу. Уэсли въехал в собственный двор как раз в то время, когда Рэнди подкатил с запада. Дорогу Уэсли частично преграждали салазки дочери, и он осторожно объехал их, решив сделать ей выговор, когда она вернется из школы, затем потянулся к кнопке дистанционного ключа, установленного наверху приборной панели. И нажал на нее в тот самый миг, когда передатчик был направлен в сторону Бэннистер-стрит. Радиосигнал нагнал Рэнди на перекрестке, включив запал его бомбы.

Внезапно на месте перекрестка вспух огненный смерч. Взрывом снесло западный конец лесосклада,

сровняло с землей «Мороженые деликатесы», выбило окна в доме Уэсли и разрушило гараж. Сам Уэсли получил переломы обеих рук, множество порезов и ожогов, но остался в живых.

Одним из немногих уцелевших фрагментов автомобиля Рэнди был номерной знак с надписью «НЛО».

Дорожное движение так осложнилось, что Макс решил принять какие-нибудь меры. Утром он созвонился с Биллом Дэвисом из транспортной фирмы «Голубая сойка», расквартированной под Гранд-Форкс, и договорился об организации вертолетных рейсов. Вдвоем они разработали график полетов между Форт-Мокси, Кавалером, Дьявольским озером и гребнем Джонсона.

Невысокий и коренастый Мэттью Р. Тејлор подошел к Белому дому кружным путем. Как всегда, он был одет в безупречно отглаженный костюм, вышедший из моды в прошлом году, и скромную рубашку с неброским, не запоминающимся галстуком.

Его отец держал в Балтиморе кондитерский магазинчик, худо-бедно обеспечивавший существование Мэтта и еще шестерых отпрысков. Но старик наделил детей одним бесценным даром: поощряя их интерес к чтению, он не обращал внимания на содержание книг, придерживаясь того мнения, что в конечном счете книги сами за себя скажут.

Когда Тейлору исполнилось девятнадцать, он успел запоем прочесть греческую и римскую класси-

ку, Шекспира, Диккенса, Марка Твена и целый ряд современных историков. В старших классах и в Западном Мэрилендском университете он факультативно прошел массу дополнительных дисциплин. А в 1965 году его отправили во Вьетнам, и во время своего второго патруля он получил пулю в бедро. Врачи говорили, что больше он не сможет ходить, но Тейлор прошел шестилетний курс лечения и теперь мог обойти вокруг Белого дома, всего-навсего опираясь на трость. Со временем, конечно, трость стала символом его самого и его мужества.

Он женился на своей медсестре и вложил деньги в мойку машин, вскоре прогоревшую, и в закусочную, тоже вылетевшую в трубу.

Тейлор никогда не отличался деловой хваткой, зато был щепетильно честен и всегда стремился помочь людям, попавшим в беду. В середине семидесятых, работая клерком в магазине одежды, он поддался на уговоры людей, ошибочно считавших, что они смогут вертеть им как вздумается, и возглавил окружную дорожную комиссию.

Он зарекомендовал себя на диво бдительным стражем общественных интересов и денег. За время его пребывания на этом посту несколько окружных чиновников и пара подрядчиков угодили за решетку, цены снизились, и дорожная сеть заметно улучшилась.

В палату представителей Тейлор был избран в 1986 году, а в сенат — восемь лет спустя. Возглавляя комитет по этике, он провел ряд реформ, сделавших его национальной знаменитостью и вице-президентом. Через шестьдесят дней после его вступления в

правлящий кабинет удар вывел первого человека страны из строя, и Тейлор стал президентом согласно Двадцать пятой поправке к Конституции. А впоследствии был избран и сам.

Вся страна обожала Мэтта Тейлора, как не любила никого со времени Франклина Делано Рузвельта. Многие считали его новым Гарри Трумэном. Он обладал несколькими лучшими чертами Трумэна: несгибаемой волей в случае уверенности в своей правоте, цельностью и бескомпромиссностью, а еще стремлением изъяснять свои мысли простыми и внятными словами. Эта привычка порой выходила ему боком, как в тот раз, когда во время визита одного монарха со Среднего Востока он небрежно заметил в пределах слышимости журналистской братии, что было бы осмотрительнее припрятать серебро Белого дома подальше.

Собственную популярность Тейлор относил на счет своего высказывания: американский народ сам понимает, когда он поступает правильно, и к черту всяческие рейтинги!

— Уж такая у них натура, — говаривал он. — Когда дойдет до того, что они перестанут доверять моим суждениям, они отправят меня в отставку. Значит, туда старому сукину сыну и дорога!

О политических последствиях событий в Северной Дакоте президент тревожился на протяжении всей зимы. Советники твердили, что беспокоиться не о чем, что это очередная утка с полтергейстами, что лучше от подобных вещей держаться подальше, а на пресс-конференциях уклоняться от разговоров на эту

тему. Глава государства, заговоривший о летающих тарелках, — покойник. Как бы ни обернулось дело, он покойник. Именно так они и говорили, так что президент держался в стороне от событий, и вот теперь разразилась буря. Сегодня фондовая биржа рухнула на 380 пунктов.

— День уже прозвали Черной Средой, — сообщил министр финансов Джим Сэмсон, теперь изо всех сил делающий вид, что давно уже предупреждал президента о необходимости каких-либо действий.

Момент как раз выдался сложный. На планете полыхает шесть более или менее жарких войн, касающихся стратегических интересов Соединенных Штатов, не считая еще штук пятнадцати горячих точек. Третьим странам вновь грозит голод, начался очередной демографический взрыв, а ООН практически сложила руки. Переход Америки от индустриальной экономики к информационной все еще вызывает серьезные неувязки. Коррупция высших чиновников остается вечной проблемой, а политическое расслоение общества на мелкие фракции, не желающие даже общаться между собой, продолжается. Однако не все обстоит настолько плохо: торговый баланс выглядит очень даже недурно; долгая битва за снижение безудержно растущего дефицита платежного баланса наконец-то начала приносить плоды; расовая и половая сегрегация, а также сопровождающие их беды начали мало-помалу сдавать позиции; успехи медицины обеспечили людям более долгий срок здоровой жизни. Но главное — пресса относилась к Тейлору по-дружески, что, пожалуй, для политика важнее всего.

Правду говоря, заслуг Мэтта Тейлора в появлении положительных тенденций было ничуть не больше, чем его вины в тенденциях отрицательных. Зато по крайней мере он был уверен, что при любых обстоятельствах будет держать в руках крепкую экономику. А если он лишится последней, то неувязки, сопровождающие перестройку западной экономики, только усугубят ситуацию. Президенту ни за что бы не хотелось в бессильном отчаянии наблюдать, как в Америке вновь появляются полчища безработных и обездоленных. Чтобы противостоять этому, он не становится ни перед чем.

— Да это утка, — заметил Тони Питерс. — Такое время от времени случается.

Питерс, председатель президентского совета по вопросам финансовой политики, был давним союзником президента и обладал хорошим политическим чутьем. Из всех людей, дошедших с ним от Балтимора до Белого дома, Питерс пользовался наибольшим доверием со стороны Тейлора.

— Тони, — сказал президент, — если это утка, тревожиться не о чем. А что, если действительно существует металл, способный не ломаться и не изнашиваться?

— Согласен, — подхватил Сэмсон. — Надо выяснить, какие за этим стоят факты.

— Насколько я понимаю, господин президент, — нахмурился Питерс, — это не металл.

— Какая разница? — Откинувшись на спинку кресла, Тейлор сложил руки на животе. — Из этого вещества можно делать паруса, но можно строить и

здания. Вопрос в том, что станет с промышленностью, если вдруг появится сырье, из которого можно производить предметы, не подверженные износу? — Он покачал головой. — Предположим, человеку понадобится покупать лишь одну-две машины за всю свою жизнь. Чем это окончится для «Дженерал Моторс»? — Сняв очки, он швырнул их на стол. — Боже мой, прямо не верится! Сколько лет мы изыскивали способ побить японцев в этой игре. А теперь наткнулись на него, и это обернулось сущей катастрофой!

— Господин президент, — возразил Питерс, — эта сенсация искусственно раздувается бульварной прессой. Наладить массовое производство суперматериалов не под силу никому на свете.

— Откуда ты знаешь? Мы что, изучали эту проблему?

— Да. Все, с кем я беседовал, единодушно сходятся в том, что это невозможно.

— Но ведь оно же существует!

— Люди видели множество молний, прежде чем сумели загнать электричество в заурядную лампочку. Единственное, что нам сейчас нужно, — отвлечь умы от этой ерунды. Возьмите одну из войн или, скажем, пакистанскую революцию, и забейте тревогу.

В этом весь Тони Питерс: он единственный из всех знакомых Тейлора прекрасно понимает, что движет экономикой, и способен понятными словами донести это до окружающих. При этом он знает конгресс, влиятельных политиков и тех, кто держит в руках рычаги реальной власти. Подобный человек — бесценный помощник для президента, исповедую-

шего активную позицию. Но и он не лишен недостатков. Для Питерса мерилom всего на свете является практический опыт. Он схватывает все буквально на лету и не повторяет чужих ошибок, но как он поведет себя, столкнувшись с проблемой, выходящей за рамки всего того, что было известно прежде? Какой тогда прок от опытности?

— Я хочу, чтобы ты потолковал с людьми, видевшими все на месте, — сказал Тейлор. — Причем из верхних эшелонов, ясно? Выясни, что происходит на самом деле, а не то, что не может произойти, как твердят твои эксперты.

— Вы серьезно?! — возрился на него Питерс. — Да нам на пушечный выстрел нельзя приближаться к этой штуковине, господин президент! Стоит нам начать задавать вопросы, как об этом тут же станет известно.

— Постарайся организовать это как-нибудь подешеватее, Тони. А то экономика летит к чертям, будь ей пусто! Найдите кого-нибудь разбирающегося в этих премудростях и раздобудьте ответы. Однозначные ответы! Я хочу знать, насколько реально производство подобных материалов. А если оно реально, то как оно отразится на экономике. — Президента вдруг охватила безмерная усталость. — И пожалуйста, не надо больше гадать на кофейной гуще.

17

Ибо мы ходим верою, а не видением.

Второе послание к Коринфянам, 5:7

Эл Истер был самым агрессивным цеховым профсоюзным уполномоченным в Дейтоне, штат Огайо, в дочерней компании «Когар Индастриз» — второго такого поди поищи. Простые служащие, посмеиваясь, говорили, что начальнички боятся в одиночку выходить по ночам из опасения, что Эл рыщет по улицам. Руководство осторожно консультировалось с профсоюзом по поводу любых решений, в которых можно усмотреть изменение условий труда, и относилось к рабочим весьма снисходительно. Даже когда Лиз Мюллен уличили в хищении скрепкосшивателей, дискет и разнообразных офисных аксессуаров, чтобы потихоньку приторговывать ими, она отделалась легким испугом. Вместо уведомления об увольнении и торемой похлебке она получила лишь выговор.

Наиболее действенным оружием Эла была угроза немедленного ответа. Он прямо-таки горел желанием (во всяком случае, так казалось руководству, а это существа не меняет) объявить полную или частичную

забастовку протеста по самым заурядным поводам. Если же Эл решит, что затронуты принципы, стачка может последовать даже за попыткой вынести предупреждение нерадивому служащему или пересмотреть график работ.

Профсоюзный деятель не делал ни малейшего секрета из своей точки зрения, заключавшейся в том, что все начальники — бездушные эксплуататоры и лишь он один защищает права и ограждает благополучие рабочих от захвативших руководство стервятников в человечесем обличье.

Боссы из национального профсоюза не наделяли его полномочиями действовать столь деспотическим образом, однако ограничивались лишь формальными и лицемерными упреками в его адрес, да и то лишь изредка. Уж им ли было не знать, у кого в Дейтоне на руках все козыри! Когда Эл призывал к стачке, рабочие завода откликались все как один. Дней пять спустя мог появиться представитель Национального союза разнорабочих и механиков, чтобы по-отечески пожурить его, но тем временем Эл всегда успевал добиться своего.

Руководство при всяком удобном случае пыталось повысить его или на худой конец удвоить ему зарплату, но всякий раз он отклонял подобные предложения.

— Я нужен людям, — говорил он директору завода Эдриану Коксу, — чтобы помешать вам и вашей своре сожрать их живьем.

Как же, как же! Эдриан прекрасно знал настоящие мотивы отказа: Эл был слишком опьянен властью, чтобы вот так запросто отказаться от нее; ни один

руководитель в «Когаре» не обладает такой же реальной властью, как Эл.

Эл недолюбливал руководство «Когара» и по личным мотивам, и из принципа. Он демонстративно носу не показывал в компании, если не возникала нужда припереть руководство к стенке. Поэтому, когда секретарша доложила Коксу, что Эл вошел в здание и направляется в их сторону, Эдриан был неприятно удивлен и почему-то набрал полную грудь воздуха, будто собирался нырнуть в холодную воду.

— А он не говорил, что ему надо?

— Нет, сэр. Дженет спросила, но он прошел мимо, не удостоив ее даже словом.

А секунд через двадцать Эл решительно преодолел последние рубежи обороны Кокса и вошел в кабинет в тот самый миг, когда интерком пискнул, запоздало предупреждая о его появлении.

На стенах просторного кабинета Кокса висели дипломы и грамоты в деревянных рамочках, а также пара дорогих живописных полотен, подобранных его женой. Сам Кокс сидел за дубовым столом, озаренным солнечным светом, просачивающимся сквозь листья пальм в кадках. Его огорчало, что профсоюзный уполномоченный делает вид, будто всей этой красоты просто-напросто не существует. Эл остановился посреди персидского ковра, дерзко оставшись в кепке, устремил на директора пристальный взгляд и провозгласил:

— Мистер Кокс, полагаю, вы в курсе событий в Северной Дакоте.

Редеющие волосы этого грузного, неряшливого коротышки были спутаны, брюшко проглядывало из-

под с трудом сходящейся на животе засаленной рубашки, а из нагрудного кармана торчал испачканный носовой платок. Все это входило в трудолюбиво созданный и старательно поддерживаемый образ.

— Насчет НЛО? — Кокс почувствовал громадное облегчение: дело не касается компании.

— Ага. — Эл плюхнулся на один из стульев у стола для совещаний. — Что мы предпринимаем по этому поводу?

— По какому? — Кокс подался вперед, заранее догадываясь, о чем пойдет речь. На совете директоров и при переговорах с партнерами уже всплывал вопрос о материалах, которые могут появиться в результате открытия на гребне Джонсона.

— По поводу более прочных шин. — Откинувшись, Эл раскачивал стул на задних ножках. — Что будет с «Когаром», если промышленность начнет выпускать шины, способные набегать двести тысяч миль?

— Этого не может быть.

— Рад слышать. — Коротышка пялился на Кокса, даже не мигая.

— А чего вы от меня ждали? Я знаю лишь то, что говорят по телевизору.

— Ага. Я тоже. — Выражение лица Эла никогда не менялось, застыв в вечно саркастической гримасе. — Вы же знаете, я всегда выступал за более тесное сотрудничество между рабочими и руководством. Как ни крути, цель-то у нас одна. Крепкая компания означает надежные рабочие места.

Кокс не удержался от улыбки:

— Поддерживаю от всей души, Эл.

Активист нахмурился:

— Если эта штукавина и вправду такова, как про нее рассказывают, через три года в этой стране не найдется дела ни шинникам, ни резинщикам. Будь я на вашем месте, я бы послал кого-нибудь сделать предложение.

— Предложение? — приподнял брови Кокс. — Какое?

— Скупить их на корню.

Кокс добрую минуту смотрел на Эла, не находя слов.

— Паниковать пока незачем, — наконец сказал он. Утешение слабое, но ничего другого в голову ему не пришло.

— Если случится худшее, — покачал головой Эл, — вы отвертитесь, получив правительственные субсидии. Время будет трудное, компания пойдет по одиннадцатой статье*, но вы-то выйдете сухими из воды. Вы лично и все засевающие здесь белые воротнички выговорите себе прибавку к жалованью и будете сетовать на капризы экономики. А вот простые труженики, как всегда, будут втоптаны в грязь. И в конечном счете останутся с носом.

У Кокса по спине побежали мурашки.

— Эл. — Он старался говорить авторитетно, но голос его все равно дрожал. — Эл, вы просто сгущаете краски. Ничего эдакого не произойдет.

— Ага. Ладно, на вашем месте я бы не сидел сложа руки и дожидаясь, пока все полетит к чертям.

---

* Статья Акта о банкротстве 1978 года. Согласно ст. 11, предприятие может продолжать работу, но под контролем комитета кредиторов.

Эйприл протерла пиктограммы парой влажных тряпок. Все они загорались, едва к ним прикасались, кроме дымка, остававшегося темным при любых обстоятельствах. Но ничего необычного на решетке не возникло. Из чего Эйприл сделала вывод, что для появления света на решетке обязательно должно находиться хоть что-нибудь.

Рядом с каналом она нашла седьмую пиктограмму, более крупную, чем остальные, и похожую на японский иероглиф. Как и дымок, от прикосновения она не засветилась.

Мэри Макклоски никогда не оставляло чувство единения с Богом. Ни разу в жизни, даже в самые трудные дни — когда пришла весть о гибели Джоди в аварии на шоссе №1-29, когда муж впервые покушался на ее жизнь, когда ей сообщили, что она больна диабетом, — ни разу, ни на единый миг не усомнилась она в том, что Иисус шествует рядом. Эта несокрушимая уверенность поддерживала ее долгие годы и принесла ей, несмотря ни на что, ощущение душевного умиротворения, которое Мэри не отдала бы ни за какие сокровища мира. Словом, Мэри Макклоски в жизни очень повезло.

Она приехала в Форт-Мокси навестить сестру и при обычных обстоятельствах вряд ли проявила бы хоть какой-нибудь интерес к событиям на гребне Джонсона. Но этот спокойный, добропорядочный

городок вдруг подвергся нашествию туристов, коммивояжеров, журналистов, студентов и автобусных экскурсий со всей Северной Америки. Поэтому ничуть не удивительно, что происходящее пробудило ее любопытство. К тому же муж сестры, Корки Кейбл, хотел свозить ее посмотреть на Купол. Так что они выехали из дому и влились в поток машин на шоссе №32. Они въехали на плато с одной стороны, медленно проследовали мимо странного зеленого здания, смахивавшего на причудливую зеленую беседку, и съехали с другой стороны, всю дорогу болтая о марсианах. Для Мэри и ее сестры в этом не было ничего особенного, но Корки просто упивался этой темой.

Они пообедали в Валгалле, в «Кошачьем глазе», после чего поехали обратно. Уже стемнело, настала холодная, ясная ночь, полная шепота звезд, но совершенно безлунная. Они сидели втроем на переднем сиденье «мазды» Кейбла, когда обогнули выступ скалы и увидели зеленое свечение на вершине гребня.

— Вы поглядите! — сказала сестра Мэри.

Корки непременно съехал бы на обочину, чтобы они могли спокойно полюбоваться зрелищем, но дорога была забита машинами. Так что он всего-навсего сбросил газ и полз на скорости миль двадцать в час.

Мэри усмотрела в этом спокойном зеленом сиянии нечто сверхъестественное. Словно сам Господь утвердил на земле маяк для Своих заблудших детей, суля утешение и надежду, что Он помнит и печется о них.

Как ни странно, два часа назад, будучи совсем рядом с Куполом при ярком свете дня, она не ощу-

тила ничего особенного. Но теперь внезапно и полностью значение этого сооружения дошло до нее.

— Нам оно видно аж с самой границы, — поведал Корки, работающий таможенником на пропускном пункте близ Форт-Мокси, но тут он явно перегнул палку: граница все-таки чересчур далеко. Однако сейчас такое казалось вполне возможным. Сегодня все казалось возможным.

— Корки, притормози, — попросила Мэри.

Корки и так еле полз, и сзади их нагоняли, озаряя светом фар.

— Интересно, отчего оно светится, — произнесла сестра. — Может, оно из фосфора?

Мэри внезапно осенило. Если мысленно чуточку сдать назад и, не углубляясь в детали, взглянуть мельком, то можно увидеть женское лицо. И Мэри знала, кому оно принадлежит.

— Это Пречистая, — сказала она.

Арки Рыжий Папоротник предложил гостю сесть, устроился за столом и вежливо улыбнулся:

— Чем могу служить, доктор Уэллс?

Пакстон Уэллс — высокий, стройный мужчина с седеющими усами — обладал изысканными манерами и сошел бы за аристократа, если бы не был так лопоух.

— Мистер Рыжий Папоротник, насколько я понимаю, вы представляете интересы племени на гребне Джонсона.

Адвокат кивнул.

— Я пришел к вам с предложением от лица Национального энергетического института. — Уэллс открыл портфель и выудил из него контракт. — Мы бы хотели получить разрешение исследовать источник энергии Купола. — Брови Уэллса подергивались вверх-вниз, выдавая немалое волнение, больше никак не сказавшееся на его поведении. — Существует возможность, что нам удастся проникнуть в суть использованных в здании технических решений. Если там действительно имеются технические решения, поддающиеся применению в наших условиях. Но об этом, разумеется, нам ничего не известно.

— Разумеется, — согласился Рыжий Папоротник.

— Тем не менее мы хотели бы предложить за права собственности приличную сумму, взяв на себя риск и затраты по исследованиям.

— Понимаю. — Рыжий Папоротник взял документ.

— Мы готовы предложить миллион долларов. — Видимо, Уэллс только сейчас до конца осознал величину названной суммы, потому что у него вдруг захватило дух.

Адвокат принялся методично перелистывать страницы, время от времени задерживаясь, чтобы пристально изучить пункт, привлечший его внимание.

— Как я вижу, вы хотите получить эксклюзивные права на исследования и эксплуатацию открытий.

— Мистер Рыжий Папоротник. — Уэллс подался вперед, напустив на себя по-дружески деловой вид, как он считал. — Давайте играть в открытую. Это выстрел наудачу. НЭИ идет ва-банк, поставив уйму денег на ничтожный шанс в надежде, что на гребне

найдется нечто пригодное в дело. Вовсе не факт, что так оно и окажется. Тем не менее мы идем на риск ради всеобщих интересов. А племени останется лишь получить денежки, даже пальцем не шелохнув.

Рыжий Папоротник закрыл контракт и вернул его Уэллсу.

— Боюсь, не пойдет.

— А можно поинтересоваться почему? Что вы теряете?

Адвокат встал:

— Доктор Уэллс, сегодня я очень занят. Если НЭИ захочет выступить с серьезным предложением, вы знаете, где меня найти.

— А не превышаете ли вы своих полномочий, мистер Рыжий Папоротник? Мне кажется, вам следовало бы предварительно проконсультироваться со своим клиентом.

Рыжий Папоротник всем своим видом дал понять Уэллсу, что на него это не произвело ни малейшего впечатления:

— Я полагаю, что прекрасно знаю свои обязанности, доктор Уэллс. Итак, хотя мне и не хотелось бы вас торопить...

— Ладно. — Уэллс откинулся на спинку стула. — С вами не поторгуешься, Рыжий Папоротник. Чтобы не отнимать время ни у вас, ни у себя, я сразу перейду к последнему пункту повестки дня. Я уполномочен предложить вам два миллиона.

Рыжий Папоротник искоса бросил взгляд на лук отца. Порой он очень сожалел, что индейцы позабыли старые обычаи.

18

Человек без денег подобен луку без стрел.

Томас Фуллер, «Гномология»

За последние пару лет своей работы в муниципалитете Марк Викхем ни разу не видел на ежемесячных собраниях совета более дюжины посетителей. Но сегодня ситуация кардинально переменилась. Должно быть, вечером в муниципалитете собралось все население Форт-Мокси, все девятьсот двадцать семь человек, до отказа набившиеся в просторный актовый зал на втором этаже и заполнившие коридоры. (Присутствие представителей секты Нового Века, снявшей зал на первом этаже, отнюдь не способствовало улучшению ситуации.) Народ все еще прибывал, когда председатель совета Чарли Линдквист объявил собрание открытым.

На повестке дня стояло несколько тривиальных вопросов: запрос на постановление о районировании, заявка на выпуск облигаций дорожного займа и предложение об участии Форт-Мокси в совместной программе школьного образования. Но пунктом, привлекающим сюда толпу и потому поставленным

Линдквистом в самом конце повестки дня, стало требование к городскому совету о прекращении раскопок на гребне Джонсона.

Линдквист, считающий себя местным Соломоном, методично вел подготовку аудитории к цивилизованной дискуссии. В двадцать минут десятого он предоставил слово Джо Торресу — фермеру, отошедшему от дел и поселившемуся в городке.

Торрес, запинаясь от волнения, принялся читать по бумажке подготовленную речь о хаосе, воцарившемся в некогда тихом и умиротворенном городке. Ездить по дорогам стало прямо-таки невозможно. Появились пьяные, драчуны и толпы хулиганов. Приезжие паркуют свои машины буквально повсюду. В ресторанах яблоку негде упасть, зато в супермаркете хоть шаром покати, так что простым горожанам приходится ездить за продуктами аж в Гранд-Форкс, за восемьдесят миль. Теперь сюда потянулись еще и психи с бомбами, вроде того, что позавчера снес «Мороженые деликатесы».

— Я знаю, что это хороший бизнес для Майка и еще кой для кого, но остальным просто роздыху нет.

Встала Агнес Хэнфорд, жена владельца «Фургона первопроходцев»:

— Нельзя упускать такой шанс, пока он у нас еще есть. В конечном счете лучше будет всему городу.

— Тебе-то легко говорить, Агнес, — покачал головой Джо. — Но оно чем дальше, тем хуже. Помоему, надо что-нибудь предпринять. — Будто в подкрепление его слов мимо здания с ревом пронесся автомобиль с вопящим клаксоном и включенным на

полную громкость радио, так что стены содрогнулись. — Если мы позволим всему этому продолжаться, придется нанять еще полицейских. — По традиции скудные силы правопорядка Форт-Мокси получали необходимое подкрепление из Кавалера. Джо опять уткнулся в бумажку. — Поэтому я предлагаю, чтобы совет потребовал прекращения раскопок на гребне Джонсона и выдворения всей тамошней публики, а строение, известное как Купол, должно быть ликвидировано. — Он обвел зал глазами и добавил: — Взорвано и вывезено прочь.

Следующей попросила слова Лори Каварачча, владелица мотеля «Северная звезда», прожившая в Форт-Мокси всю свою жизнь. Мотель построил ее отец в 1945 году, после возвращения с тихоокеанского флота. Теперь Лори управляла мотелем в одиночку.

— У нас в «Северной звезде» восемь номеров. Еще не было подряд двух дней, чтобы я могла вывесить табличку «Мест нет». Но две недели назад ситуация резко переменилась. Теперь наши комнаты никогда не стоят пустыми. Мы процветаем. По душе ли мне проблемы, с которыми мы столкнулись сейчас в Форт-Мокси? Нет, конечно же, нет! Они не по душе никому из нас. Но решение проблем отнюдь не в том, чтобы закрыть раскопки и расползтись по норам. — Поначалу ее голос чуточку дрожал, но мало-помалу она набиралась уверенности. — Послушайте, люди, большинство из нас не уехали из Форт-Мокси лишь потому, что мы тут родились. Мы любим этот город. Но здешняя экономика всегда дышала на ладан. И вот теперь, впервые на нашей памяти, появился на-

стоящий шанс заработать. Шанс не только для владельцев магазинов. Он на руку всем. Здоровый бизнес принесет пользу каждому. Ради Бога, не убивайте золотого тельца!

— Курицу, — поправил ее кто-то. — Курицу, несущую золотые яйца.

— Пусть будет курица. Рано или поздно это кончится, так что надо доить ее, пока есть такая возможность.

— А тем временем, — подал голос Джош Эйверилл, поднимаясь с присущим ему достоинством, — они будут так гонять по улицам, что прикончат кого-нибудь, и что тогда?

— В этом городишке никогда гроша ломаного не было, — возразил Джейк Торальдсон, чей аэропорт внезапно превратился в место паломничества. — Люди, да что с вами стряслось?! Вам что, процветание не по вкусу?!

— Какое процветание?! — взвыл Мэми Барк, приехавший из Канады и осевший здесь железнодорожный служащий. — Какое может быть процветание, когда тут рыщет такая орава народа?! Джо прав. Закрыть, и дело с концом!

Арнольд Уайтекер, самозабвенный владелец «Замка и зонта», выступил против этого предложения.

— Что-то я не вижу, чем нынешнее положение кому-либо повредило, — заявил он.

Эта реплика привела в ярость Морриса Джонса, девяностолетнего пенсионера, раньше работавшего почтальоном, а ныне прославившегося на весь город пристрастием к электрифицированным моделям поездов. Двое подвыпивших канадцев врезались на пи-

капе в прибежище Джонса, уничтожив итог его сорокалетних трудов по созданию миниатюрной сети железных дорог. Брызгая слюной, Джонс укоризненно погрозил указательным пальцем Уайтекеру:

— Валяй, Арни, молодчина! Главное, позаботься о себе, а на прочих наплюй!

Чтобы решение прошло, требовалось большинство в восемьдесят семь голосов. Флойд Рикетт вызвался возглавить комиссию по составлению проекта решения.

При первой же возможности Линдквист отвел его в сторонку:

— Флойд, постарайся сделать его поглаже? Не стоит обижать никого.

Дождь неумолчно стучал в окно Овального кабинета. Стук дождя всегда обострял ощущения президента, как бы себя он ни чувствовал. А сегодня он чувствовал себя хорошо.

На письменном столе перед ним лежал экземпляр «Вашингтон пост», заголовки которого возвещали о войне в Индии и голоде в Трансваале. Но были там и результаты нового опроса общественного мнения: «60% населения считают, что Купол связан с НЛО». Да вдобавок двадцать процентов опрошенных решили, что это правительственный проект. Остальные не знали, что думать, или вообще не слыхали о гребне Джонсона.

Тони Питерс сидел с несчастным видом в своем кресле, закинув ногу на ногу.

— Чуть ли не все считают, что правительство выставило дымовую завесу, — сообщил он. — Впрочем, это неизбежно. Может, мы еще приспособимся к этому.

— Видел транспаранты? — На улице расхаживало около шестисот пикетчиков. «Наведите порядок на гребне Джонсона» и «Скажите правду о Куполе». — Так какова же эта правда? Что нам известно?

Питерс выпрямился и встал.

— Мы поговорили с дюжиной специалистов в дюжине дисциплин, либо побывавших на месте, либо имевших доступ к результатам исследований. Всем им было нелегко признать, что объект внеземного происхождения, но никто не может предложить иного удовлетворительного истолкования.

— По-моему, нам нет никакого дела до того, откуда он взялся и как очутился именно там. — Тейлор сделал глубокий вдох. — Меня волнует, что из этого всего вытекает? Какого рода энергией располагает это сооружение?

— Ни у кого не было возможности выяснить. Пока что людей пускают только поглазеть по сторонам. Водят экскурсии.

— Ладно. — Тейлор откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. Цейтнот. — А каковы перспективы, Тони? С чем мы столкнулись?

— Трудно сказать, господин президент. — Питерс поморщился, и в уголках его глаз и рта собрались россыпи морщинок. — Эксперты расходятся во мнениях по поводу нашей способности воспроизвести новый элемент. Но зато они сходятся в том, что, если

бы нам это удалось, полученные материалы не подвергались бы старению.

— А износу?

— Подвергались бы. Хотя большинство полагает, что они были бы куда более прочными, чем любые из существующих материалов.

Тейлор вздохнул. Надо поговорить с экономистами, но и без них ясно, что это будет означать для промышленности.

— Еще одно, сэр. Известно ли вам, что вчера ночью там видели деву Марию?

— И что дальше? — президент возвел очи горе.

— Нет, серьезно. — Питерс ухмыльнулся, радуясь возможности разрядить обстановку. — Это передавали по Си-эн-эн десять минут назад. Женщина увидела в свечении контуры лица.

— Проклятие, Тони, — тряхнул головой президент. — А как там биржа? Что у нас сегодня?

— Никкей снова рухнул. Несомненно, падение продолжится на Уолл-стрит.

Тейлор устало поднялся на ноги, оттолкнувшись от подлокотников, и поглядел в окно. Холодная трава сверкала зеленью. В такие дни президенту хотелось снова стать ребенком.

— Тони, надо брать это в свои руки..

— Да, сэр.

— Я хочу положить этому конец, пока ситуация не вышла из-под контроля. Это должно стать актом охраны национальной безопасности или чем-нибудь в том же роде. Подбери подходящие аргументы.

— Мудреное дело.

— Почему?

— Боже мой, господин президент, это же индейская территория. Будь там какой-нибудь фермер, тогда да, можно было бы объявить об угрозе здоровью людей или что-нибудь в том же роде. Но это собственность сну. Если мы попытаемся вторгнуться на их территорию, это повлечет серьезные политические осложнения. Это придется не по душе вашим собственным людям, а уж пресса и вовсе забудет вас до смерти.

Тейлору показалось, что потолок вот-вот обрушится на него.

— Я вовсе не имел в виду, что мы должны просто-напросто захватить ее. Мы можем предоставить им компенсацию. Выкупить.

— Сэр, полагаю, наиболее разумной тактикой будет выжидание. Не стоит сгоряча совершать поступки, которые потом обернутся против нас.

Тейлор по натуре своей был склонен действовать при первых признаках надвигающейся беды, но занимался политикой достаточно давно, чтобы научиться ценить терпение. Кроме того, он вовсе не был уверен в том, что избрал правильный курс. Мысль об изъятии у коренных американцев части их суверенной территории не понравилась ему. Это дурной вкус. И дурная политика. Но крушение рынка ничуть не лучше.

— Дайте срок, все образуется, — успокоительно заверил его Питерс. — Может, никакой проблемы-то и нет. Так давайте же не будем ее создавать. Что нам надо, так это сосредоточить внимание на Пакистане.

— А что там?

— Наших избирателей там нет. Но убито много людей. Сделайте очередное заявление. Осудите насилие. Можете предложить выступить в переговорах в качестве третьей стороны. Похоже на то, что там скоро все само образуется. Обе конфликтующие стороны уже выдохлись. Не исключено, что мы мимоходом заслужим лавры миротворцев.

Президент вздохнул. Питерс — циник, и проникнуться к нему антипатией очень легко. Очень жаль, что американская политика с такой легкостью способна выродиться до заурядного оппортунизма. Даже если в ней заняты хорошие люди.

Арки Рыжий Папоротник вырос близ Форт-Тоттен в резервации Дьявольского озера. Младший из пяти детей, он первым получил диплом. Остальные отпрыски женились рано и осели на бесперспективных работах, разбив сердце отца, твердившего, что он готов на все, лишь бы помочь каждому ребенку, жаждущему высшего образования. Отец вручил свой лук Рыжему Папоротнику в честь окончания юридического факультета университета Джорджа Мэсона.

Кроме того, Арки получил поздравления от Джеймса Ходока, одного из членов совета племени, с гордостью провозгласившего, что теперь уже не все адвокаты на стороне правительства. Рыжий Папоротник возгорелся мыслью стать защитником интересов Мини Вакан Ойяте, как называют себя индейцы-сиу Дьявольского озера на родном языке. (Что означает «люди озера Духа».) Он сдал экзамен на адвоката с

первой попытки и вернулся в Северную Дакоту, чтобы открыть практику. Он заверял завещания и вел бракоразводные процессы, что приносило хороший доход, а заодно стал юрисконсультom племени, что особого дохода не приносило — зато имело свои преимущества.

Примерно в то же время, когда Мэтт Тейлор ломал голову над правильной линией поведения, Рыжий Папоротник повез Пакстона Уэллса в резервацию, чтобы тот объявил совету племени о новом предложении лично. Уэллс, пребывающий в мрачном расположении духа, явно решил, что молодой адвокат непоколебимо настроен против него, и отказался от всяческих попыток умиловить его. Всю дорогу он лишь угрюмо глядел в окно на скучный пейзаж.

Наконец-то потеплело. Вдоль дорог громоздились подтаявшие сугробы, по асфальту бежали ручейки.

Администрация племени разместилась в одноэтажном здании из голубого кирпича, прозванного Синим домом. Свежий ветер развеивал флаг Соединенных Штатов и знамя Мини Вакан Ойяте. Рыжий Папоротник въехал на стоянку и заглушил двигатель.

— Здесь, что ли? — осведомился Уэллс, окидывая взглядом бескрайнюю равнину, раскинувшуюся со всех сторон до самого горизонта.

Рыжий Папоротник уже не первый раз встречался с людьми вроде Уэллса, вззирающими на окружающих свысока, если только те не занимают более высокое положение и не могут каким-либо образом повредить ему. Свое отношение к Рыжему Папоротнику он изменил столь разительно потому, что стал считать ад-

воката всего-навсего средством достижения цели, эдаким проводником к высшим эшелонам индейской власти — и, конечно, жестоко просчитался.

Они выбрались из машины, и Рыжий Папоротник вошел первым, указывая дорогу.

Синий дом вместил в себя почту, Бюро по делам индейцев, службу здравоохранения индейцев и кабинеты администрации. Рыжий Папоротник сообщил секретарю администрации, что они прибыли, и направился к кабинету губернатора.

В толпе Джеймса Ходока никто бы не разглядел не только из-за малого роста, но и вполне заурядной внешности. Уэллсу даже подумалось, что глава индейской администрации куда уместнее выглядел бы за прилавком в бакалее, чем в правительственном учреждении. Ни в его осанке, ни в голосе не было ни малейшего намека на властность или стальную волю, которая могла бы проявиться в случае нужды. Его темные глаза смотрели на собеседника с открытым дружелюбием, да и держался он вполне по-свойски. Рыжий Папоротник всегда считал, что главный дар Ходока заключается в его умении заставлять людей выкладывать все начистоту — талант редкий не только среди индейцев, но и среди остального населения Земли.

Как только они вошли, Ходок встал из-за письменного стола и протянул гостю руку для пожатия.

Уэллс тряхнул ее, пробормотав, как рад он возможности побывать в резервации, и сел.

Украшен был кабинет в индейском стиле — боевыми плюмажами, тотемами, шаманскими магическими колесами и ритуальными трубками. Около

стола находился книжный шкаф и кофейный столик с булькающей кофеваркой. В широкие окна струился солнечный свет.

— Губернатор, — прокашлявшись, начал Уэллс, — я представляю интересы организации, которая поможет вашему племени достичь вершин благосостояния. Перед нами открываются грандиозные возможности.

— Арки мне сказал, — будто не слыша его, отозвался Ходок, — что вы проявляли интерес к покупке части нашей территории.

— Да, сэр. — Уэллс изо всех сил старался напустить на себя чуткий, заботливый вид. — Губернатор, позвольте мне говорить без излишних экивоков. Национальный энергетический институт является консорциумом индустриальных и финансовых предприятий, готовых предложить вам весьма солидную сумму за территорию, известную под названием гребня Джонсона. Весьма и весьма солидную, сэр.

Ходок даже бровью не повел.

— Вы хотите купить территорию в вечное и безраздельное пользование?

— Именно так. И готовы прилично заплатить. — Уэллс скривил губы в жухлой, лишенной тепла оборонительной улыбке. Должно быть, в детстве его лупили все подряд, решил про себя Рыжий Папоротник. — Давайте играть в открытую.

— Поддерживаю от всего сердца.

— Губернатор, весьма сомнительно, что на гребне действительно имеется нечто, представляющее реальную ценность, и вы это знаете. И я это знаю. Правительственные чиновники уже побывали там и ре-

шили, что повода для беспокойства у них нет, — уверенно изрек Уэллс, но Рыжий Папоротник тотчас же усомнился в правдивости его слов. — Так что это выстрел вслепую. И все же существует ничтожно малая вероятность, что там найдется нечто полезное, и мы готовы заплатить за возможность поиска. И, должен уточнить, заплатить весьма хорошо.

Он извлек из портфеля голубую папку, чековую книжку в кожаном переплете, а из кармана — ручку с золотым пером.

— Почему бы нам не уладить дело прямо сейчас? Скажем, пять миллионов вас устроит? — Он снял с ручки колпачок. — С такими деньгами вы сможете сделать для ваших людей очень многое. Правду говоря, губернатор, хотелось бы мне заглянуть к вам лет через пяток, чтобы посмотреть, как расцветет резервация.

Ходок сумел скрыть свое изумление перед названной суммой и осторожно бросил взгляд на Арки, но тот выражением лица дал понять, что, против, потому что, сколько бы Уэллс ни предложил, это лишь начальная и слишком ничтожная цифра.

— К нам проявил интерес целый ряд корпораций, — сообщил губернатор. — Они хотели бы построить там гостиницы. И рестораны. Дисней хочет устроить парк развлечений. Не считите меня жадной, доктор Уэллс, но в сложившейся обстановке пять миллионов — как кот наплакал.

Рыжий Папоротник подумал, что может гордиться губернатором.

— Понимаю, — вытаращил глаза Уэллс. — Они уже сделали конкретные предложения?

— О-да. Они весьма щедры. А ведь эти люди хотят лишь взять землю в аренду. А вы хотите одним махом получить то самое, что придает этой земле ценность. Если мы продадим ее вам, у нас не останется ничего, кроме наличности. Доктор Уэллс, при нынешнем положении дел это должна быть громадная наличность.

Уэллс опустил глаза к чековой книжке:

— Вы хотите загнать меня в угол, сэр. Но я понимаю ваши доводы и уполномочен вести торг. Можно ли попросить вас назвать сумму, которая бы вас устроила?

Ходок ненадолго прикрыл глаза:

— А не проще ли будет, если вы сразу назовете обозначенный вам предел торга, чем сэкономите время и себе, и мне?

Уэллс беспокойно заерзал. Арки про себя отметил, что невооруженным глазом видно, как тот усиленно скрипит мозгами.

— Пятьдесят миллионов, — наконец проронил он едва слышным голосом.

— Очень хорошо, — согласился Ходок. — А каков порядок оплаты?

Рыжий Папоротник встретился с ним глазами. «Ни в коем случае».

— Десять процентов — по подписании контракта. Остальное по вступлении одного в фактическую силу. — Уэллс протянул авторучку губернатору. — Итак, мы договорились?

На сей раз Ходок не сумел скрыть, как потрясен:

— Вы должны понимать, что я неправомочен принимать подобные решения. Это дело совета.

— Разумеется. Но мистер Рыжий Папоротник заверил меня, что вы пользуетесь значительным влиянием. Не сомневаюсь, что, если вы выскажетесь в пользу договора, совет поддержит вас.

Ходок старался изобразить сомнение на лице, но не преуспел в этом. Уэллс улыбнулся, проникнувшись уверенностью, что совет ухватится за деньги обеими руками.

— По-моему, Арки вечно преувеличивает мое влияние. — Ходок устремил взгляд на своего адвоката. — Простите, мистер Уэллс, не будете ли вы любезны оставить нас на минуточку наедине?

— Конечно. — Уэллс мимолетно усмехнулся Рыжему Папоротнику в лицо: сукин ты сын, вогнал меня в расходы, но поглядим, как тебе удастся теперь отговорить его. — Я подожду в соседней комнате.

Открыв голубую папку с контрактом, он пододвинул ее к Ходоку и вышел из кабинета.

— Не советую, — впервые подал голос Рыжий Папоротник.

— Почему? — расплылся в улыбке Ходок. — Боже мой, да разве можно отказываться от таких денег?!

— Цена уже не опустится. Иначе с какой же стати они предложили так много?

— Может оказаться, что все это пустышка. В итоге мы кончим тем, что будем там продавать футболки. Послушай, Арки, да нам просто не нужно больше пятидесяти миллионов. Ты понимаешь, сколько всего можно понаделать на такие деньги? Знаешь, ведь он прав. Эти деньги могут досыта накормить множество ртов. По-моему, нам не следует жадничать. Именно так я и скажу на совете.

— Этот человек не из тех, кто просто так даст нам хотя бы ломаный грош, — возразил Арки. — Он ни за что не предложил бы пятьдесят миллионов, если бы не считал, что земля стоит куда больше. Несравненно больше. Порекомендуйте совету добиться нового предложения. Результат еще изумит вас самих.

Восторг Ходока понемногу пошел на убыль.

— Ты всерьез полагаешь, что я выйду перед советом и порекомендую отказаться от таких денег? Тем более что мы можем остаться просто-напросто ни с чем? Даже если я буду активно противиться этому предложению, меня слушать не станут. — Он перевел дыхание, чтобы успокоиться. — Растолкуй мне свои доводы, если таковые вообще имеются.

Арки очень не понравилось положение, в котором он поневоле оказался. Не надо быть ясновидящим, чтобы понять, кто станет козлом отпущения, если что-нибудь пойдет не так.

— Если Уэллс и его люди наложат лапу на землю и все к ней причитающееся, они будут эксплуатировать ее лишь с мыслью о наживе. Кто знает, чего мы лишимся?

— Боевым кличем эту реплику, пожалуй, не назовешь.

— Пожалуй. Но не получим ли мы второй Манхэттен?*

---

* Голландский колониальный чиновник Петер Минньонт в 1626 году купил остров Манхэттен у индейцев в обмен на товары предположительной общей стоимостью около двадцати четырех долларов. Указанная в тексте сумма, видимо, ошибка автора.

— Арки, ты что, не расслышал? Речь идет не о двадцати шести зеленых.

— Может, оно и так. Но если вам нужен боевой клич — тогда учтите, что сейчас у нас в руках открытие, способное привести к созданию совершенно новых технологий. Быть может, губернатор, дорога в будущее пролегла напрямиком с гребня Джонсона. А мы готовы отдать его вот так вот за просто.

— Я бы поступил точно так же, — заметил Макс. — Сграбастал бы деньги, и ноги в руки.

Арки поморщился, как от зубной боли:

— Именно так они и поступят.

Впрочем, это не помешало ему уписывать за обе щеки рыбу с хрустящим картофелем. Они вдвоем — Эйприл, Арки и Макс — пообедали в отдельном кабинете в глубине ресторана Мела в Лангдоне. Из-за невероятного наплыва посетителей к «Фургону первопроходцев» стало невозможно протолкнуться.

— Совет решит, что отказываться от столь значительной суммы просто преступно. Да и я, честно говоря, чувствую себя как-то неуютно, уговаривая их отказаться. — Арки выглядел совсем убитым. — Вы представляете, что будет со мной, если они последуют моему совету, а гребень окажется совершенно никчемным?

— Тебя скальпируют? — с невинным видом поинтересовался Макс, но Арки будто не слышал его.

— Впрочем, это не играет никакой роли. Они огребут деньги, и ноги в руки — точь-в-точь как ты сказал.

— Проклятие, — бросила Эйприл. — Если проект запродадут на сторону, нам завтра же дадут под зад коленкой.

— По-моему, нашего мнения никто и спрашивать не станет, — заметил Макс, вполуха прислушиваясь к ропоту голосов, позвякиванию ножей и вилок, да изредка раздающимся взрывам смеха.

— Арки, — проговорила Эйприл, — я не вынесу, если открытия здесь будут делаться без моего участия.

— Понимаю, — с сочувствием поглядел на нее адвокат. — Однако, судя по всему, на дальнейшие события я уже никак не могу повлиять.

— Сколько времени у нас в запасе? — спросила Эйприл.

— Должно быть, люди Уэллса уже подобрали рабочие команды, готовые ринуться сюда, как только бумаги будут подписаны. Завтра в конце дня состоится внеочередное заседание совета специально для рассмотрения этого предложения. Если совет его примет, а это уж непременно, Уэллсу останется только снять телефонную трубку, и вы станете прошлым.

Дьявольское озеро, Северная Дакота, 15 марта (АП)

Сообщают, что финансовый консорциум готов уплатить сто миллионов долларов за территорию на гребне Джонсона в резервации сиу на Дьявольском озере, где расположен Купол — археологическая находка, якобы имеющая вне-

земное происхождение. Согласно информированным источникам, завтра вечером совет племени проведет экстренное заседание, чтобы рассмотреть это предложение, неоднократно повышавшееся за последние несколько дней. Официальные лица с обеих сторон от каких-либо комментариев воздержались.

Когда они вернулись в «Северную звезду», Макса там дожидалась бандероль.

— Фильтры, — пояснил он. — Для видеокамеры. Может, удастся разглядеть, что происходит, когда загорается свет.

В мрачном расположении духа они разошлись по своим комнатам, но минут через пять Эйприл постучалась к Макссу.

— Входи, — сказал он. — Я как раз хотел позвонить тебе.

— Что же делать?! — Она пребывала на грани истерики.

В комнате имелось лишь одно кресло, так что Макс уступил его Эйприл, а сам уселся на кровать.

— По-моему, мы сами не можем сделать практически ничего, раз тут замешаны такие деньги.

— Макс, да пятьдесят миллионов — сушие гроши. Слушай, возможно, мы нашли выход. — Это заявление далось ей не без труда, будто Эйприл говорила о чем-то сверхъестественном. — Стул вовсе не развезлся во прах. Он отправился куда-то.

— По-твоему.

— По-моему. — Она устало потерла лоб. — Тебе известно, что есть еще и седьмая пиктограмма?

— Нет, — удивился Макс. — И где же?

— Рядом с каналом. Там, где они привязывали яхту. Макс прикрыл глаза и вообразил себе интерьер Купола.

— На одном из столбов?

— Да. Она с виду смахивает на иероглиф. И не загорается, когда к ней притрагиваешься. Я даже пыталась сунуть стул в канал, но это не сработало. Но по-моему, Макс, они именно так приводили яхту на место откуда угодно.

— Прости, но в такое я нипочем не поверю, — покачал головой Макс. — Уж больно это смахивает на научную фантастику. «Скотти, перешли-ка меня на планету».

Они посидели молча, прислушиваясь к завыванию ветра.

— Макс, я считаю, что все это на самом деле.

— Ну что ж, желаю тебе успешно доказать это. Для чего бы эти пиктограммы ни были предназначены, срабатывают они только по одному разу. Что толку от системы транспортировки на дальние расстояния, срабатывающей только раз?

Эйприл забралась в кресло с ногами и обняла колени.

— По-моему, они срабатывают лишь по разу, потому что хлам, который мы туда посылаем, загромождаст приемную решетку. Кто-нибудь должен убрать его с той стороны. А иначе система спотыкается.

— Таких необоснованных догадок я еще не слышал.

— Макс, мы же видели, как стул тает. Он таял, а не взрывался. Он не разрушился. Он куда-то отправился. Весь вопрос в том, куда именно?

— Сдается мне, что это полнейшая белиберда, — потрянул головой Макс.

— Возможно. — Эйприл набрала полную грудь воздуха и медленно-медленно выдохнула его. — Мне кажется, было бы лучше сообщить Арки все, что нам известно.

— То бишь заявить ему, что у нас есть дверь в иное измерение? Или на Марс? Он подумает то же, что и я: это чушь собачья.

В глазах Эйприл плескалось отчаяние.

— Но он не станет так думать, если мы продемонстрируем ему это на практике.

— И каким же образом мы это продемонстрируем? Мы умеем только отправлять вещи в небытие. Это ровным счетом ничего не доказывает.

Ни Макс, ни Эйприл не хотелось вслух констатировать очевидное.

19

---

*Радостно пускаемся мы
по морям, не хранящим следа,
Без страха стремимся
к неведомым берегам.
Уолт Уитмен, «Поездка в Индию»*

Неутихающие степные ветры мчали над прерией, напирали на стены, сотрясали оконные стекла. Эйприл изо всех сил зажмурилась. Ей было явно не по себе, но уверенность в собственной правоте придавала ей сил.

У мотеля остановилась машина, хлопнула дверь, и оживленный гомон переместился с улицы в коридор.

Будь в запасе немного времени, можно было бы измыслить какой-нибудь эксперимент, способный устранить риск хоть отчасти. Но времени не было. Эйприл вздохнула.

Сквозь тонкую стенку доносилось невнятное бормотание телевизора Макса.

Итак, что ей может грозить?

Есть опасность аннигилировать. Но от стула не осталось ни щепочки, не было и никаких признаков

его истребления. Стул просто утратил свою материальность. Он куда-то отправился.

Есть опасность оказаться во враждебной среде — к примеру, в метановой атмосфере. Но, судя по всему, пришельцам Северная Дакота пришлась весьма по душе — значит, в том месте, куда отправит ее Портал, царят практически земные условия.

Есть опасность застрять. Но где это слыхано, чтобы Портал пропускал только в одну сторону?

В полночь она наполнила термос, сунула в полиэтиленовый пакет пару сэндвичей и немного фруктов, зарядила фотоаппарат, натянула куртку «Миннесотские Близнецы» и осталась вполне довольна собой. Сорок минут спустя она уже миновала полицейский пост у въезда на извилистую дорогу, ведущую к гребню. Купол, углубленный в скалу, отсюда был не виден, но сегодня его сияние казалось более ярким, чем прежде. Эйприл пришло в голову, что, возможно, он все еще заряжает свои батареи, и мысленно отметила необходимость начать регулярные замеры интенсивности его свечения.

Было холодно, температура упала ниже минус десяти. Остановив машину у самых ворот, Эйприл открыла бардачок и вытащила оттуда блокнот. Потратив на раздумья минут пять, она наконец сформулировала послание, записала его и оставила открытый блокнот на переднем сиденье. Потом взяла фонарик и вышла из машины.

В дверях сторожки показался охранник Генри — мужчина среднего возраста, которого Эйприл знала лишь по имени.

— Добрый вечер, доктор Кэннон. Что-нибудь забыли?

— Нет, Генри. — Вырывающиеся из ее рта облачка пара казались желтыми от света недавно установленных натриевых газонаполненных ламп. — Просто не спится. Вот и решила заехать — может, смогу поработать.

Он с нескрываемым неодобрением взглянул на часы:

— Ладно уж. Тут больше никого нет. Я имсю в виду, из персонала.

— Спасибо, — кивнула Эйприл.

Генри удалился в сторожку, а Эйприл прошла сквозь ворота и направилась напрямик в Купол, закрыв дверь, чтобы не впускать холод.

По ночам в Куполе воцарялась таинственная атмосфера, порожденная сплетением света и тьмы, загадочным свечением ниш. Свет двигался вместе с Эйприл, освещая ей дорогу и угасая у нее за спиной. Когда она приблизилась к решетке, та тоже озарилась лучом света, будто Купол знал, что вознамерилась предпринять Эйприл.

Она вдруг замялась. Хорошо, что здесь нет Макса, иначе пойти на попятную было бы просто невозможно. До этой самой секунды Эйприл пребывала в уверенности, что непременно пойдет на попятную. Но страх вдруг бесследно испарился. Неведомое ждало ее за этим порогом, освещенная решетка выглядела не только безопасной, но даже какой-то призывно манящей. Пора трогаться в путь.

Включив фонарик, Эйприл подошла к пиктограммам. Точнее, к выключателям.

Стоит коснуться одного из них, и у тебя будет двадцать три секунды, чтобы подойти к решетке и встать на нее.

Она переводила взгляд со стрелки на кольца и скрипичный ключ.

Итак, стрелка.

Символы призрачно мерцали в полумраке. Эйприл прикоснулась к стене самыми кончиками пальцев. Затем надавила.

Стрелка осветилась.

Набрав полную грудь воздуха, Эйприл решительно приблизилась к решетке и ступила на нее. Канава, некогда служившая каналом, уходила во тьму. Противоположная стена Купола терялась во мраке, словно свет уступал дорогу раскинувшейся над землей бескрайней ночи. Эйприл поправила ремешок фотоаппарата на плече — это обыденное движение действовало на нее успокоительно — и застегнула «молнию» куртки под самое горло, борясь с внезапно нахлынувшим желанием соскочить с решетки.

За окнами еще царила непроглядная темень, когда резкая телефонная трель вырвала Макса из глубин сна. Перевернувшись с боку на бок, он на ощупь отыскал трубку и поднял ее.

— Алло.

— Мистер Коллингвуд? Это Генри Коротыш. Из охраны ворот.

Макса охватили недобрые предчувствия. Сон с него как рукой сняло.

— Слушаю, Генри. Что стряслось?

— Мы не можем найти докторшу Кэннон.

У Макса будто камень с души свалился.

— Она спит в соседнем номере.

— Нет, сэр. Она приехала сюда около половины первого и пошла в Купол. Но сейчас ее там нету.

Макс бросил взгляд на часы. Четверть четвертого.

— Мы посмотрели во всех зданиях. Ее нигде нет.

Мы ничего не можем понять.

— А ее машина на месте?

— Да, сэр. Через ворота она не выходила.

Макс пребывал в полнейшем недоумении. Он-то думал, что разговор, состоявшийся вечером, носил чисто гипотетический характер.

— Генри, а вы посмотрели в дальних комнатах Купола?

— Мы во все углы заглянули.

— Ладно. Звоните в полицию. Я выезжаю.

Макс дал отбой и набрал номер Эйприл. На звонок никто не ответил. Воззрившись на телефон, Макс вынужден был в конце концов признать, что она вполне могла воспользоваться решеткой. Охваченный сильнейшим беспокойством, Макс торопливо оделся, сел в машину и погнал к гребню Джонсона. Следовало сказать Генри, чтобы заглянул в канал. Может, она упала и лежит там без чувств, а охрана просто-напросто проглядела ее.

Взяв сотовый телефон, он набрал номер ворот. Ответил другой голос — Джордж Чистый Родник.

— Как дела? — осведомился Макс.

— Пока ничего нового. Полицейские выехали. — Последовала долгая пауза. — Макс, если она под открытым небом, долго ей не выдержать. Очень холодно.

— Знаю. Вы смотрели в канале?

Джордж обменялся с кем-то парой фраз и снова взял трубку.

— Да, в канале смотрели. Послушайте, мистер Коллингвуд, мы тут еще кое-что нашли. Записку, адресованную вам. Лежала на переднем сиденье ее автомобиля.

— Мне? — У Макса в груди похолодело. — И что там?

— Вы хотите, чтобы я ее прочел?

— Да, Джордж, будь так добр.

— Ладно. В ней написано... Секундочку, тут темновато. В ней написано: «Дорогой Макс, я иду по стрельке. Раз ты это читаешь, значит, возникли непредвиденные осложнения. Очень жаль. Мне нравилось работать с тобой вместе». — Джордж хмыкнул. — О чем это она пишет?

Свет фар упирался во тьму над дорогой, будто тщетно тужился ее разогнать.

— Толком не знаю, — отозвался Макс, покривив душой. На самом деле он уже понял, в чем дело.

«Мужчина в белом» жив и здоров. Те, кто помнит классический английский фильм с Алем Гиннесом в главной роли, играющим изобретателя немнущейся и непачкающей ткани, сумеют понять, что сегодня творится в легкой

промышленности. Капиталовложения в нее катастрофически снижаются с того самого момента, когда возникли первые слухи о возможности создания ткани, по своим свойствам весьма схожей с показанной в фильме. Многочисленные специалисты в один голос утверждают, что это лишь вопрос времени. Рано или поздно технология Купола с гребня Джонсона, создавшая сверхстойчивые материалы, станет доступной повсеместно. К чему это приведет, предсказать невозможно. Но сейчас десятки тысяч человек внезапно лишились работы, в промышленности царит полнейший хаос. Наша газета никогда не одобряла вмешательства правительства. Но в данном случае момент для такого вмешательства настал.

(Передовица «Уолл-стрит джорнэл»)

Входя в Купол, Макс кипел от негодования. Он сердился на Эйприл Кэннон, поставившую его в дурацкое положение, и осыпал ругательствами себя, не сумевшего догадаться, куда она клонит, и отвести беду.

Что же теперь делать?

На сей раз Купол произвел на Макса весьма гнетущее впечатление.

Генри Коротыш был внутри с двумя полицейскими.

Один из них — молодой, едва достигший совершеннолетия, светловолосый, рослый, с острым подбородком и крупным носом — заглядывал в

канал. Его партнер, лысый и раздражительный, при появлении Макса прервал разговор с Джорджем Чистым Ручьём.

— Вы мистер Коллингвуд, сэр?

— Да.

— Я помощник шерифа Ремиров, — сообщил тот, извлекая блокнот. Макс с первого взгляда опознал в нем блокнот Эйприл. — Что это означает?

«Я иду по стрелке».

— Что это за стрелка? — поинтересовался младший полицейский.

— Не знаю, — помявшись, ответил Макс.

— Вы даже не имеете представления, что она пытается вам сказать? — с неудовольствием осведомился Ремиров.

— Ни малейшего.

— С какой же стати она написала вам послание, которого вы не поймете? — сердито спросил полицейский, не поверивший ни единому слову Макса.

Макс поморщился. За всю свою жизнь он так и не научился непринужденно лгать. Да и водить полицейских за нос было ему не по вкусу. Он редко сталкивался с ними и потому всякий раз нервничал, когда ему приходилось общаться с блюстителями порядка.

— Просто не представляю, — вымолвил он.

Ремиров раздраженно повернулся обратно к Джорджу:

— А вы уверены, что она не могла незаметно выйти через ворота?

— У нас над воротами установлена телекамера, — возразил тот.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Полагаю, такое не исключено. Но у нас всегда кто-нибудь следит за мониторами.

— Значит, полной уверенности у вас нет, — резюмировал Ремиров.

— Нет, пока не просмотрим записи.

— Так почему бы нам не просмотреть записи? — с преувеличенной вежливостью осведомился помощник шерифа.

Макс отошел в сторону, чтобы взглянуть на решетку. По ее виду не угадаешь, воспользовалась ли ею Эйприл на самом деле или нет. На решетке не осталось ни отпечатков подошв, ни каких-либо других следов.

Тут в Купол вошел Рыжий Папоротник в куртке из буйволово́й кожи и ботинках на толстой подошве. Перебросившись парой слов с Джорджем и полицейскими, он наконец заметил Макса и сообщил:

— Они собираются организовать поисковую партию.

— Хорошо, — согласился Макс.

Последовала долгая неловкая пауза.

— Джордж сказал мне, что она оставила тебе записку. Макс, где она?

— Полагаю, она погибла, — отозвался Макс. Теперь, когда он произнес вслух то, о чем подумал, как только улышал о записке, это предположение показалось ему менее реальным.

У Рыжего Папоротника на скулах заиграли желваки.

— Каким образом?

Макс с удовольствием провел бы демонстрацию, но его останавливало то, что каждая пиктограмма

срабатывает лишь один раз. Поэтому он просто указал на решетку и набор выключателей и объяснил, что произошло.

— А это, — он начертил пальцем в воздухе круг перед верхним символом во второй колонке, — и есть та самая стрелка.

— То есть ты хочешь сказать, что это прибор для исчезновения предметов, и она испробовала его действие на себе?! — поразился Рыжий Папоротник.

— Именно этого я и боюсь.

— Сукин ты сын! У вас что, вообще никакого здравого смысла нет, что ли?!

— Слушай, — примирительно отозвался Макс, — у меня даже в мыслях не было, что она на это пойдет.

— Ага. А может, следовало получше за ней приглядывать?

Макс было запротестовал, но Арки лишь отмахнулся:

— Ладно, виноватых мы можем найти и после. Она считала, что отправляется куда-то в другое место. Как же она собиралась вернуться?

— Не знаю. На эту тему она со мной не распространялась. Насколько я понимаю, она надеялась, что с той стороны найдется аналогичное устройство. Если только другая сторона существует.

Арки повернулся к подошедшему к ним Джорджу:

— Когда, ты говоришь, это было?

— Она вошла в ворота в половине первого.

Арки посмотрел на часы. Десять минут пятого.

— Пожалуй, можно считать, что своим ходом она уже не вернется. — Скрестив руки на груди, он уко-

ризенным тоном поинтересовался: — Итак, куда мы направим стопы?

Макс чувствовал себя круглым идиотом. «Ну тебя к черту, Кэннон!»

Арки мрачно взирал в пространство. В уголках его глаз и рта играли тени, выдавая душевную борьбу.

— Может, оно будет и к лучшему, если племя продаст землю. Что-то люди здесь погибают уж чересчур легко. — Выпрямившись, он направился к двери. — Пускай полиция начинает свои поиски. Все-таки есть шанс, что она ушла и заблудилась в горах. — Он замешкался. — Да, Макс...

— Слушаю.

— Дай мне слово, что не последуешь за ней.

Это требование смутило Макса. Уж кто-кто, а он ни за что на свете не выкинул бы подобного фортеля! Это же глупость несусветная! Но в каком-то потаенном уголке души его вспыхнула радость, что Арки заподозрил, будто он на такое способен.

— Не последую, — искренне пообещал Макс. — Ни в коем случае.

По лицу адвоката пробежала тень каких-то неясных чувств.

— Хорошо. Ладно, пусть поиски идут своим чередом. А ты тем временем постарайся все разузнать о ее ближайших родственниках.

О ближайших родственниках? Только сейчас Макс осознал, что не знает об Эйприл Кэннон практически ничего. Надо будет справиться в Институте Колсона.

Арки помедлил в дверях:

— Макс, ты больше ничего не хочешь поведать мне об этой штуковине?

— Нет. Откровенно говоря, я и сам больше ничего не знаю.

Макс устало выслушивал рапорты поисковых партий о безрезультатных розысках, а за окном уже занимался рассвет, заливший горизонт призрачной бледностью. В окне вагончика Максу снова мерещилась девчушка с каштановыми кудряшками. А он-то думал, что избавился от этого воспоминания, похоронил его на дне памяти.

Эйприл Кэннон нравилась ему, и Макс не мог заставить себя поверить, что ее уже нет, что она исчезла во мраке страны воспоминаний. На всех четырех мониторах пульта застыл стоп-кадр: угасающее изображение стула с вертикальными линиями, просвечивающими сквозь ножки и спинку.

Линии могут оказаться чем угодно — к примеру, дефектом пленки или объектива. Но не исключено, что это кусочек интерьера какого-то другого места — видом они смутно напоминают колонну. Перед мысленным взором Макса рисовался деревянный стул в галерее древнегреческого храма.

Если это действительно средство транспортировки, оно просто обязано работать в обоих направлениях. Тогда почему же Эйприл не вернулась?

Потому что система уже не нова. В конце концов, дым-то не действует! Может, Эйприл просто застряла.

И это можно проверить.

Макс закрыл объектив видеокамеры светофильтром, набрал полную лопату снега и направился в Купол. Там не было ни души — поиски сосредоточились на окрестных холмах. Когда под ногами захрустел земляной пол, Макс вдруг осознал, что впервые оказался здесь в полнейшем одиночестве.

Соорудив из снега посреди решетки небольшую горку, Макс поставил камеру на стул, направил ее на решетку и включил запись.

Затем нажал на стену у стрелки.

Та засветилась.

Макс попятился, пристально уставившись на снежную горку и машинально считая секунды.

Воздух над решеткой будто воспламенился. Полыхание разрасталось, превратившись в золотое облако, замерцавшее искрами и вспыхнувшее ослепительным блеском, так что Макс вынужден был отвернуться. И вдруг все угасло.

Снег бесследно исчез. Не осталось даже лужицы.

Ладно. Подхватив камеру, Макс рысцой припустил к вагончику и сунул кассету в видеомэгнитофон.

Для начала он прокрутил запись с нормальной скоростью, просто чтобы проверить, все ли отснято. Но даже при этом было заметно, как снег перед окончательным исчезновением стал прозрачным.

Перемотав пленку к началу, Макс снова включил воспроизведение. Как только началась иллюминация, он остановил кадр и начал прокручивать запись в покадровом режиме. Свет стал ярче, затуманился и разросся. В тумане вспыхнули звездочки. Казалось, будто свечение активно отыскивает снежную горку.

Сияющие щупальца охватили снег, и он начал просвечивать. Кадр за кадром он становился все прозрачнее, ничуть не утрачивая при этом четкости. И когда от него остался только намек, в кадре обозначился другой образ.

Макс оцепенел.

Перед ним появился обезглавленный торс Эйприл с безвольно обвисшими руками. В душе Макса плеснулось безмерное чувство утраты, слезы ярости ослепили его и уже хлынули из глаз, когда он внезапно осознал, что, может быть, это ее куртка.

Что это всего-навсего ее куртка.

«Миннесотские Близнецы». На экране видна даже эмблема. Ни малейших сомнений. Вот только спереди что-то не так. Висит какой-то цилиндрический предмет. Кусок трубы, что ли?

Нет, фонарик. Корпус фонарика, но без рефлектора. И корпус вроде бы разбит.

Стандартный, недорогой фонарик, сделанный из пластика, один из тех, что с самого начала использовались здесь на раскопках. Но что с ним случилось?

Макс ломал над этим голову минут пять. Что бы он сам сделал, если бы застрял там, в этом невесть где? Он попытался бы передать сообщение.

Я здесь.

И... что еще?

Фонарик сломался?

Он перевел дыхание.

Что-то сломалось.

Транспортная система сломалась.

Он позвонил Арки.

- Она своего добила. Это Портал. Переход.
- Откуда ты знаешь?
- Ее куртка на той стороне. У меня есть кадры.

У адвоката вдруг пропал голос. Макс буквально въяве увидел, как тот трясет головой, пытаюсь уяснить, что к чему.

- Ты уверен?
- Да. Уверен.
- И что нам делать дальше?

Ответ был кристально ясен.

- Нужно схать в магазин электротоваров.

Они вытащили владельца магазина прямо из постели и с ходу купили мотор-генератор, два галлона бензина, вольтметр, строительную электродрель мощностью в полторы лошадиные силы и еще ряд мелочей, а потом отвезли все это в Купол. При помощи дрели Макс внедрился в заднюю стену строения.

Внутри стены обнаружилась полость, занятая плоским прямоугольным кристаллом, смонтированным в рамке, размером приблизительно со стандартную монтажную плату и толщиной в четверть дюйма. В прозрачном веществе кристалла виднелось несколько крохотных выжженных точек. От кристалла к пиктограммам шли провода с цветовой разметкой.

- Наверное, это распределительный щит, — предположил Макс.

— Нам эту штуку ни за что не починить, — с ужасом посмотрел на него Арки.

— Это зависит от того, в чем проблема. Если что-то случилось с интегральной схемой, прошитой в кристалле, то мы, пожалуй, бессильны. Но может статься, там просто отошел какой-нибудь контакт. Или питание накрылось. — Макс пожал плечами. — Я бы не взялся соорудить нечто подобное, но с виду эта схема не так уж сложна.

— Вряд ли причина в питании. Если там нет источника энергии, то Эйприл ни за что не попала бы в место назначения.

— Пожалуй, что так, Арки. Но кто его знает? Давай посмотрим, что еще у нас тут имеется. — И Макс принялся копать позади кристалла.

Там обнаружилась еще связка кабелей — один уходил в пол, другие загибались вверх. Несколько кабелей были связаны в пучок.

— Один из них наверняка идет к источнику питания, — сказал Макс. — А этот пучок, готов побиться об заклад, приводит в действие сам транспортный механизм — уж и не знаю, где он и как устроен.

— Тут с ходу не разберешься, куда они все идут, — заметил Арки.

— Ничего, мы попробуем срезать на поворотах. — Макс встал коленями на резиновый коврик, взялся за кабель, предположительно идущий от источника тока, и осторожно потянул. К его великой радости, кабель отсоединился очень легко, открыв электрический разъем, словно контакты только вчера почистили и смазали. — Порядок. Дай-ка мне вольтметр!

Но добраться до кабеля оказалось не так-то просто, и в конце концов Максусу пришлось расширить отверстие. Но зато результат оказался обнадеживающим.

— Постоянный ток, — сообщил Макс. — Восемьдесят два вольта.

— Странное число, — проронил Арки.

— Сомневаюсь, что они играют в эти игры по нашим правилам.

Арки залил бензин в бак генератора. Потом при помощи регулятора выставил напряжение, разделал покупной кабель и скрутил концы проводов так, чтобы они подходили к разъему, находящемуся с задней стороны кристалла. Макс нажал на стрелку, и та засветилась.

— Порядок, — подытожил он. — Пожалуй, пора попытаться поймать пулю зубами.

В глубине души он отчасти надеялся, что ничего не получится, и тогда можно будет со спокойной совестью отказаться от попытки последовать за Эйприл. Но теперь его приперли к стенке, и настало время Максусу задуматься, хватит ли у него духу встать на решетку.

Отключив генератор, он подстыковал к разъему родной кабель, затем поставил генератор на решетку, пристроил рядом инструментальный ящик и взял большой адвокатский блокнот.

— Ох, не нравится мне все это, — вздохнул Арки. — Если что-нибудь пойдет не так, я рискую лишиться лицензии. — Он открыто улыбнулся Максусу, и тут Макс внезапно понял, что заслужил уважение адво-

ката, и на душе у него сразу как-то полегчало. — А зачем бумага-то?

— Для связи. — Макс продемонстрировал толстый черный фломастер. — Если мы там застрянем, а эта штука не сработает, я вывешу записку.

Неуклюже вскарабкавшись на решетку, он зажмурился. Потом медленно открыл глаза.

— Ладно, Арки. Жми на кнопку.

20

---

*...в неизведанные воды,
К далеким и враждебным берегам...*

Уильям Шекспир, «Зимняя сказка»

Мир утонул в ослепительном сиянии. Своды Купола стали прозрачными, и сквозь них начал просачиваться голубовато-белый солнечный свет. Лиловые холмы то обретали, то вновь теряли резкость очертаний. Пол вдруг куда-то провалился, и Макс полетел, но не вниз, а словно скользя на планере. Под горло внезапно подкатила волна дурноты. А затем он рухнул на четвереньки на твердь земную.

Прямо перед ним красовалась эмблема «Миннесотские Близнецы». Куртка висела на отломанной ветке, установленной у стеклянной стены.

Он оказался внутри Купола близ вершины невысокого холма. Со всех сторон его обступал лес, промелькнувший перед глазами, когда переход только начался — вот только теперь он стал подлинным, хотя и ни чуточки не похожим на земные леса.

Зелени не было и в помине — растительность предпочитала темно-лиловые оттенки. Деревья, по-

хожие на людей, ослушавшихся богов и вросших в землю, украшали громадные белые и желтые цветы. С толстых узловатых ветвей свисали сочные алые и желтые плоды. Землю покрывал толстый ковер листвы.

Солнце касалось горизонта, но понять, что это — рассвет или закат, — было невозможно.

Здесьний Купол, сделанный из прозрачного, неокрашенного стекла, чем-то напоминал ультрасовременную беседку. Дверь, в отличие от Купола совсем не потайная, стояла приоткрытой. Уровень пола в беседке оказался на добрый фут ниже, чем уровень земли за ее стенами. И что же сие означает? Что беседка, как и Купол, давно заброшена?

В лесу царила тишина, если не считать жужжания насекомых да изредка раздающегося шелеста крыльев. Где же Эйприл?

Она наверняка никуда не ушла бы отсюда по собственной воле. Неужели ее увели силой? Втянув носом теплый воздух, напоенный сладковатыми ароматами, Макс постарался отбросить эту мысль.

Стоило ему толкнуть дверь, как та рухнула в траву. От неожиданности Макс подскочил, но тут же засмеялся над собственной пугливостью.

Когда Эйприл прибыла, дверь (очевидно, давным-давно не открывавшаяся) была приперта скопившейся снаружи землей, и Эйприл пришлось снять дверь с петель, чтобы открыть ее.

Макс с некоторой опаской ступил в проем. Крупная птица, хлопая крыльями, пронеслась в вы-

соте и скрылась среди деревьев. Вдали слышался рокот прибоя.

Когда Макс громко окликнул Эйприл, в ответ раздался лишь чей-то стрекот.

Где же она?

Поглядев на спутанную траву и кусты, он окинул взглядом окрестности. У основания холма виднелась прогалина, где кусты росли не настолько густо, чтобы мешать ходьбе. Эйприл могла уйти в любом направлении.

На время отложив эту проблему, Макс вернулся в беседку. Диаметр ее основания доходил футов до двенадцати, а вершина почти равнялась с макушками деревьев. Вместо решетки тут была круглая платформа в точности того же размера, а позади нее высился столб с рядом пиктограмм. Все напоминающие нероглифы трехмерные пиктограммы цвета охры отличались от земных, кроме одной, хотя и были выполнены в том же стиле.

Исключение же являла оленья голова — билет Макса домой. Он прикоснулся к пиктограмме — сначала легонько, потом надавил.

Ничего не произошло.

Ему представилось, как Эйприл стоит здесь спиной к заклиненной двери и пытается привести транспортную систему в действие.

Макс критически оглядел пиктограммы. Не исключено, что она отправилась на следующую станцию, в другой мир, в надежде, что оттуда, быть может, удастся отыскать путь домой.

Весьма и весьма мрачная перспектива.

Очередной скачок в пространстве мог стать жестом отчаяния. Впрочем, нет: она оставила здесь свою куртку, как бы говоря: «Я здесь. Приди и выручи меня».

Здесь пиктограмм оказалось целых восемь. Пять представляли собой геометрические фигуры, шестая напоминала цветок, а у седьмой имелись крылышки.

Предположительно семь новых пунктов назначения. «Господи Боже, на что же это такое мы наткнулись?!»

Макс еще раз оглядел лес, чтобы убедиться, что никакая тварь не подкрадется к нему сзади, пока он будет занят. Первым делом надо обеспечить дорогу обратно.

Диск платформы был сделан из чего-то сродни жесткой резине, с округлой выпуклостью посередине.

Открыв инструментальный ящик, Макс достал дрель и принялся пробиваться к электронной начинке столба. Тут это тоже далось нелегкой ценой, и он потратил целых сорок минут, чтобы сделать отверстие, открывающее доступ внутрь. К тому времени уже стало ясно, что на дворе закат, а не рассвет.

Внутри столба обнаружился такой же кристалл, как и в Куполе. Пока что все идет хорошо. Силовой кабель выглядел нормально, и Макс проверил провода, идущие к пиктограммам. Здесь был выдержан тот же принцип, что и на гребне Джонсона: от каждой пиктограммы шел пучок проводов с цветовой разметкой, уходящий в столб. Однако трех кабелей недовсходило — три пиктограммы не были подключены вообще ни к чему. К сожалению, оленья голова не принадлежала к их числу.

Поглядев на кристалл, Макс забеспокоился. Если проблема заключается в схеме, можно считать себя покойником,

Высота столба составляла футов десять. Кверху он понемногу сужался, изгибаясь в сторону платформы, и превращался в линзу янтарного цвета. А сзади на столбе была лесенка. Прихватив дрель, Макс вскарабкался по лесенке и проделал отверстие у самой линзы. Пучок проводов здесь разветвлялся, и к штекерам шли одиночные провода. Провод от оленьей головы, белого цвета, отсоединился.

Макс попытался восстановить контакт, затем спустился и вернулся с куском изолянты. Это помогло.

Спустившись, Макс достал блокнот с фломастером и написал:

Арки,

Я в полном порядке. Эйприл куда-то ушла,
я пошел ее искать. Жди.

Убрав сломанный фонарик, он снял куртку с ветки, сыгравшей роль вешалки, вырвал листок из блокнота и сунул его в карман куртки так, чтобы снаружи демонстративно торчал уголок, и уложил ее на диск. Покончив с этим, он подошел к столбу и, затаив дыхание, нажал на оленью голову. Пиктограмма засветилась, а двадцать три секунды спустя труды Макса были вознаграждены праздничным сверканием над платформой. Когда сияние угасло, от куртки простыл и след.

В десятку!

На следующем листе Макс написал еще одну записку и приклеил ее изолентой к двери:

Эйприл,

Я здесь. Пошел искать тебя и вернусь с минуты на минуту.

Макс

Возможно, холм, на котором выстроили беседку, имел отчасти искусственное происхождение — к вершине его шли истертые ступени, почти целиком занесенные землей. Макс *осторожно двинулся вниз*, в душе жалея, что не додумался прихватить с собой оружие. Полковник *ужаснулся бы подобной халатности сына*.

Он снова позвал Эйприл, в ответ донеслось лишь эхо.

Макс и боялся за нее, и чувствовал досаду. Ей, конечно, хотелось хоть чуточку обследовать окрестности, и вполне можно понять, почему она не осталась в беседке дожидаться спасателей, которые могли и не прийти вовсе. (Кстати, любопытно было бы знать, насколько она верила в Макса?) Но было бы куда приятнее найти ее на месте.

В какую же сторону идти?

Вдали слышался неумолчный рокот прибоя.

Скорее всего она ушла именно в ту сторону, как поступил бы на ее месте каждый.

Теперь, когда Макс оказался в лесу, кроны деревьев заслонили небосвод, да вдобавок стало заметно темнее. Хорошо бы отыскать Эйприл и вернуться до

наступления темноты: Холм с беседкой главенствует над местностью и потому виден издалека, но ночью тут может прийти туга.

Макс двинулся в путь. Идти было нетрудно — растительность, хоть и пышная, не настолько густа или высока, чтобы затруднять продвижение. Почва оказалась каменистой, так что Макс время от времени собирал камни в кучку, чтобы отметить дорогу. Животные на глаза ему не попадались, хотя в кустах слышался шорох, а иногда и ветки качались.

По пути Макс обратил внимание, что чувствует прилив энергии. Может быть, дело в погоде. Здесь, под открытым небом, воздух на диво чист и свеж.

Так он шел быстрым шагом около полудня. Начали сгущаться сумерки, растительность поредела. В конце концов дорога вывела его из леса на широкий пляж. Слева высились серовато-рыжие скалы, подсвеченные сзади последними отблесками догорающей зари. А впереди до самого горизонта раскинулись голубые воды, и свежий, пропахший солью ветер пощипывал ноздри. Да, пожалуй, от Северной Дакоты сюда путь неблизкий.

Эйприл он заметил почти сразу. Она сидела у самой линии прибоя перед постреливающим искрами костром. Рев и грохот прибоя заглушал все остальные звуки — потому-то Эйприл и не слыхала призывных криков. Взгляд ее был устремлен в морскую даль, так что Макс подошел почти вплотную, когда она его наконец заметила.

И тотчас же вскочила.

— Макс?! Добро пожаловать на тот свет! — Длинная волна обрушилась на берег и с шелестом побегала вверх по песку, угасая. Эйприл протянула было руку для пожатия, но тут же махнула ею и бросилась к Максу в объятия. — Рада тебя видеть.

— Я тоже. Я о тебе беспокоился.

Эйприл льнула к нему, крепко прижимая к себе.

— У меня скверные новости. Домой нам не вернуться.

Макс чуть отстранил ее от себя, чтобы встретиться с ней глазами.

— Как раз напротив. Все работает.

С блестящими от слез глазами Эйприл снова протянула его к себе и поцеловала, прижавшись влажной щекой к его щеке.

Уже заметно похолодало, и немного погода они присели к костру. Вдоль полосы прибоя, из-за прилива вползающей все выше, летели штук пять птиц с длинными клювами и перепончатыми лапами. Одна из них опустилась позади откатывающейся волны и потыкала клювом в песок.

— А я-то думала, что застряла здесь навсегда, Макс.

— Понимаю.

— Тут чудесно, но я не хотела бы торчать тут вечно. — Она помолчала и вдруг спросила: — А ты уверен? Ты проверял?

— Ага. На все сто процентов.

Уверенность Макса обрадовала ее.

— Мы бы тебя не бросили, — добавил он.

Она протянула ему пакет с сэндвичем:

— Арахисовое масло. Больше у меня ничего не осталось.

У Макса со вчерашнего вечера маковой росинки во рту не было, а за всей этой суматохой с исчезновением Эйприл о еде он как-то и не вспомнил, так что сразу же впился в sandwich зубами.

— Здорово! — Прожевав, он поинтересовался: — Ты знаешь, где мы?

— Явно не на Земле.

Макс подобрался поближе к костру.

— Надо было прихватить твою куртку.

— Ничего, перебьюсь.

Море стало совсем темным, на небе замерцали первые звезды. Сказочный лес высился в отдалении черной стеной.

— Любопытно, кто здесь обитает? — вымолвил Макс.

— Я никого не видела. По-моему, этой транспортной системой давным-давно не пользуются.

— Ты твердо уверена? — Макс не отрывал взгляда от набегающего на берег пенного вала. — Это не Земля? Трудновато переварить такое с ходу.

— Да ты оглядись по сторонам, Макс! Да и сила тяжести не та. Здесь она вроде бы поменьше. — Эйприл пристально взглянула на него. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Во всем теле необыкновенная легкость.

— А солнце ты видел?

— Да.

— Это не наше светило.

Она не стала развивать эту тему, а Макс предпочел ничего не отвечать.

— Надо возвращаться. — Он посмотрел на часы. — Арки будет беспокоиться.

Она кивнула:

— Отчасти мне даже не хочется возвращаться. Почему бы нам не провести эту ночь здесь? Вернуться можно и завтра.

Лишь пару часов спустя до Макса дошло, что в этом предложении мог содержаться намек. Все это происшествие настолько выбило его из колеи, что мыслить связно он не мог.

— Надо известить наших, что с нами ничего не случилось.

— Ладно.

В небе будто включили праздничную иллюминацию, там вспыхнули миллионы костров, осветивших море и не давших ночи раскинуть над землей черное покрывало. Гребни волн засверкали. Появились грозные тучи, и Макс изумленно воззрился на них, потому что их тяжкие утробы оказались полны звезд.

— Странно, — проронил он. — Минут пять назад небо было совершенно ясным.

— Сомневаюсь, что эти облака находятся в атмосфере, — шепнула в ответ Эйприл.

Макс нахмурился.

— Погляди. — Она широким жестом обвела горизонт, над которым зависла грозная туча, пронизанная текучим светом и бесчисленными бело-голубыми искорками. — Я уже видела подобное облако.

Максу силуэт этого грозного облака тоже показался знакомым — уж больно оно напоминало шахматного коня.

— По-моему, это туманность Конская Голова.

— Мне кажется, ты прав, Макс. — Голос Эйприл дрожал. Она встала и двинулась к полосе прибоя.

Макс провожал ее глазами, прислушиваясь к треску костра и мерному рокоту волн, накатывающихся на берег. Пожалуй, в самый первый раз с тех пор, как девочка погибла в пылающем самолете, в душе Макса воцарились мир и покой.

21

Ты жуткий посланец Земли в Небесах...

Сэмюэл Тейлор Колридж,
«Гимн перед рассветом»

Лондон, 14 марта (Би-би-си нью сервис)

Возросшее в последнее время число убийств на работе в Великобритании, вероятно, можно отнести на счет событий на гребне Джонсона, заявил в своей статье в «Экономисте» промышленный психолог Тимоти Клейтон. «Люди боятся лишиться работы даже сильнее, чем во времена Великой депрессии, — утверждает он. — Они не знают, кто в этом виноват, но все чаще и чаще вымещают злобу на начальниках, секретарях, разносчиках газет и вообще на любом, кто попадетс на пути».

Пятеро членов совета племени — четверо мужчин и женщина — сидели в ряд за длинным деревянным столом перед залом. Позади них украшало стену знамя Мини Вакан Ойяте и щит сиу Дьявольского озера с подобающими ему изображениями черепа би-

зона и восходящего солнца. Почетное центральное место занял губернатор Ходок.

Зал был битком набит журналистами и фотографами, так что для членов племени места почти не осталось. Но некоторые из них все-таки ухитрились втиснуться внутрь, в то время как остальные предпочли дожидаться в коридорах и за стенами Синего дома. Настроение царило приподнятое, и когда Уэллс вышел вперед, даже кое-кто захлопал в ладоши.

— Губернатор, — сказал он, — и многоуважаемые члены совета. Как вам известно, я представляю интересы людей из Национального энергетического института, которые надеются, что им будет позволено исследовать археологическую находку на гребне Джонсона и сохранить ее для будущих поколений. Для того, чтобы осуществить эти работы, мы предлагаем заплатить Мини Вакан Ойяте в обмен за их землю двести миллионов долларов.

Толпа затаила дыхание. Начались было неуверенные аплодисменты, но Ходок тут же постучал молотком, требуя тишины. Довольный собой, Уэллс улыбнулся, достал какое-то письмо и заглянул в него.

— Однако мое руководство поручило мне проинформировать вас, что некоторые из наших инвесторов сомневаются в целесообразности подобного использования их средств и грозят отозвать их. Наше предложение может быть аннулировано в любой момент. — Он сложил письмо, сунул его обратно в карман и с видом чрезвычайной озабоченности продолжал: — Леди и джентльмены, берите деньги, пока их вам дают. Может так случиться, что, едва я выйду из

этого зала, обстоятельства могут кардинально перемениться.

— Спасибо вам, доктор Уэллс, — кивнул губернатор. — Совет искренне признателен вам за то, что вы пришли сегодня вечером и обратились к нам.

Уэллс сделал полупоклон и сел.

— По этому вопросу у нас в повестке дня стоит выступление еще одного лица. — Губернатор посмотрел направо, где вместе с Арки сидели Эйприл и Макс. — Доктор Кэннон, прошу.

Эйприл, одетая в темно-синий деловой костюм и туфли на высоких каблуках, глядела с победным видом, словно только что открыла средство от рака.

— Уважаемый губернатор, — начала она, — уважаемые члены совета! Двести миллионов долларов кажутся большими деньгами...

— Это и есть большие деньги, — поправила ее пожилая женщина из переднего ряда.

— ...но сегодня произошло событие, в корне изменившее стоимость вашей земли. — Эйприл выдержала эффектную паузу. — Купол является воротами. Это дорога к иным мирам.

Зал никак не прореагировал, и Макс понял, что смысл сказанного не дошел до сознания аудитории. Даже представители прессы ожидали продолжения.

— Сегодня утром мы вдвоем вошли в это здание и вышли на другой планете. Это означает, что в Куполе таится секрет мгновенного переноса сквозь пространство. Существует способ, позволяющий любому из нас отправиться в Фарго, в Лос-Анджелес или в Китай в мгновение ока.

Будто электрический ток пробежал по аудитории. Запыхали блицы, откуда ни возьмись в руках корреспондентов появились сотовые телефоны.

Ходок застучал своим молотком.

Следуя совету Арки, Эйприл описала планету, находящуюся с той стороны Портала, — юный край девственных лесов и морей, озаренных светом звезд.

— Более того, — продолжала она, — мы считаем, что этот выход — не единственный. Возможно, другие ворота ведут в новые леса. Это нам пока не известно. Но нам известно наверняка, что в распоряжении Мини Вакан Ойяте оказался мост, ведущий к звездам. Не стоит продавать его за какие-то несколько миллионов долларов. Не стоит продавать его даже за несколько миллиардов. Он стоит несравненно больше.

Она села, и в зале воцарился хаос. Прошла добрая минута, прежде чем губернатору удалось восстановить хотя бы относительный порядок.

— А теперь, — сурово провозгласил он, — мы бы хотели заслушать прения по данному вопросу.

Следующей встала Андреа Ястребица:

— Я бы хотела напомнить совету, что речь идет о двухстах миллионах долларов. Я знакома с Эйприл Кэннон и рада за нее. Если ворота, о которых она толкует, действительно существуют, то они имеют громадное значение. Но для будущего. Сегодняшние же факты таковы, что среди нас есть люди, бедствующие именно сейчас. С такими деньгами мы можем очень многое сделать и для себя, и для своих детей. Я закликаю совет не упускать подобную возможность.

За ней высокий мужчина в кожаной куртке поведал притчу о койоте, пожелавшем слишком многого и оставшемся ни с чем.

Один за другим люди вставали, чтобы рассказать о подростках, вставших на дурной путь, о мужчинах и женщинах, погубленных наркотиками, о том, каково быть обездоленным представителем богатого общества. Все это время Уэллс с ханжеским благочестием взирал в потолок.

— Окружающий свет, — заявил старик лет девяноста, — вспоминает, что мы здесь есть, только когда ему чего-нибудь от нас надобно. Но сколько бы они ни предложили, они все едино стараются нас обжечь. Так что вы уж будьте поосмотрительнее.

И это было самое обнадеживающее замечание из всех, пока не встал Арки.

— С горечью слушаю я то, что говорится тут сегодня вечером, и тревожусь за свой народ. Снова повторяется старая история: белый человек предлагает нам деньги, а мы и рады побыстрее за них ухватиться, даже не обращая внимания на суть сделки.

Описанные вами проблемы проистекают не из отсутствия у нас денег. Скорее причина в том, что мы утратили собственное наследие. Мы забыли, кто мы и кем могли бы стать. Говорю я вам, братья и сестры, если мы еще раз поддадимся соблазну, то лучше уж нам не увидеть следующего восхода солнца.

По толпе прокатился ропот. Журналисты протягивали вперед диктофоны, направляли на адвоката телекамеры, чтобы не упустить ни единого слова. Арки снова обернулся к совету:

— Мы можем увидеть новый мир. Быть может, настал час прекратить тщетные попытки прижиться на клочках земли, которые пожалованы нам бледнолицыми, будто милостыня. Быть может, настал час поступить так, как поступили бы наши праотцы. Давайте удержим в своих руках лесной мир, открытый Эйприл Кэннон. Давайте попытаемся сделать его своим. Таков выбор, стоящий перед нами сегодня: или взять деньги у этого человека, или начать жить так, как нам завещано.

Как только совет удалился на совещание, пресса набросилась на Эйприл. Пока она отвечала на вопросы, Макс отвел Арки в сторону:

— По-моему, ты не убедил собравшихся.

— А я и не пытался, — улыбнулся адвокат. — Я глядел в их сторону, но говорил с воинами былых дней.

Дьявольское озеро, Северная Дакота, 15 марта (АП)

Совет племени сиу Дьявольского озера сегодня отверг двести миллионов долларов, предложенные консорциумом деловых предприятий за участок земли на гребне Джонсона, где проводятся пресловутые раскопки. Их действия, видимо, обусловлены открытием так называемого звездного моста. (См. передовицу, выше.) Отмечены волнения среди членов племени. Сегодня небольшая группа провела здесь демонстрацию протеста, и полицейские

принимают меры по предотвращению беспорядков в случае новых выступлений...

Они совершили путешествие сквозь Врата еще раз, прихватив с собой репортеров, пустившихся в путь без особого рвения. И в ту же ночь страну охватила «Купольная лихорадка», как окрестил это явление Джей Лено. Первые полосы всех газет занимали фотографии пляжа с туманностью Конская Голова над горизонтом и людей, исчезающих во вспышке золотого сияния. А по мере того как рассвет двигался по планете все дальше на запад, Купол и девственный мир становились сенсацией номер один повсюду.

Охрана тотчас же была усилена. Начали прибывать, по большей части на вертолетах, крупные шишки из ведущих университетов, исследовательских организаций, государственных и федеральных учреждений. Время от времени наведывались иностранные сановники, и в какой-то момент вконец истерзанный Макс вдруг осознал, что его только что представили президенту Франции. Эйприл подготовила слайд-фильм, в котором демонстрировалась яхта Тома Ласкера, результаты различных испытаний материалов, пошедших на постройку яхты и Купола, первые этапы раскопок и ночные виды Купола, снятые с воздуха.

К тому времени Эйприл уже разрешили уволиться из Колсоновского института. Она по-прежнему оставалась единственным на раскопках человеком, хотя бы отчасти обладающим квалификацией, необходи-

мой для общения с различными специалистами. (Список очередников, желающих посетить Купол, а заодно и новую планету, уже разросся до четырехзначных чисел.) Шестнадцатого числа она провозгласила, что через десять дней будет создан комитет из видных ученых, чтобы наметить исследовательские подходы и принципы. Самыми насущными вопросами, поставленными перед комитетом, будут: «Как нам быть с планетой по ту сторону моста?» и «Как нам подготовиться к первому контакту?»

Коламбус, Огайо, 16 марта
Президенту Мэттью Р.Тейлору
Белый дом
Вашингтон, округ Колумбия 20003

Дорогой президент Тейлор,

Я знаю, что вы очень заняты, но надеюсь, у вас найдется время, чтобы помочь моему папе. На прошлой неделе он лишился работы на бумажной фабрике. То же самое случилось и еще у некоторых других ребят.

Я учусь в пятом классе школы имени Теодора Рузвельта и сказал кое-кому из друзей, что хочу написать вам. Мы знаем, что вы поможете. Спасибо.

Ричи Викерсхэм

Эйприл Кэннон собралась закатить обед — для Макса, для Ласкеров и для Арки, — чтобы отметить благоприятный исход голосования совета, все-таки

отклонившего предложение Уэллса. Но она не рассчитывала на побочные эффекты перехода из разряда человека, пользующегося некоторой известностью, в число международных знаменитостей.

Как только пейзажи девственной планеты, отснятые сборной телегруппой, облетели мир, всякая возможность анонимности для нее и для Макса развеялась в прах. Репортеры объявились в «Голубом свете» в Графтоне, пока посетители еще толпились вокруг их стола и просили автографы.

В «Фургоне первопроходцев» репортеров оказалось еще больше. В конце концов Эйприл со товарищи пришлось отправиться к Ласкерам и устроить импровизированную пресс-конференцию на веранде. Когда Эйприл, надеясь наконец-то избавиться от толпы, предложила закруглить торжество, Макс вдруг воспротивился.

— Мы открыли им лишь полуправду, — сказал он. — Давай выложим все. Это не будет стоить нам ничего, зато мы заслужим их благосклонность. А уж она-то может нам еще пригодиться.

По замыслу Макса его обращение к журналистам должно было послужить своеобразным транквилизатором, таким расплывчатым высказыванием о том, что некто оставил неоценимый дар всему человечеству. Но когда он предстал перед многочисленными объективами и микрофонами, эмоции взяли верх. (Пожалуй, он к тому моменту уже хлебнул лишнего, не настолько много, чтобы сойти с рельсов, но достаточно, чтобы ослабить тормоза.)

— Все вы видели пейзажи нового мира, — провозгласил он. — Но фотографии и даже видео не спо-

собны по-настоящему передать чувства, охватывающие человека на этой планете. Море там теплое, пляж просторный, и, подозреваю, скоро выяснится, что фрукты съедобны. Мне повезло встретить на берегу красивую женщину, и я не так уж рвался обратно в Северную Дакоту. — Журналисты рассмеялись. Эйприл встретила с ним глазами и улыбнулась, но, видимо, поняла, куда он клонит, потому что ее губы беззвучно произнесли «Нет». Однако было уже поздно. — Подобного места вы не отыщите нигде. Это чистейшее чудо. — Он поглядел за окно, где по равнине гуляла метель, наметая сугроб на углу амбара, и проронил: — Это Эдем.

И уже через несколько минут все сколь-нибудь значимые телестанции прервали свои программы ради экстренного выпуска новостей.

Преподобный Уильям (Старина Билл) Эддисон, в прошлом водитель грузовика, занимавшийся доставкой пива, в прошлом продавец недвижимости, в прошлом системный аналитик, а ныне основатель и движущая сила программы телепроповедей, называемой им «Проект сорок» — по числу лет, проведенных иудеями в пустыне, а также по логотипу телевизионного канала, транслирующего его передачи. Заодно он служил пастором Церкви Добровольца в Уитбурге, штат Алабама. Вера Билла была вполне искренней. Он веровал в то, что конец близок, он веровал, что люди по природе своей чертовски испорчены и нуждаются в помощи свыше на каждом шагу, а еще он веровал, что Билл Эддисон являет собой исключение из общего правила.

Он был раскаявшимся грешником. Он был бабником. Он познал зло алкоголя, в свои юные годы в Чаттануге он заводился с пол-оборота. Он декларировал свою непокорность любым властям, даже духовным, во всех доступных формах.

И все с ним произошло точь-в-точь как с Павлом — дорога привела его прямоком к Господу. Правда, в случае Билла этой дорогой оказалось шоссе №1-95. Однажды дождливым днем Билл направлялся в Джексонвилль, намереваясь провести ночь в компании блудницы, когда его машина утратила управление и скатилась в кювет. Машина взорвалась, и Билла отшвырнуло под дерево, стоявшее футях в ста от места аварии. Но за десять минут, прошедшие от момента взрыва до прибытия полиции, Господь воззвал к Биллу и наделил его высокой миссией. Теперь эта миссия от маленькой церквушки на южной окраине Уитбурга распространилась на сто одиннадцать телевизионных ретрансляторов не только в Штатах, но и в Канаде.

Наутро после необдуманной реплики Макса Билл разглагольствовал на эту тему перед своей телевизионной паствой. Он стоял посреди забитой книгами студии, обычно используемой им для того, чтобы придать своим нравоучениям блеск высокой учености.

— Вчера ночью, — вещал он, — мне не спалось, уж и не знаю почему. Обычно я засыпаю без труда, братья и сестры мои, ибо никогда не ложусь в постель с отягощенной совестью. Но вчера ночью что-то мешало мне уснуть. И я задался вопросом, не хочет ли некто воззвать ко мне.

Я вовсе не утверждаю, что это был Бог. — Последнее слово он произнес так, будто в нем было два слога. — Слушайте внимательно, друзья мои. Я не утверждаю, что это был Бог. Но, как говорит Святой Павел в Послании к Римлянам, настал уже час мне пробудиться ото сна.

Я спустился в гостиную и немного почитал. В доме царила тишь. И я включил телевизор, Си-эн-эн, дабы человеческий голос сопутствовал мне в моем уединении.

Если нынче утром вы читали свою газету или смотрели программу новостей, то вы знаете, что я узрел. Ученые утверждают, будто они отыскиали дверь в новый свет. Я смотрел, затаив дыхание. Показывали пейзажи нового света, его бескрайние пурпурные леса и синие моря. И нависшие над ним небеса.

И я не ведаю, на что мы набрели в попытке утолить свое ненасытное любопытство. Но это не может не встревожить всякого доброго христианина. Поначалу я думал, что все это розыгрыш, но подобную ложь легко раскрыть. И тем из вас, кто спросит, я отвечу: да, я верю, что репортажи, полученные из Северной Дакоты, — чистейшая правда.

Кое-кто из вас может вдобавок спросить: «Преподобный Билл, а как вы относитесь к этим новостям? Что это за штуковина, которую они кличут Куполом?» Ответы мне неведомы. Но я поделюсь с вами своими подозрениями и расскажу, почему считаю, что сии Врата надобно запереть на вечные времена.

Эти ученые в общем и целом — безбожники. Но один из них, похоже, каким-то чутьем угадал то, что я считаю непогрешимой истиной о земле по ту сторону дакотского моста. Этот край очаровал его, он сказал, что с удовольствием остался бы в его мирных лесах. И назвал его Эдемом!

Братья и сестры мои, я возглашаю вам, что это именно так! Что частичкой души этот человек, будь он даже атеистом, а он почти наверняка и есть атеист, какой-то глубоко схороненной живой частичкой души своей он узнал давно утраченную родину и возжелал, нет, взалкал возврата!

Мы знаем, что Господь не уничтожил Эдем. Быть может, Он хотел, дабы тот сохранился в назидание и напоминание нам о том, что мы утратили, как дорого обошлась нам наша самонадеянность. Не ведаю. Никто не ведает.

Верующие уловили намек и хором возгласили «Аминь».

— Вы можете заявить: «Но, преподобный Билл, в Библии не упоминаются ни пурпурные леса, ни странное облако». Но это ничему не противоречит! Там сказано, что Господь Бог сотворил два светила великие, одно для управления днем, а другое для управления ночью. Но сказано ли там, что второе светило — наша нынешняя луна, а не то великое облако, что мы узрели нынче по телевизору?

Братья и сестры мои, говорю вам: мы идем на ужасающий риск, ступая обратно сквозь эти Врата. Если это действительно Эдем, то мы поступаем вопреки воле Всемогущего.

Экрон, Огайо, 17 марта (ЮПИ)

Шинная компания «Гуд йер» сегодня опровергла слухи о том, что массовые увольнения, произведенные на прошлой неделе, каким-либо образом связаны с открытиями на гребне Джонсона. «Это смеху подобно, — заявил представитель компании. — У нас ведется перестройка и реорганизация. Но мы уверены, что в нашей стране шины всегда будут пользоваться высоким спросом».

К текущему часу фондовый рынок упал на 650 пунктов. Наибольшие потери отмечены в автомобильной и самолетостроительной промышленности. Аналитики объясняют взлет уровня продаж страхом, что не за горами техническая революция принципов транспортировки, связанная с освоением техники Купола.

В Бостоне «Юнайтед технолоджиз» сегодня опровергли слухи о том, что планируются массовые увольнения.

(Из полуденного выпуска новостей Си-эн-эн)

Джереми Карлуччи от волнения едва дышал. Он любил говорить людям, что он астроном, еще с четырехлетнего возраста, когда впервые увидел Марс и Венеру с открытой веранды дедушкиной фермы на севере Кеноши*. А сейчас близится конец его долгой и славной карьеры.

---

* Кеноша — город на озере Мичиган.

И вот теперь он стоит на песке пляжа в пяти тысячах световых лет от Кеноши, под ночным небосводом, сверкающим алмазами и звездными вихрями. Громадные текучие облака под Конской Головой озарены внутренним огнем, будто летняя молния, замороженная в полете ужасающим холодом межзвездных бездн.

— Как величественно! — выдохнул кто-то позади него.

На востоке восходил укутанный туманным облаком шар.

Юные гиганты звездного класса А особенно потрясающи. Туманности — колыбели новых звезд. Восторг Джереми достиг такого накала, что ему хотелось издать торжествующий вопль.

— Надо построить здесь обсерваторию, — шепнул он Максусу.

— Постоянная Хаббла, — вымолвил Эдуард Баннерман из Института фундаментальных исследований. — Вот что должно стать нашим первым приоритетом. Надо выяснить, как увеличить ворота, чтобы пронести сюда необходимое оборудование.

Ветер раскачивал кроны деревьев, а с моря накатил пенный вал, обрушившийся на берег и заструившийся вверх по пляжу.

Баннерман — миниатюрный, с резкими чертами лица и редкими седыми волосами — проследил взглядом за волной, потом поднял глаза к Конской Голове.

— А ведь до гребня Джонсона отсюда меньше двух миль, — заметил он.

Волна потеряла разбег и ушла в песок.

— Это абсурд, — продолжал он. — Что же стряслось с фундаментальными законами физики?

ЧУДО В СЕВЕРНОЙ ДАКОТЕ

Врата работают.

Команда из одиннадцати человек побывала сегодня на поверхности планеты, находящейся, по утверждениям астрономов, в тысячах световых лет от Земли...

(Передовица «Уолл-стрит джорнэл» от 18 марта)

Есть ли люди в Эдеме? Если да, то мы можем вскоре услышать о них. Те, кто построил мост между Северной Дакотой и туманностью Конская Голова, вероятно, проявят еще меньше понимания, чем коренные американцы в те дни, когда их земли полетели в тартарары...

(Майк Тауэр, «Чикаго трибьюн»)

Тони Питерс покинул свой кабинет в здании администрации сразу же после закрытия бирж. Лицо его приобрело землистый оттенок, и чувствовал он себя так, будто вмиг состарился не на один десяток лет. Когда он вышел на Западное Административное авеню, вдруг зазвонил его сотовый телефон.

— С вами хочет поговорить *сам*, — сообщила секретарша. Президент на выходные уезжал в

Кэмп-Девид. — Вертолет сядет на лужайку минут через десять.

Питерс догадывался, что разговор состоится. Он устало проволоч свой портфель сквозь толпы протестующих на Пенсильвания-авеню («Разбомбить Купол!») и вошел через центральные ворота в то самое время, когда военный вертолет начал снижаться. В глобальной экономике случилось непредвиденное. И в голову Питерсу пришло лишь одно-единственное предложение для президента.

— Мир нужно переубедить, — говорил Питерс полчаса спустя в присутствии полудюжины советников. — Колеса ушли с рынка прошлой осенью потому, что люди возмечтали, будто автомобиль не будет изнашиваться каждые пять лет. Теперь они считают, что автомобили могут вообще исчезнуть, и самолеты с лифтами заодно. А также шины, радары, карбюраторы и бог ведаст что еще. Ткните пальцем в любой предмет, и окажется, что он как-нибудь да связан с транспортом.

Люди, сидящие за столом для совещаний, беспокойно заерзали. Вице-президент — высокий, седеющий, мрачный мужчина — не поднимал глаз от блокнота. Государственный секретарь — бойцовый пес от юриспруденции, якобы пребывающий на грани подачи заявления об отставке, потому что Мэтт Тейлор предпочитает сам быть собственным госсекретарем — сидел, подперев голову кулаками и закрыв глаза.

Президент посмотрел на Джеймса Сэмсона, секретаря казначейства.

— Согласен, — отозвался тот. Желания продолжать он не изъявил, так что президент пометил что-то

в книжке в кожаном переплете, всегда лежавшей у него под рукой, и постучал карандашом по столу.

— Если принять, что это устройство действительно работает и может быть приспособлено для обычных путешествий, каковы будут последствия для экономики?

— Теоретически, — сказал Питерс, — технический прогресс всегда идет на пользу. В конечном счете мы получим грандиозные выгоды от разработки дешевого и практически мгновенного метода перемещения в пространстве. Насколько я понимаю, для работы оборудования требуется не больше электричества, чем для обычного телевизора. Выгоды очевидны.

— А в ближайшем будущем?

— Не обойдется без некоторых неурядиц.

— Некоторых неурядиц? — цинично усмехнулся Сэмсон, тщедушный, выдохшийся, быть может, стоящий на краю могилы. Он оказался не прав, уверяя президента зимой, что Куполу не стоит придавать значения, но тем не менее коллеги продолжали считать его самой светлой головой в администрации. — Хаос — было бы ближе к истине. — Голос его дрожал. — Или крах. Катастрофа. Как кому больше нравится. — Он кашлянул в носовой платок. — Не забывайте, господин президент, нас, здесь присутствующих, не волнует, что будет лет через десять. Если пустить это дело на самотек, то, может статься, Соединенные Штаты не уцелеют и не успеют получить эти самые выгоды. А уж президента Тейлора не будет ни в коем случае. — Он зашелся в кашле, резко оборвав тираду.

Тейлор кивнул:

— Будут еще мнения? Адмирал?

Адмирал Чарльз (Бомбардир) Боннер — председатель Объединенных штабов. Обликом своим он буквально олицетворяет типичного представителя офицерской верхушки: высокий, деловитый, в безупречно отутюженном кителе. Хотя ему уже перевалило за шестьдесят, он до сих пор смотрится молодцом. А легкая хромота при ходьбе осталась ему в напоминание о крушении самолета во Вьетнаме.

— Господин президент, — начал он, — это устройство, если оно существует, скажется на обороне весьма пагубным образом. Если снаряжение такого рода станет общедоступным, возникнет реальная возможность перебросить ударные группировки — а то и целые армии — в самое сердце любой страны мира. Без всякого предупреждения. И вряд ли найдется защита против подобного вторжения. Все, что для этого понадобится, — только собрать приемную станцию. — Он огляделся, оценивая, произвела ли его речь желаемое воздействие. — Ни одно место на земле, куда можно добраться пикапом, более не гарантировано от вторжения штурмовых отрядов.

Тейлор лишь вздохнул:

— Вы предлагаете, чтобы мы присвоили это устройство, адмирал? И что дальше?

— Я предлагаю уничтожить его. Господин президент, военные тайны не вечны и даже не слишком долговечны. Когда эта штука появится в чем-либо арсенале, а такое непременно случится, отпадет всяческая нужда в носителях, как стратегических, так и тактических, а заодно и во всем остальном, что у нас

имеется. Отправляйтесь туда, выкупите эту чертову землю у краснокожих, если удастся, отнимите, если придется, но непременно отправляйтесь туда, возьмите эту штуковину и обратите ее в груду лома.

Гарри Итон, глава администрации Белого дома, покачал головой:

— Сиу предлагали за эту землю двести миллионов, и они только что отвергли предложение. Вряд ли они вообще захотят ее продать.

— Предложите миллиард, — подал голос Ролли Грейвс, директор ЦРУ.

— Сомневаюсь, что они продадут ее, — повторил Итон. — Но даже если продадут, дело это весьма скользкое. Дайте им миллиард, и пресса в самый день выборов поинтересуется, что получили налогоплательщики за свои деньги. И что же мы им скажем? Что сделали это, чтобы защитить «Дженерал моторс» и «Боинг»?

— Меня как-то мало волнует, что вы им скажете, — огрызнулся Боннер. — Подобное оборудование превращает все ракетные войска разом в груды металлолома. Подумайте об этом, господин президент.

Марк Аннойк, министр внутренних дел, в чьих жилах течет эскимосская кровь, подался вперед:

— Нельзя просто так взять и отнять у них землю. Это равноценно политическому самоубийству. Боже мой, да нас тут же обвинят в том, что мы снова ограбили коренных американцев. Могу представить себе, какими будут заголовки газет!

— Распрекрасно можно отнять ее у них, — отрезал Итон. — И сразу же следует устроить какой-ни-

будь несчастный случай, который разнесет эту чертову будку к чертям!

— Согласен, — поддержал его Боннер. — Надо прикрыть ее, пока можно.

Элизабет Шумахер, советник по науке, сидела в дальнем конце стола. Эта сероглазая, погруженная в собственные мысли женщина участвовала в стратегических совещаниях крайне редко. Тейлоровская администрация, сосредоточенная только на снижении дефицита платежного баланса, считалась не слишком дружески расположенной к научной обществу. Президент знал об этом и сожалел, но готов был принять на себя роль козла отпущения, лишь бы добиться поставленной цели.

— Господин президент, — произнесла Шумахер, — находка Купола — событие неоценимой важности. Если вы его уничтожите или позволите уничтожить, то можете не сомневаться, что грядущие поколения никогда вам этого не простят.

Больше она не проронила ни слова, но эта единственная реплика произвела должный эффект.

Переливание из пустого в порожнее тянулось еще часа два. Итон стоял стеной. За спасение Купола выступали только Аннойк и Шумахер. Тони Питерса снесли сомнения, но мало-помалу он склонялся к мнению, что следовало бы попытаться извлечь из гребня пользу, попытав судьбу с экономикой и прочими побочными явлениями, каковые могут проистечь от этой находки. Но, будучи по натуре человеком осторожным и лояльным по отношению к главе государства, он воздержался от рекомендаций принять

такой образ действий. Остальные присутствующие упорно стояли на своем: необходимо изыскать способ избавиться от находки.

Когда совещание завершилось, президент отвел Питерса в сторонку:

— Тони, я хотел поблагодарить тебя за сегодняшний вклад в дискуссию.

Питерс кивнул:

— И как же мы поступим?

До сих пор Тейлор никогда не отличался нерешительностью, но сегодня вечером впервые на памяти Питерса не мог прийти к окончательным выводам.

— Хочешь услышать правду? Я не знаю, как поступить. Я думаю, эта штуковина подорвет экономику, и никому не ведомо, с чем мы останемся, когда выберемся из этой передраги. Но при этом я еще и считаю, что Элизабет права. Если я позволю разрушить Купол, историки выпустят мне кишки.

Во взгляде его застыло выражение сильнейшей тревоги.

— Так какую же линию мы изберем?

— Не знаю, Тони, в самом деле не знаю.

— Слушаем, Чарли из резервации.

— Приветик, Снежная Ястребица. Я хотел высказаться насчет собрания.

— Слушаем.

— Когда я вчера туда пришел, я думал в точности, как ты. Я думал, следует захватить денежки.

— И что же вы думаете теперь?

— Ты видела картинки?

— С той стороны? Да.

— По-моему, Арки прав. По-моему, пора собирать манатки, двигать туда и давить на рычаг.

— Сомневаюсь, что Арки предлагал именно это.

— Предлагал-предлагал, и я его поддерживаю обеими руками. Слушай, Снежная Ястребица, из резервации нам не вырваться ни за какие деньги. Так что пусть оставят свои двести миллионов себе. А мне дайте море и лес!

— Ладно, Чарли. Спасибо, что высказались. Вы в эфире, Мадж с Дьявольского озера.

— Привет, Снежная Ястребица. Послушайте, я считаю, что человек, звонивший до меня, абсолютно прав. Я готова отправляться.

— В дикие леса?

— Точно. Давайте трогаться.

— Ладно. Джек из резервации, ваше слово.

— Эгей, Снежная Ястребица, я ведь тоже там был.

— На собрании?

— Ага. Ты ни капельки не права. Мы можем начать жить по новой, и мы будем офигенным дурачком, если прошляпим такой шанс. Я за то, чтоб укладываться — и вперед. И уж на сей раз мы европейцев на пушечный выстрел к себе не подпустим. А как зайдем, то сделаем, как сказал этот, как его там: запрем двери на засов.

22

---

*Наши знания — факел чадающий,
Озаряющий путь лишь на шаг
Среди жути и хлябей зияющих...*

Джордж Сантаяна, «Сонет III»

Арки был непреклонен.
— В этот девственный мир не войдет больше никто, пока мы не проникнемся уверенностью, что это безопасно.

— Черт поberi, Арки! — взорвалась Эйприл. — Мы никогда не сможем проникнуться уверенностью, что это абсолютно безопасно!

— Тогда, быть может, следует вообще выбросить это из головы. Взять за Купол самую лучшую цену, какую удастся, и предоставить другим беспокоиться об исках.

— Каких еще исках?!

— Исках, которые возбудят против нас, как только какая-нибудь тварь сожрет одного из твоих разлюбленных академиков.

— Никто никого не сожрет.

— Откуда ты знаешь? Ты можешь это гарантировать?

— Конечно, нет.

— Тогда, пожалуй, стоило бы всерьез поразмыслить об этом. — Он перевел дыхание. — Нам надо задаться вопросом, в самом ли деле мы хотим, чтобы вся эта публика слонялась там.

— Они не слоняются. — Эйприл выдержала паузу, чтобы успокоиться и говорить ровным голосом. — Эти люди знают свое дело. Кроме того, нельзя же оставлять Купол себе в единоличное пользование. Мы должны позволить посмотреть на него как можно большему числу людей.

— Тогда позволь спросить тебя снова: а что будет, если кто-нибудь из них погибнет?

— Там нет крупных хищников.

— То есть ты не видела крупных хищников, Эйприл, а это не одно и то же. А как насчет болезней, каких-нибудь диковинных микробов?

— Если они и есть, уже слишком поздно. Мы с Максом побывали там и вернулись.

— Знаю, — сурово взглянул на нее Арки. — До этого мне тоже нет никакого дела. Слушай, пока что все делалось с наскока, а теперь пора взяться за дело всерьез, пока мы не прогорели. Для начала я хочу, чтобы вы с Максом замерыли все физические характеристики до единой. Тем временем мы прикроем экскурсии до того времени, когда Адам не подтвердит, что там безопасно. Хорошо? Я не хочу, чтобы хоть кто-либо входил туда до того. Даже вы.

— Арки, — возмутилась она, — не можем же мы ни с того ни с сего закрыть ворота и объявить, что там опасно!

— Мы только что сделали это, — только и сказал он.

Адам собрал свою команду, в которую входили Джек Быстрая Нога, Андреа Ястребица, Джон Малый Призрак и еще два человека, не знакомых Эйприл, после чего начал извлекать из ящиков и раздавать автоматические винтовки, гранаты и пистолеты.

— Вид такой, будто вы собрались охотиться на динозавров, — заметила Эйприл.

— Лучше перестраховаться, чем потом раскисаться, — пожал Адам плечами и дал знак своим людям становиться на решетку, затем нажал на пиктограмму стрелки и присоединился к ним, напоследок сказав Эйприл: — Увидимся вечером.

Он как раз убирал в подсумок запасной магазин, когда они начали таять.

Макс вошел, неся в руках пару желтых воздушных шариков и свою видеокамеру.

— Я-то не против, — с ходу заявила ему Эйприл, — но это создает нехороший прецедент. И что же нам делать теперь? Посылать вперед спецназ, прежде чем заглянуть в любое другое место?

— Это если другие места вообще есть, — отозвался Макс. — Не знаю. Но по-моему, это не такая уж глупая мысль.

Эйприл хмыкнула, но ничего не сказала.

— Как ты думаешь, строители этой системы там еще есть? — поинтересовался Макс.

Взор Эйприл затуманился.

— Прошло десять тысяч лет. А это срок немалый.

— Может, для них это не так уж и много.

— Может, и так. Но Купол брошен давным-давно.

А в Эдеме тоже ни малейших признаков недавних визитов. Тебе это о чем-нибудь говорит?

За панорамным окном виднелись туристы, фотографирующиеся на фоне достопримечательности номер один.

— Любопытно, где эта транспортная сеть кончается? — проронил Макс.

— Мне давно не терпится выяснить это, — с загоревшимися глазами откликнулась Эйприл.

Наружная дверь открылась, в коридоре послышались шаги, и в дверном проеме показался Арки Рыжий Папоротник. Приветственно взмахнув рукой, он стащил куртку, бросил ее на спинку стула и сообщил:

— Поговаривают, что вас собираются сделать почетными членами племени.

— Мне это нравится, — улыбнулась Эйприл.

Насколько Макс помнил, до сих пор подобной чести удостоился только Сэм Хьюстон*. Недурная компания.

— Мне тоже, — подхватил Макс.

— А что теперь? — Арки взглядом указал на воздушные шарик.

— Хотим посмотреть, что еще имеется в нашем распоряжении.

---

* Сэмюэл Хьюстон (1793—1863) — американский генерал, возглавлявший борьбу за отторжение Техаса от Мексики.

Шарики украшала надпись «Форт-Мокси» и изображение Купола. К обоим были привязаны довольно длинные нитки. Макс, будто иллюзионист, готовящийся к фокусу, подтащил два стула и установил их по обе стороны от решетки, вне пределов захвата поля, упиваясь главной ролью в этом представлении. Затем привязал к спинкам стульев один шарик так, что он парил как раз над центром решетки.

— Что ты затеваешь? — осведомился Арки.

— Мы не хотим заклинить систему, — пояснила Эйприл. — Если мы отправим стул, и никто не снимет его с приемной решетки, пиши пропало: канал для нас потерян. Надо отправить что-нибудь такое, что не останется на месте.

— Хорошо, — кивнул Арки.

— Готов? — спросила Эйприл, остановившись рядом с пиктограммами.

Макс навел резкость на шарик и включил запись.

— Снимаю.

Эйприл нажала на символ колец.

Досчитав до двадцати трех, Макс увидел, как шарик исчез. На пол по обе стороны от решетки упали два куса нитки, будто срезанные ножницами.

— У меня вопрос, — тут же подал голос Арки. — Что будет, если человек не до конца вошел на решетку, когда эта штука активируется? Что, половина его останется здесь?

Эйприл поглядела на него, словно ребенок, которого застали в тот момент, когда он залез рукой в банку с вареньем:

— Хороший вопрос, советник.

Они повторили процедуру с последним символом — скрипичным ключом — и вернулись в дежурку, чтобы оценить результаты.

Максу казалось, что кольца означают искусственную среду обитания. Уж здесь-то наконец можно встретить кого-нибудь лицом к лицу.

Быть может, так и будет. В кадре второй экспозиции проявилось еще одно изображение — стена с окном. Ничем не украшенная стена наводила на мысль о судне или каком-нибудь военном сооружении. Окно оказалось длинным, заметно длиннее изображения. А по ту сторону, кажется, стояла ночь.

— По-моему, это помещение, — прокомментировала Эйприл.

Сидевший за рабочим столом Арки подался вперед, чтобы получше разглядеть экран:

— И как нам реагировать, если там кто-то есть?

— Скажем «приветик» и улыбнемся, — отозвался Макс.

— По-моему, надо относиться к этому вопросу со всей серьезностью, — нахмурился адвокат. — Послушайте, эта станция, полустанок или что оно там еще — не работает очень давно. Но это не значит, что брошена вся система. Нам надо решить, как надо себя вести, если кто-нибудь встретится. — Он помедлил, будто не желая развивать эту тему: — К примеру, следует ли нам вооружиться?

Эйприл задумчиво покачала головой:

— Сдается мне, что затевать войну с теми, кто выстроил эту штуку, не стоит ни за что на свете.

— Однако он тоже прав, — вставил Макс. — Следует проявлять осторожность.

— Почему бы нам не посмотреть вторую? — опускаясь обратно в кресло, предложил Арки.

То есть скрипичный ключ. Макс включил на воспроизведение следующую запись.

И снова воздушный шарик начал таять у них на глазах, но на сей раз в качестве фона проступила комната с ковром. Возможно, раньше стены были покрыты панелями, но теперь стояли совершенно голыми. Никакая мебель в кадр не попала.

— Откуда-то падает свет, — отметила Эйприл.

— И что ты об этом думаешь? — поинтересовался Макс.

— Может, это всего-навсего еще один Купол. — Эйприл готова была отправиться в путь хоть сейчас. — Выяснить это можно только одним способом.

— Думаю, надо отказаться от этой затеи, — немного поразмыслив, отозвался Макс. — Если там действительно кто-то есть, мы только напортачим. Давай воспользуемся твоим комитетом, чтобы придумать, как нам с этим быть.

— Он соберется только через шесть дней. Чем больше информации мы сможем предоставить ученым, тем лучше они смогут справиться со своей задачей. И потом, специалистов какого рода ты хочешь пригласить для подобной работы?

— Я догадываюсь, куда ты клонишь, — прищурился Макс.

— И тем не менее я согласен, — поддержал ее Арки. — Подобных специалистов просто-напросто не существует. Если кому-то придется идти, то для этой роли вполне подойдем и мы, — с упором на местоимении закончил он. Этот акцент не ускользнул от внимания Макса и Эйприл.

— Арки, не обижайся, пожалуйста, — сказала она, — но там адвокат не требуется. Позволь нам сперва самим проверить.

— А вот тут я не согласен. — Он выпрямился, развернул плечи и словно даже вырос. — Должен быть представитель племени.

— Ты шутишь? — приподнял брови Макс.

— Я никогда не шучу, — улыбнулся Арки.

Макс подготовил дорожный набор, включающий в себя мотор-генератор, ящик с инструментом, два фонарика, две кварты воды и ставший уже традиционным большой блокнот с комплектом черных маркеров.

Одинокий Клен, исполнявший обязанности начальника службы безопасности, пока Адам со своей группой обследовал Эдем, вручил Арки револьвер тридцать восьмого калибра.

— А мне? — тут же встрял Макс.

— А вы владеете огнестрельным оружием? — спросил Клен.

— Вообще-то нет. — Макс не стрелял ни разу в жизни.

— Тогда выбрось это из головы. С пистолетом ты будешь куда опаснее для нас, чем те, кого мы встретим, — сказал Арки и устремил взгляд на Эйприл.

— Я тоже нет, — отозвалась она.

— По-моему, вам следовало бы взять меня с собой, — озабоченно взглянул на них Клен.

— Мы прекрасно справимся сами, — заверил его Арки.

— Это, наверно, чья-нибудь гостиная, — недовольно поморщилась Эйприл. — Вряд ли нам потребуется такая уж большая огневая мощь.

Макс установил свой дорожный комплект посреди решетки и положил рядом лопату.

— Когда мы прибудем, — сообщил он Клену, — я попробую послать лопату обратно. Дайте мне полчаса или около того, на случай, если придется заняться на месте ремонтом. Если к тому времени ничего не произойдет, шлите нам сэндвичи.

— Мы вывесим записку, если застрянем, — подхватила Эйприл. — Но пусть за нами никто не идет, если мы об этом не попросим. — Она обвела взглядом спутников. — Верно?

Арки кивнул. Макс тоже, но не столь решительно.

Они втроем ступили на решетку. Клен остановился рядом с пиктограммами и спросил:

— Готовы?

И Эйприл сказала «да».

В комнате пахло мускусом. Стены покрывала светло-зеленая ткань, украшенная растительными

орнаментами. Бледный свет исходил отовсюду, примерно такого же рода, что и в Куполе.

На несколько секунд все замерли неподвижно, оглядываясь по просторной, пустой комнате, в которой очутились. Стояла полнейшая тишина, ниоткуда не доносилось ни малейшего шороха. Решетка у них под ногами по конструкции отличалась от двух других, зато размерами в точности соответствовала им. Ступив на красный ковер, Макс тотчас же испуганно отдернул ногу, когда она начала погружаться.

— Черт побери, что это за пол за такой? — удивилась Эйприл.

Макс сделал еще попытку. Пол выдержал вес его тела, но ходить будет трудновато. Интересно, каким это тварям такой пол кажется удобным?

Свет перед Максом стал ярче.

Комната изгибалась буквой Г, одна сторона вдвое длиннее другой. В торцах короткой части обнаружились два выхода, ведущие в сумрачные коридоры. На стене позади решетки нашелся знакомый комплект пиктограмм, расположенных на панели, укрепленной под углом к стене. На сей раз их оказалось девять — диски с рисунками были вмонтированы в дерево заподлицо. Одна из пиктограмм изображала оленью голову, а остальные восемь не имели аналогов ни в Куполе, ни в беседке Эдема.

Эйприл разглядывала их довольно долго и наконец промолвила:

— Мир без конца и края.

Макс кивнул, затем положил лопату на решетку и тронул оленью голову. Пиктограмма озарилась теплым светом.

В подоженное время лопата исчезла со вспышкой света — но зеленоватого, а не золотого.

— Под цвет интерьера, — одобрительно заметила Эйприл.

— Недурно, — сказал Арки. — Приятно знать, что можно выбраться отсюда по-быстрому в случае необходимости.

Отдельные участки высокого потолка терялись в тени за хитросплетениями балок.

— Воздушного шарика тут нет, — констатировал Арки, но на его лице отпечаталось изумление, и Макс проследил направление его взгляда. В потолке обнаружилось прямоугольное отверстие размером примерно шесть на восемь футов, а в нем просматривалась другая комната. Свет там был включен, но не ярче, чем в этой. И никаких признаков лестницы.

— Вряд ли там кто-нибудь есть, — высказалась Эйприл.

— Наверное, шарик вылетел в верхнюю комнату, — предположил Макс.

Тут оказалось на несколько градусов холоднее, чем в Куполе. Макс застегнул куртку и обернулся к решетке, чтобы собрать снаряжение и отправить его обратно.

— Я чувствую легкость, — объявил он.

— Пожалуй, так оно и есть, — согласилась Эйприл. — Тоже дело в тяготении.

— Значит, мы не на Земле? — уточнил Арки.

Она лишь молча покачала головой.

Адвокат все время переводил взгляд с одного дверного проема на другой и обратно. Оружием он не бряцал, но его правая рука покоилась в кармане куртки.

Окон в комнате не оказалось. Эйприл извлекла фотоаппарат из футляра и сделала несколько снимков. Макс и Арки заглянули в коридоры. Стоило двинуться вперед, как свет начинал загораться перед идущим и гаснуть позади. Ковер оставался все таким же губчатым.

Один коридор кончился тупиком в ромбовидной комнате, другой же миновал ряд пустых комнат, а затем сворачивал под прямым углом направо. И никакой мебели.

Они шли, держась плотной группой.

— Не нравятся мне места с ограниченной видимостью, — проронил Арки. — Предлагаю вернуться.

— Даже не узнав, где мы?! — Эйприл шумно передохнула и поглядела на Макса. — А ты как думаешь, Макс?

Вообще-то Макс с радостью поддержал бы Арки, но ни за что не хотел сознаваться в этом при Эйприл.

— Может, прогуляемся еще немного вперед? — неуверенно предложил он.

— Двое против одного, — улыбнулась Эйприл.

— А я и не знал, что у нас тут демократия, — сделал круглые глаза адвокат. И неохотно согласился: — Ладно уж, попробуем.

Свернув за угол, они увидели новые комнаты и еще одну дыру в потолке. И снова ни окон, ни следов недавнего пребывания.

— Хотя заброшенным этот домик не выглядит, — сказала Эйприл. — Тут ни пылинки. Он просто кажется пустым.

Они свернули налево, и Макс начал рисовать карту.

— И куда же это окна подевались? — спросил Арки.

Макс поморщился: ступать по уходящему из-под ног полу было не так уж легко, лодыжки уже ныли от неестественной нагрузки.

Коридор привел их в длинную, узкую, как пенал, комнату. Уткнувшийся в свою карту, Макс ступил не глядя и тут же повалился вперед, потому что пола под ногами не оказалось. И лететь бы ему не меньше двух этажей, если бы Эйприл не уцепилась за его куртку, задержав на миг и дав возможность Арки ухватить Макса за плечо. Вдвоем они вытащили его обратно, и Макс без сил опустился на мягкий пол, чтобы справиться с дурнотой.

Дыра в добрых пять футов шириной тянулась во всю длину комнаты. В противоположном конце ее пол как ни в чем не бывало продолжался и вел к дверному проему, открывающемуся в очередной коридор.

Убедившись, что Макс не пострадал, Эйприл опустилась на колени у края дыры и сообщила:

— Это не разрушения. Так это здание выстроено с самого начала. Это шахта.

— Посреди пола? — удивился Арки. — Что за полумный сумасброд проектировал это здание?

Пути вокруг дыры не было, так что они возвратились и свернули в другую сторону. Но и там продолжали наткаться на отрезки, лишенные пола, — при-

чем в таком количестве, что дальнейший путь экспедиции определялся этим курьезным феноменом.

По пути они осматривали все комнаты подряд, мало-помалу выяснив, что это и не комнаты в общепринятом смысле, а некие объемы бесконечно варьирующейся формы — одни чересчур узкие и тесные для человека, другие, подобно комнате с приемной решеткой, неправильной формы, а стены третьих так и вовсе сходились под какими-то произвольными углами, разрушая симметрию пространства.

И никакой мебели, равно как ни малейшего намека на лестницу или прочие средства перемещения с этажа на этаж. Цвет и текстура ковров и стен от комнаты к комнате менялись. Но, что самое странное — ни единого окна; неизбежно напрашивалась мысль, что все это сооружение находится под землей.

Макс был готов протрубить отбой с того самого момента, когда спутники вытащили его из шахты, и теперь лишь дожидался, пока кто-нибудь другой выскажет такое предложение вслух. А тем временем занимался картой, хотя теперь все время смотрел под ноги при ходьбе.

Свет все так же разгорался впереди и угасал позади, вызывая тревожное ощущение, что кто-то невидимый движется на самом краю поля зрения. Макс начал притворяться, что трудится над картой, а сам тем временем высматривал что-нибудь ненормальное. И немного погода высмотрел.

— Где? — насторожился Арки. — Ничего не вижу.

— Вон там. — Макс указал на угол, из-за которого они вышли всего минуту назад.

— Я тоже видела, — подхватила Эйприл.

— Что видела? — Арки жестом фокусника извлек револьвер.

— Свет изменился, — пояснил Макс. — Смотри, вон там светлая полоска.

Потянуло легким сквозняком.

Светлое пятно в точности соответствовало их собственному. Прямо на глазах оно заскользило к ним навстречу, будто кто-то крался следом.

— Там ничего нет, — произнес Арки, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Просто свет.

Но они все равно попятились, а свет побежал вперед.

— Макс, ты можешь вывести нас обратно к решетке? — широко раскрыв глаза, спросила Эйприл.

— Вряд ли. — Макс внимательно изучал карту. — Я знаю лишь единственный путь — тот, которым мы сюда пришли. — Он устремил глаза на приближающийся свет.

— Так не пойдет, — возразил Арки.

Они тронулись в прежнем направлении, и адвокат пошел замыкающим.

— Попытайся найти обходной путь.

При первой же возможности они свернули налево в надежде найти еще один перекресток и ускользнуть от коридорной твари. (Потому что к этому времени Макс начал думать об этом явлении, как о твари. Все виденные и читанные фильмы ужасов и книжки про вампиров вдруг очень живо встали в памяти.)

— Знаете, — призналась Эйприл, — я все думаю, что эти ворота будто бы подготовлены для посетите-

лей. Ну, для туристов, что ли. Для гостей, катающихся на яхте по озеру. Да и Конская Голова — это же все местные достопримечательности. Может быть, и эти коридоры тоже.

— И что же это за достопримечательность? — поинтересовался Макс. — Лабиринт, что ли?

— Не исключено. Не знаю. А может, это аттракцион.

Они перешли на быстрый шаг. Бегущий свет не отставал. В конце концов Эйприл попридержала шаг, обернулась, поравнявшись с Арки, и с наигранной жизнерадостностью поинтересовалась:

— Привет, есть там кто?

Макс стоял позади нее, наблюдая, как нечто приближается, замедляет ход и чуть подается назад. Он как раз боролся с желанием удрать, когда взор его вдруг затуманился, и внезапно Макс увидел Эйприл впереди. Она мерцала, как изображение на экране плохо отрегулированного телевизора, и голова у Макса закружилась. Желудок вдруг подкатил под самое горло, и Макс упал на колено, стараясь одолеть дурноту. Закрыв глаза, он тряхнул головой, но увидел лицо Эйприл, ее шевелящиеся губы, протянутые руки и застывший взгляд. Он смотрел на нее сверху, из-под самого потолка.

— Ну же, Макс, — сказал Арки, поднимая Макса на ноги. — Приди в себя!

Затем Арки схватил Эйприл за плечо и потащил назад. Теперь они отступали в самом спешном порядке.

Пробежав через клиновидную комнату в следующий коридор, они свернули налево, затем направо.

В голове у Макса быстро прояснилось — наверное, от хлынувшего в кровь адреналина.

— По-моему, оторвались, — пропыхтел Арки.

Они миновали широкий зал, обогнув шахту по дуге, и задержались у дверей с противоположной стороны. Свет в зале никак не изменился, и Макс попытался привести мысли в порядок.

Ему хотелось отнести искаженное восприятие тех секунд на счет минутной слабости и сосредоточиться целиком и полностью на поиске дороги обратно к решетке. Макс всю жизнь гордился своим умением ориентироваться. Даже в этом лабиринте он ни на миг не усомнился, что знает, куда идти.

— Мы вот здесь, — показал он точку на импровизированной карте. — А надо попасть сюда.

Идти надо было около мили. Макс вывел всех через дверной проем в коридор. А пару секунд спустя они повернули налево и вошли в комнату с решеткой.

По спине у Макса побежали мурашки.

— Этого не может быть, — выдохнул он.

— Макс, ты гений! — У Арки явно отлегло на душе.

— Это невозможно, — потряс головой Макс. — Просто не может быть, чтобы мы оказались в той же комнате.

Они пересекли помещение, беспокойно поглядывая на противоположный проем — тот самый, через который они вышли. Макс бросил взгляд на панель выключателей. Они выглядели точь-в-точь как те, что были раньше. Да и комната выглядела как прежде.

— После разберемся, — отмахнулась Эйприл от сомнений. — Что меня тревожит, так это то, что не

дело так проводить первый контакт. — Но говорила она при этом вполголоса. — В учебниках истории наше бегство будет выглядеть не очень достойно.

— К черту учебники истории, — огрызнулся Макс. — Учебникам истории будет известно только то, что скажем мы. Пошли.

— Ты в самом деле хочешь остаться? — спросил Арки вызывающим тоном: или оставайся, или не отнимай у нас время.

— Надо будет непременно вернуться, — заявила она, но все-таки встала на решетку.

— Вот следующий раз и опишем. — Макс надавил на оленью голову и присоединился к ним.

Оставшиеся секунды растягивались прямо-таки до бесконечности. Максу вспомнилось, как он еще в детстве забрел в пустой дом и был напуган шумом на чердаке. Так и тут — как только их охватил свет, сквозь который проступили стены Купола, Макс почувствовал себя точь-в-точь как тогда, выбежав на залитую солнечным светом улицу.

23

Дело Америки — это бизнес.

Калвин Кулидж

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ГРЕБНЯ ДЖОНСОНА ОТКРЫВАЮТ ВТОРУЮ ПЛАНЕТУ

Валгалла, Северная Дакота, 22 марта (АП)

Команда исследователей сегодня вошла во вторые ворота и оказалась на планете, где, как они выразились, «все в помещении». Согласно утверждениям пресс-атташе Фрэнка Молла, никаких следов недавнего пребывания живых существ не обнаружено. Он также добавил, что посетителей не будут допускать до тех пор, пока не изучат природу пункта прибытия.

Не обнаружив никаких признаков опасности, двадцать третьего марта Эдем вновь открыли для прессы и исследователей. Каждую группу обязательно сопровождали проводник и работник охраны.

Экскурсии проводились каждые два часа. Способ транспортировки очень беспокоил людей, и некоторые из-за него даже отказывались от путешествия на Эдем. Но те, кто все-таки решались, неизменно возвращались в приподнятом настроении.

Все они подписывали бумагу о принятии на себя всей ответственности за собственную жизнь и здоровье. Правда, Арки угрюмо предупредил коллег, что подобные документы редко сказываются на решениях суда.

Анализ крови Макса, Эйприл и команды охранников, побывавших в Эдеме, не показал никаких отклонений от нормы.

Эйприл обрадовалась, что вопрос с Эдемом наконец-то разрешился, и с упоением показывала его ученым. (Что касается второй станции, получившей название Лабиринт, было решено отложить дальнейшие исследования до той поры, когда будет время все основательно продумать. Макс упорно отказывался верить, что утратил ориентацию, и начал склоняться к мысли, что Лабиринт являет собой шар, причем не слишком большого радиуса.)

Еще Эйприл проводила неофициальные конференции и устраивала внеочередные научные вылазки для специалистов, если притязания последних представлялись ей обоснованными. Она даже начала считать себя кем-то вроде распорядительницы девственной планеты и призналась Максу, что обожает купаться в лучах славы. Портрет каждого из них хоть однажды, но украсил обложку какого-нибудь ежене-

дельника. Запустили в производство фильм о местных событиях, и пошел слух, что играть Эйприл будет Уитни Хьюстон.

За воротами следила Андреа Ястребица, когда с Эдема прибыли два геолога. Оба бородатые и сероглазые, они были так увлечены разговором, что не обратили на Андреа ни малейшего внимания. Зато ее внимание привлекло оброненное кем-то слово «нефть».

Час спустя эта новость вышла на первое место в репортажах всех информационных агентств.

Главным пунктом повестки дня пленарного заседания Генеральной Ассамблеи должно было стать предложение Танзании о дальнейшем ослаблении таможенных барьеров. Но газеты, занятые лишь домыслами на тему звездного моста в Северной Дакоте, теперь трубили о том, что в Эдеме нашли нефть.

Если разговоры об иных мирах и транспространственных перекрестках казались делегатам ООН бессмысленными и не имеющими прямого отношения к политике реального мира (себя они считали реалистами, крепко стоящими обеими ногами на земле), то уж что такое нефть, они понимали прекрасно.

Бразилия значилась первой в прениях по вопросам новой политики международной торговли, но все до единого присутствующие знали, куда сегодня заведут дебаты.

— Проблема, стоящая перед нами сегодня, — начала представительница Бразилии, дородная черноволосая женщина с толстой шеей и бегающими глазами, — выходит далеко за рамки установки таможенных тарифов. Мы видим новый мир, каким-то курьезным образом расположенный далеко за Соединенными Штатами, а не в них. Подробной информации об этой планете у нас нет. Нам не известно, велика ли она и насколько она гостеприимна. Пока что представляется, что она весьма гостеприимна. — Она взглянула через зал на сидящую напротив делегацию США. — Бразилия предлагает членам Ассамблеи признать, что открытие столь неоценимой важности не может являться суверенной собственностью одного государства. Врата должны быть открыты для всего человечества. — Представительница замолчала, чтобы выслушать реплику референта, кивнула и отхлебнула воды из стакана. — Бразилия уверена, что Соединенные Штаты, всегда стоявшие во главе борьбы за права человека, признают исконное человеческое право исследовать, а в конце концов и населить этот странный новый свет. Мы призываем Соединенные Штаты публично признать это право.

Маргарет Яката никогда всерьез не претендовала на президентское кресло. Быть может, страна уже готова увидеть на высшем посту женщину, но только не женщину японского происхождения. И Яката, забыв о собственных амбициях, которые привели ее в губернаторский особняк в Сакраменто, воспользо-

валась своим немалым политическим влиянием, чтобы получить пост вице-президента для Мэтта Тейлора.

Признательность Тейлора выразилась в том, что он сделал ее представителем США в ООН, где она завоевала всеобщее уважение как поборница всеобщего сотрудничества в решении экологических проблем. Кроме того, она зарекомендовала себя стойким защитником коллективной безопасности, поддерживая все свежевылупившиеся демократические режимы без исключения.

— Демократии, — то и дело повторяла она представителям полицейских государств, — это высочайшая надежда на мир во всем мире, потому что они не затевают войн между собой.

Теперь она сидела в своем кабинете в ООН, видя на экране одного монитора выступление делегатки от Бразилии, а на экране второго — реакцию президента родной страны. Кто-то вручил ему записку. Прочитав ее с невозмутимым видом, он посмотрел прямо на Маргарет и сообщил:

— Иран собирается потребовать, чтобы гребень Джонсона подвергся инспекции ООН, после чего перешел бы под международную юрисдикцию.

— Они могут рассчитывать на солидную поддержку, — отозвалась Яката.

— Знаю. Они нашли новую палку, которую можно вставлять нам в колеса. — На лице президента мелькнуло выражение боли.

— Господин президент, гребень Джонсона пугает многих. Даже бритты дергаются. Они мне сказали,

что будут голосовать за нас, если мы гарантируем, что он исчезнет. В противном случае они ничего не обещают.

— Вы слышали про нефть?

— Да, слышала.

— И каково ваше мнение?

— Если принять во внимание, что сулят дальнейшие исследования, то, по-моему, это суший пустяк. Но все здесь присутствующие задумались о природных ресурсах. Золото там тоже есть? Уран? И есть ли этому конец? Между прочим, насколько я понимаю, палестинцы намерены потребовать землю в Эдеме. — Она усмехнулась. — Израиль их поддержит.

— Это просто кошмар!

— Японцы хотят, чтобы Купол передали в руки ООН и уничтожили. Говорят, что инопланетные технологии ворот сокрушат экономику Земли.

— Тут они не одиноки. Весь мир ужасается при мысли о том, что планета словно стала меньше. Всего за одну ночь.

Яката вздохнула:

— Насколько трудно будет воспроизвести технологии Купола, господин президент?

— Нам пока не удалось толком их рассмотреть, Маргарет. Но мои люди утверждают, что можно сдублировать все что угодно, если есть действующий образец.

— Именно так я и думала. Господин президент, вам известно об этом больше, чем мне, но, по моему мнению, люди, забившие тревогу, в чем-то правы. — Она поразмыслила о том, что собирается сказать, и

собственное предложение пришлось ей не по душе. Она не из тех, кто утратил веру в науку или в само человечество. И все же... — Мэтт, хотите выслушать предложение?

Он кивнул.

— Уничтожьте эту дрянь. Сровняйте с землей. Устройте несчастный случай. Обнаружьте, что она перестала работать. Сделайте хоть что-нибудь, чтобы вывести ее из строя. А затем, когда с этим будет покончено, пригласите ООН на опознание, чтобы не было ни малейших сомнений в личности трупа.

Факс Арки гнал бумагу круглые сутки. «Шашлыки Санни», «Хутеры», «Международная блинная», «Вендис», «Макдональдс», «Стейк и эль» и дюжина прочих сетей общественного питания изъявляли желание построить на гребне Джонсона свои рестораны. «Шератон», «Хьятт», «Холидей-Инн» и «Бэст-Вестерн» подали заявки на постройку гостиниц. Компания Олбрайта хотела выстроить торговый городок, а пять нефтяных компаний просили разрешения установить поблизости свои бензоколонки.

Некоторые компании начали подумывать о работе по ту сторону Портала. Лесоперерабатывающие фирмы желали обследовать леса Эдема. Специалисты по недвижимости считали, что пляж, озаренный туманностью Конская Голова, нуждается в набережной и киосках по торговле хот-догами. Начали поступать запросы и на проведение изыскательских работ от нефтяников.

Группа под названием «Курды за лучший мир» выслала прошение на выделение территории, уведомив Макса, что они надеются отправить в Эдем шестьдесят тысяч человек с целью организации независимой колонии. Представители ущемленных национальностей со всего света делали заявления для прессы, из которых следовало, что отныне подобные требования пойдут сплошным потоком. В Вашингтоне формировался «Крестовый поход бедноты», предъявлявший свои права на лучшую жизнь.

— Может, они и правы, — заметила Эйприл. — Может, нам следует открыть Врата и пускать всех желающих. Кому от этого будет хуже?

— А что будет, если мы попытаемся поселиться там, и вдруг явятся настоящие хозяева? — нахмурился Арки.

— Сомневаюсь, что там есть хоть какие-нибудь хозяева, — возразил Макс. — В Лабиринт я бы никого не пустил, но в Эдеме пусто, по-моему.

— Может, его хозяева предпочитают, чтобы там было пусто, — сверкнул на него глазами Арки. — Я бы на их месте избрал именно такой вариант.

— В этом-то вся и суть, не так ли? — мгновенно отреагировал Макс.

— В чем?

— Ты не хочешь подпускать к этой земле никого, кроме собственного народа.

Арки хотел было возразить, но лишь пожал плечами:

— Больше никто не отнесется к ней так, как она того заслуживает. Отдайте ее любой из этих групп, и

лет через пять там будет что-то вроде Фарго. И это в лучшем случае. — Он устремил взгляд в пространство поверх головы Макса. — Это новый, девственный мир. Мы однажды уже позволили чужакам поселиться на наших землях. Вряд ли стоит повторять старые ошибки.

— Мы испытываем озабоченность по поводу Портала. — Джейсон Флери воззрился на Ходока сквозь трифокальные линзы очков в роговой оправе. В его внешности смутно ощущалась какая-то неопрятность, чему он был обязан окружавшей его атмосфере дотошной, вплоть до самоуничтожения, честности. Вот уж чего не ждешь от представителя правящего кабинета! — Губернатор, вы, несомненно, понимаете, что у вас в руках оказалось нечто ценное, что фактически оно является достоянием национальным. Вам известно, что произошло в ООН?

— Да. Там пытаются доказать, что Купол принадлежит всему миру.

— И как вы к этому относитесь?

— Эта земля принадлежит Мини Вакан Ойяте.

— Понимаю, — сочувственно кивнул Флери. — Надеюсь, что понимаю. Но существуют политические реалии. Завтра Организация Объединенных Наций будет обсуждать требование к США, чтобы гребень Джонсона был объявлен международной территорией. При обычных обстоятельствах над подобной идеей оставалось бы только посмеяться. Но Купол являет собой уникальную всепланетную про-

блему. Люди в ужасе перед тем, что может произойти, если заложенные в Куполе технические решения станут общедоступными. Отдельные региональные экономики уже сейчас пришли в полнейший упадок. Например, индустрия автомобильных запчастей в Марокко развалилась. Цены на нефть упали ниже пола, а текстильная и швейная промышленность во всех крупных западных странах просто-напросто гибнет. Гибнет, губернатор. — Он устало откинулся на спинку кресла. — Не мне вам рассказывать, что творится на фондовой бирже. Золото поднимается, несколько крупных западных банков лопнуло, капиталовложения повсюду парализованы. Северная Корея грозит забросать Южную атомными бомбами, если ее не допустят к Куполу. Мы подвергаемся жесточайшему давлению, сэр. В конце концов все полетит под откос.

По стеклам барабанил ледяной дождь. У крыльца остановился школьный автобус, и дети поспешили скрыться от дождя в здании. Должно быть, экскурсия — детишки хотят узнать о прошлом родной страны.

— Мы прекрасно осведомлены об этих проблемах. Мне кажется, они порождены массовой истерией, а не каким-либо явным воздействием гребня Джонсона. Однако мы готовы прийти на помощь, — сказал губернатор. Флери произвел на него впечатление вполне приличного человека и пришелся губернатору по душе. — Мы считаем, что сейчас нужна исследовательская комиссия, которая будет вносить предложения по внедрению технологий Купола, а

также по изучению полученной информации. Мы охотно примем участие в обсуждении деталей создания подобной комиссии.

Ответ губернатора Флери понравился.

— Нам первым же делом пришла на ум аналогичная мысль, губернатор. Но, правду говоря, мы сомневаемся, что это поможет.

— Позвольте поинтересоваться почему?

Члены совета предполагали, что правительство попытается оказать давление, но предложение Флери казалось им на редкость разумным.

— Люди больше не верят правительствам, не верят в их честность и компетентность. Я бы не хотел вдаваться с вами в выяснения, справедливо ли это суждение. — В уголках губ Флери заиграла улыбка. — Правда заключается в том, что до тех пор, пока Купол существует, люди будут бояться. Они не поверят, что правительственная комиссия — достаточно надежный страж их интересов. Откровенно говоря, мы тоже. На какое-то время это поможет, но ненадолго. Во всяком случае, если люди не верят, что дело пойдѣт, дело не пойдѣт.

В комнате будто повеяло ледяным дыханием зимы.

— Что именно вы хотите этим сказать?

— Я предпочел бы, чтобы сказанное осталось между нами.

— Продолжайте.

Флери встал и закрыл дверь кабинета.

— Находка должна исчезнуть. Она должна быть уничтожена. Мы хотели бы предварительно выкупить ее у вас. Мы предложим весьма круглую сумму, боль-

ше, чем вы получили бы от группы Уэллса. А затем произойдет несчастный случай.

Губернатор кивнул:

— И ничего не останется...

— Ничегошеньки.

— И как вы предлагаете организовать такое?

Ответа на этот вопрос Флери не знал.

— Это не моя епархия. Вероятно, взорвут его к чертям и заявят, что причиной тому присущая объекту нестабильность или, скажем, инопланетная система самоуничтожения. Они изобретательны на сей счет, — с несчастным видом поведал он. — Но вы получите справедливую компенсацию. Более чем справедливую.

Долгую минуту губернатор хранил полнейшую неподвижность. Потом наконец проронил гробовым голосом:

— Некоторые из моих людей готовятся перебираться туда.

— Простите?

— У нас появился второй шанс, мистер Флери. Шанс вспомнить, кем мы были раньше. И правительственные платежи тут совершенно ни при чем. Или резервации. Или планета, перенаселенная настолько, что не продохнуть. Нет, мы оставим Эдем себе. И сохраним контроль над пунктом перехода.

— Вы не можете так поступить!

— Мистер Флери, мы не можем поступить иначе.

Самым прибыльным и лакомым кусочком телевизионной империи Старины Билла было утреннее ток-шоу, официально именуемое «Проект сорок», но

за кадром прозванное «Завтрак с Иисусом». В то самое время, когда губернатор Ходок беседовал с представителем президента, Билл сидел в декорациях «Проекта сорок», записывая очередную передачу. Его окружали Добровольцы, как официально нарекали всех, кто присоединялся к нему в трудах ради Господа.

Несмотря на разговорную форму передачи, в самом разговоре не было ничего достойного внимания. Беседа шла ни шатко ни валко: заламывание рук по поводу исторжения Бога из школ сменялось гневным перстом, указующим на приводящее в смятение сходство между показом насилия по телевизору и древнеримскими гладиаторскими боями. Специальным гостем передачи сегодня была писательница, дотошно изложившая в своей первой книге, как ей удалось избавиться от пагубного пристрастия к алкоголю и необузданному блуду. Посреди передачи она описала случай, когда ее двадцатилетний сын воспользовался невменяемым состоянием матери и подговорил ее подписать с ним на паях долговое обязательство по покупке машины в рассрочку. А пару недель спустя сын объявил, что не может выплатить свою часть пая.

Билла подобные рассказы всегда явно ошарашивали. Его зрители любили наблюдать за реакцией Билла на человеческие слабости и легковерие. Он славился тем, что молотил кулаком по столу, заикался и брызгал слюной, а порой просто зажмуривал глаза и сидел неподвижно, а по щекам его струились слезы. Когда же рассказ подходил к кульминационной точке, режиссер исправно давал самый крупный план его лица.

На сей раз Билл просто сидел, обратившись в живое воплощение страдания. Зрители видели, как порывисто вздымается и опадает его широкая грудь. Затем он помахал ладонью перед лицом, будто хотел развеять дым, застилающий взор.

— Порой я воистину недоумеваю, — возгласил он, — почему Господь продолжает вершить дело Свое по-старому. Я не хочу сказать, что я умнее Все-могущего, но, будь моя воля, я заправлял бы миром совсем не так. Я бы активно защищал невинных и излил бы огонь и серу пламенную на головы грешников. — Он испустил тяжкий вздох. — Но наш Бог — Господь милосердный. Многотерпеливый Господь.

Если кому-то из его многочисленных зрителей и пришло в голову, что это заявление пахнет ересью, то в письмах об этом никто не упомянул.

Майк Свенсон, владелец «Супермаркета Майка» в Форт-Мокси, был страстным поклонником передач Билла. Он слышал эту реплику, и она почему-то уязвила его. Майк долго ломал голову, в чем причина его беспокойства, но сообразил лишь под вечер, составляя очередной заказ товаров на неделю.

«Выбирай свои желания с оглядкой».

В Северной Дакоте губернатора Эда Полинга любили. Он каким-то чудом ухитрился найти способ финансировать школьное образование и одновременно серьезно снизить налоги. Он реорганизовал

администрацию штата, снизив затраты на ее содержание и притом заставив ее работать более эффективно. Он создавал новые рабочие места, он выбивал федеральные фонды для ремонта разрушающихся мостов и дорог. Эд помогал даже фермерам. При его правлении Северная Дакота твердо встала на путь в солнечное завтра.

Однако из своего кабинета в Бисмарке он уже увидел, как над гребнем Джонсона сгущаются грозовые тучи. Крах фондовых бирж за считанные дни разрушит экономику штата и зачеркнет все, чего Эд добился тяжкими трехлетними трудами. Все крупные банки Северной Дакоты зависли на краю пропасти. Несколько корпораций увязли в беде по уши. А многие из людей, перед которыми Эд чувствует себя в долгу, вложили свои деньги в эти корпорации. «Надо что-то делать».

Он понимал, что президент непременно должен позвонить. Звонок застал Эда во время совещания с экономическими советниками. Он вернулся в свой кабинет, закрыл двери и выключил магнитофон автоответчика, после чего сказал:

— Здравствуйте, господин президент. — Потом, даже не пытаясь скрыть иронию, добавил: — Как наши дела?

— Здравствуйте, Эд. — Если ситуация и пошла вразнос, Мэтт Тейлор этого не выдаст ни жестом, ни звуком. Более того, когда имеешь дело с Тейлором, возникает впечатление, что ситуация никогда не пойдет вразнос. Пожалуй, в этом и заключается самая суть волшебства его личности. — У нас все отлично.

- Хорошо. — Эд решил не углубляться в эту тему.
- Эд, я бы не хотел, чтобы разговор записывался.
- Магнитофон выключен.
- Мы с вами еще не говорили о Куполе.
- Вчера я видел результаты опроса, согласно которым семьдесят процентов американцев не способны отыскать Северную Дакоту на карте, — рассмеялся Эд.
- Это ненадолго.
- Знаю.
- Эд, вы можете что-либо предпринять, чтобы избавиться от этого чудища?

Будь у Эда такая возможность, он бы давным-давно так и поступил.

— Я бы с радостью, но это территория сиу, что в наших краях почти равнозначно священной земле. Нам надо, чтобы вы ввели чрезвычайное положение. Сделайте это — и я в ту же минуту pošлю туда Национальную гвардию.

— А вот с этим у нас немного не выходит, Эд. Сиу не представляют никакой военной угрозы, они не совершили ни малейшего преступления. Я не могу так вот запросто послать к ним войска, иначе следующей осенью меня побьют камнями до смерти. — Президент сумел заставить себя издать рокошующий гортанный смешок. — Я заранее вижу карикатуры в передовицах, изображающие меня таким Кастером*.

---

* Кастер Джордж Армстронг (1839—1876) — генерал, погибший 25 июня 1876 года вместе с возглавляемой им Седьмой кавалерийской бригадой в битве с индейцами племен сиу и шайенов при Литл-Биг-Хорне (Малом Большом Роге). Индейцев возглавляли вожди Сидящий Бык и Безумный Конь.

Эд сочувственно вздохнул:

— А вы не пробовали откупиться? Всеу на свете есть цена.

— Мне тоже так казалось. Но теперь я начинаю задаваться вопросом, не решили ли наши индейские братья тягаться с Соединенными Штатами. — Тейлор помолчал. — Эд, нет ли у вас каких-нибудь предложений?

— Если возникнет угроза национальной безопасности, мы сможем реквизи́ровать эту землю. Разумеется, даже в таком случае я не буду знать, как с ней быть. Это дерьмовейшее из всех щекотливых положений на свете.

— Да не могу я вот так запросто подмять под себя закон. Пресса теперь уж никому и ни в чем спуска не дает.

— Может, нам повезет, — задумчиво проронил Эд. — Может, что-нибудь пойдет наперекосьяк, и вы сможете двинуть войска.

Касс Дикин вернулся из Эдема, пребывая в душевном благорасположении, граничащем с эйфорией. Будучи ботаником, он ухитрился набить карманы образчиками флоры внеземной эволюционной системы. Ему не полагалось брать с собой ни былинки, он даже подписал бумагу, вменявшую ему это в обязанность, но охранники не вездесущи, а упустить такую возможность было бы просто преступно.

Он только что сошел с решетки в компании Хуана Барсера, астронома из Калифорнийского политеха, и

Дженис Решевски, математика из Айви-Лиг. Возле пиктограмм с планшетом в руках стоял невозмутимый индеец, отметивший их фамилии в списке. С той стороны ворот дожидались отправки на Землю еще девять человек; группа Касса покинула Эдем первой.

Они втроем возбужденно, едва удерживая себя в руках, обсуждали небывалое переживание — еще бы, не всякому выпадает наяву прогуляться по поверхности другой планеты! — когда решетка засветилась.

Охранник посмотрел на пиктограммы — всему свету уже было известно, что именно они управляют транспортной системой. Касс взгляделся в разгорающееся свечение, ожидая увидеть следующую группу экскурсантов, и краем уха расслышал, как охранник пробормотал себе под нос:

— Не та картинка.

Касс не догадывался, что это может значить, но даже невооруженным глазом было видно: что-то стряслось. Охранник положил ладонь на рукоятку пистолета, но не выхватил его.

Золотое сияние, разгоравшееся уже несколько секунд, достигло высшего накала и начало понемногу угасать.

На решетке так никто и не появился.

Зато Касс вдруг ощутил, как что-то шевельнулось на самом дне его сознания, и перед глазами у него все поплыло. Изогнутые стены Купола показались ему знакомыми, от его цельности к горлу подступил комок. Он парил в воздухе, поддерживаемый восходящими теплыми потоками. Они смешивались с его кровью, и он плыл вдоль длинного окна, роняя слезы

радости, нашел и заполнил собой открытый коридор и протек по нему, устремляясь к полоске дневного света, открывающего путь в пустоту, не знающую ни конца, ни края.

И вдруг Касс обнаружил, что глаза у него закрыты, земля отчаянно раскачивается, а его собственные ладони сжимают голову. Лицо оказалось холодным и мокрым.

— Подождите, — произнес чей-то голос, — не шевелитесь.

— Касс, все будет в порядке, — подхватил второй голос.

— Сюда! — крикнул третий.

Касс открыл глаза и увидел, что с ним говорил индейский охранник.

— Не волнуйтесь, помощь на подходе, — сказал тот.

— Спасибо. Я уже пришел в себя.

Но тьма уже нахлынула снова, обволакивая его, как туман. Касс слышал, как где-то разговаривают люди, но в его собственном сознании снова и снова звучал испуганный голос охранника: «Не та картинка».

24

Быть может, фантом Касса Дикина и не станет таким же знаменитым, как тень отца Гамлета, но он наверняка до чертиков напугал массу народу.

Майк Тауэр, «Чикаго трибьюн»

Касс Дикин понимал, что коллеги дожидаются его рассказа об Эдеме, но все еще не оправился от потрясения. Самолетом он вернулся в Чикаго, но не мог спать ни в полете, ни в собственной постели. Вечером он не выключил в доме свет, и всю ночь его мучили кошмары.

Утром он позвонил на работу и сказался больным, после чего, чувствуя потребность в человеческом общении, отправился позавтракать в кафе «Минни», а затем в Публичную библиотеку Лайл.

В начале двенадцатого он появился в «Баре и грилле Коллендер». Пристрастием к алкоголю он никогда не отличался, потому что слишком легко набирал лишний вес. Но тут выдался случай особый, и Касс решил дать себе послабление.

Взяв пиво, он вскоре затеял беседу с продавцом из магазина фирмы «Шевроле», расположенного

через дорогу от бара. Пожилой, представительный продавец даже за кружкой пива не мог избавиться от профессиональных привычек, но как раз именно это Касса очень устраивало — сегодня он был очень даже настроен послушать чужую болтовню.

Продавец (звали его Харви) начал рассуждать о воцарившемся в промышленности состоянии неопределенности и неуверенности и тут же принялся превозносить удовольствие от езды по американским захолустным дорогам.

— Знаете, что я вам скажу? — ухмыльнулся он. — Ежели б даже можно было сделать этот киношный трюк — войти в будку здесь, а выйти в Бисмарке — все равно «Шевроле-Блейзер» эта штука не заменит. И плевать мне, что бы там кто ни говорил.

Через некоторое время Касс обнаружил, что продавец пристально разглядывает его.

— Эй, приятель, тебе что, нехорошо? — Улыбку Харви сменило озабоченное выражение.

— Да нет, все нормально.

— Ты уверен? А то вид у тебя не очень.

Это стало последней каплей, и Касс выложил все без утайки, подробно описав свой полет по Куполу, странное ощущение, будто нечто поглотило его, и свою уверенность (возникшую по здравом размышлении о произошедшем), что его сознание было невесть кем захвачено.

— И это невесть кто или что, — с расширившимися от ужаса глазами прошептал он, — было невидимое.

Продавец кивнул и посмотрел на часы.

— Ну что ж, мне пора.

— Оно было там, — вел свое Касс. — Господи помилуй, да оно прошло сквозь ворота! Охранник знал это, но ничего не сказал. — Он взмахнул рукой, опрокинув стакан. — Слушайте, я понимаю, что это кажется бредом, но это правда. Они там выпустили на свободу нечто неведомое.

Десять минут спустя репортер попытался взять у него интервью, но Касс уже твердо решил, что не произнесет больше ни звука. Конечно, слишком запоздало.

**Суи-Фоллз, Южная Дакота,
27 марта (Рейтер)**

Сегодня полицейские захватили у мотеля поблизости отсюда обвиняемого в покушении на убийство Кармена (Пугача) Малаччи. Малаччи, числившийся в общенациональном розыске после покушения на федерального судью в Милуоки, был захвачен после того, как местные жители сообщили полиции о его местопребывании, узнав его по портрету, показанному в телевизионных новостях. Малаччи заявил, что направлялся на гребень Джонсона, Северная Дакота, где надеялся сбежать сквозь ворота в Эдем.

Полиция отмечает, что при задержании он не оказал сопротивления. Он был арестован на обратном пути в свой номер после завтрака в блинной...

Карт Холлис проходил мимо груженной лесом железнодорожной платформы, направляясь в депо, располагавшееся в паре миль дальше, когда ветер вдруг заговорил с ним.

Карт работал в паре с диспетчером Дж. Дж. Бендером, открывая товарные вагоны для таможенного досмотра. Они как раз покончили с поездом в сто восемьдесят шесть вагонов длиной и уже направлялись обратно. Бендер и таможенная инспекторша шли ярдах в сорока впереди, сунув руки в карманы и прижав планшеты с ведомостями локтями к бокам.

Бендер с инспекторшей шли бок о бок, пригнув головы навстречу ветру, дувшему с северо-запада. Все трое шли с восточной стороны поезда, укрываясь от ветра за вагонами. Карт не придавал непогоде такого значения, как его спутники. Те двое изрядную часть своей жизни проводят в помещении, а Карт поработал на своем веку и путейцем, и строителем, и грузчиком, и дорожником. Безжалостное солнце и хлесткие ветра успели выдубить его лицо, когда Карту едва-едва перевалило за тридцать.

Теперь он доживал седьмой десяток, и тело его начало понемногу выходить из строя. Плечи, колени и бедра болели не переставая. Кроме диабета, его порой мучили боли в груди. Но обращаться к докторам он боялся.

Тяжко ступая, он ровным шагом шел по глубокому снегу. В депо его ждет куда больше работы, так что Карта вполне устраивало тащиться в хвосте, в то

время как другие спешили укрыться под крышей. Карту всегда нравились долгие прогулки назад после досмотра поездов. Дело было под вечер, солнце уже клонилось к закату. На параллельном пути дожидались отправки на экспорт два дизеля. В промежутке между вагонами Карт заметил пикап, направляющийся по шоссе №75 на север, в сторону границы.

Дети его давным-давно перебрались в Калифорнию и Аризону, а Дженис, делившая с ним супружеское ложе тридцать семь лет, весной умерла, и теперь Карт остался совсем один.

Ветер реял в сумерках, шевеля ярлыки, прицепленные к бревнам, и присыпая вагоны снежком. А потом выдохнул имя.

Карт!

Карт остановился и посмотрел на хмурое небо.

Его спутники как ни в чем не бывало вышагивали впереди. На верху цистерны сидела сойка, разглядывая его одним глазом.

Карт!

На сей раз уже более внятно. Лица его коснулось холодное дыхание.

По шоссе №75 на юг пронесся тяжелый грузовик, водитель переключил передачу, и двигатель натужно взревел. Вокруг не было ни души, кроме таможенного инспектора и диспетчера. Угасающий свет дня озарял приземистые, тяжеловесные, ржавеющие вагоны.

— Эй, кто тут? — спросил Карт.

При звуке его голоса сойка испуганно сорвалась с места и понеслась по небу куда-то на юго-восток.

Карт провожал ее взглядом, пока она не скрылась из виду.

И снова до него донесся то ли шепот, то ли отдаленный вздох.

Карт!

Озадаченный, почти напуганный, Карт остановился. Шедшая впереди таможенная инспекторша тоже остановилась и оглянулась на Карта.

По ту сторону поезда никто не прятался. Никого не оказалось и в пустом вагоне рядом с Картом. Ни единого человека, кроме тех двоих, что мерным шагом отдалялись от него.

Сердце Карта отчаянно заколотилось.

Вдруг взор его как-то сместился, помутился и вновь прояснился. И тогда Карт взглянул на вагон сверху.

И на себя тоже.

Если он и был напуган, то теперь страх отступил, развеялся, а взамен на душу снизошли небесный покой и безразличие. Карт равнодушно взирал на собственное тело, распростертое на земле.

А еще он ощутил присутствие Дженис — молодой, смеющейся и бесстрашной, какой она была до того, как долгие зимы и безденежье подточили ее характер. С сияющим взором она склонялась над ним.

Но вдруг свет потускнел, Карт увидел наклонившегося к нему Бендера и ощутил прежнюю горечь утраты.

— Карт, что стряслось?

Этого Карт и сам не знал.

— Чего-то поплохело, — сказал он и, помолчав, добавил: — Я слышал свое имя.

— Что? Погодите, лежите спокойно. Я позвоню в депо, чтобы прислали машину.

— Тут кто-то есть, — пытаюсь оттолкнуть Бендера, произнес Карт.

— Он прав, — подтвердила таможенная инспекторша. В глазах у нее застыл ужас. — Я тоже слышала это.

Олень понемногу истекал кровью.

Джек Макгвиган медленно провел мотонарты сквозь густой кустарник и осмотрел след. На белом снегу горели алые капли.

Конечно, можно было убить животное много часов назад, но Джеку слишком нравилось тропить дичь, мало-помалу настигая ее, отыгрывая у нее дюйм за дюймом, хотя и давая зверю вполне приличный шанс выжить. Но теперь олень уже не мог бежать — отпечатки копыт утратили чистоту и отчетливость, передние их края смазались. Следы говорили о неуверенности животного, порой оно даже спотыкалось.

Теперь Джек частенько замечал его впереди. Олень слабел, силы его были на исходе. Остановив мотонарты, Джек стащил лыжную маску и вынул из сумки сандвич. Пускай себе бежит, теперь это уже не важно. Спешить незачем.

Покончив с сандвичем, он налил себе кофе из термоса.

Сегодня в лесу множество птиц. Джек любил лесных обитателей, любил запах чаши, небо, цепляющееся за вершины деревьев, посвист ветра среди

веток и звонкий шелчок хорошо смазанного затвора винтовки, досылающего патрон. Все это снова и снова напоминает, что ты здесь совсем один. Тут легко затеряться и позабыть о существовании бетона городов и гомона детей.

Только так и должен жить человек — в лесах Господних, как дома.

Порой под конец охоты Джек начинал чувствовать себя чуть ли не преступником. Следы одним лишь своим видом внушали ему жалость. И снова он, как много раз прежде, начал раздумывать о почти мистической взаимосвязи между охотником и жертвой — ни злобы, ни ненависти. Олень уже примирился со своей участью и встретит последний выстрел, пытаясь подняться с колен, но понимая, кто стоит перед ним, и чувствуя соединившие их незримые узы, ведущие свою историю с ледникового периода.

Джек вовсе не пытался сделать вид, что понимает эту взаимосвязь; он просто признавал ее, как и олень. Пил он кофе без спешки. Покончив с этим, он сложил целлофановый пакет от сэндвича и аккуратно сунул его в сумку. (Время от времени ему встречались люди, бросающие мусор в лесу, и никто не приводил его в такое бешенство, как эти свиньи. В прошлом году примерно в эту же пору Джеку повстречался такой стервец, оставивший за собой след в виде пустых банок от пива, и когда Джек уходил от его костра, тот плевался кровавой слюной.)

Пора кончать.

Час пробил, и Джек прикончит зверя, как всегда, единственным выстрелом.

— Я иду, — произнес он фразу, уже ставшую для него вступительной частью последнего ритуала. Забравшись на мотонарты, он повернул ключ зажигания и ягодицами ощутил проснувшуюся мощь двигателя. Напуганные птицы сорвались с мест.

Джек снова вывел машину на след. Вот здесь зверь постоял и пролез в кусты. Тут он сполз по крутому склону. Джеку пришлось сделать крюк чуть ли не в целую милю, чтобы съехать на дно оврага, но минут десять спустя он снова катил по следу, ведущему поперек замерзшего ручья.

Самец был матерый, с восемью ветками на рогах, и когда Джек наконец настиг его, олень попытался спрятаться в густых, покрытых снегом зарослях — но, конечно же, скрыть свои следы он не мог. Джек передернул затвор, дослав патрон в патронник. Глаза их встретились — наступил последний момент взаимного узнавания, — и олень сделал вялую попытку отпрянуть.

Джек вскинул винтовку, нацелил ее в самое сердце зверя и нажал на спуск. По лесу прокатилось эхо выстрела. Во взгляде оленя промелькнуло изумление. Птицы тучами взмыли в небо, потревоженные деревья качали ветвями, сбрасывая снег.

Из груди оленя заструилась кровь, передние ноги его подломились, он рухнул мордой в снег, дернулся раз-другой и обмяк.

Джек немного постоял, любуясь первобытной красотой этой сцены и дожидаясь, когда кончится агония. Как только животное вытянулось неподвижно, он повернулся к мотонартам и взял кусок поли-

этилена, приготовленный, чтобы завернуть тушу. И в этот момент солнце перекрыла какая-то тень.

Джек поднял голову, предполагая увидеть облако, но краешек неба, видневшийся среди ветвей, был холодным и белым. Джек вытащил полиэтилен, расстелил его рядом с тушей и разгладил, слушая, как скрипит под ногами снег. Олень запутался в кустах, и Джеку пришлось сломать несколько веток, чтобы вытащить передние лапы животного.

Температура резко упала.

Джек в тревоге оглянулся на след нарт, уходящий за поворот ярдах в тридцати от него, а потом вновь появляющийся у вершины невысокого холма примерно на таком же расстоянии от поворота.

Вдруг порыв ветра пронесся по кронам деревьев. Где-то глубоко в душе, в чаще, посреди которой жил настоящий Джек Макгвиган, что-то шелохнулось — некое существо, вовсе не являющееся частью самого Джека.

И волной нахлынул гнев.

Безумие.

Птицы и мелкая дичь окружали его со всех сторон. Его коснулось дыхание теплого потока воздуха. Дальний шум моторов на шоссе сливался с вековечным молчанием природы. Его охватило ощущение непричастности к происходящему, отстраненности, что ли. А еще в его душе внезапно вспыхнула ярость при виде оленя, мотонарта и стоящего человека — которым мог быть только он сам.

Потом он ощутил под своими ладонями теплые и живые верхушки деревьев. Они раскачивались, роняя на землю снег и обломанные ветки.

Нечто пробиралось между ветвями. Солнечный свет изменился, сдвинулся, заискрился. Кто-то гнезвился в нем самом. Вскинув оружие, Джек оглянулся. Воздух согрелся. Оленья кровь ярко алела на девственно белом снегу.

— Просто кошмар, — вздохнул Тейлор, приглушив звук и откинувшись на спинку кресла.

Тони Питерс растирал лоб над левой бровью, где у него всегда начинались мигрени.

На экране шли кадры, транслируемые из ООН, где на Совете Безопасности вот-вот должны были начать голосование по вопросу о передаче Купола под международный контроль.

— И тогда, — мрачно проронил президент, — нам придется наложить вето на эту чертову затею.

Питерс считал, что можно было бы оседлать гребень волны, и потому взялся ободрять президента, чтобы тот не принял никаких поспешных решений.

— Все знают, что вы не отдадите суверенную территорию ни с того ни с сего. Мы не могли бы этого сделать, даже если бы хотели. Это частные владения.

— Вот уж не знаю, — рассмеялся Тейлор. — Существует масса прецедентов по переуступке территории частных владений. Впрочем, это не играет никакой роли. Просто это было бы неправильно.

— А заодно стало бы политическим самоубийством.

— Так вы считаете, что все здесь происходящее должно просто-напросто послужить нам предостережением?

— Нет, конечно же, нет! Все просто напуганы, но все равно желающих воспользоваться случаем, чтобы посадить нас в лужу, пока хватает.

— Это им чертовски хорошо удается. — Президент подлил себе шерри и протянул бутылку Питерсу. Тот лишь молча покачал головой. — Тони, кто бы мог поверить, что в райских кушах есть нефть? — Тейлор перевел дыхание. — Прямо вздохнуть спокойно не дадут.

— Это как раз не играет роли, — возразил советник. — По какой цене можно выбросить на рынок нефть, которую придется доставлять через эту штуковину по бочке за раз?

Весьма дельное замечание, и президент немного развеселился, радуясь хоть такой малости добрых новостей.

— Это будет играть роль. Со временем. Если этого добра там много, то мы уж как-нибудь отыщем способ доставлять его сюда, это ясно всякому. Но суть проблемы не в этом, не так ли?

— Да.

Тейлор понимал, что на кон поставлены не только экономика и результаты выборов. Невероятно, но вдруг появилась лестница, ведущая в небеса. Он едва осмеливался гадать, к чему это приведет, но закрывать ее не хотел. Человек, совершивший подобное, через век-другой будет смотреться весьма неприглядно. А Мэтт Тейлор, как и всякий президент, хотел оставить в истории добрый след. Сперва он думал, что вполне удовольствуется Белым домом. Но едва

переступив порог Овального кабинета, он начал завидовать Вашингтону, Линкольну, Рузвельту и Трумэну. Он считал, что его никогда не поставят на одну доску с ними, потому что достичь истинного величия можно только в годину бедствия. У всякой администрации возникают свои проблемы, но пока на поверхность не всплыл Купол, все шло довольно обыденно: не надо учреждать правительство, не надо спасать Союз штатов, не надо противостоять Гитлеру.

И вот час беды пробил. Выпала пиковая дама, и теперь только он может выбрать козырь, которым ее побить.

Так чем же бить, черт ее дерит?!

— Тони, — промолвил он, — по-моему, с нас хватит. Сиу не горят желанием помочь нам, так что придется найти другой способ прикрыть их контору, и наплевать, что для этого потребуется. Я не собираюсь пассивно смотреть, как страна разваливается у меня на глазах.

**Валгалла, Северная Дакота,
27 марта (АП)**

Сегодня утром житель Северной Дакоты погиб, выбежав из леса на находящееся к югу отсюда шоссе №32, прямо под колеса мебельного фургона. Очевидно, погибший Джон Л. Макгвиган охотился вне сезона. Брошенные им мотонарты были найдены примерно в миле от места происшествия. Согласно рапорту поли-

ции, они находятся в рабочем состоянии. Объяснений, почему он бросил нарты и бежал, у полиции нет. Следствие продолжается.

Вдова Магвигана Джейн и двое осиротевших детей скорбят об утрате.

— Доктор Дикин, вы абсолютно уверены в том, что видели?

— Да. — Касс посмотрел прямо в объектив телекамеры. — Абсолютно.

— А почему люди с гребня Джонсона ничего об этом не сказали? Они что, держат это в секрете?

— Вряд ли, — поразмыслив, отозвался Дикин. — То есть я хочу сказать, что это существо, или кто оно там, было невидимым. Они могли и не знать о его существовании.

— Значит, вы утверждаете, что сквозь Врата вошло нечто невидимое.

— Полагаю, да.

— И теперь оно свободно разгуливает по Северной Дакоте.

— Да. Я склонен думать, что так.

— Итак, — интервьюер повернулся к камере, — возможно, на Землю прибыл невидимый пришелец. Мы вернемся к вам через минуту, чтобы попытаться выяснить, существует ли взаимосвязь между переживаниями доктора Дикина, сегодняшними сообщениями о бестелесном голосе на дальней железнодорожной станции и загадочной гибелью охотника близ гребня Джонсона.

25

---

*Я путешествую с ветрами,
Мой шепот в шелесте листвы.*

Из поэзии оджибуа

Отрывок из «Часа новостей с Джимом Лерером» от 28 марта. Беседа Джима Лерера с доктором Эдуардом Баннерманом из Института фундаментальных исследований, физиком, дважды нобелевским лауреатом, по вопросу о «дакотских вратах».

Баннерман: В действительности они могут являться тем, что физики называют мостом — так сказать, связкой между отдельными вселенными. Например, туманность Конская Голова в небесах Эдема вовсе не обязана быть нашей Конской Головой. Толком мы не знаем. И, честно говоря, может сложиться так, что правду мы не узнаем никогда. Между прочим, если это действительно так, то людей, рассчитывающих путешествовать тем же способом из Сан-Франциско в Нью-Йорк, ждет большое разочарование.

Лерер: Они не попадут в Нью-Йорк?

Баннерман: Ну, подозреваю, что попадут.

Вот только это будет не наш Нью-Йорк.

Джери Тулли исполнилось уже восемь лет, но ее интеллектуальное развитие задержалось где-то на уровне трех лет. Специалисты предупреждали, что на заметный прогресс надеяться не стоит. Никто не знал, почему с Джери стряслась подобная беда. Не было ни внешних причин, ни дурной наследственности. А двое ее младших братьев развивались вполне нормально.

Ее мать раньше работала секретарем суда, но оставила всякую надежду на карьеру, пересбравшись с мужем-пограничником в Форт-Мокси.

Школу Джери посещала в Валгалле, где был единственный на всю округу спецкласс. Она полюбила школу, где ее заботливо опекали, и завела там множество друзей. По утрам в семействе Тулли всегда царило приподнятое настроение, подогреваемое энтузиазмом Джери, ожидающей отъезда.

Ехать до Валгаллы нужно было тридцать пять миль. Обширность школьного округа не давала возможности обеспечить доставкой автобусом всех детей из спецкласса, а потому родители Джери договорились, что будут привозить ее сами, а округ покроет расходы.

Джун, мать Джери, со временем полюбила эти рейсы туда-сюда дважды в день. Девочке нравилось кататься, и она нигде не чувствовала себя счастливее,

чем в машине. Вторая половина поездки, когда Джун оставалась одна, предоставляла ей передышку, когда можно было просто смотреть на проносящиеся мимо поля или сунуть в магнитофон кассету с радиоспектаклем и слушать его.

Происшествие с Картом Холлисом случилось в четверг. На следующую ночь отец Джери должен был идти в полночный дозор. К его возвращению жена приготовила тосты по-французски, бекон и кофе. Пока они завтракали, произошла странная вещь. Единственный раз в жизни Джери забрела далеко от дома. Позднее решили, что она собралась в школу, но, не имея представления ни о расстоянии, ни о дне недели (была суббота), надумала отправиться туда пешком.

Не замеченная никем, кроме своего двухлетнего братишки, она надела калоши и пальто, покинула дом через двери веранды, вышла на шоссе №11 и повернула направо. Дом Тулли стоит на самой западной окраине городка, так что всего минут через пять она прошла уже мимо развалин «Мороженных деликатесов» и двухъярусной развязки на перекрестке шоссе. Столбик термометра все еще держался около минус пятнадцати.

В трех четвертях мили от Форт-Мокси шоссе №11 довольно резко виляет к югу и почти сразу же снова поворачивает обратно на запад. Будь дорога чиста, Джери почти наверняка шла бы вдоль обочины, и через несколько минут ее нашли бы и подобрали. Но беда в том, что легкий снежок только что припорошил шоссе,

а Джери не умела обращать внимания на мелочи и потому на первом же повороте пошла прямо в поле. Минуты через три снег стал глубже, она свернула направо, еще более отдалившись от дороги.

К тому времени в доме обнаружили, что она пропала. Поднялась суматоха, напуганные родители затеяли поиски, ограничиваясь пока ближайшими кварталами.

Утром Джим Стейвсант, главный редактор и издатель еженедельника «Новости Форт-Мокси», направлялся к Куполу, на пресс-конференцию, на которой должен был быть опровергнут факт проникновения сквозь Портал некоего бестелесного духа. Пропустить подобное событие Джим никак не мог. Он только-только выехал из города в западном направлении, когда его внимание привлекло какое-то движение на земле Джоша Маккензи справа от дороги. Столб взвихренного смерчем снега двигался на диво равномерно. Да и выглядел он идеально правильным, как в учебнике: узкий у основания, широкий сверху. Обычно подобные явления выглядят как бы чуточку размытыми, неправильными, да и траектория их движения на равнине совершенно хаотична. Но этот смерч на вид казался чуть ли не осязаемым, и двигался он взад и вперед вдоль одной линии.

Стейвсант остановился, чтобы посмотреть.

В происходящем было что-то гипнотическое. Крепкий ветер раскачивал машину и вроде бы должен был развеять смерч, однако никак не сказывался на нем.

Стейвсант никогда не садился в машину без видеокамеры, благодаря чему время от времени ему доводилось отснять материалы, которые охотно покупала либо программа «Лесли в десять», либо какая-нибудь другая местная передача новостей. (К примеру, в День благодарения он снял отличный материал о заторе на шоссе №1-29, а прошлым летом — пикет разгневанных владельцев ранчо, не пропускавших через границу грузовики с импортной говядиной.) Смерч продолжал «расхаживать» взад-вперед медленно и равномерно. Джим включил камеру, сделал несколько шагов по снежной целине и включил запись.

Пользуясь трансфокатором, он пару минут снимал эволюции смерча, когда тот вдруг остановился.

И двинулся к человеку.

Джим продолжал снимать.

Смерч приближался с одной и той же скоростью, не замедляясь и не ускоряясь. И вообще он вел себя как-то странно — словно осознавая, что творит.

Дующий в лицо ветер цеплялся за одежду и чуть ли не валил Джима с ног, но никак не сказывался на смерче. Инстинкты Стейвсанта начали трубить об опасности, и он попятился к машине.

Смерч остано́вился.

Странно. Словно вихрь отвечал человеку.

Джим стоял, не зная, что предпринять: Смерч сдвинулся в сторону, немного отступил и снова переместился вперед, в исходную позицию.

Все это Джим увидел сквозь видоискатель камеры. За нижним обрезом рамки кадра горел красный индикаторный светодиод.

Ты ждешь меня?

Смерч снова подступил. Ветер начал трепать воротник куртки и волосы Джима.

Джим сделал шаг вперед. Смерч отступил.

Стейвсант, как и всякий житель Форт-Мокси, после открытия Купола успел по самую макушку наслушаться всяческих фантастических баек и теорий, так что теперь, без всякой подачи со стороны, мгновенно выдвинул гипотезу о существовании в прерии некой совершенно неизведанной формы жизни, решившей объявиться ему. Эта идея вызвала у него смех, но заодно заставила задуматься, во что же он верит по-настоящему.

Джим двинулся вперед.

Смерч снова отступил.

Джим продолжал шагать, утопая в глубоком снегу, который набился в ботинки и леденил лодыжки. Смерч отступал, сверкая на солнце и удерживаясь на неизменном расстоянии от Джима. Стоило тому замедлить шаг, как смерч тоже притормаживал. Оставалось лишь надеяться, что все это будет понятно и на экране.

Еще одна машина съехала на обочину, и Джим начал прикидывать, как все это объяснить. Перед его мысленным взором предстал заголовок из следующего номера «Новостей»: «Сумасшедший редактор взят под опеку».

Ладно, тащиться дальше бессмысленно. Полям не видно ни конца, ни краю, они тянутся до самого Виннипега. Решив кончать с этим преследованием, Джим вслух сказал:

— Извини, дальше я не пойду.

Смерч отошел еще ярдов на шестьдесят, после чего рассеялся.

А в снегу на том месте открылось нечто темное.

Джери Тулли.

В тот день Стейвсант обрел веру. Статья, которая действительно появится в «Новостях Форт-Мокси», будет излагать лишь весьма усеченную версию истины.

К несчастью, готовой церкви в Форт-Мокси под рукой не оказалось. Но Господь всегда печется о своих чадах, и на сей раз позаботился о Коре Йенсене. Кор собирался на время переехать в Аризону, чтобы пожить с сыном и невесткой. Но не хотел избавляться от своего чересчур просторного дома, пока не станет ясно, как сложатся отношения с семьей сына. Так что возможность сдать дом в краткосрочную аренду заезжему телевизионному проповеднику подвернулась как нельзя кстати. Ему даже в голову не пришло, что в результате от него навсегда отвернутся соседи — по большей части лютеране и методисты, предпочитающие более сдержанные формы богослужения, нежели осанны и риторические громы и молнии, извергаемые Стариной Биллом.

Дом Кора нуждался в кое-какой реконструкции, чтобы послужить новой цели. Добровольцы сломали три стены и получили достойный зал для собраний. (С Кором они заключили договор, согласно которому обязывались впоследствии вернуть дому прежний

вид.) Они установили декоративный задник из мореных деревянных панелей и стеллажей, забитых книгами, чтобы сохранить атмосферу студии Билла. Затем установили орган, звукомонтажный пульт и оборудование связи по последнему слову техники. Через два дня после их прибытия, как раз ко времени традиционной субботней вечерни, Церковь-в-глубинке была готова к службе.

Ровно в 19.00 по местному времени дом содрогнулся от буйной вступительной музыкальной темы Билла — «Это вера, как встарь», и примерно через тридцать тактов перед камерами появился сам Билл, поприветствовав свою обширную телевизионную аудиторию из Форт-Мокси. Он провозгласил, что Добровольцы прибыли на битву с сатаной, и по его команде набившиеся в дом восемнадцать человек (благодаря чудесам электронной техники звучавшие, будто несколько сотен) завели громогласное исполнение псалма «Бог наш могучий оплот». Хор, находившийся в спальне второго этажа, драпировками и перилами замаскированной под хоры, подхватил псалом, и все вместе очень быстро достигли нужного настроения.

— Братья и сестры, — Билл воздел руки к небесам, — наверное, вы недоумеваете: почему это Добровольцы отправились на самую границу Дакоты? А потому, что многие из нас почувствовали, что мы нужны Господу здесь. Сегодня вечером мы пребываем в тени, отброшенной гребнем Джонсона. — Он посмотрел сквозь линзы объективов прямо в гостиные по всей стране, где собрались у телевизоров верующие. Сидящие дома зрители всегда твердили, что у них склады-

вается впечатление, будто он говорит непосредственно с ними. — Всего в нескольких милях отсюда ученые открыли свои врата в иной... — Он выдержал актерскую паузу. — ...свет.

Иной свет.

И что же за свет они нашли? Они говорят о деревьях и водоемах, о белых цветах и безобидных тварях, о прекрасных небесах и теплом солнце. Они изъясняются словами, которые весьма знакомы всякому, кто хоть раз заглядывал в Книгу Бытия. — Он улыбнулся. — Конечно, ученые этого не понимают. Они не узнают тот мир, потому что сами слишком сильно принадлежат миру сему.

Но мы-то знаем, где они, братья и сестры мои!
— Аминь! — хором возгласила аудитория.

После службы репортеру из «Виннипег Фри пресс» Альме Киниата удалось загнать его в угол.

— Преподобный Эддисон, — спросила она, — вы действительно верите, что мы открыли Рай?

Они находились в его кабинете на втором этаже новоявленной церкви. Обстановка выглядела по меньшей мере спартанской, а по сравнению с могуществом и влиятельностью владельца кабинета — и вовсе убогой. Он поставил сюда только стол и два стула. На столе мраморные подставки поддерживали Библию, «Божественную волю» Меткалфа и «Оксфордский теологический вестник». На стене висел портрет матери Эддисона.

— Да, — сказал он, — я искренне в это верю. Наверняка нам этого нипочем не узнать, хотя мне кажется, что если бы я там побывал, то смог бы дать однозначное заключение.

Ответ Альме понравился. Проповедник отзывчив, и статья получится солидная.

— Так вы собираетесь отправиться туда, в Эдем?

— Нет. Ноги моей там не будет. Смертному возбраняется ступать в сад Эдемский.

— Но вы же сказали, что узнаете Рай с первого же взгляда?

— О да! Всякий его узнает.

— Но люди, побывавшие там, вовсе не сделали подобных выводов.

— Я подразумевал. — «всякий христианин». Извините, я привык думать обо всем в категориях верующих.

— И как же вы его узнаете?

Веки Эддисона затрепетали.

— Райские куши наделены божественной сущностью. Адама и Еву очень рано отослали укладывать вещи. Дальновидный шаг, если мне будет позволено это заметить. — Он осклабился, будто крупный дружелюбный пес. — Благодаря этому сад Эдемский остался чист. Некому было загадить. О да, это место священо, и я полагаю, что всякий, кому не безразлично благополучие собственной души, признает этот факт тотчас же. Вспомнит об ангеле.

— Об ангеле?

— Да. «И поставил он ангела с пламенным мечом»*. Могу вам сказать, что лично я бы не хотел

---

*. Весьма искаженная цитата из третьей главы Книги Бытия: «И поставил на востоке у сада Эдемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

оказаться среди тех, кто вторгнется во владения Господа.

Альма осталась при убеждении, что сам Эддисон ни на грош не верит собственным словам, но все равно опубликовала статью, турнув сатану из порядочной части края.

Но насчет Билла она, между прочим, заблуждалась — в своих признаниях он ни капельки не кривил душой.

Андреа Ястребица помогла собрать дорожный набор и отошла.

Видеозапись пробного запуска пиктограммы колец показала стену, лишённую особых примет, с длинным окном. За окном было темно. На этом сведения о последнем из пунктов назначения, связанных с Куполом, полностью исчерпывались. Почему-то всем казалось, что там холодно, поэтому отправляющиеся оделись потеплее.

— Знаете, — заметил Арки, — а ведь рано или поздно мы где-нибудь да застрянем. Это всего лишь вопрос времени.

— Верно, — согласилась Андреа. — Надо разработать тест. Способ добиться уверенности, что мы сможем вернуться домой.

— Если тебе придет в голову что-либо дельное, непременно сообщи, — откликнулась Эйприл. Ей не терпелось заглянуть во все уголки Вселенной, куда можно добраться из Купола; но при том она знала, что после этого непременно отправится в Эдем и на-

chnet исследовать *тамошние* линии. Рано или поздно это кончится плохо.

Андреа заняла место рядом с пиктограммами, а Эйприл, Макс и Арки стали на решетку.

— Мы готовы, — сообщила Эйприл, и Андреа нажала на изображение колец.

— Процедура обычная. — Макс потряс лопатой. — Прежде всего проверим возможность возврата, а уж после все остальное. — Он повернулся к Андреа. — Мы пошлем обратно лопату. Если номер не пройдет, повесим записку.

Андреа кивнула.

Макс попытался расслабиться. Закрыв глаза от разгорающегося света, он набрал в грудь побольше воздуха. Наверное, это и спасло ему жизнь.

Еще во время первых своих перемещений Макс обнаружил, что с закрытыми глазами не испытываешь такого головокружения. Заметив, как за опущенными веками вспыхивает сияние, он вдруг перестал чувствовать собственное тело, словно прекратил существование. Потом сияние угасло, вес вернулся, а вместе с ним и телесная оболочка.

Но дышать было нечем.

Ужасающий холод охватил его, и Макс рухнул на решетку. В ушах трубно ревела кровь, сердце грохотало, как молот.

Вакуум! Они материализовались в вакууме!

Изо всех сил вцепившись в него, Эйприл оступилась и свалилась с решетки, потащив Макса за собой.

Они оказались в длинном цилиндрическом помещении, заполненном машинами. Темное окно из

видеозаписи действительно оказалось окном, и черноту ночи по ту сторону не нарушала ни единая звездочка.

Единственным источником света была громадная эллиптическая галактика, видневшаяся сквозь окна противоположной стены. Несмотря на всеохватный ужас, Макс не мог не подивиться величественности этого зрелища.

Залитый серебряным светом Арки заковывал к панели транспортного устройства, установленной на столбе, как в Эдеме. Со своего места Макс разглядел две колонки пиктограмм.

Арки оглядел пиктограммы и встретился взглядом с Максом. Макс разглядел в искаженных чертах его лица упрек — и еще что-то.

Давай!

Макс видел взгляд, полный страдания.

Вперед!

Арки глазами указал в сторону решетки. Макс поднял Эйприл, а Арки нажал на одну из пиктограмм. Она засветилась, но пальцы его примерзли к панели, и оторвать их Арки не мог.

Жуткий холод выжал из легких Макса остатки воздуха, взгляд его помрачился, мир застлал черный туман. Теперь Макс хотел только одного: чтобы все это поскорее осталось позади.

Но рука Эйприл крепко держала его, тащила обратно. Макс ступил на решетку, и Эйприл свалилась рядом с ним.

Арки рухнул на колени, провожая их взглядом.

Комната начала угасать, и Макс завопил бы от выжигающего глаза сияния, но в его пылающих легких не осталось ни атома воздуха.

Видеозапись, показанная в «Контрапункте» Энби-си, зафиксировала все до мелочей. Зрители всей страны видели, как жутковатая снежная колонна целенаправленно движется по экранам. Если хоть какая-нибудь программа новостей за всю историю телевидения и смогла напугать всю зрительскую аудиторию, то именно эта.

— А ребенка нашли в снегу, — мягко осведомился ведущий программы, — когда вы прогнали это существо прочь?

— На мой взгляд, все обстояло не совсем так, — возразил Стейвсант.

— И как же именно это обстояло, Джим?

— Оно вело себя так, будто пыталось показать мне, где ребенок.

Ведущий кивнул:

— Фил, нельзя ли прокрутить последние кадры еще разок?

На экранах появился кружащийся снег, систематически удаляющийся, застывающий, приближающийся, затем снова удаляющийся и так далее. К сожалению, зрителям не была видна связь между этими состояниями снега и продвижением человека с камерой, и все же они видели вполне достаточно.

— А верно ли то, — продолжал ведущий, — что прежде Джери не совершала ничего подобного?

— Так утверждают ее родители. Не вижу причины не доверять им.

— А как по-вашему, почему она сбежала из дому в этот раз?

— Не знаю. По-моему, просто так получилось, и все тут.

— Джим, а нет ли резона в слухах о том, что ее кто-то приворожил? Что это существо пыталось увести ее прочь из города?

— Я так не думаю, — отрезал Стейвсант.

Камера совершила наезд до крупного плана на ведущего, обратившего вопросительный взгляд на зрителей.

26

О сын мой, прощай!!!

Ты ушел за великую реку...

Из поэзии племени черностопов

Если в этот период в Форт-Мокси кто-то и стал настоящей жертвой несправедливости, то именно Джери Тулли. Но заодно Джери получила бесценный дар, и этот дар являлся оборотной стороной несправедливости.

По каким-то неведомым причинам, так и оставшимся непонятными для легиона осматривавших ее специалистов, Джери росла неправильно, и ее череп никогда не был достаточно просторен, чтобы вместить ее мозг. Следствием этого стало отставание не только в росте, но и в развитии. В ее представлении мироздание являло собой суший бедлам, капризный и непредсказуемый, где принцип причинности практически не соблюдался.

Удовольствия Джери практически полностью сводились к чему-то осязаемому: улыбке матери, кукле-астронавту, ставшей самой любимой игрушкой девочки, играм с младшими братишками и пище (по вечерам накануне выходных). Телевизором она почти

не интересовалась и не могла участвовать в играх, интересующих нормальных детей. Она приходила в восторг, когда гость обращал на нее внимание, и была без ума от «Звездных войн», но только увиденных на большом экране, в кинотеатре.

После того как Джим Стейвсант привел Джери домой в тот морозный апрельский день, Джун Тулли сразу ощутила в дочери какую-то перемену, но никак не могла уловить, в чем она состоит. Ощущение было настолько эфемерным, что она даже ни разу не упомянула об этом при муже.

Уже по самой природе своего несчастья Джери не осознавала, чего лишена, и потому ни чуточки не страдала. Эта простая точка зрения служила безмерным утешением ее родителям. Но когда она, замерзая, упала в снег поодаль от Одиннадцатого шоссе, с ней произошло нечто необъяснимое. Она была напугана, но не за свою жизнь, потому что не понимала, что такое опасность. Она была напугана, потому что не знала, где очутилась и где ее дом. Да еще никак не могла согреться.

Вдруг что-то вторглось в ее сознание. Рассудок ее раскрылся, как цветок под солнцем. Она вдруг поднялась в небеса и оседлала ветер, познав упонительную радость, не сравнимую ни с чем известным ей прежде. Она вышла далеко за тесные рамки своих возможностей и представлений.

За эту пару секунд Джери постигла сложную взаимосвязь между теплом и ветром, напряжение между чистыми небесами и набухшими влагой тучами. Она взмывала вверх и пикировала к земле, словно и сама стала ураганом — существом, сотканным из солнечного света, снега и крепких ветров.

До самого конца жизни ее убогий рассудок будет цепляться за воспоминания о небесах, когда тьма, хаос и бессилие на время покинули ее. Когда Джери на мгновение уподобилась Богу.

Адам и Макс вернулись в скафандрах, чтобы забрать тело Арки. Два дня спустя они пришли проститься с ним на тихую католическую панихиду, состоявшуюся в церквушке резервации. Священник, урожденный житель Дьявольского озера, произнес древние слова прощания на языке сиу.

Оплакать погибшего пришли и индейцы, и их друзья. Было много привлекательных девушек и девять игроков юношеской баскетбольной команды, в которой Арки был помощником тренера.

Макса уведомили, что от него ждут нескольких слов о происшедшем, как от одного из тех, ради кого Арки пожертвовал собой. Макс достал блокнот, чтобы набросать тезисы. Но когда настало время говорить, лежавший в кармане блокнот был позабыт. Макс не хотелось, чтобы люди думали, будто он без бумажки не может выразить свои чувства к человеку, спасшему его жизнь.

— Арки не знал толком ни Эйприл, ни меня, — стоя перед церковной кафедрой, начал он. — Всего несколько месяцев назад мы были совсем незнакомы. Сегодня мы с Эйприл находимся здесь не только благодаря его мужеству, но и потому, что он не потерял головы даже в предельно трудной обстановке. Наверное, он понимал, что не сможет спасти себя, и потому отдал свою жизнь ради спасения наших.

Макс порывисто передохнул. Слушатели подались вперед, чтобы не пропустить ни слова.

— Впервые переступив порог его кабинета, я обратил внимание, что на стене позади него, на самом видном месте, висит лук. Не скрывая гордости, он объяснил, что это отцовский лук. Лук — оружие воина. Мой отец тоже был воином. И он бы гордился таким сыном. — Голос Макса дрожал. Ему снова привиделась девочка за окном самолета.

Впервые пройдя сквозь Врата вслед за Эйприл, Макс думал, что это воспоминание покинуло его навсегда, но сейчас с холодной ясностью осознал, что оно останется с ним на всю жизнь.

В подобных случаях у племен обеих Дакот и Северо-Запада принято преуменьшать свою скорбь. Вместо оплакивания они превозносят жизнь и деяния духа, облеченного плотью и временно проживавшего среди людей. Во время подобных празднеств проходит и ритуальная раздача подарков членами рода.

В конце церемонии подросток, назвавшийся братом Арки, вызвал вперед Макса, к великому его изумлению.

— Мы кое-что для вас приготовили, — сказал юноша, протягивая Максу длинную узкую коробку, обернутую домотканым полотном. Собрание заинтересованно зашевелилось.

Поблагодарив юношу, Макс открыл сверток. Внутри оказался лук.

— Я не могу его принять! — запротестовал Макс.

Джеймс Ходок встал и повернулся так, чтобы его слышали все.

— Говоря вашими же словами, лук — оружие воина.

Собравшиеся одобрительно загудели.

— Я не воин, — стоял на своем Макс, — я бизнесмен.

— У вас дух воина, мистер Коллингвуд, — улыбнулся губернатор племени. — Арки отдал жизнь за вас, и род решил, что луком должны теперь владеть вы. — Заметив, что Макс все еще колеблется, прибавил: — Арки и сам пожелал бы, чтобы лук перешел в ваши руки.

Один из студентов ввел посетителя в кабинет, просительно посмотрел на Эйприл и удалился.

— Мистер Асквит? — Эйприл встала, протягивая руку.

— Рад познакомиться, доктор Кэннон. — Асквит вяло пожал ей пальцы. — Не знаю, слышали ли вы обо мне.

В его интонации сквозила как раз такая доля самоопровержения, что Эйприл сразу догадалась: сам Асквит считает себя отнюдь не второстепенной особой. Разумеется, это тот самый Уолтер Асквит, дважды лауреат Пулитцеровской премии, критик, эссеист, поэт и романист, автор ряда едких социальных памфлетов, самый свежий из которых, «Последние новости из Вавилона», по данным «Нью-Йорк таймс», уже полгода держится на вершине списка бестселлеров. Эйприл вспомнилось, как во время ее учебы в колледже к ним приехал с циклом лекций человек, чья долгая карьера

писателя и редактора уже клонилась к закату. Они разбирали асквитовский цикл очерков «Увязшие в варварстве» — серию сокрушительных выпадов против разнообразных литературных деятелей и произведений, в одном из которых сам лектор на мгновение всплывал на поверхность из небытия, чтобы тотчас же получить между глаз стрелу великого человека. Лектор горделиво показал студентам страницу и строку, где он упоминался, и Эйприл поняла, что эта пощечина стала вершиной его карьеры. Наверное, похожие чувства испытывал брадобрей Данте.

— Мне знакомы ваши работы, мистер Асквит, — отозвалась она. — Чем могу служить?

Про себя же Эйприл подумала, что из этого крупного, одутловатого, сутулого мужчины с седыми волосами, зачесанными на плешь, бросающего короткие, уверенные реплики, получился бы хороший судья.

— Я бы хотел провести некоторое время в Эдеме, — заявил он.

Записав на листке номер телефона гостевой службы, Эйприл через стол протянула его Асквиту:

— Вас с радостью внесут в список.

— Нет, по-моему, вы не поняли. Я уже побывал там. Я хочу вернуться. Честно говоря, я бы с удовольствием разбил там палатку и пожил какое-то время.

Эйприл демонстративно взглянула на часы. Чины и звания уже не производили на нее никакого действия. Возмутительные требования остаются возмутительными, чьи бы уста их ни изрекали.

— Извините, мистер Асквит, вряд ли мы можем позволить...

— Доктор Кэннон, я прекрасно представляю научное значение Купола. Но сомневаюсь, что вы осознаете психологические и философские последствия своего открытия. Человечество, черепашным шагом двигавшееся вперед, подошло к развилке. Мы ступили в обширный лес. Известный нам мир затаился в предчувствии чего-то нового, но не знает, чем это новое обернется. Потому-то на фондовых биржах и воцарился хаос, потому-то и расхаживают перед Белым домом демонстранты, потому-то Объединенные Нации и схлестнулись в самых пылких дебатах за последнее десятилетие. Когда вы пару недель назад перешагнули бездну, войдя в этот неведомый, новый свет, вы открыли новую эру.

Кто-то должен описать все это. Кто-то должен наделить повседневные события историческим и литературным значением. Мы привыкли считать, что если из всего двадцатого века будут помнить лишь одно конкретное событие, то этим событием будет посадка на Луну. Но... — Асквит посмотрел Эйприл прямо в глаза. — Посадка на Луну — сущий пустяк, доктор Кэннон. Поворотный момент — не столетия, а всей современной истории — настал сегодня. Я знаю, что вы начали приглашать специалистов — математиков, геологов, астрономов и бог знает кого еще. Все это на пользу, это необходимо делать. Но мы нуждаемся также и в человеке, единственной обязанностью которого было бы решать, а каково же значение происходящего здесь. Стоять поодаль, пока остальные измеряют, взвешивают и рассуждают, дабы приложить эти события к прогрессу человеческого духа. — Сложив ладони вместе, он опер подбо-

родок о пальцы. — Полагаю, я как нельзя лучше подхожу на эту роль. Фактически я уже проделал обширную подготовительную работу, имею кое-какие наметки и был бы весьма польщен, если бы меня удостоили честью принять участие в происходящем.

«А он, пожалуй, в чем-то прав», — подумала Эйприл.

— И что же именно вы задумали? Серию очерков?

— О нет, ничего подобного! Я бы предпочел нечто более фундаментальное. Труд всей жизни.

— Позвольте мне поразмыслить об этом. Я свяжусь с вами.

— Рабочее название «Древние берега». — Он протянул Эйприл визитную карточку. — Надо начинать без промедления.

С этим он удалился. Эйприл решила, что согласится на предложение. Подобная огласка ничуть не повредит. Но сначала надо обсудить это с Максом.

Эйприл взялась за оставленные для нее записки. К Пег Молл, их координатору, звонил человек, назвавшийся менеджером рэп-группы «Шелудивый пес». Музыканты хотели дать концерт на гребне Джонсона. Пег сообщала, что они сулили продать двести тысяч билетов.

Когда зазвонил телефон, Макс и Эйприл обсуждали план отправки ремонтной бригады в зал, где погиб Арки. (Это место уже успело стать несравненно более заманчивой целью для исследователей, чем Эдем.)

Эйприл сняла трубку, с минуту слушала молча, потом сказала «спасибо», положила трубку на рычаг и повернулась к Макс.

— Ряд инвесторов формирует корпорацию по управлению путешествиями на все планеты, связанные с Куполом. Нам предлагают три четверти миллиарда долларов за исключительные права.

— Цена растет, — заметил Макс.

— Они называют свою компанию «Небесные туры», — печально усмехнулась Эйприл.

Детройт, 1 апреля (Рейтер)

Газета «Детройт Фри пресс» сегодня сообщила, что «Детройтские львы» намерены отправиться в Фарго, Северная Дакота. Согласно анонимным источникам, клуб заключил сделку с Мануэлем Коразоном, главой конгломерата «Прерия Индастриз», и факт продажи будет обнародован завтра. Ожидая одобрения остальными членами лиги, команда в следующем году переедет по новому адресу и будет переименована в «Пришельцев Фарго».

«Прерия Индастриз» специализируется преимущественно на производстве сельскохозяйственного оборудования.

Спецвыпуск программы Ларри Кинга на Ти-эн-ти от 1 апреля. Гость: Дмитрий Полкаевич, получивший Пулитцеровскую премию за «Стальные мечты», аналитическую историю СССР. Тема: новая русская революция. (Обусловленная тогдашними страхами, что в России зреет правый переворот.)

Кинг: Значит, вы не считаете, что вероятно возрождение национализма?

Полкаевич: Ларри, мир меняется прямо на глазах. Правду говоря, в России есть элементы, способные породить свою собственную разновидность фашизма, будь у них такая возможность. Равно как имеются желающие возродить учение Ленина. Но ход истории уже обрек и тех, и других на уход в небытие.

Кинг: Хорошо, я рад это слышать. Позвольте еще спросить, прежде чем мы обратимся к телефонным звонкам: куда ведет нас ход истории?

Полкаевич: Предсказание будущего — занятие рискованное.

Кинг: Да. Но вы же только что заявили...

Полкаевич: Что некоторые тенденции развития общества самоочевидны. Ларри, вы, конечно, следите за развитием событий близ канадской границы?

Кинг: Вы о Куполе? *(Улыбается.)* Просто не знаю, куда от них деться. Откровенно говоря, на следующей неделе мы планируем провести передачу оттуда.

Полкаевич: Звездный мост — это Рубикон.

Кинг: Для русских политиков?

Полкаевич: О да. И для армянских тоже. И для китайских. Ларри, я мысленно уже не считаю себя просто москвичом или даже русским. Нет, мы с вами теперь граждане Земли. Эпоха государственных границ и правительств, своими мелочными дрязгами сеющих рознь между народами, уходит в прошлое.

Кинг: То есть правительства становятся излишними?

Полкаевич: Да, если речь идет об отдельных правительствах. Я считаю, что скоро мы станем свидетелями возникновения единого мирового сообщества. К сожалению, переходный период будет представлять немалую опасность. Люди склонны презирать свои правительства, но будут сражаться насмерть, чтобы сохранить их. И страхи их не лишены основания. Если мировое правительство окажется деспотичным, куда же от него бежать? Хотя теперь, пожалуй, у нас есть ответ на этот вопрос. *(Хмыкает.)*

Кинг: Дмитрий, ваша реплика, что вы больше не считаете себя русским, весьма интригует меня. Не могли бы вы чуточку развить эту тему?

Полкаевич: Ларри, теперь мы знаем, что не одиноки во Вселенной. Где-то в ее просторах есть и другие разумные существа, причем совсем близко от нас. Это знание заставит нас сплотиться.

ФБР

СЕКРЕТНО

КОМУ: Следственному управлению IV

ОТ: Агентурного центра, Мортон, Айдахо

КАСАТЕЛЬНО: ориентировки SIR/27

В данном регионе формируется группа ультрараправых с целью захвата входа во внеземное пространство на гребне Джонсона, Северная

Дакота. Они намереваются объявить новую планету суверенной территорией, после чего тут же потребовать предоставления ей прав штата.

В приложении А перечисляются активисты группы. Почти все имеющие отношение к руководству состоят на учете. В приложении Б содержатся заявления для прессы и публичные выступления лидера группы Джона Филдера и его основателя Абнера Райта. Обратите внимание на их озабоченность по поводу того, что Купол находится в руках иностранцев (по-видимому, они имеют в виду сиу), и их недвусмысленное намерение отобрать его силой. Будем информировать по мере развития ситуации.

КОМУ: Директору таможенной службы,
Чикаго, Иллинойс

ОТ: Директора регионального пропускного
пункта, Форт-Мокси, Северная Дакота

КАСАТЕЛЬНО: Статуса Купола

Как вам известно, люди покидают страну и входят в нее через так называемую транспро-
странственную дверь на гребне Джонсона. По-
жалуйста, сообщите, следует ли считать гребень
Джонсона пропускным пунктом в таможенном
отношении. Конечно, никто не доставляет гру-
зов, представляющих коммерческую ценность,
во всяком случае, насколько нам известно. Но

имеются также законы об охоте и рыбной ловле, а также прочие, имеющие в данном случае определенное значение.

Если будет принято решение учредить на месте таможенный пункт, прошу принять во внимание, что это потребует увеличения численности личного состава.

Рейтинг «Проекта сорок» взмыл до небес. Как следствие, критический настрой Старины Билла также воспарил к горным высям.

Среди врагов Билл числил почти всю прессу, либеральных политиков и церкви с левым уклоном, си-речь разнообразные силы, потворствующие моральному падению американского народа. Ему приписывали все мыслимые преступления, но особенно упирали на мошенничество и лицемерие. Его обвиняли в выклянчивании денежных пожертвований, называли религиозным прощелыгой и даже подозревали в неверии в Бога.

Строго говоря, все эти обвинения были далеки от истины. Если начать с конца, то Билл не раздумывал о теологии настолько всерьез, чтобы тревожиться о мелочах, но свято верил, что нелицемерными молитвами каждый может проторить тропку к Господу в палаты. «Не стесняйтесь пользоваться телефоном, — любил повторять он. — Только говорите, не кривя душой, и Бог никогда не бросит трубку».

Он свято верил в собственную непогрешимость, потому что наделял надеждой отчаявшихся, оставшихся

без руля и без ветрил, и одаривал отверженных чувством сопричастности. Всякому, кто приходил к нему, кто бродил по разнообразнейшим Синаям своей жизни, духом стремясь к Добровольцам, он приносил спасение, избавление от мук и наставление.

О да, Билл веровал! Господь стоял обок с ним, когда под пение хора и глас труб люди с рыданиями очищались от грехов и клялись исправиться.

И уж наверняка он творил все это отнюдь не ради денег.

Деньги — это хорошо, этого Билл никогда не отрицал. Но всегда считал их естественным побочным продуктом праведных деяний, следования путем Господним, жития по Писанию. Истинным источником его вдохновения служило ликование, вспыхивавшее в душе, когда Билл лицезрел аудитории в англоговорящих странах по всему миру и ощущал их отклик на правду Господню. Он любил покорять их властью Благой Вести, держать их чувства в своих руках и при помощи возвышенной риторики разбивать оковы, привязывающие их не к бытию земному, а к прозаическому быту.

Билл прозревал романтику, таящуюся в повествовании о Боге-изгнаннике, любившем свой народ и пошедшем на римский крест за всех, кто родился на свет. Да! Такое люди понимают и любят. А Билла они любят за то, что он сделался частью Благой Вести.

Его вторая передача из Форт-Мокси состоялась во время самого последнего бурана в сезоне. Биллу нечасто доводилось видеть снег в таких количествах, и это зрелище вдохновило его. Глядя на несущиеся за

окном снежные хлопья, он постиг любовь Бога к Адаму вопреки послушанию того. И почувствовал, что сердца людей бьются в унисон с его собственным.

— Но Адам вернулся в сад Эдемский.

— Амины! — вскричали Добровольцы.

— О Господи, мы нуждаемся в Твоей защите!

— Аллилуйя!

— Дай нам знамение! Покажи неверующим, что стоишь на нашей стороне!

Билл призвал слушателей написать своим представителям:

— Требуйте, чтобы мы покинули запретный край, ибо мы глухи к Его словам! — Слезы выступили у него на глазах. Ветер начал усиливаться. Билл ощутил Присутствие. — Покажи им силу Свою, Бог Авраама. Заклинаю именем Сына Твоего!

Уловив намек, хор запел гимн. Стены задрожали, люди возрыдали, ветер прильнул к зданию. Надежная Аманда Декстер, неизменно закатывающаяся в истерику в кульминационный момент всякого удачного богослужения, провизжала свою безграничную благодарность Создателю и рухнула, конвульсивно содрогаясь.

Они пропели несколько псалмов, пока ветер бился в стекла. Билл ощутил, как в его душе что-то раскрывается, и могущество Ангела Господня входит в него. И снова познал чистейшее ликование от обращения людей на путь Господа. Он влился в Ангела и стал един с ним, направляя ветры, наблюдая, как снег заваливает крышу и ставни, забивает водосточную трубу, укутывает здание, сглаживая острые углы и резкие очертания.

Внезапно он снова оказался в студии-церкви. Орган смолк, а рухнувшие в проходах изнеможенные Добровольцы помогали друг другу встать на ноги, оглашая воздух возгласами «Аллилуйя!», и без сил валились на стулья.

— Восхвалите Господа! — воскликнул побледневший, землисто-серый Марк Мейер, глядя в лицо Биллу. — Вы ощутили это?!

— Да, ощутил, — дрожащим голосом отозвался Билл. Сегодня он отчетливо, как никогда, осознал, что побывал в дланях Всеблагого. И добавил: — По-моему, нам было дано знамение. По-моему, нам на самом деле было дано знамение!

Тут он вспомнил о телекамерах. И пока он ломал голову, пошла ли в эфир его реплика, свет погас.

— Проверьте пробки! — крикнул кто-то.

Его люди не придали значения маленькому перебою с подачей электроэнергии и с ликованием продолжали распевать «Победа в Иисусе».

Билл надел радионаушники с микрофоном, чтобы переговорить с Гарри Степлсом, шефом команды техобслуживания.

— Пару секунд, и свет будет, — заверил его Гарри.

В зале царила непроглядная темень. Даже через окна не пробивался ни единый лучик света, из чего следовало, что уличные фонари тоже погасли.

— Всем оставаться на местах, пока электричество не будет включено вновь! — распорядился Билл.

В это время режиссер сообщил, что трансляция прервана, и добавил:

— Но вырубилась мы с лязгом.

То есть студия в Уитбурге успела вовремя подключиться и заполнить эфир религиозной музыкой.

Добровольцы только что допели «Иисусе». Они радовались, торжествуя над темнотой, как и над всем остальным.

В наушниках снова раздался голос Гарри:

— Преподобный, электричество отказало снаружи. Отопление тоже отключилось.

На лестнице заплясали лучи света электрических фонариков.

— Ладно, давайте закрываться и убираться отсюда, — вздохнул Билл. Они разместились в мотелях близ городка Моррис, провинция Манитоба, в получасе езды на север от границы. Билл повернулся к собранию. — Вы отлично справились. Поехали домой.

Добровольцы направились к дверям, натягивая пальто и сапоги. Билл ждал, беседуя с людьми. Послышался звук открываемой двери.

И тут же грубый мужской голос рывкнул, напрочь разбив настроение всего вечера:

— А это еще что за черт?!

Кто-то захныкал.

За дверью была сплошная снежная стена.

Фрэнк Молл сидел дома, слушая концерт Моцарта, когда свет погас и музыка оборвалась. Сквозь свое витражное окно Фрэнк увидел, что уличный фонарь, установленный прямо перед домом, тоже погас.

Пег вышла из своего кабинета с фонариком в руках и направилась к распределительному щитку.

— Да тут все накрылось, — сказал ей Фрэнк, беря телефонную книгу.

— К сожалению, все наши бригады технического обслуживания в данный момент заняты, — произнес автоответчик электрической компании. — Пожалуйста, не кладите трубку. Вам ответят.

Положив трубку, Фрэнк закинул ноги на подушечку.

— Должно быть, обрыв линии где-нибудь.

На улице стоял мороз, но дом был хорошо утеплен.

Они с Пег поболтали в темноте, наслаждаясь передышкой, неожиданно вклинившейся в рутину будней. Потом Ходж Элиот, живущий через дорогу от них, с керосиновой лампой в руках вышел на крыльцо и посмотрел куда-то вдоль улицы.

Зазвонил телефон.

— Фрэнк? — зазвучал в трубке голос Эди Торальдсон. — С домом Кора случилось что-то странное. Мы высылаем взвод.

Речь шла о команде быстрого реагирования, которую Фрэнк некогда возглавлял.

— А что? Что стряслось-то?

— Толком не знаю. Видимо, кто-то погребен. Насколько я знаю, из Кавалера выехала полиция. Я подумала, что было бы неплохо, если бы и ты кинул взгляд.

— Ладно, — озадаченно произнес он.

Пег с тревогой взглянула на мужа:

— Что там?

— Не знаю. Эди говорит, что кого-то погребли. Вот только что это, черт подери, означает? — К

этому моменту он уже надел пальто. — Держи дверь на замке.

До дома Кора всего шесть кварталов пути. Фрэнку пришлось переждать во дворе, пока проедет колонна машин с добровольными пожарными. Потом он задним ходом сдал на улицу и повернул налево. Две минуты спустя он остановил машину у обочины позади толпы, забившей улицу на полквартала от дома Кора. Фрэнк подъехал как раз вслед за командой быстрого реагирования. Кругом густо росла бузина, и разглядеть, что случилось, было трудновато. Зато прекрасно слышен был шум толпы.

В это время подъехала пожарная машина, и толпа расступилась, давая ей дорогу. И тогда Фрэнк наконец-то узрел, в чем дело.

На месте дома Кора, с недавнего времени ставшего Церковью-в-глубинке, высился двухэтажный снежный цилиндр. И венчал его затейливый завиток, будто крем — трубочку с мороженым.

27

Он требовал знамения.

Майк Тауэр, «Чикаго трибьюн» (из комментария по поводу Старины Билла и причудливого бурана возле Церкви-в-глубинке)

Гарри Миллз любил говаривать, что он — возделанная нива, несущая доброе семя. Он тридцать лет проработал в конгрессе Соединенных Штатов Америки, восемь в роли председателя сенатской комиссии по вооруженным силам, а при Мэтте Тейлоре стал вице-президентом. Людям Гарри говорил, что у него нет иных политических целей, кроме служения народу. Когда у него появится шанс претендовать на высший пост, ему исполнится уже семьдесят семь.

Поэтому он решил уйти в отставку по окончании первого срока Тейлора на посту президента, будучи еще достаточно молодым, чтобы насладиться бездельем. Можно будет писать мемуары, путешествовать по стране, навещать внуков, расселившихся от Спокана до Кей-Уэст, и вернуться к серьезной игре в бридж — страсти, оставленной четверть века назад.

Проблема лишь в том, что он уже, наверное, слишком стар. Он утратил интерес к политике и вкус

к власти. Ему больше не доставляет удовольствия ни воздействие на жизнь общества, ни работа бок о бок с тем, кто принимает кардинальные решения, ни даже традиционные воскресные теледебаты. Сегодня ему пришлось принимать короля Иордании, хотя Гарри всем сердцем желал посидеть дома с Мэриан, сбросить ботинки и посмотреть по телевизору какой-нибудь хороший фильм.

Как обычно случается на подобных аудиенциях, на него набросилось полдюжины кровопийц, желавших с его помощью протиснуться в повестку дня. Одним из них был директор НАСА Рик Кьюф — невысокий (едва-едва пять футов шесть дюймов), узкоплечий и узколобый (в обоих смыслах), уклончивый, рассеянный и частенько меняющий тему разговора без малейшего предупреждения. Один из столичных ученых мужей как-то заметил, что общаться с Кьюфом — все равно что пытаться поддерживать непринужденную беседу с человеком, прячущимся за деревом. Гарри подошел к столу с закусками — тут-то директор НАСА и настиг его.

Кьюфа Гарри очень не любил. Тот приобрел популярность благодаря прошлым заслугам — раньше директор был астронавтом, — и его гораздо больше интересовала собственная карьера, нежели дела вверенной ему организации.

Покачивая бокалом с коктейлем из рома и кокаколы, Кьюф старался напустить на себя вид человека, пострадавшего от косности и глупости бюрократического аппарата. Обменявшись с Гарри любезностями, он ринулся в бой.

— Мистер вице-президент, у нас возникла проблема. Это насчет штуковины на гребне Джонсона. Мои люди начинают сомневаться, есть ли у них будущее.

Когда была популярна идея пилотируемых космических полетов в военных целях, Кьюф стоял за нее горой, но в последние годы не менее пылко выступал за использование космоса на благо экономике, науке и национальной безопасности.

— В каком это смысле? — не понял Гарри.

— Вы что, серьезно?! Да что проку от носителей и челноков, когда можно просто ходить? — Кьюф одним духом опустошил стакан. — Что президент намерен предпринять по этому поводу?

Разговоры о Куполе уже навязли у Гарри в зубах. Человек неробкого десятка, он был убежден, что со временем все уладится и жизнь пойдет своим чередом.

— Расслабьтесь, Рик. Для НАСА дело всегда найдется.

— Ну так пусть кто-нибудь скажет об этом моим людям, потому что они уже посматривают на сторону. Мистер вице-президент, они начинают сваливать! И это преданные люди. Незаменимые. Как только у них возникает ощущение, что их труд никому не нужен, они уходят. Организация просто гибнет!

«И твоя должность вместе с ней», — подумал Гарри, а вслух сказал:

— Я поговорю с президентом. Не сомневаюсь, что он охотно сделает заявление о намерениях.

— По-моему, он может сделать кое-что получше. Хотите выслушать мое предложение?

Гарри молча покручивал бокал пальцами, ожидая.

— Ликвидируйте этот район. Пошлите звено «эфсто одиннадцатых» и сровняйте этот гребень с землей. Извиниться вы можете после, и никто не пожалеется. Никто.

**ВИНОВНИК ЧУДОВИЩНОЙ КАТАСТРОФЫ
УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ПОДВЕРГНУЛСЯ
НАПАДЕНИЮ «ПРИШЕЛЬЦА»**

**Гранд-Форкс, Северная Дакота,
2 апреля (ЮПИ)**

Водитель, виновный в субботней автокатастрофе на шоссе №1-29, повлекшей столкновение семи автомобилей, заявил, будто «некто» вырвало у него руль и повело машину через разделительную линию на встречную полосу. Двадцатидевятилетний Джон Калвер из Фарго настаивает, что вчера он не мог взять под контроль свою «хонду». Полиция утверждает, что Калвер был явно пьян, когда врезался в ехавший навстречу автофургон, начав тем самым серию столкновений, унесших три жизни.

Пресс-конференции на гребне Джонсона проводились ежедневно в час дня. Сборная команда репортеров в скафандрах побывала на галактической станции, по-видимому, расположенной в космическом пространстве. Подтвердить или опровергнуть это

предположение пока невозможно, так как выхода из зала найти не удалось. Но если станция действительно расположена вдали от небесных тел, то отсюда следует, что искусственная гравитация осуществима на практике. Запланирована научная экспедиция на станцию.

Однако сегодня никто ни о чем не желал слышать, кроме Пришельца.

Стоя рядом с Адамом Небо, Эйприл произнесла краткое заявление, признавая, что не исключена весьма малая вероятность проникновения сквозь Портал некоего существа.

— Но нам так не кажется. Мы практически уверены, что на самом деле имел место лишь небольшой сбой. В результате сбоя открылся канал между гребнем Джонсона и одной из других станций.

— Лабиринтом? — уточнил Питер Арнетт из Си-эн-эн.

— Да.

— Эйприл, — напирал он, — когда вы откроете Лабиринт для нас?

— Как только будет достоверно установлено, что он необитаем, Питер. — (Не то слово. Надо было сказать «пуст», это прозвучало бы менее зловеще.) — Но мне хотелось бы подчеркнуть, что мы провели там более двух часов, не заметив никаких признаков жизни. Нас никто не преследовал, не нападал и не угрожал нам. Когда мы вернулись, система реактивировалась сама по себе. Никто не появился, и нет никаких доказательств чего-либо иного, кроме неполадок. Надеюсь, это положит слухам конец.

— Значит, вы не видели вообще ничего? — осведомился корреспондент «Ле Паризьен».

— Именно так.

— Но что же вы ожидали увидеть, если существо невидимо? — подхватил представитель «Лондон таймс».

— Ну что тут скажешь? — развела Эйприл руками. — Мы ничего не видели, больше мне сказать нечего. Если «Таймс» хочет пуститься в домыслы, милости прошу.

— А что вы думаете по поводу заявления Дикина? — спросил репортер «Правды». — Дикин клянется, что сквозь Врата кто-то все-таки вошел.

Эйприл напустила на себя несчастный вид:

— Вам следовало бы спросить об этом у доктора Дикина.

Репортеры, как и все остальные, любят сенсации. Эйприл понимала, что они колеблются между своим природным скепсисом и безмолвной надеждой, что в этих слухах что-то есть. Всякому понятно, что благодаря таким новостям газеты и продаются. В преогромных количествах.

Конечно, Эйприл говорила далеко не искренне. Охранником, увидевшим, что загорелась не та пиктограмма, был Джордж Чистый Родник. Джордж тоже убежден, что сквозь Врата кто-то вошел. Но они уже убедились на горьком опыте, что сообщать публике обо всем, что знаешь, далеко не безопасно.

— Стоит сказать на пресс-конференции, что мы думаем на сей счет, — сказал Макс, — и паники не миновать.

— Никакой паники не будет, — не согласился Адам. — Это правительство любит решать за народ, как тот себя поведет в той или иной ситуации. Помоему, лучше сказать правду.

— Правду люди склонны преувеличивать, — устало поглядел на него Макс. — Ты давно не ездил по округе? В окрестных городках двери вечером запирают на засов. И детишек гулять почти не отпускают.

«Полуденные новости», КЛМР-ТВ, Фарго

Анкор: Сегодня в Форт-Мокси и его окрестностях происходят еще более странные события, Джули. Вначале мы показали эксклюзивное интервью, которое нам дал человек, утверждающий, что он разговаривал с невидимым существом, обитающим в приграничном районе.

(Панорама на железную дорогу с высоты птичьего полета. Видно депо, ряд цистерн и пустых платформ. Постепенный отъезд с переводом камеры на горизонт.)

А вот еще один рассказ о так называемом Пришельце, посетившем наш город. Репортаж Кэрл Дженсен из Нойеса, штат Миннесота.

(Мы видим Дженсен, стоящую рядом с железнодорожными путями, перед белой цистерной.)

Дженсен: Вот здесь это и произошло, Клод. Мы находимся в маленьком депо в Нойесе, Миннесота, примерно в миле к югу от канадской границы. Пару дней назад работник железной дороги встретился здесь с внеземным существом, якобы появившимся из Купола на гребне Джонсона. Этот работник, Карт Холлис, после инцидента был доставлен в больницу, но сегодня он пребывает в добром здравии и находится с нами здесь.

(Общий план. Рядом с журналисткой стоит Холлис.)

Как вы себя чувствуете, мистер Холлис?

Холлис: Спасибо, нормально.

Дженсен: Что же здесь произошло на самом деле?

Холлис (*нервничает*): Кто-то позвал меня по имени. Вроде бы как ветер. (*Пытается воспроизвести звук.*)

Дженсен: А кто-нибудь еще слышал его?

Холлис: А то как же. Инспекторша слыхала. Спросите вон у нее. Вот тут все и было.

Дженсен: Он сказал что-нибудь еще?

Холлис: Не словами.

Дженсен: А чем же, если не словами?

Холлис: Толком не знаю. Вызвал у меня потешное ощущение.

Дженсен: Какое же, мистер Холлис?

Холлис: Вроде как я полетел. Слушайте, если по правде, так я напугался... (*Колеблется.*) Напугался до чертиков.

Дженсен: И что же было дальше?

Холлис: Я сомлел.

Дженсен: Вот так, Клод.

(Переход на общий план, показывающий товарную станцию с верхней точки.)

Здесь голос слышал еще один человек. Стало ли это депо местом встречи человека с внеземным существом? Или просто в тех местах, где многие люди сообщают о странных событиях, воображение начинает выкидывать с людьми разные фокусы?

Анкор: Спасибо, Кэрол. Теперь перейдем к самому Форт-Мокси. Смотрите очередной репортаж Майкла Уайдмена из Церкви-в-глубинке, где вчерашняя вечерня была прервана весьма необычным образом.

Участнику пенсионной программы «Холиок Индастриз»

Дорогой пенсионер!

Как вам известно, экономика страны переживает крайне трудные времена. Пенсионные фонды зависят от экономического благосостояния страны, и наш фонд — не исключение. Многие годы мы вкладывали все свои силы в защиту наших ресурсов, умеренно и осторожно инвестируя имеющиеся средства. Но никакие пророки не могли предвидеть падение последних месяцев, равно как и принять меры против него.

Пенсионная программа вашей фирмы, как и программы многих других корпораций, за считанные дни претерпела существенное обесценивание вложений. К счастью, в нашем распоряжении имеется резервный фонд, отложенный специально для того, чтобы дать нам поддержку в подобных экстренных ситуациях. Но уже сами масштабы проблем, подрывающих национальную экономику, вынуждают нас распоряжаться резервами крайне осмотрительно. Чтобы вы и в дальнейшем могли спокойно рассчитывать на регулярность выплат, мы вынуждены сократить вашу майскую пенсию на 421 доллар, до 1166 долларов 35 центов. Надеемся, что это снижение пенсии будет лишь одноразовой акцией. Уверяем вас, что попечители пенсионной программы прикладывают все свои силы, стоя на страже нашего общего будущего.

Мы искренне признательны вам за поддержку и понимание в этот трудный период.

Дж.Б.Холдуэй,
исполняющий обязанности директора

В тот же самый день, когда «Холиок Индастриз» разослала своим пенсионерам скверные новости, в «Дер Тагесшпигель» было опубликовано заявление Хайнца Эрхардта из Берлинского университета, прошлогоднего лауреата Нобелевской премии по экономике. Эрхардт признал, что после новостей из Северной Дакоты мировую экономику залихорадило.

— Краткосрочный спад неизбежен, — сказал он. — Но зато возникает возможность промышленного применения открытий в производстве материалов и транспорте. Нет никаких оснований полагать, будто они окажутся непригодными для применения, и человечество шагнет в период процветания, какого еще не знала история.

Но весь мир остался глух к его словам. К исходу дня коэффициент Доу-Джонса упал еще на 240 пунктов и продолжал катиться под гору.

«Ларри Кинг в прямом эфире».
Гость: доктор Эдуард Баннерман
из Института фундаментальных
исследований.

Кинг: Доктор Баннерман, высказывание о том, что самой грандиозной новостью является существование так называемой галактической станции, приписывается вам. Чем вы его обобсужаете?

Баннерман (смеется): Ларри, грандиозны все эти новости до единой. Но вероятность, что станция, на которой погиб Арки Рыжий Папоротник, действительно расположена в космическом пространстве, даст грандиозный толчок целой цепи невероятных событий.

Кинг: Почему?

Баннерман: Позвольте объяснить это простыми словами.

Кинг: Хорошо.

Баннерман: В этой комнате предметы падают вниз. Согласно рапортам, галактика своего положения в окне не меняет. Таким образом, данная станция не вращается. А если и вращается, то крайне медленно. А это факт величайшей важности, поскольку он наводит на мысль, что коколь станция находится вдали от массивных планет, то на ней имеется установка искусственной гравитации.

Кинг: Я понимаю, что это может иметь важное значение. Но...

Баннерман: Ларри, если бы нам удалось создать установку искусственной гравитации, то мы смогли бы снизить, а то и полностью аннулировать воздействие земного тяготения. Словом, получить антигравитацию. Подумайте, какие выгоды она предоставит даже простому домовладельцу, например. Хотите передвинуть диван? Прицепите к нему антигравитационный диск и пусть диван летит себе в соседнюю комнату.

Гораций Гибсон начал самостоятельную жизнь, работая страховым агентом. Вскоре работа ему наскучила, и Гораций вступил в морскую пехоту, поднялся по служебной лестнице до командира батальона, получил Серебряную звезду за Персидский залив и медаль Славы за Иоганнесбург. О его подразделениях столько писали, что вырезками можно было бы оклеить кабинет Гибсона. В 1996 году он ушел в от-

ставку, попробовал новую гражданскую работу, на сей раз торговлю недвижимостью, и продержался на ней почти год. А в годовщину ухода из армии Гибсон вступил в корпус судебных исполнителей США.

За два года он поднялся до командира группы специальных операций, расквартированной в Пайнвилле, Луизиана.

Люди Горация любили. Он охотно брал на себя руководство, когда обстоятельства того требовали, и не жалея сил добивался, чтобы операция под его руководством достигла максимального эффекта при минимальном риске.

Он был дважды женат и оба раза развелся. Его жизнь казалась обеим экс-женам чересчур непоседливой и нерегулярной. Оба его сына (не без основания) винили в этих домашних катастрофах Горация и поддерживали с отцом довольно натянутые отношения. Гораций так и не нашел, чем заполнить зияющую дыру в личной жизни, и в результате подолгу задерживался на работе. Его начальник Карл Россини любил подшучивать над Горацием, повторяя, что ему нужна женщина. Самое же смешное состояло в том, что Гораций действительно нуждался в женщине и сам знал об этом.

Пока же он развлекался, когда подвораживалась возможность. С годами таковая подвораживалась все реже, и причиной тому был не только возраст, но и возрастающая разборчивость. Но иногда радости выпадали и на его долю, одна из которых приняла облик Эмили Пэсинджер, роскошной молодой особы, по-встречавшейся Горацию во время благотворительной

вечеринки в пользу Пайнвилльской библиотеки. Они несколько раз вместе отобедали, пару раз сходили в кино и начали вместе бегать трусцой по утрам. Однако Гораций отметил, что она не горит желанием завязать более прочные отношения, и отнес это на счет своего послужного списка. Она не хочет стать третьей жертвой.

Посему Гораций предпринял кампанию, имевшую целью продемонстрировать, что теперь он не только стал более зрелым, но и одомашнился. Первым шагом стало приглашение Эмили отобедать у него дома, и когда она согласилась, Гораций с энтузиазмом взялся за подготовку к вечеру. Купив пару телячьих огузков и бутылку дорогого шампанского, потратившись на керосиновую лампу, призванную создать романтическую атмосферу, он целый день отдал уборке. В тот же вечер, через двадцать минут после того как он открыл шампанское, зазвонил телефон.

28

О, за хижину в какой-либо пустыне...

Уильям Купер, «Задача»

Худой бородатый мужчина озирает Тихий океан из своего дома в Лагуна-Бич. По спокойной глади вод неспешно шел сухогруз, по ясному небу были разбросаны кудрявые облака.

Держался мужчина как-то неуверенно, и стороннему наблюдателю пришлось бы порядком поломать голову, чтобы понять, куда направлено его внимание. В правой руке у него был бокал сухого белого вина.

Подобно гавани, город раскинулся перед ним как на ладони. По прибрежному шоссе непрерывным потоком катили машины. Он бросил взгляд на часы, как делал каждые две-три минуты уже на протяжении часа.

Зазвонил телефон.

Отвернувшись от окна, мужчина уселся за письменный стол.

— Алло?

— Грег, все готово.

В Фарго почти два часа.

— Ладно. Они знают, что мы идем?

— Пока нет. Слушай, насколько сильно ты можешь повлиять на федералов?

— Не очень.

— Постарайся.

Человек из Лагуна-Бич смотрел на авиабилеты.

— Выше голову, Уолтер. До встречи через несколько часов.

ШЕСТЕРО ПОГИБШИХ, СОТНИ РАНЕННЫХ ВО ВРЕМЯ АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ЛОКАУТА

Сиэтл, 4 апреля (АП)

Недовольство рабочих сегодня переросло в полномасштабный мятеж на трех ведущих аэрокосмических фирмах, когда руководство отказалось принять обратно рабочих, уволенных ВСЛЕДСТВИЕ несанкционированной забастовки. Вспышка насилия последовала за беспорядками, возникшими после одновременного объявления о «корпоративной перестройке» на прошлой неделе, повлекшей массовое сокращение числа рабочих мест.

ПОСЕТИЛ ЛИ ФОРТ-МОКСИ ПРИШЕЛЕЦ?

Имеются сообщения нескольких источников, что неизвестное существо с другой планеты прошло сквозь Врата, расположенные на гребне Джонсона, и теперь свободно разгуливает в районе Форт-Мокси. Ходят слухи о го-

лосах в звуке ветра, о похищении детей, о буранах, бушующих вокруг отдельных людей. А также погиб человек при загадочных, можно даже сказать, зловещих обстоятельствах.

На прошлой неделе Джек Макгвиган бросил свои мотонарты в лесу в стороне от шоссе №32 в округе Кавалер и выбежал на шоссе, где его сбил мебельный фургон. Водитель фургона сказал, что Макгвиган словно убегал от кого-то или от чего-то.

Полиция округа Кавалер завалена сообщениями о подозрительных случаях, а те, кто недавно побывал в этой местности, сообщают, что впервые за всю историю люди начали запирать двери.

Тем временем стали распространяться еще более нелепые слухи. Старина Билл Эддисон, за время своей карьеры заездивший не одну небесную лошадку, предупреждает, что мы вторглись в сад Эдемский и выпустили ангела-мстителя. А возможно, дьявола. На сей счет преподавательный Эддисон высказался весьма туманно.

Складывается впечатление, что, откопав Купол, мы дали жизнь очередному мифу; подобные мифы время от времени возрождаются и приобретают популярность. Пока что обстоятельства смерти мистера Макгвигана нам не известны, но вероятный сценарий восстановить нетрудно: он браконьерствовал; решил, что его обнаружили, и бросился бежать; потерял ориентацию и выбежал на шоссе. Подоб-

ные инциденты происходят ежедневно. Голоса близ Форт-Мокси, вне всякого сомнения, можно отнести на счет разыгравшегося воображения туристов, видимо, под влиянием кого-то из местных жителей, знающих свою выгоду. Читать обо всем этом интересно, но мы настоятельно советуем вам не терять почвы под ногами. В конечном счете объяснения могут оказаться вполне прозаическими.

(Передовица «Фарго форум», 4 апреля)

Пит Паппадополо проработал на складе «Эй-Би-Си Листонс, Инк.» четыре года и недавно был впервые назначен на руководящий пост. Его брак пошел прахом за полгода до этого, когда жена сбежала с оптовиком, перепродающим пиво, и оставила сына-астматика на руках у Пита.

Пит подрабатывал на второй работе, доставке китайских блюд, чтобы платить за сиделку и медицинское обслуживание. Спал он плохо, постоянно пребывая в подавленном состоянии духа; жизнь его стала совсем пустой. Он тосковал о жене, и врачи посадили его на транквилизаторы. Но вот подоспело повышение, принесся солидную прибавку к жалованью и надежды на дальнейшее продвижение, поскольку «Эй-Би-Си» собиралась распространить свою деятельность в смежные области. Более того, приступы у ребенка пошли на убыль — и по частоте, и по интенсивности; болезнь миновала критический рубеж.

К несчастью, «Эй-Би-Си» тоже переживала период перемен. Ее развитие должно было финансироваться вторичной эмиссией акций, но стоимость капитала компании в последние недели пошла на убыль, и банки, долго выжидавшие и наблюдавшие за развитием событий, взяли финансовое предложение обратно.

В результате «Эй-Би-Си» обнаружила неожиданный избыток персонала. Руководство ответило на это устранением тысячи восьмисот руководителей среднего и младшего звена. Пит, недавно вышедший из профсоюза, чтобы перейти на более высокую должность, к своему ужасу обнаружил, что лишен вообще какой бы то ни было защиты.

За день до получения официального уведомления (устный телеграф в «Эй-Би-Си» работал на диво оперативно) Пит приобрел пистолет тридцать восьмого калибра и пустил его в ход против директора своей фабрики и коллеги, давшего понять, что получит повышение, предназначавшееся для Пита.

Директор выжил, хоть и был ранен шесть раз. Коллега получил пулю в сердце. Компания ответила наймом дополнительного штата охраны.

Джеймс Ходок любил одиночество. Он до сих пор не забыл, как смотрел много лет назад в школьное окно на занесенную снегом и продутую всеми ветрами прерию, воображая себя единственным обитателем мира, скрытого за горизонтом. Ему чудились залитые солнцем леса, зеленые реки и ласковые ветра,

напоенные ароматами цветов. Там тропы заросли травой, а земля свободна от утрамбованных проселков, межевых столбов и обветшавших амбаров.

Из кухни, где его жена Мария занималась стряпней, доносился звон посуды и негромкая музыка радиоприемника. На коленях у Джеймса лежала открытая книга, но он не сумел бы ответить на вопрос, как она называется. События на гребне занимали все его мысли с утра до вечера с тех самых пор, как Арки позвонил, чтобы сообщить об открытии. Теперь Арки не стало, а люди в резервации и окрест по ночам боятся высунуть нос из дома. Джордж Чистый Родник напрямую сказал, что оттуда что-то сбежало.

— У меня нет ни тени сомнения, — заявил он.

На столе у окна лежала собранная мозаика-головоломка под названием «Величественное молчание», изображающая покрытый снегом серый пик, вознесшийся над долиной, заросшей густыми лесами. На переднем плане бежит каменистый поток. За всю свою жизнь Джеймс собрал добрую тысячу таких головоломок.

Его всегда огорчало, что для Мини Вакан Ойяте не осталось места среди девственных пейзажей, подобных изображенным на мозаиках. Всю свою жизнь Ходок мечтал о том, чтобы сиу смогли вернуть свой утраченный мир, вот только даже не догадывался, как этого добиться. Однако, считая, что это было бы лишь восстановлением справедливости, в душе он пылко верил, что со временем подобное непременно произойдет.

Но сейчас тучи стали сгущаться. Джеймс понял, что для него долгая ночь начнется на день раньше.

Сиу позабыли старые обычаи, обратившись к бледнолицым техникам, только и мечтающим убрать с карт все белые пятна. Именно это больше всего и не нравится в них Джеймсу: они хотят знать все на свете, не понимая, что лес без темных уголков хорош только для лесоруба.

Теперь же открылась дорога к звездам — с земли сиу. Арки понимал это с самого начала, предупреждал, что Купол может оказаться куда более ценным, нежели любые ценности, которые могут предложить за него в обмен. Быть может, перед ними вот-вот откроются врата нового, девственного мира.

К дому подъехал правительственный автомобиль, и Ходок вздохнул. Оттуда выбрался Джейсон Флери, сам не свой от волнения. Приехавшие с ним двое не тронулись с места.

Ходок встретил гостя у дверей и провел его в свой кабинет.

— Насколько я понимаю, вы прибыли не с добрыми вестями.

— В наши дни уже ни для кого не бывает добрых вестей, — покачал головой Флери.

Губернатор племени поставил на стол две чашечки кофе.

— И что же они намерены сделать?

— Прежде я должен осведомиться, господин губернатор, записывается ли наш разговор.

— А что, это играет какую-нибудь роль?

— Только в том, насколько свободно я буду себя чувствовать.

Ходок сел на кушетку рядом с гостем.

— У меня нет такой аппаратуры.

— Хорошо. Я и не думал, что есть. — Флери набрал в легкие побольше воздуха, будто собираясь нырнуть в холодную воду. — Не знаю, с чего начать.

— Давайте помогу. Вы собираетесь захватить нашу землю. Снова.

Запало долгое молчание. Наконец Флери откашлялся.

— Сэр, у них просто не осталось иного выбора.

— Конечно, — согласился Ходок. — Я ничуть в этом не сомневаюсь.

— Официально мы просто принимаем меры, чтобы предотвратить панику среди жителей окрестных городов и южных провинций Канады, встревоженных слухами о том, что нечто прорвалось на Землю сквозь Врата в Куполе.

— Какую еще панику? — приподнял брови Ходок.

Флери улыбнулся, пытаясь разрядить обстановку, но это не помогло.

— Губернатор, люди в самом деле напуганы, и вам это известно ничуть не хуже, чем мне.

— Дайте лишь пару дней, и все образуется само собой.

— Несомненно. И тем не менее погиб человек, а на нас постоянно оказывают политическое давление. Правительству остается только действовать, иного выбора нет. Оно реквизирует гребень Джонсона и временно возьмет его под свою опеку, пока не убедится, что ситуация стабилизировалась.

— И когда же ситуацию сочтут «стабильной»?

Взгляды их встретились. Ходок по глазам Флери понял, что тот собирается с духом для решительного объяснения.

— То, что я скажу в стенах этой комнаты, не должно выйти наружу.

— Если желаете, так и будет.

— Этот момент настанет, когда Врата вместе с Куполом будут уничтожены.

— Понимаю.

— Произойдет несчастный случай. Не знаю, как его организуют, но это единственный выход.

— Спасибо за честность, — спокойно кивнул Ходок. — Я должен повторить еще раз, что гребень Джонсона принадлежит Мини Вакан Ойяте. Мы воспротивимся всякой попытке отобрать его.

— Постарайтесь понять, — принялся увещевать его Флери, — в ход пошли силы, до конца не подвластные никому.

Губернатор вдруг почувствовал себя пылинкой, застрявшей среди шестерен исполинских часов.

— Джейсон, я все это прекрасно понимаю. Но меня просят избрать для моих внуков резервацию, где они могли бы обладать девственными лесами. Нет, скорее это вашим людям надо избавиться от страха. Сам Купол не несет в себе разрушительного начала. Трудности, осаждающие сейчас ваш мир, порождены невежеством. И страхом.

Во взгляде Флери застыла мука.

— Многие из нас разделяют вашу позицию. У вас куда больше друзей, чем вам кажется.

— Ни один из которых не готов открыто заявить об этом.

— Президент... — Флери мучительно подбирал слова. — Президент числит себя среди ваших друзей. Но он вынужден перейти к действиям, ибо так велит ему долг перед народом.

— Сожалею. — Ходок встал, демонстрируя, что разговор окончен. — Искренне сожалею.

— Губернатор, послушайте... — В голосе Флери прозвучала нотка отчаяния. — Изменить что-либо не в нашей власти. Уже имеется судебное постановление. Оно будет вручено вашим людям в течение часа.

— Совету племени?

— Вашим представителям на гребне Джонсона.

— Адам его не примет.

— Потому-то я и приехал сюда — объяснить, что происходит. И просить вашей поддержки. Мы выплатим щедрую компенсацию.

— А что вы мне предложите в обмен на будущее моего народа? Держитесь подальше от гребня, мистер Флери. Он принадлежит сиу, и мы его не отдадим.

Сняв трубку, Макс услышал голос Ласкера.

— Послушай, Макс, — сказал тот. — Тут такое дело... Тебе следует об этом знать.

— Ты продал яхту.

— Ага. Макс, послушай, они предложили целую кучу денег. Мне столько в век не потратить.

— Ну и ладно, Том.

— Я вот не знаю, не скажется ли это как-нибудь там у вас. Я боялся...

— Где яхта сейчас?

— Ее грузят на трейлер.

— Уэллс?

— Нет. Это правительственные деньги. Эти парни из казначейства.

Судебное постановление Адаму Небо вручала судебный исполнитель США Элизабет Сильвера — женщина возрастом лет под пятьдесят, высокая, стройная, бесстрастная. В ее черных волосах уже появились седые пряди.

Ее сопровождал шеф полиции Датабл.

В тесном кабинете Адама в блоке охраны теперь стало буквально негде повернуться — стены, до вчерашнего дня совсем голые, не считая ритуального барабана и фотографии жены в рамке, теперь были увешаны оружием. Луки, древние ружья, старый армейский револьвер Адама — на обозрение было выставлено все, что ему удалось откопать.

— Мистер Небо, — Сильвера извлекла из кармана куртки документ, — вот постановление федерального суда, требующее, чтобы данные владения, Купол и всё причитающееся, за исключением личного имущества, было передано в ведение федерального правительства. Упомянутая акция считается необходимой, поскольку данный район признан представляющим общественную угрозу.

Начальник службы безопасности даже пальцем не шевельнул, чтобы принять постановление, и она положила бумагу на стол.

— У вас есть время на раздумья до полуночи. — Тон ее смягчился, словно она предлагала дружеский совет. — Чем раньше вы покинете участок, мистер Небо, тем лучше будет для всех заинтересованных лиц.

— Мы не уйдем, — холодно бросил Адам.

— Такой возможности вам не дано, — глядя ему в глаза, отрезала Сильвера. — Вы обязаны подчиниться решению суда.

— Это наши владения. Если вернетесь, чтобы отобрать их у нас, приходите с оружием.

Во взгляде Сильверы блеснула сталь.

— Я сожалею. У вас есть время до полуночи. — Она повернулась, дошла до двери, но на пороге помедлила. — При сложившихся обстоятельствах вынуждена вам напомнить, что неподчинение приговору федерального суда является преступлением. Тут у меня нет никакой свободы выбора, мистер Небо. Я волей-неволей должна буду привести приговор в исполнение. Всеми доступными средствами.

Ходок дожидался звонка Адама, и когда тот наконец позвонил, губернатор выслушал краткий рапорт с пристальным вниманием. Когда начальник службы безопасности спросил об инструкциях, губернатор заколебался.

— Адам, а насколько далеко вы готовы зайти?

— Я не хочу соглашаться на такое.

— Вы готовы защищать гребень?

— Да, хотя предпочел бы обойтись без этого. Но вряд ли у нас будет выбор.

— Однако вооруженное сопротивление не приведет к победе, — подчеркнул губернатор.

— Что же вы тогда предлагаете? Снова уступить?

— По-настоящему вопрос звучит так: сумеем ли мы найти способ удержать девственную планету в своих руках?

— Если федералы готовы бросить против нас силу, то вряд ли.

— Итак, — подытожил Ходок, — мы можем взять деньги и остаться доживать свой век здесь либо сражаться в надежде победить.

— Да, — откликнулся Адам. — Третьего не дано.

Губернатор оглядел свой кабинет. Облупившиеся стены, треснувшие оконные стекла, даже камин словно напоминает о плене.

— Согласен. Мы должны сражаться.

— Вы пришлете к нам подмогу?

— Я приеду. Но полиция не настолько глупа, чтобы позволить вашим братьям и сестрам присоединиться к вам. Поговори с теми, кто с тобой сейчас. Выясни, кто останется.

— Сейчас же и поговорю.

— Хорошо. Я выезжаю. — Повесив трубку, губернатор бездумно воззрился на телефон.

Тот зазвонил снова.

— Алло?

Незнакомый голос попросил позвать к телефону Джеймса Ходока.

- Это мое имя.
- Джеймс, я Уолтер Асквит. Я слышал о происходящем.
- По-моему, я с вами не знаком.
- Это не важно. Зато я вас знаю. Послушайте, далеко не все в этой стране потеряли головы от ужаса. Полагаю, кое-какая помощь вам не помешает.
- Слушая Асквита, Ходок вдруг вспомнил одну из реплик Флэри. «У вас куда больше друзей, чем вам кажется».

— И вы все собираетесь остаться? — переспросила Эйприл.

— Да, — ответил ей Адам. — Мы будем оборонять гребень.

Макс был просто потрясен новостью.

— А президент в курсе?

— Это приказ президента.

— Боже мой, Адам, — недоумевал Макс, — неужели вы собираетесь устроить перестрелку с судебными исполнителями Соединенных Штатов?

— Это безумие, — поддержала его Эйприл. — Вас всех отсюда вынесут ногами вперед. Что нам надо, так это потолковать с адвокатом.

— Сомневаюсь, что разговорами с адвокатом мы чего-нибудь добьемся, — возразил Адам. — К тому же это не я так решил.

Глаза Эйприл стали совсем круглыми:

— Адам, губернатор не мог просить от вас чего-нибудь подобного! Тут какое-то недоразумение.

— Можешь спросить у него сама, когда он придет, — абсолютно невозмутимо отозвался Адам.

Макс прямо ушам своим не верил.

— Что же это, по-вашему, такое, детские игрушки, что ли?! Нельзя же взять да и послать федеральное правительство куда подальше!

— У нас есть кое-какой опыт именно по этой части, — отрезал Адам.

— Черта лысого! Может, у ваших дедов, но не у тебя. — Макс поглядел за окно, где Одинокый Клен разговаривал с группой посетителей. — И ни у кого из здесь присутствующих, если уж на то пошло.

Адам взглянул на Макса в упор:

— Сейчас мы подошли к тому рубежу, где должны спросить себя, чего мы в действительности стоим. Все должно вот-вот разыгаться заново, Макс. Мы этого не позволим. Если нам придется постоять за свою землю и сложить за нее головы, то именно так мы и поступим.

29

---

*Куда же податься,
Чтоб жить веки вечные?*

Раз, два, три, проверка, — произнесла Андреа.
— Вот так хорошо, — возбужденно отозвался Кит. — Слушай, у нас тут не прервется связь с тобой нынче вечером, а?

— Надеюсь, что нет. — Андреа решила, что произнесла это вполне уверенно.

— Ладно. Мы готовим специальную подводку и сначала вклинимся в эфир, а уж после дадим тебя. Так что ты пойдешь во главе.

— Хорошо.

— Насколько я могу судить, ты будешь гвоздем всей программы. Перебежать тебе дорогу не позволят никому.

— Что ж, наверное, настал мой звездный час.

— Надеюсь. Да, еще, Ястребица, слушай, постарайся... — Слова поглотили помехи.

Андреа переключилась на вспомогательную частоту — та же проблема. Эти сукины дети глушат ее. Невероятно!

Она сняла трубку. Но сколько ни ждала, гудок так и не зазвучал.

Джо Рескули сидел за рулем уже почти двенадцать часов, когда наконец свернул на шоссе №32, идущее в северном направлении, чтобы одолеть последние мили до Купола. В машине вместе с ним была его жена Эми и свояченица Тереса. Они приехали из Сакраменто, проделав весь путь за три дня. Тереса занималась физикой элементарных частиц. Джо толком не представлял, что это значит, но зато знал, что работа у нее хорошая, вкалывать чересчур много не приходится, и восхищался этим. «Она зарабатывает на жизнь тем, что знает», — гордо говорил он друзьям на винзаводе. Сам Джо не помнил дня, когда ему не приходилось бы лить семь потов за каждый цент.

Тереса уже не первый месяц только о Куполе и говорила, и энтузиазм ее был настолько заразителен, что Джо с Эми начали подумывать о поездке на гребень Джонсона. Но побывать там хотели все трое, а доехать на машине гораздо дешевле, чем лететь самолетом.

Вот так они тут и оказались. Тереса сказала, что надо задержаться на гребне до сумерек, чтобы посмотреть, как строение светится. Эми голосовала за это предложение обеими руками, она всегда поддерживала сестру в любом начинании. Джо давно понял, что она не единожды раскаялась в своем замужестве. Эми ни разу даже не заикнулась на эту тему, но это

видно по ее глазам. Не выйди она замуж за Джо, она сейчас работала бы в каком-нибудь институте, имела бы отдельный кабинет, докторскую степень и уверенность, что она оставит свой след на земле.

В тени гребня было уже темно, мела поземка, крепкий ветер раскачивал старенький «бьюик». Джо знал, что на гребень ведет узкая извилистая дорога, и вовсе не горел желанием выписывать по ней кренделя на закате при таком ветре. Но сестры так разволновались, что не успокоятся, пока не увидят то, ради чего приехали.

— Вон. — Эми указала на установленный рядом с шоссе транспарант с большой желтой стрелкой и надписью «Купол». Но кто-то перечеркнул плакат жирной линией и набитой по трафарету надписью «Закрито».

— Не может быть! — поразились Тереса. — Он должен быть открыт до заката!

Сразу за поворотом обнаружилась подъездная дорога, но ее перегораживал барьер. Рядом стояла полицейская машина, и офицер подгонял поток машин. Джо притормозил и опустил стекло. Полицейский раздраженно махнул им, чтобы проезжали.

— Что стряслось, офицер? — осведомился Джо.

— Проезжайте, пожалуйста. Его прикрыли.

— Ладно. — Джо постарался скрыть удовлетворение. — А во сколько он откроется утром?

— Ни во сколько. Его прикрыли насовсем.

— Насовсем? — недоверчиво переспросила Тереса. — Почему? Офицер, мы приехали издалека! — Ее голос сорвался на фальцет.

— Мэм, нам-то толком ничего не говорят. Суд постановил его закрыть как источник опасности.

— Вы шутите?!

— Прошу прощения, но вынужден просить вас не задерживаться.

Полицейский отошел, дожидаясь, когда они уедут. Тут же следом подкатил еще один автомобиль. Полицейский только вздохнул.

В этот момент с севера подъехал черный «форд» восьмьдесят восьмого года и остановился у барьера. За рулем сидел пожилой индеец, пассажиров в машине не было. Джо с негодованием увидел, как перед ним открывают дорогу. «Форд» въехал, и заграждение вернули на место.

— Эй, в чем дело? — спросила Тереса. — А почему пустили его?

— Это казенная машина, — пояснил фараон.

Джо свирепо воззрился на него, но легавый не придавал этому значения. Бросив взгляд на Джо, он молча указал вдоль шоссе.

— Ну, кто-то у меня получит письмишко, — буркнул Джо, поднял стекло и ударил по газам.

Ходок предполагал, что у полицейского заграждения его ждут неприятности. Всю дорогу из резервации он пребывал в полнейшей уверенности, что его не впустят на гребень. Быть может, даже арестуют. Но вопреки ожиданиям его все-таки пустили. Уже выезжая на дорогу, Ходок понял, в чем тут

причина. Он старик, и власти надеются, что он поумерит пыл воинственной молодежи в Куполе. Во всяком случае, по их мнению, сам он никакой угрозы не представляет.

Он осторожно огибал повороты, попутно отмечая, что полиция получала подкрепление. Через некоторое время деревья поредели, и он наконец выехал на вершину гребня. На стоянке сиротливо приткнулось всего около полудюжины машин.

Купол поблескивал в угасающем свете дня, настраивая душу на возвышенный лад. По чистым и ясным очертаниям Купола легко было понять, что его создатели любили Землю именно такой, какой она была в дни строительства, а по ту сторону ворот такой мир существует и поныне. Ходоку захотелось потолковать с теми, кто прилетел в такую даль, чтобы пройти под парусом по девственному морю. Они словно догадывались, в каком положении окажутся индейцы, и оставили им в дар нетронутую планету.

Вышедший из сторожки Адам помахал ему рукой.

Заглушив двигатель, Ходок выбрался из машины:

— Рад видеть тебя, Адам.

— А я вас, губернатор... — Адам хотел было что-то добавить, но замешкался и промолчал.

— Ну, в чем дело?

— Участок очень трудно оборонять. Во всяком случае, с горсткой людей.

— Ты предпочтешь отступить?

— Нет. Этого я не говорил. — Тут чуть ли не над самыми их головами пролетел вертолет, вздымая

пыль из раскопа. — Фоторекогносцировка, — прокомментировал Адам.

Ходок кивнул:

— Подъездную дорогу перекрыли. Так что же ты предлагаешь?

— Приготовиться к неизбежному. Не дожидаться, пока они нанесут удар.

— И как вы это сделаете?

Они уже подошли к сторожке и остановились у порога.

— Начнем с того, что свалим несколько деревьев поперек дороги. По крайней мере это их немного задержит.

— Вдоль всей дороги стоит полиция.

— Я знаю.

И тут Ходок понял, куда клонит Адам. Полицейским и в голову не приходит, что обороняющиеся отважатся на сколь-нибудь решительные действия. Как ни крути, люди здесь давным-давно не стреляют друг в друга. Ряд одновременных засад очистит дорогу. А пара удачно расположенных снайперов сможет продержаться очень долго, если свалить несколько деревьев. Это могло бы удаться.

— Нет, — отрезал Ходок.

— Губернатор, не можем же мы здесь сидеть и вот так просто дожидаться, когда начнется атака.

— Неужели ты думаешь повлиять на исход схватки, убив пару-тройку полицейских?

В черных глазах Адама полыхнул гнев:

— Если нам суждено отправиться за великую реку, не следует уходить в одиночестве.

— Нет, — повторил Ходок. — Пролей кровь единой, и она потечет рекой, пока не погибнут все. Я предпочел бы более благоприятный исход.

— И как же вы надеетесь организовать благоприятный исход?

— Я связался с высокопоставленными друзьями. Помощь уже в пути.

— Высокопоставленные друзья? — усмехнулся Адам. — С каких это пор у сиу завелись подобные друзья?

— С очень давних, Адам. Быть может, ты их просто не замечал.

Они вошли в сторожку. Малый Призрак и Сандра Белое Крыло вскочили, но не утратили невозмутимости. Губернатор хорошо знал Малого Призрака — тому уже под тридцать, он содержит жену и двух детей, долго маялся без работы. Но сегодня эти обстоятельства отошли на второй план.

Сандра тоже один раз приходила к губернатору за помощью, когда ее отец врезался на автомобиле в газонасосную станцию. Заглянув в ее сияющие глаза, Ходок вдруг поймал себя на мысли, что она очаровательна. За все эти годы он каким-то образом умудрился проглядеть столь очевидное обстоятельство. С головой ушел в прокладывание своей узенькой жизненной тропки. Жаль.

Она работает в ресторане, обслуживающем посетителей резервации. До слуха Ходока дошло, что она обручилась с белым — столяром, электриком или что-то в этом роде, живущим у Дьявольского озера.

Ей еще не исполнилось и двадцати одного года. Губернатор подумал, что следовало бы приказать ей покинуть гребень, но это было бы несправедливо — и по отношению к ней, и по отношению к ее братьям. Она решила стоять на этом рубеже, и он не имеет права отказать ей в этой привилегии.

Вдоль стен стояло оружие — винтовки М-16. Ну по крайней мере у них есть хоть какая-то огневая мощь.

— А еще у нас есть гранатомет, — сообщил Адам. — Так просто им нас не взять.

— Кто здесь еще? — спросил Ходок.

— В Куполе Уилл Горн, Джордж Чистый Родник и Андреа. Макс и доктор Кэннон еще здесь, но я не сомневаюсь, что скоро они уедут. У них гости.

— Тут все еще есть гости? — удивился Ходок.

— Трое, с последней экскурсии.

— Надо обсудить план обороны. — Губернатор опустился в кресло.

Тут распахнулась дверь, и вошел Макс.

— Прямо не верится, что такое возможно, — виноватым тоном проговорил он. — Я пытался дозвониться до сенатора Виковски, но, судя по всему, линия отключена.

— Они хотят, чтобы мы не могли поговорить ни с кем, — усмехнулся Ходок. — Впрочем, по-моему, это не имеет значения.

В душе губернатор пожалел Макса, пребывающего в состоянии полнейшей растерянности. Нелегко найти в душе отвагу, когда война стучится в дверь.

Поглядев в окно на закатное солнце, он с грустью осознал, что рассвета может уже не увидеть.

Эйприл беседовала с уезжающими исследователями, про себя гадая, не станут ли они последними людьми, повидавшими Эдем. Перед ней сидели Сесил Морин — полная, добродушная особа, бактериолог из Колорадского университета; Агата Грин, гарвардский астрофизик, до сих пор пребывающая под впечатлением чудес Конской Головы; и Дмитрий Рушенко, биолог из «Смит-Клайн Бичем Фарма-сьютикалз».

— Я бы с радостью туда перебралась, — заметила Грин.

— А правда, — поинтересовалась Морин, — что правительство намерено отнять у вас землю и Купол с ней заодно?

— Очевидно, — кивнула Эйприл.

— Помогите, Господи, всем нам! — горестно покачала головой Морин.

Рушенко распахнул дверцу своего автомобиля.

— Правда на вашей стороне, знаете ли, — сказал он с нью-йоркским акцентом. «Наверное, Лонг-Айленд», — подумала Эйприл.

— Мы знаем.

— Страшно подумать, что Врата могут оказаться в руках правительства, — продолжал он. — Чертовски будет жалко. Хотелось бы мне вам чем-нибудь помочь. — Он сел в машину и включил зажигание.

— Ну, знаете, что я вам скажу, — подхватила Грин. — Будь это в моей власти, им пришлось бы применить силу.

Эйприл придержала дверцу, пока та усаживалась в машину.

— Мы собираемся остаться. — Эйприл употребила местоимение лишь в фигуральном смысле, потому что сама оставаться не собиралась. Но ей было приятно прибегнуть к такой формулировке. — И вы можете остаться с нами, Агата, если хотите. — Она намеревалась произнести это тоном шутиливой бравады, но тут же смутилась, потому что собеседница пришла в полнейшее замешательство.

— Я бы с радостью, Эйприл, честное слово... Но у меня муж и маленькая дочь, — зарделась та.

Остальные просто промолчали.

Эйприл выгадывала удобный момент, чтобы переговорить с губернатором наедине. Он на улице беседовал с Адамом и остальными, наклонившись навстречу крепкому ветру, разметающему земляные валы, оставшиеся возле раскопа. Должно быть, эти валы и станут первой линией обороны.

— Макс, — спросила она, — зачем они так поступают? Что толку?

Макс мало-помалу проникался ненавистью к Куполу и всему, что с ним связано.

— Не знаю. Может, все дело в культурных традициях:

Эйприл понимала, что Макс с нетерпением дожидается, когда она согласится уехать. Он уже пару раз напоминал ей, что спускаться в темноте по до-

роге, забитой нервными полицейскими, — предприятие рискованное.

А уже стемнело.

— Ужасно не хочется бросать их здесь, — промолвила она, затеявая очередной виток разговора, неоднократно повторявшегося раз за разом на протяжении последнего часа.

— Мне тоже.

— Хотелось бы мне иметь возможность как-то повлиять на события.

— И чего они упираются? Это ведь все равно ничего не даст!

В восемь часов выключили прожекторы, но груды земли по-прежнему были прекрасно видны в зеленоватом сиянии Купола.

— Скверно, что на него не набросишь брезент, — заметил Макс.

Когда губернатор покинул Адама и вернулся в сторожку, Эйприл решила, что подходящий момент настал.

— Макс, давай с ним поговорим!

Макс уже отчаялся заставить хоть кого-либо взглянуть на факты трезво. У него на глазах Адам Небо и его люди, некогда казавшиеся чрезвычайно разумными и рассудительными, вдруг обратились в шайку фанатиков, вдохновляемых духами павших в битвах воинов и древней ненавистью. Мысль о том, что можно послать судебные и полицейские власти к чертям, была совершенно чужда его натуре.

Когда они подошли к Ходоку, тот выглядел даже веселым.

— Губернатор, — начала Эйприл дрожащим голосом, — не стоит идти на такое. Вы можете положить этому конец.

— Так вы все еще здесь? — ласково улыбнулся ей Ходок.

Ветер, неистовствующий над плоскогорьем, сотрясал стены домика, будто пытаясь их сокрушить.

— Нам не хочется бросать вас.

— Приятно слышать, — кивнул Ходок. — Но вам нельзя оставаться.

От этого обмена репликами у Макса екнуло сердце. Он вовсе не собирался участвовать в перестрелке.

— Это совершенно бессмысленно, — сказала Эйприл. — Все равно исход предрешен заранее.

Ходок посмотрел ей в лицо:

— Не загадывайте наперед. — Он отвел взгляд, озирая утопающую во тьме речную долину, луну, пребывающую в третьей четверти, дальние огни Форт-Мокси и его пограничной заставы.

— Вы можете выиграть эту битву в суде, — вставил Макс. — Мне кажется, что у вас есть вполне реальные шансы по суду получить все обратно. Но если вы доведете дело до вооруженного сопротивления... — Тут во взгляде старика промелькнуло странное выражение, заставившее Макса прикусить язык.

— Что? — насторожилась Эйприл. — Вы что-то недоговариваете!

— Даже не догадываюсь, что вы имеете в виду, моя молодая леди, — приподнял брови Ходок, не сумев, однако, скрыть легкого замешательства.

— Так что же? — повторила она. — Вы тут все заминировали? Или что?

Вертолет вернулся, пролетев над серединой плато. Ходок бросил взгляд на часы.

— Разум подсказывает, что надо обратиться в суд, — гнула свое Эйприл. — Почему вы не хотите обратиться в суд?

Вопрос угодил в цель, и Ходок просто отмахнулся, не желая более произносить ни слова. Он хотел лишь одного — чтобы она уехала.

— Так почему же? — не уступала Эйприл. — Почему суд не поможет? Вы ждете подвоха? Или чего похуже?

— Пожалуйста, Эйприл, уезжайте. Хотелось бы мне, чтобы существовал иной, более спокойный путь.

— Вы считаете, что они уничтожат Купол, правда? — раскрыла она глаза. — Вы считаете, что никакой суд не сумеет вернуть его вам?

Губернатор поднял глаза к небу, избегая смотреть на нее. Потом развернулся на пятках и вышел за дверь.

— Боже мой, — охнула Эйприл. — Не может быть! Они на такое не пойдут!

— Нет, пойдут. Вынуждены будут пойти. До тех пор, пока люди уверены, что сверхсовершенная техника существует, что она рано или поздно выплывет на поверхность, — он будет продолжать оказывать губительное воздействие на мир в целом. Существует лишь один способ нейтрализовать Купол.

— По-моему, он прав, — проронил Макс. — Настало время убираться отсюда.

Эйприл все еще пребывала в нерешительности, постигая разверзшиеся в душе бездонные хляби ужаса.

— Нет. По-моему, не настало.

Внутри у Макса все оборвалось.

— Я не уйду, — закончила она. — Я не могу позволить, чтобы это случилось.

Ровно в двадцать тридцать Брайан Коттер, высокий, импозантный темнокожий американец, уполномоченный Агентства по защите окружающей среды, вошел в пресс-комнату агентства, навстречу объективам телекамер. Еще ни разу ему не доводилось ощущать столь напряженную атмосферу и видеть такое скопление репортеров. Это означает, что была утечка информации.

Коттеру происходящее пришлось весьма не по душе, и принимать в этом участие ему тем более не хотелось. Он понимал необходимость предпринятых президентом шагов, но знал, что воспоминания об этом дне будут годами преследовать его. Наверное, наступит час — и весьма скоро, — когда он всем сердцем будет желать вернуть время и переиграть эти несколько минут заново.

— Леди и джентльмены, — начал он, — я должен сделать сообщение, после чего с радостью отвечу на ваши вопросы. Мы крайне обеспокоены опасностями, проистекающими от Купола. Ваше правительство, как вам известно, не выработало официальной позиции по вопросу о том, на самом

ли деле существует там мост к звездам или нет. Однако достаточно солидным свидетельством этого является то обстоятельство, что территория по другую его сторону совершенно определенно находится вне Земли.

Это приводит нас к ряду тревожных выводов. Уже распространяются слухи о том, что на нашу планету проникло некое существо. Мы не представляем, что это может быть за существо, и не сомневаемся, что слухи беспочвенны. Но исключить подобную возможность все-таки нельзя, равно как и проникнуться окончательной уверенностью, что подобное не произойдет в дальнейшем. Имеются и прочие потенциальные опасности. Например, вирусы. Или химическое загрязнение.

Поэтому, в целях обеспечения общественной безопасности, наше агентство затребовало и получило судебное постановление, предписывающее владельцам находки передать ее под правительственный контроль. Подчеркиваю, это исключительно временная мера, направленная единственно на предотвращение возможной угрозы. — Вид у Коттера был совершенно страдальческий. — А теперь я отвечу на ваши вопросы.

Марис Квимби, «Пост»:

— Мистер уполномоченный, а согласились ли сиу с таким решением?

Коттер покачал головой:

— Марис, постановление федерального суда не требует ничего согласия. Но, отвечая на ваш вопрос,

скажу, что они наверняка поймут мудрость подобного курса действий. — Он указал на Хэнка Миллера из «Фокса».

— А не поздновато ли беспокоиться о микробах? — спросил тот. — Я хочу сказать, что, если там были какие-то опасные разновидности, можно не сомневаться, что они уже здесь.

— Хэнк, мы не думаем, что имеются серьезные основания для подобных опасений. Наши действия в данном отношении носят чисто профилактический характер.

Закончив пресс-конференцию, Коттер поднялся к себе в кабинет и откупорил бутылку рома из своих запасов.

*Отвага немногого стоит, коль боги
тебе не помогут.*

Еврипид, «Просительницы»

Вы смотрите специальный выпуск новостей Эн-би-си.

Силы правопорядка сегодня вечером заблокировали гребень Джонсона, очевидно, намереваясь произвести захват территории. Группа коренных американцев объявила, что они не подчинятся постановлению федерального суда. Сначала мы встретимся с Майклом Пейтманом в Белом доме, а затем переключимся на Кэрл Дженсен, находящуюся в резервации сиу близ Дьявольского озера в Северной Дакоте.

Дженсен расположилась в Синем доме — здании администрации племени, загнав в угол Уильяма Ястреба. Трансляция на всю страну. Если ты работаешь в десятичасовых новостях Фарго, это твой звездный час. Она улыбнулась Ястребу, но тот словно и не заметил этого.

— Минутная готовность, — сообщил оператор, наводя камеру на резкость.

— Держитесь естественно, советник, — сказала она. — Мы начнем, когда загорится красная лампочка.

— Ладно, — отозвался Ястреб, одетый в кожаный жилет, фланелевую сорочку и джинсы. «На вид ему лет шестьдесят, — прикинула Кэрол, — хотя лицо так изборозжено морщинами, что можно дать и больше».

Снова слышался голос режиссера, сидящего в Фарго:

— Кэрол, все, как обычно. Как будто работаешь для нас. Только когда будешь представляться, не забудь, что выступаешь по-крупному.

— Хорошо.

До эфира остались считанные секунды. Оператор показал пять пальцев и начал обратный отсчет. На камере вспыхнула красная лампочка.

— Здравствуйте, я Кэрол Дженсен. Мы находимся в здании администрации сиу на Дьявольском озере. Мы беседуем с советником Уильямом Ястребом, одним из руководителей племени сиу. Советник Ястреб, как я понимаю, вы видели пресс-конференцию Агентства по защите окружающей среды, состоявшуюся сегодня вечером?

— Да, Кэрол, видел. — Ястреб плотно сжал губы, но во взгляде его застыла мука. Кэрол надеялась, что его боль видна на экране, олицетворяя трагическое благородство.

— Как вы можете прокомментировать заявление уполномоченного Коттера?

— Уполномоченный не может не понимать, что нет никакой опасности. Ни для кого. Никто не видел никаких существ, вошедших сквозь ворота, и я уверен, что ни один человек не воспринимает всерьез байку о невидимке. И прочее.

— Советник, как вы намерены поступить?

Его лицо омрачилось:

— Мы не позволим отнять у нас эту землю. Она принадлежит нам по праву, и мы будем ее защищать.

— Означает ли это применение силы?

— Если потребуются. Надеюсь, до этого не дойдет.

— Чуть раньше вы мне говорили, что ваша дочь находится на гребне.

— Совершенно верно.

— Заберете ли вы ее домой?

— Она останется со своими братьями, чтобы отстоять свое наследие. — На его обветренном лице застыло выражение гордого неповиновения.

— Мы в вас не нуждаемся, — сказал Адам. — Вы с Максом должны уехать сейчас же, пока еще не поздно.

— Он прав, — подхватил Макс. — Нам тут нечего делать.

— По-моему, тут дело найдется всем, — печально взглянула на него Эйприл. — Мы чертовски глупы, ленивы или что там еще, чтобы приставить к делу образованных людей, так что вместо этого мы уничтожим Купол. Прямо злости не хватает! Никуда я не поеду! Мое место здесь...

— А вы умеете стрелять? — перебил ее Адам. — Вы будете стрелять?

— Нет. Я не стану никого убивать. Но все равно останусь здесь. — Эйприл понимала, как бессвязно и бессильно прозвучало ее заявление, и на глазах у нее выступили слезы.

— Вы будете только путаться под ногами.

— Если хотите убрать меня отсюда, — не уступала она, — то вам придется швырнуть меня в пропасть!

Макс в отчаянии вскинул руки. Он все пытался начать сложную процедуру прощания и отступления в сторону машины. «Порой, — думал он, — нужно куда больше воли, чтобы сбежать, чем остаться». Он вовсе не собирался возлагать свою жизнь на алтарь безнадёжного предприятия и все еще раздумывал, как бы потактичнее удалиться, когда к ним подошла Андреа.

— Может, есть еще один способ, — сказала она Адаму. — Скажем, пригрозить, что уничтожим ворота. Оставим их с носом.

— Не годится, — возразил он. — Именно этого они и хотят.

— А может, и сработает, — не согласился Макс. — Сегодня тут наверняка столько прессы — яблоку упасть негде будет. Это будет информационный кошмар правительства.

— Это станет информационным кошмаром, если мы сумеем передать угрозу в эфир, — заметил Адам. — А такой возможности у нас нет.

— То есть как? Разве Снежная Ястребица не в эфире?

— Нет, — подтвердила Андреа. — И если бы мы смогли каким-либо образом связаться с прессой, то сумели бы оказать на них серьезное давление и заставили отступить.

— Нет. — В голосе Эйприл зазвенела сталь. — Нельзя ставить ворота под угрозу. Иначе просто нет смысла здесь оставаться.

— Мы вовсе не обязаны их уничтожать, — стояла на своем Андреа. — Это просто блеф.

— Именно так они и поймут, — парировал Адам. — Пожалуй, еще и начнут нас провоцировать, чтобы мы привели угрозу в исполнение. — По дороге двигались огни фар. — Им просто придется так поступить.

Зазвонил телефон. Все переглянулись.

— А я думал, телефон не работает, — подал голос Макс.

Они стояли на краю раскопа.

— Должно быть, это представители властей, — решила Эйприл.

Звонил аппарат Макса. Сняв трубку, Эйприл послушала и кивнула.

— Да, он здесь. — Она протянула трубку Макс.

— Алло! — буркнул тот.

Женский голос переспросил, в самом ли деле он мистер Коллингвуд.

— Да.

— С вами хочет поговорить президент.

Макс оцепенел и уставился на остальных. Те устремили взгляды на него. «Кто?» — беззвучно, одними губами спросила Эйприл.

И тут в трубке зазвучал знакомый голос с резко-ватым балтиморским акцентом:

— Макс?

— Да, господин президент.

Окружающие удивленно распахнули глаза.

— Макс, наш разговор могут услышать остальные?

— Да.

— Ладно. Я понимаю, что вы можете при желании включить громкую трансляцию. Но лучше не надо. Мои слова предназначены только для ваших ушей.

У Макса вдруг пересохло во рту.

— Господин президент, я очень рад вас слышать.

— А я рад случаю потолковать с тобой, сынок. Итак, слушай: во всей стране воцарился ад кромешный. Все обстоит куда хуже, чем ты, должно быть, подозреваешь. Люди теряют работу, лишаются своих сбережений, и Бог знает, куда это нас вообще заведет.

— Из-за Купола?

— Из-за Купола. Послушай, нам не хотелось бы ничего отнимать у индейцев, и ты это знаешь. Вся страна это знает. Но люди напуганы, и надо взять события под контроль. Мы проследим, чтобы об индейцах хорошо позаботились. Даю тебе слово. Но эта штукавина в корне отличается от всего, с чем нам до сих пор приходилось иметь дело. Это ведь национальное достояние, верно? Я хочу сказать, что это же не индейцы его туда поместили, они вообще не имеют к этому никакого отношения. Просто уж так получилось, что он оказался на их земле. — Президент замолчал — желая то ли отдышаться, то ли взять себя в руки. Голос его звучал на грани срыва.

— Мне известно об этих проблемах, сэр.

— Хорошо. Тогда ты понимаешь, что я вынужден перейти к активным действиям. Вынужден. Помилуй Господи, Макс, меньше всего на свете нам хочется, чтобы из-за ерундовины была пролита кровь.

— Я уверен, что все здесь присутствующие разделяют ваши чувства.

— Конечно. Конечно. — Голос президента изменился, в нем зазвучали нотки уверенности, словно они уже достигли согласия. — Я знаю о твоём отце, Макс. Он послужил стране чертовски хорошо.

— Да, сэр. Послужил.

— Теперь такой шанс появился у тебя. — Он мгновение помедлил. — Мне нужна твоя помощь, сынок.

Макс уже догадывался, что последует дальше:

— Я тут не пользуюсь особым влиянием, господин президент.

— Они нам не доверяют, не так ли?

— Нет, сэр. Не доверяют.

— Винить их тут не в чем. Но мне хотелось бы лично поручиться, что они получают щедрую компенсацию за отказ от прав на гребень Джонсона.

— Вы хотите, чтобы я им это сказал?

— Будь так добр. Но еще мне нужно, чтобы ты попытался убедить их взглянуть на проблему с нашей точки зрения. Ты мне нужен, чтобы убедить их отступить, Макс. Единственное, к чему приведет их упорство — они все будут убиты. Ну пожалуйста, мне без твоей помощи не обойтись.

— Но почему я, господин президент? Почему вы не позвали к телефону губернатора Ходока? Или доктора Кэннон?

— Ходок свой выбор уже сделал. Доктор Кэннон еще слишком молода, чтобы иметь влияние на группу индейцев... Ну, сам понимаешь. Буду с тобой честен до конца, Макс. Мы тут просмотрели личные дела всех, кто находится рядом с тобой, и обнаружили, что ты один способен внять голосу рассудка.

Макс тяжело вздохнул. Он оказался слабым звеном.

— Я скажу им, — пообещал он. — А можно у вас спросить кое о чем?

— Валяй, Макс. Спрашивай что хочешь. Вообще что угодно.

— Ходят слухи, что правительство намерено уничтожить Купол. Вы мне можете дать слово, что в этом нет ни крупинцы правды?

На том конце послышалось учащенное дыхание. Потом:

— Макс, мы не станем этого делать.

— Даете слово, господин президент?

— Макс, я могу обещать щедрую компенсацию.

— Что он говорит? — шепотом проинтересовалась Эйприл.

Макс лишь тряхнул головой:

— Вряд ли этого достаточно, господин президент.

— Макс, ты можешь нам помочь. Поговори с ними.

— Меня они не послушают. Кроме того, мне кажется, что они правы.

Тишина на том конце провода затянулась настолько, что Макс было засомневался, что президент еще не бросил трубку.

— Знаешь, Макс, — подал тот наконец голос, — если кровопролитие будет, тебе придется до самой

смерти жить с сознанием, что ты мог его предотвратить. — Макссу живо представился президент: маленький человечек, чем-то смахивающий на хозяина ближайшего писчебумажного магазина. — Мне жаль тебя, сынок. Ну что ж, ты поступил, как должен, и я уважаю тебя за это. Только будь на связи, ладно? Тебе дадут номер, так что ты сможешь дозвониться, если передумаешь. Если нам удастся выпутаться из этого мирным путем, я с радостью увижу тебя в Белом доме.

На этом разговор закончился. Макс записал номер и вручил его Адаму. Даже не взглянув на листок, Адам порвал его на мелкие клочки, распахнул дверь и пустил их по ветру. И только тут до Макса дошло, что единственным человеком, подумавшим, будто Макс Коллингвуд собирается остаться с сиу, был президент Соединенных Штатов.

Белый фургон новостей «Лесли в десять» катил по прерии на восток, в сторону гребня Джонсона. Кэрол была вне себя от волнения, вновь и вновь проигрывая в уме интервью и наслаждаясь драматическим эффектом. «Она останется рядом с братьями, чтобы отстоять свою землю». А потом, в конце, свою финальную реплику: «Репортаж Кэрол Дженсен из резервации сиу у Дьявольского озера, специально для новостей Эн-би-си».

И это еще не все. Сюда направляется Роберт Бейзелл, но до его приезда она остается единственным репортером, находящимся на переднем крае. В душе

Кэрол надеялась, что самолет Бейзелла где-нибудь застрянет.

Откинувшись на спинку сиденья, Кэрол позволила своему безмерному восторгу на миг захлестнуть ее.

Они проехали через плоскогорье Пембина и снова повернули на север по шоссе №32. Через некоторое время небо впереди озарилось изумрудным сиянием.

Полицейские направляли все машины в объезд. Кэрол показала свои документы, и ей позволили проехать. Впереди, у въезда на дорогу к гребню, мерцали мигалки, и на шоссе падал голубоватый свет софитов. По обе стороны от двухполосной дороги на склоне стояли легковые машины и фургоны. Чанг выключил двигатель и затормозил возле фургона Эн-би-си.

У въезда на дорогу собралась целая толпа журналистов. В центре их внимания пребывал старенький потрепанный «форд». Кэрол узнала Ходока тотчас же. Выбравшись из машины, он беседовал с помощником шерифа. Остальные полицейские без особого успеха пытались держать журналистов подальше от них.

— Хватай камеру, Чанг, — *распорядилась она, набирая номер студии на своем сотовом телефоне.*

— Кэрол? — тотчас же отозвался режиссер. — Я как раз собирался тебе звонить.

— Мы на месте.

— Хорошо. Ходок только что спустился с горки. Си-эн-эн и Эй-би-си уже включились. Очевидно, он собирается сделать заявление.

Кэрол уже успела выйти из машины и приближалась к месту действий. Чанг подошел с другой стороны, вскидывая камеру на плечо.

— Даем заставку, — сообщили из студии. — Включаем вас через двадцать секунд.

— Сукин сын. — Кэрол бросила короткий взгляд на спутника. — Чанг, ты готов?

Они вклинились в группу журналистов, прокладывая себе путь локтями и боками, пока не смогли пробраться поближе. Ходок казался совсем старым и надломленным. Обеспокоенные суматохой полицейские уже начали терять выдержку. Женщина с бляхой судебного исполнителя на груди оживленно обсуждала что-то с шефом полиции Датаблом. Кэрол всегда хорошо читала по губам и разобрала достаточно, чтобы понять: женщина уговаривает шефа позволить, чтобы что-то произошло.

Репортеры пробивались вперед. Вся сцена была залита ослепительным светом, позади на снегу лежали угольно-черные тени.

Помощник шерифа заметил знак, поданный Датаблом, и сдал назад. Тотчас же в сторону «форда» протянулось несколько рук с микрофонами. Как индейцы относятся к изгнанию? Окажут ли сиу сопротивление? Прячут ли сиу что-нибудь? Правду ли говорят о Пришельце?

— Нет, мы ничего не прячем, — отозвался Ходок и взобрался на склон, чтобы его увидели все. — Меня зовут Джеймс Ходок. Я губернатор и председатель совета племени.

— Так что же тут за бешеная секретность? — крикнул кто-то.

— Нет никакой секретности, — озадаченно поглядел на журналистов Ходок. — Мы охотно дели-

лись девственным миром со всеми, кто приходил взглянуть. Но Купол находится на нашей земле.

Репортеры притихли.

— Быть может, — продолжал Ходок, — через этот гребень проходит дорога к звездам. Кое-кого тревожат сделанные тут открытия. Пожалуй, даже пугают. А нам хорошо известно, что, когда приходят перемены, никто не цепляется за старое с такой отчаянной решимостью, как власть предрешающие. Они знают, что перемены неизбежны, но если смогут, будут выдавать новое строго отмеренными порциями, будто корм для кур.

Ваше правительство сказало нам, что мы должны уйти. Если мы не подчинимся, нас изгонят силой. А тем, у кого достанет безрассудства остаться на собственной земле, грозят тюрьмой. Или чем-нибудь похуже. И я хочу спросить вас: если эти люди могут захватить нашу землю, потому что они напуганы, чья же земля гарантирована от их посягательств? Если они готовы выхватить у нас наше будущее, то чье же будущее гарантировано от их посягательств?

(Голос режиссера: «Гениально, Кэрол! Он просто великолепен! Попытайся взять у него эксклюзивное интервью, когда все будет кончено».)

— Уже не в первый раз нас заставляют защищать свою землю ценой крови. Но я обращаюсь прямо к президенту Соединенных Штатов. — Чанг сделал наезд до крупного плана. — Господин президент, только вы располагаете властью, необходимой, чтобы положить конец происходящему. Люди, которые по-

гибнут сегодня ночью — и по ту, и по другую сторону, — невинны. Кроме того, они идеалисты, иначе им не пришлось бы сегодня противостоять друг другу. Они — лучшие среди нас, они готовы пожертвовать собой ради того, что им диктуют старейшины. Положите этому конец, пока еще можно.

Пропуск Тома Ласкера ничуть не помог ему у заграждения — его просто-напросто завернули, не дав никаких объяснений. Он тут же схватился за сотовый телефон; чтобы позвонить Максу, но в трубке раздавались лишь частые двухтональные гудки, обычно указывающие, что линия отключена.

Том слушал все репортажи с места событий и знал, что объявлен ультиматум. Однако только сейчас до него дошло, что дело идет к стрельбе и могут быть жертвы.

Он колебался, не зная, что предпринять, понимая, что надо с кем-нибудь поговорить, но не представлял, кто же тут может помочь. Позвонив Джинни, он рассказал ей о происходящем.

— Поезжай домой, — попросила она. — Не впутывайся в это.

А через минуту она сама перезвонила мужу:

— Кто-то из резервации пытается переговорить с тобой. — Она продиктовала номер и добавила: — Будь осторожен.

Трубку снял Уильям Ястреб.

— Том, — сказал он, — нам нужно как-нибудь передать весточку губернатору.

Эйприл охватило необычайное спокойствие. Макс оставалось только гадать, из-за чего — то ли она в нем разочаровалась, то ли просто напугана. Они вернулись в административный блок и сидели в мрачном молчании. Во всяком случае, в такой гнетущей атмосфере Макс не мог признаться, что у него на душе. И это причиняло ему невыносимую муку.

— Эйприл, — промолвил он, — а ты уверена, что хочешь остаться?

Она подняла глаза. Ей потребовалась добрая секунда, чтобы сосредоточиться.

— Да. Я полностью разделяю чувства Адама. Я не могу уйти отсюда и позволить им все захватить.

— Ага. Ладно. — Макс встал. — Ну, тогда я поехал.

— Удачи тебе, — кивнула она.

*Не пристало человеку зажимивать глаза,
когда в него целются.*

Монтень. «О стойкости»

Как только стало окончательно ясно, что сиу не пойдут на попятную, Элизабет Сильвера начала прослушивать телефонные переговоры. Ей было известно о вопросе Ходока Адаму: «Насколько далеко вы готовы зайти?» и об ответе на него. Кроме того, из его разговора с Уолтером Асквитом, писателем, лауреатом Пулитцеровской премии, она заключила, что Ходок планирует устроить что-то вроде демонстрации с привлечением сторонних лиц. Более конкретной информацией она не располагала. Она прослушивала и все другие разговоры, пока не отключили связь, — краткие беседы, во время которых индейцы уверяли свои семьи, что с ними ничего дурного не случится, но они отстоят то, что принадлежит им по праву, — и прикидывала, догадываются ли они о прослушивании, и не предназначаются ли эти реплики специально для ее ушей? Наконец, она выслушала разговор Макса с президентом. Отказ Макса занять определенную позицию возмутил ее и одновре-

менно убедил, что придется применить силу. Если бы сиу были намерены пойти на переговоры, то время для этого у них было.

Вообще-то Сильверу это поручение не привело в восторг, и дело вовсе не в моральных или политических предубеждениях. Но ситуация сложилась взрывоопасная, сулящая только изрядный профессиональный риск и не приносящая никакой выгоды. Если Элизабет справится как надо, ей придется передать дело в руки спецназа, которому и достанется вся слава. А если хоть на чем-нибудь проколется, это будет стоить ей карьеры.

Официально она передала операцию спецназу еще под вечер. Командир группы Гораций Гибсон приехал на место, чтобы лично позаботиться обо всем. Учитывая, какую вокруг этого Купола подняли шумиху, меньшего Сильвера и не ожидала. Она уже однажды встречалась с Гибсоном и осталась не в восторге от него — слишком уж много бравады. Гибсон ценил собственную персону чересчур высоко и не делал секрета из своего убеждения, что на его людях свет клином сошелся, что они — элита организации. Рядом с ним Элизабет чувствовала себя невежественной крестьянкой.

Но в этот раз она ощутила чуть ли не жалость к нему, зная о полученных им инструкциях: захватить Купол быстро, чтобы избежать излишней шумихи в прессе, сделать это без потерь и по возможности не причинив вреда никому из индейцев.

Что ж, ни пуха ни пера.

Она знала Горация достаточно хорошо, чтобы заключить, что индейцам лучше бы ему не попадаться.

**Спецвыпуск новостей Эн-би-си,
интервью Тома Брокау
с министром юстиции Кристианом Полком**

Брокау: Мистер Полк, мы только что посмотрели обращение Джеймса Уолкера, призывающее к предотвращению кровопролития и подкрепленное обвинением в адрес правительства в попытке похитить землю, принадлежащую индейцам-сиу. Чем вы можете ответить на все это?

Полк: Том, мы настроены по отношению к губернатору Ходоку и сиу весьма благожелательно. Мне бы хотелось подчеркнуть, что предпринятые нами шаги отвечают, по нашему глубокому убеждению, всеобщим интересам. Позвольте еще раз повторить, что мы вовсе не отнимаем землю, а лишь просим передать ее под наш присмотр.

Брокау: А что именно подразумевается под присмотром, мистер Полк? Кто будет на самом деле контролировать использование Купола?

Полк: Разумеется, сиу! Единственное, зачем потребовалось наше присутствие, — это чтобы обеспечить... Послушайте, Том, эта ситуация не знает аналогов в мировой практике. Долг обязывает нас принять все необходимые меры безопасности. Мы ведь даже не представляем, с

чем имеем дело, и американский народ нас не поддержит, если мы пренебрежем обязанностями и пустим дело на самотек. Это просто вполне благоразумный шаг.

Брокау: А не можете ли чуть более конкретно указать, какие опасности вас тревожат?

Полк: Во-первых, мы хотим восстановить спокойствие. Ходят слухи, что через Купол к нам пробралось нечто...

Брокау: Но вы-то не верите подобным слухам, не так ли?

Полк: Нет, лично я не верю. Но речь идет не обо мне. Верят очень многие, и мы должны успокоить их.

Брокау: Значит, вы решили силой отобрать землю сиу только потому, что у некоторых жителей Северной Дакоты пошаливают нервы?

Полк: Имеются и другие факторы. Нам не известно, какие еще опасности могут там таиться — например, инфекционные заболевания. Вот что нас беспокоит в первую очередь. Мы обязаны взять эти ворота под контроль.

Брокау: Судя по всему, сиу не собираются подчиняться решению суда.

Полк: Боюсь, такой возможности у них нет.

Брокау: Быть может, у вас и есть основания для страха, потому что на сей раз козыри на руках у сиу. Мистер Полк, а готовы ли вы применить силу?

Полк: Уверен, что до этого не дойдет.

Брокау: И все-таки — примените ли вы силу, если будете вынуждены?

Полк: Мы абсолютно уверены, что этот вопрос можно решить мирным путем.

Брокау: Спасибо, сэр.

Полк: Это вам спасибо, Том.

Сидя на временном командном пункте на вершине холма в паре миль к северу от гребня Джонсона, Гораций Гибсон просматривал последнюю партию фотоснимков района операции и уточненный прогноз погоды. Он тщательно изучил досье Адама Небо и потому не надеялся отыскать в обороне ошибки или слабые места. Да вдобавок пребывал в полнейшей неизвестности о том, какое оружие Небо может пустить в ход.

Сиу окопаются, пользуясь земляными валами в качестве укрытия.

Гибсон предпочел бы начать атаку черными дымовыми шашками, вслед за которыми тут же забросать индейцев светодымовыми гранатами. Сначала ослепить их, потом порядком тряхнуть и десантироваться с вертолетов, пока они не перегруппировались. Однако скорость ветра над плато составляет сорок миль в час, и ожидается, что ночью он усилится. Так что никакой дым скрыть атакующих не в силах. Маневренность вертолетов при такой силе ветра тоже оставляет желать лучшего, но это не так страшно.

Будь его воля, Гораций просто изолировал бы периметр и ждал бы, когда осажденные выйдут. Но

Белый дом наверняка будет торопить события, тут уж и сомневаться нечего. Давайте, мол, кончайте с этим!

Район действий Горацию тоже не понравился — на подступах к окопам ни единого укрытия, только голая, более или менее ровная площадка. Полностью простреливаемая зона.

Наиболее практичной стратегией было бы обстреливать валы с «Черных соколов», чтобы загнать обороняющихся на дно окопов — или хотя бы вызвать замешательство, чтобы прикрыть высадку.

Элизабет Сильвера вместе с шефом полиции Датаблом и полудюжиной полицейских, вооруженных винтовками, заняла позицию на плато в четверти мили западнее подъездной дороги. Если индейцам вздумается стрелять, позиция у них как на ладони, но зато с нее прекрасно видны обороняющиеся по ту сторону земляных валов. Груды земли находились в тени, а позади позиций Небо установил брезент, натянутый на деревянную раму, чтобы его люди не вырисовывались силуэтами на фоне свечения Купола. Зато в ясном небе сияла почти полная луна. Вертолет рекогносцировки, время от времени совершающий облеты плато, сейчас завис над северной оконечностью плато.

Узнав, что спецназ не просит и не хочет огневой поддержки, Датабл испытал безмерное облегчение. Единственное, в чем нуждались спецназовцы, чтобы полиция не допускала на плато никаких посторонних. Это поумерит прыть прессы.

Элизабет знала, что, когда дойдет до дела, все разыграется очень быстро. Она уже однажды наблюдала Гибсона в действии. Теперь же дожидалась только шифровки, сообщающей время штурма и излагающей специальные инструкции командира для нее. Она вполуха слушала какие-то необязательные разглагольствования Датабла, когда уловила гул какого-то нового летательного аппарата.

Звук отличался от рокота винтов «Черных соколов».

Странно. В небе над гребнем не должно быть никого, кроме блюстителей порядка.

С юга приближался серый моторно-винтовой самолет. В бинокль Элизабет разглядела на нем опознавательные знаки армии США.

— Какого черта?! — буркнула она себе под нос и переключила рацию на частоту вертолета. — Стрелодин, я Черепаха. У нас непрошенные гости.

— Вижу, — послышалось в ответ.

— Велите ему убираться.

— Черепаха, я вызываю его уже добрую минуту.

Не отвечает.

Идущий на бреющем полете самолет быстро приближался.

— Жду указаний, Черепаха.

«Черный сокол» не отставал от самолета, держась футов на тысячу повыше.

— Черепаха, это старый «Мститель», — доложили с вертолета. — Истребитель времен второй мировой. — Еще пауза. — Не отвечает.

— Кто это? — спросила Сильвера. — Есть у него номер?

Вертолетчик продиктовал хвостовой номер, и Датабл записал его.

— Сейчас, минуточку. — Он передал номер водителю одной из патрульных машин.

«Мститель» начал заход на посадку.

— Стрела-один, — вышел в эфир Гибсон, — дайте предупредительный выстрел.

«Черный сокол» выпустил ракету, прочертившую темноту ярким факелом прямо перед антикварным самолетом, в поле зрения пилота. «Мститель» слегка завилял, но остался на прежнем курсе.

— Самолет принадлежит некоему Тому Ласкеру, — сообщил Датабл. — Приписан к *Форт-Мокси*.

— Ласкер? — переспросила Элизабет. — Да я же его знаю! Это тот, с яхтой.

В этот миг «Мститель» с ревом пронесся над окопами, потеряв что-то по пути, и тут же заложил крутой вираж, с набором высоты уходя на запад.

— Стрела-один, прекратить преследование. — Она повернулась к Датаблу. — Пусть его кто-нибудь встретит на посадочной площадке. По-моему, нам следует порасспросить его кое-что о чем.

— Он что-то сбросил, — сказал один из полицейских.

Элизабет направила бинокль в сторону раскопа:

— Черепаха, я Стрела-один. Индейцы выбрались из своей норы. Что-то ищут.

— Вас поняла.

— Вперед вышли двое, за кольцо траншей. Погодите-ка, погодите... Ага! Не знаю, что это, но по-моему, они уже все нашли.

Элизабет наблюдала в бинокль, как сиу удаляются обратно в хитросплетения траншей. Ради чего же такого важного Ласкер решился рисковать не только самолетом, но и головой?

Макс, разумеется, узнал «Мститель» тотчас же. Съездившись за рулем собственной машины, он наблюдал за развитием драмы, со страхом ожидая, что самолет Ласкера собьют в любую секунду.

Но до этого так и не дошло. Двигатель машины впустую пережигал бензин, а Макс все не трогался с места, хотя всей душой мечтал оказаться где-нибудь подальше отсюда. Он злился на себя и терзался угрызениями совести, испепелявшей его изнутри. Но его жизнь однажды уже висела на волоске из-за этой затеи, он уходил в этот чертов золотой свет, не имея ни малейшей гарантии, что его тело не распылится на атомы. Теперь же на него все смотрят, как на Бенедикта Арнольда*, и шарахаются, как от прокаженного.

Ну, скажем, не все. На самом деле только Эйприл. Но вот как раз ее-то отношение и язвит его больше всего. Она бы и по сей день прохлаждалась на пляже, не приди Макс за ней.

Адам и остальные ему симпатичны, Макс даже в какой-то мере разделяет их чувства, но его дело сто-

---

* Бенедикт Арнольд (1741—1801) — американский генерал, перешедший на сторону англичан во время войны за независимость. Его имя стало синонимом предательства.

рона. Это их битва, и нечего вмешиваться. Если Эйприл вздумалось отдать свою жизнь ни за что ни про что, это ее личное дело. Он же пока не намерен отправляться на тот свет. Еще чего! Но как она посмотрела, когда Макс выдал из себя, что уезжает...

Включив фары, Макс медленно покатил в сторону дороги, понимая, что там повсюду полицейские. Они наверняка вооружены и, наверное, чуточку психуют. Рисковать совершенно ни к чему.

Но тут Макс заметил позади какое-то движение.

Кто-то машет. Адам.

Притормозив, Макс развернулся и поехал обратно.

— Макс, — Адам подошел к машине вплотную, — ты можешь кое-что сделать для нас?

Макс замялся:

— А зачем прилетал Том?

— Доставить вот это. — Адам протянул ему листок.

Поднеся листок поближе к лампочке на приборной доске, Макс увидел, что это записка от Уильяма Ястреба.

Губернатор!

Ваши люди на подходе. Два спецрейса сядут в Гранд-Форкс примерно в 23.00. Посылаю сопровождение.

— Что это? — поднял глаза Макс. — Подкрепление?

— Люди, которые, по мнению губернатора, могут положить этому конец.

Макс только вздохнул:

— Не хочется этого говорить, но тут губернатор просчитался.

— Может быть, — согласился Адам, — но больше нам надеяться уже не на что. Этими двумя рейсами летят двенадцать или тринадцать человек.

— Проблема в том, что, если даже они способны помочь, им сюда не попасть.

— Вот именно. Дороги перекрыты.

— И чего же вы хотите от меня?

— Чтобы ты доставил их по воздуху. Поговори со своими друзьями в «Голубой сойке». Найми пару вертолетов.

— Ты с ума сошел! Уж сюда-то «Голубая сойка» не повезет никого. Тома вон чуть не сбили.

— Но ведь они твои друзья! — настаивал Адам. — Предложи им кучу денег. Их риск окупится.

Макс уставился неподвижным взглядом поверх руля на темную полосу леса, скрывающего дорогу. Одна из патрульных машин включила мигалку. Но больше никаких признаков жизни.

— Сделаю, что смогу, — наконец вымолвил Макс.

Полицейские дожидались его у самого въезда на дорогу. Его держали на месте до тех пор, пока не подъехала одна из машин, стоящих на плато. Из нее выбралась Элизабет Сильвера.

— Рада вас видеть, мистер Коллингвуд. Не будете ли вы добры выйти из машины?

Макс подчинился.

— Еще кто-нибудь собирается уйти оттуда?

— Не знаю. Вряд ли.

— А как насчет Кэннон?

— Она считает, что вы собираетесь уничтожить Купол.

— Как я понимаю, это означает «нет».

— Правильно. Нет.

Макс скрестил руки на груди, словно защищаясь, потому что был в компании людей, отказавшихся подчиниться законным властям, и чувствовал себя виноватым, потому что бросил друзей в беде.

— Чем они располагают? — Тон Сильверы смягчился, зазвучав чуть ли не сердечно. Дескать, все мы тут увязли по уши.

— Простите?

— Из оружия. Что у них есть?

— Не знаю. Пистолеты. Винтовки. У них есть винтовки. Не знаю, что еще.

Строго говоря, Макс ни капельки не погрешил против истины — он действительно не интересовался такими деталями. Сильвера кивнула:

— А что сбросил самолет?

К этому вопросу Макс был готов:

— Послание племени. Чтобы все знали, что их поддерживают.

— И все?

— И все. Таков обычай. Ободряющее послание воинам. Ему уже сотни лет.

Сильвера даже бровью не повела:

— Мистер Коллингвуд, вы не можете подсказать нам, как покончить с этим мирным путем?

— Могу. — Макс выпрямился во весь рост. — Уходите. Оставьте их в покое.

— Очень жаль, что вы только так воспринимаете это, — с неудовольствием отозвалась она. — Где вы остановитесь?

— В «Северной звезде». В Форт-Мокси.

— Далеко не уходите. Возможно, нам нужно будет поговорить с вами еще раз.

— Разумеется.

Он то и дело поглядывал в зеркало заднего обзора, чтобы проверить, нет ли за ним слежки. Но дорога оставалась пустынной. Хорошо бы позвонить Джейку Торальдсону и попросить его подготовить «Молнию» к вылету, но разговоры почти наверняка прослушиваются. Так что придется потерять полчаса в аэропорту Форт-Мокси, пока самолет будут выводить из ангара и прогревать.

В начале одиннадцатого Макс вывел самолет на взлетную полосу, развернул его против ветра и запустил моторы. Оба «Эллисона» с жидкостным охлаждением успокоительно зарокотали. Джейк дал разрешение на взлет — чуточку абсурдный жест в Форт-Мокси, небеса над которым всегда бывают пусты. Макс открыл дроссели, и старая боевая машина тронулась.

То ли причиной тому был гул двигателей, то ли посвист ветра над фонарем, то ли геометрия «Молнии» — а может, гены военного летчика взяли свое, но как бы то ни было, когда машина оторвалась от взлетной полосы, все страхи Макса остались позади.

Этот самолет решил исход великого сражения в Тихом океане. Макс посмотрел сквозь прицел. Вооружение самолета, состоящее из двадцатимиллиметровой пушки и четырех пулеметов пятидесятого калибра, было сосредоточено в носу. Огневая мощь «Молнии» в сочетании со способностью летать быстрее четырехсот миль в час делала ее непобедимой. Немцы называли этот самолет «der Gabelschwanz Teufel» — вилохвостым дьяволом.

Теперь вооружение сняли, но Макса на пару секунд вдруг охватило дикое желание иметь его под рукой.

Выровняв машины на высоте девяти тысяч футов, он сразу же заметил другой самолет — на четырнадцать тысячах и заметно севернее. Слишком далеко, чтобы разглядеть опознавательные знаки; впрочем, и так ясно, что они следят за воздушным пространством.

Макс испытывал искушение пролететь над Куполом и покачать крыльями, дать Адаму знак, что на него можно положиться, но привлекать к себе внимание было бы неблагоразумно с его стороны.

Второй самолет — моторно-винтовой, так что обогнать его будет нетрудно. Но радар не обгонишь. Ну и ладно, пусть следят за ним хоть до посадки в Гранд-Форкс — а они, несомненно, так и поступят; — что же с того? Как только он приземлится, они утратят к нему всякий интерес.

Выполнив плавный, неспешный поворот на юг, Макс увеличил скорость.

Двадцать минут спустя он приземлился на поле Каспер и остановил «Молнию» перед шеренгой невзрачных зданий аэродрома. На Каспере расквартированы несколько транспортных фирм, компания сельскохозяйственной авиации и летная школа. А еще — транспортная компания «Голубая сойка». Макс выбрался из самолета даже не дожидаясь, когда тот остановится, и припустил к полинявшему желтому домику конторы «Голубой сойки».

На подлете Макс слушал переговоры диспетчерской службы Гранд-Форкс и теперь знал, что один из спецрейсов уже в зоне аэродрома, а второй будет через полчаса. Сиу послали кого-то встретить самолеты, но Макс понимал, что если и есть шанс доставить таинственных друзей Ходока на гребень, пока еще можно что-то поправить, то надо ему брать дело в свои руки. Найдя таксофон, он выудил из кармана четвертак и снял трубку.

— Макс, еще разок, и помедленнее, — сонным голосом попросил Билл Дэвис.

— Есть работа для двух вертушек, примерно дюжина пассажиров. И пара человек с телевидения. Словом, человек четырнадцать-пятнадцать.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Макс, настолько быстро у меня ничего не получится. Я даже не знаю, кто есть под рукой.

— Ситуация авральная, — бросил Макс. — Мы платим по двойному тарифу плюс премия пилотам.

— Сколько?

— Тысяча. Каждому.

Билл мгновение поразмыслил над предложением:

— Знаешь, как мы поступим? Ты говоришь, тебе нужны две машины?

— Да.

— Хорошо. Слушай, у меня в распоряжении только один человек, которого можно сорвать в такой спешке, но вторую я поведу сам.

Поблагодарив его, Макс набрал другой номер:

— КЛМР-ТВ. Если хотите поговорить с отделом рекламы, нажмите единицу. Если...

Макс бросил взгляд на часы: без двадцати одиннадцать. И продолжал выслушивать речитатив инструкций, пока не вышел на редакцию новостей.

— Редакция новостей, — отозвались на том конце, когда он нажал нужную кнопку.

— Это Макс Коллингвуд, один из тех, из Купола. Я бы хотел поговорить с ведущим программы.

— Минуточку.

Последовала короткая тишина, потом в трубке зазвучал знакомый баритон:

— Алло! Лесли Марки слушает. Коллингвуд, это действительно вы?

— Да. Это действительно я.

— Вы же должны быть на гребне! Вы звоните с гребня?

— Нет. Послушайте, у меня не так уж много времени на разговоры, но я могу подкинуть вам сенсационный репортаж.

— Годится. — В голосе прозвучало едва сдерживаемое ликование. — Где мы можем встретиться?

Дав ему указания, Макс нажал на рычаг и вызвал Вышку.

— Диспетчерская, — отозвался мужской голос.

— Дежурного, пожалуйста, — попросил Макс, радуясь, что не придется еще раз общаться с автоответчиком.

— Простите, а кто спрашивает?

— Макс Коллингвуд. «Закатная авиация».

— Подождите, пожалуйста, мистер Коллингвуд.

Последовала долгая пауза, в течение которой его дважды заверили, что дежурный диспетчер сейчас подойдет. Наконец раздался знакомый голос:

— Привет, Макс.

Макс был знаком со всеми важными людьми от авиации в Гранд-Форкс. На сей раз дежурила Мэри Хопкинс, в прошлом вице-президент Дакотской ассоциации авиаторов — высокая, спокойная, скромная женщина, состоящая замужем за вызывающим антипатию биржевым брокером.

— Мэри, прости, что отрываю...

— Ничего. Чем могу служить?

— Сюда летят два спецрейса. Один вот-вот сядет, а второй за ним следом.

— Ага, вижу обоих.

— Я собираюсь взять пару вертушек у «Голубой сойки», чтобы подбросить пассажиров на место. Если ты сможешь устроить, чтобы они держались поближе и разрешишь прямую пересадку, я буду очень благодарен.

— Ты хочешь, чтобы пассажиров задержали в самолетах до прибытия вертолетов?

— Да. Просто поставь их, если сможешь, где они никому не будут мешать, и мы подгоним вертушки прямо к ним. Ладно?

— Макс...

Он знал, что это против правил, и Мэри от этой идеи не в восторге.

— Мэри, сама знаешь, я бы не стал просить просто так. Это очень важно. Вопрос жизни и смерти.

— Это имеет какое-нибудь отношение к событиям на границе?

— Да, можно сказать и так.

— Ладно, сделаю, что смогу, — решила она. — Как с тобой связаться?

Билл Дэвис являл собой три сотни фунтов корысти, цинизма и суховатого чувства юмора. В его послужном списке числилось четыре развода. Недавно он перенес микроинфаркт и теперь начал жить прошлым, словно дни его уже сочтены.

Обшитые деревянными панелями стены его кабинета были сплошь увешаны фотографиями самолетов и летчиков. Верхушку книжного шкафа венчал портрет Джона Уэйна* с автографом.

— Рад тебя видеть, Макс. Джордж уже едет сюда. Куда мы направляемся? — Дэвис налил в чашку кофе и протянул ее Макс.

— На гребень, — сообщил Макс, принимая чашку.

---

* Джон Уэйн (1907—1979) — американский киноактер, лауреат премии «Оскар». Снимался в вестернах и боевиках.

— А это не там ли, — нахмурился Дэвис, — откуда собираются прогнать индейцев? Национальная гвардия, что ли?

— Не гвардия, а судебные исполнители. Они хотят прикрыть все к завтрашнему утру, а сиу не хотят уходить.

— Черт, Макс, я не могу посылать туда никого.

— Пусть будет две тысячи, Билл.

— Значит, ты ожидаешь серьезных неприятностей?

— Вовсе нет. Просто у меня нет времени на споры.

В начале двенадцатого Гораций провел последнюю рекогносцировку, вернулся на КП и первым делом вызвал Карла.

— Скверно, — проговорил он.

— В чем проблема, Гораций?

— В ветре. Карл, давай выждем одну ночь. Дай нам возможность воспользоваться дымом. Иначе выйдет просто бойня. Слишком открытая местность.

— Нельзя, — отрезал Россини.

— Сукин ты сын, Карл, неужели нельзя обождать одну-единственную ночь?! Послушай! — Он приподнял трубку так, чтобы Россини услышал вой ветра. — Какого черта такая спешка?!

— Извини, Гораций, но все должно быть закончено до рассвета. Мне плевать, что для этого потребуется.

— Тогда мне придется обработать окопы, прежде чем я хоть кого-нибудь высажу на землю. Утром у тебя будет гора индейских трупов. Этого ты хочешь?

— Любой ценой, Гораций.

Гораций грохнул трубкой. Она не попала на рычаг и упала в снег.

— Не цельтесь в людей, — распорядился губернатор. — Оставим это на крайний случай.

— Но почему?! — вскинулся Малый Призрак. — У нас же война!

— Знаю, — кивнул Ходок. — Но время работает на нас. Чем дольше мы сможем оттягивать решение, тем лучше для нас.

Они встали в круг у края раскопа. Ветер яростно хлопал брезентом, загородившим их от свечения Купола.

— Объясните, пожалуйста, — подала голос Андреа.

— Помощь близка. Если мы будем все еще здесь, когда она прибудет, и если ситуация будет еще правима, пожалуй, у нас есть шанс дожить до утра. А то и удержать леса в своих руках.

— Но они же будут пытаться убить нас! С какой же нам стати не...

— Потому что как только мы прольем кровь, — отрубил Ходок, — пути назад уже не будет. Не высовывайтесь. Отстреливайтесь. Но никого не убивайте. Если можно будет этого избежать.

Адам отвел Андреа Ястребицу и Джорджа Чистый Родник в сторонку:

— Я хочу, чтобы вы расположились на флангах. Джордж, ты у стоянки. Будь осторожен. Их ждут проблемы. Мы продемонстрируем, что безнаказан-

но они вертолеты не посадят. А ринуться в лобовую атаку не могут. Так что будут вынуждены пуститься на уловки. Быть может, попробуют обойти нас и захватить Купол.

— Это им ничего не даст, — возразил Джордж. — Они застрянут в яме.

— Зато Купол будет у них. Это может поставить все дальнейшее под вопрос. Они также могут попытаться зайти с тыла. — Адам посмотрел на Андреа. — Это, видимо, означает, что они могут попробовать подняться по обрыву. Я смотрел вниз, но ничего не увидел. Но я бы непременно попытался это сделать, будь я на их стороне.

— Будет ли сигнал, когда открывать огонь? — спросила Андреа.

Лицо Адама скрывала тень.

— Нет. Это на ваше усмотрение. Но первый выстрел пусть сделают они.

Международный аэропорт Гранд-Форкс — не слишком оживленное место по сравнению с О'Хейр или Хартсфилдом, но и он обслуживает несколько крупных авиалиний, так что работы диспетчерам хватает.

Оба реактивных самолета, доставивших пассажиров спецрейсов, сразу же поставили напротив административного здания. Макс кружил сверху, пока Вышка сажала вертолеты «Голубой сойки», боровшиеся с сильным ветром.

Макс переговорил с пилотами самолетов, сообщив им, что координирует перелет и хотел бы, чтобы они пересадили пассажиров прямо в вертолеты, да как можно быстрее.

Они ответили согласием, после чего Макс получил инструкции Вышки, направлявшие его на посадку с запада, а затем, по его просьбе, в ремонтный ангар. Передав «Молнию» с рук на руки механикам, Макс подъехал на попутном перевозчике багажа к месту пересадки и увидел, что несколько пассажиров уже успели забраться в вертолеты. Остальные ждали своей очереди. Работник аэропорта помогал разгружать тележку. Лесли Марки прибыл вместе с оператором. Среди пассажиров Макс заметил Уолтера Асквита, уже побывавшего на гребне и проникшегося желанием написать книгу о Куполе. Лица одного-двух других тоже показались ему смутно знакомыми, и он уже собирался поинтересоваться их именами, когда его окликнули. Обернувшись, он увидел приближающегося Уильяма Ястреба.

— Спасибо вам за все, что вы для нас сделали, Макс, — сказал тот.

— Не за что. Надеюсь, это поможет.

В черных глазах высокого, широкоплечего индейца читался гнев, и Макс без труда вообразил его скачущим верхом во главе войска, атакующего Седьмую кавалерийскую бригаду*.

Билл Дэвис помахал им с пилотского сиденья.

---

* Все 264 человека Седьмой кавалерийской бригады погибли в битве с индейцами-сиу и шайен при Литл-Биг-Хорне

— Советник, — крикнул он, напрягая связки, чтобы перекрыть рев двигателей, — если хотите быть там к полуночи, пора трогаться!

Ястреб поглядел на Макса:

— Вы летите, Макс?

— Нет, — покачал головой Макс и неубедительно добавил: — Там и без меня тесно.

— Удачи вам, Макс, — протянул руку Ястреб.

Странная реплика при подобных обстоятельствах.

— И вам тоже, советник.

Лесли Марки уже завел оживленный разговор с пассажирами, но Ястреб забрался внутрь, и гул винтов заглушил все остальные звуки.

Первый вертолет оторвался от земли, и кто-то положил ладонь Ястребу на плечо, чтобы убедиться, что он не вывалится. А затем вертолет Дэвиса тоже взмыл в воздух, заслонив луну.

Перевалив через здание, вертолеты устремились на север. Макс проводил их взглядом. Безумцы. Если они все не сложат там головы, то могут считать себя счастливыми.

Сам он поступил совершенно правильно. Он все устроил, отправил людей Ходока в путь, а теперь может спокойно отправляться домой и смотреть все по телевизору.

Гул вертолетных винтов стих до чуть слышного рокота, а затем потонул в реве подлетающего реактивного самолета.

Максу захотелось смыть пережитые тревожения глотком-другим пива, перед тем как отправиться домой. Вообще-то перед вылетом он не берет в рот

ни капли, но сегодня можно сделать исключение. Он стоял, задумчиво воззрившись в небеса, когда снова слышался гул вертолетов.

Идущих назад!

Вот уже вдали показались их огни.

Дьявол! Что там еще?! Макс рысцой понесся к зданию, нашел телефон и позвонил на Вышку. Через минуту Мэри наконец взяла трубку и лаконично объяснила:

— Федералы.

Верный друг — крепкая защита.

Сирах, 6:14

Макс попытался было уговорить Билла Дэвиса, предлагая много денег, просто-таки громадные деньжищи, но Дэвис на эту наживку не клюнул, и Макс его ни капельки не винил. Не подчинись Билл приказу Вышки вернуться, он поплатился бы лицензией, а то еще и за решетку угодил бы.

— А мы не можем добраться другим транспортом? — осведомился Уильям Ястреб, тревожно переводя взгляд с Макса на пассажиров и обратно, словно они могли в любую секунду пасть духом и пойти на попятную.

— Насколько я знаю, нет.

— А вы-то, Макс? — встрял Лесли Марки. Способность Марки сочетать легкомысленную издевку с неколебимой цельностью натуры, сделавшая его самым популярным в округе телеведущим, заставила Макса занять оборонительную позицию. — У вас разве нет собственного авиатранспорта?

— Нет. «Закатная» реставрирует и продает антикварные самолеты. Мы не занимаемся перевозками.

Ястреб бросил взгляд на часы:

— Макс, но должен же быть какой-то способ!

Макс начал в душе жалеть, что не взлетел пораньше. Сейчас он был бы уже на полпути к Фарго.

А может, выход все-таки есть! Бросившись к телефону, он набрал номер Сейл. Выслушав тираду автоответчика, назвал, надеясь, что она вот-вот снимет трубку. Не дождавшись, он попытался перезвонить ей в контору. Трубку снял Бумер Клэвис.

— Воздушные перевозки «Тор».

— Бумер, это Макс. Сейл на месте?

— Как делишки, Макс? Могу дать ее номер. Она во Флориде.

Вот и все.

— И когда вернется?

— Ну, где-нибудь в среду. В Тампе открывают музей авиации.

Макс промолчал.

— Макс, подожди минуточку, — продолжал Бумер. — Сейчас, только найду ее номер...

— Спасибо, не трудись. Мне от него ни малейшего толку.

Макс тупо посмотрел на телефон, потом оглянулся на людей, сгрудившихся вокруг него. С виду самая заурядная группа. Двенадцать мужчин и женщина, все люди немолодые. Тут они кажутся какими-то неуместными — будто направлялись на выходные в Майями, да заблудились.

Взгляды их были прикованы к Максy. Он повесил трубку и проронил:

— Ничего не могу поделать...

Высокий седовласый мужчина предложил взять в прокат автомобиля.

— Нас не пропустят, — возразил Ястреб. — Добраться туда можно только по воздуху.

— А кто такая Сейл? — поглядела на Макса женщина.

— Владелица С-47. Она же пилот.

— А что такое С-47? — осведомился Ястреб.

— Транспортный самолет. Я думал, она согласится рискнуть и посадить машину на плато. Она уже проделывала это однажды.

Один из гостей был прикован к инвалидному креслу с электроприводом.

— А вы можете управлять С-47? — синтезированным голосом поинтересовался он.

— Я? Нет.

— А вы когда-нибудь летали на нем? — спросил тощий бородач из заднего ряда.

— Да, — признался Макс. — Но я не сумею посадить его на вершине гребня.

Один из гостей, смахивающий на профессионального полужащитника в отставке, рыжеволосый, с пронзительным взглядом, от которого мороз подирал по коже, уставил этот пронзительный взгляд на Макса и спросил:

— А почему?

— Ну, хотя бы потому, что там еще лежит снег. К тому же темно.

— Макс... Вас ведь Максом зовут? — напирал полужащитник.

— Да.

— Макс, нам больше не на кого надеяться. Я готов рискнуть, если вы возьметесь. — Он оглядел окружающих, и те согласно закивали.

— Это не самая удачная мысль, — заметил Макс.

— Звоните Бумеру, — распорядилась женщина, — и давайте трогаться.

— Велите ему установить лыжи, — послышался голос откуда-то с краю группы. — Кроме того, Макс, если вам понадобится помощь с машиной, здесь найдется еще пара пилотов.

Макс неохотно поблагодарил его. Он позволил увлечь себя через выход на улицу, где тотчас же были пойманы пять такси. Макс растолковал водителям, куда ехать, пообещал накинуть полсотни за скорость и сел в последнее такси, вместе с женщиной и полузащитником. Машина сразу же рванула с места.

— Знаете ли, — произнесла женщина, — ваши люди не очень-то хорошо все это организовали.

Макс ждал, что она улыбнется, но женщина осталась совершенно серьезной.

Через пару минут они уже неслись на юг по шоссе №1-29.

Над гребнем вовсю гулял крепкий ветер. Эйприл и Уилл Горн пристроились на корточках позади одной из груд земли. Горн сказал, что проволочная сетка, ограждающая раскоп, будет снесена первой.

Адам преклонялся перед Эйприл — она готова пролить за них свою кровь, ничего не требуя взамен. В ее присутствии они уже не чувствуют себя

такими одинокими. Стоит лишь надеяться, что она доживет до утра.

Адам организовал линию обороны позади земляных отвалов, спиной к котловану. К несчастью, отступать будет некуда. Продолжать бой, сидя в яме, — дело безнадежное.

Видимо, судебные исполнители вскоре после полуночи попытаются двинуться вперед, чтобы выбить обороняющихся с позиций. Если повезет, спасательная партия прибудет раньше. Хотя — чем она может помочь?

Эйприл замерзла. Ей никак не удавалось убедить себя, что действительно дойдет до кровопролития. Пожалуй, она может считать себя привилегированной особой, потому что ни разу не слышала звука настоящих выстрелов. Насилие существовало только за стеклом телеэкрана, в новостях и боевиках, а не в жизни. Не в ее собственной жизни.

— Смотрите, — подал голос Горн.

Три машины отделились от группы стоявших у въезда на дорогу и двинулись вперед. Фары их были погашены, но это не имело значения, потому что плато было залито ярким лунным светом. Машины выдерживали солидную дистанцию между собой. Горн что-то передал по радио.

У Эйприл вдруг стало как-то пусто в груди. Ей и хотелось бы чем-нибудь помочь, а не просто наблюдать за происходящим со стороны, но заставить себя взять в руки винтовку она не могла.

В какой-то мере они сами заварили эту кашу, она и Макс — так увлеклись открытием, что упус-

тили из виду политические последствия. Можно ведь было не афишировать свои находки, держать все под спудом. Пресса подымала бы их на смех, ну и пусть. Не так уж трудно было немного потерпеть насмешки и подумать о политических последствиях. Так нет же, ей было не до того — она упивалась вниманием прессы. Созывала пресс-конференции. Мела языком, как помелом.

Проклятие!

Один из трех автомобилей, черный новенький «шевроле», начал набирать скорость. Обогнав два других, он по широкой дуге повернул в сторону Купола, подкатив к изгороди с юга. Задняя дверца распахнулась, и оттуда выбралась женщина с мегафоном в руке.

— Губернатор Ходок. — Усиленный техникой голос загрохотал над плато.

Ходок осторожно вышел на открытое место:

— Чего вы хотите?

Эйприл посмотрела на часы. Ровно полночь.

Судебная исполнительница опустила мегафон:

— Губернатор, пора уходить.

Ветер трепал его седые волосы.

— Нет.

— Вы оказываете неповиновение властям. — Она двинулась вперед, подойдя почти вплотную к ограде. — Не стоит так поступать.

— Вы не оставили мне иного выбора.

Горн положил ладонь Эйприл на плечо:

— Как начнется стрельба, не высовывайтесь. А еще лучше — спускайтесь в ров и держитесь у самой

стенки. Через какое-то время они могут ослабить натиск и предложить нам сдаться. Тогда покажите им вот это и сдавайтесь. Но только долго не тяните.

Он протянул ей большой полотняный платок.

Белый флаг.

— Они вгрызлись в землю по периметру. — Радист прижал наушник к уху и взглянул на командира. — Гораций, мы заряжены и нацелены.

— Ладно, — кивнул Гибсон. — Как дела у скальной группы?

— Они на месте и готовы тронуться.

План довольно прост. Индейцы вытянуты в линию, а за спиной у них ров. Если удастся отеснить их в ров, бой можно считать законченным.

Стрела-два разбомбит проволочную ограду, преграждающую путь к земляным валам. Когда ограда рухнет, последует залп светошумовыми гранатами по позициям индейцев и шквальный огонь из автоматического оружия. Единица и Тройка займутся высадкой десанта, пока скалолазы (расположившиеся в безопасном укрытии футах в двадцати ниже края плато) зайдут с тыла. Если повезет, сражение закончится за считанные секунды.

На аэродроме им пришлось снова ждать, пока Бумер, Макс и двое гостей (назвавшиеся Уолли и Скоттом) закончат крепить лыжи на С-47. Самолет стоял на полузаброшенной взлетной полосе позади

арсенала Национальной гвардии. Как только самолет приготовили к вылету, пассажиры торопливо покинули корпус «Закатной авиации» и поднялись на борт. В грузовом отсеке нашлись скамьи, но назвать их комфортабельными было бы трудновато.

Макс с тяжелым сердцем следил, как пассажиры один за другим исчезают в утробе большого самолета. Подошедший Ястреб остановился рядом с ним.

— Спасибо. Я знаю, что вам не хочется этого делать.

— Вряд ли на такое найдутся охотники, — отозвался Макс.

Заканчивая предполетную проверку, он уведомил Вышку, что летит в Форт-Мокси, и получил разрешение на вылет.

Скотт сел в кресло второго пилота:

— Не против?

— Нет, — пожал плечами Макс. — Вы летали на подобных?

— Я просто хочу посмотреть работу профессионала, Макс, — небрежно отозвался тот.

Гадая, закончится ли пальба к моменту их прибытия, Макс завел моторы, и старый транспортник покатиł вперед.

Поднимая машину в воздух, Макс пытался представить вершину гребня. Видимо, на посадку следует заходить с юго-востока. Тут тормозной путь коротковат, а более длинный ведет к обрыву. Можно свернуть чуточку севернее, и в крайнем случае машина врежется в деревья, а не свалится с обрыва — но тогда в запасе будет ярдов на шестьдесят меньше.

Эх, была бы здесь Сейл!

В грузовом отсеке царило подавленное настроение.

— Может, это они? — Эйприл указала на одинокий вертолет.

— Наверяд ли. — Горн разглядывал вертолет в бинокль. — Чересчур много стволов из него торчит. — Он поглядел на Эйприл. — Не высовывайтесь.

Страх вновь шевельнулся в ее душе шершавым комком.

Вертолет держался в отдалении, крейсируя на расстоянии трехсот ярдов. Подошедший сзади Адам опустился на колени рядом с ракетометом:

— Ладно, Уилл. Ты уверен, что умеешь пользоваться этой штукой?

— Да, — тихонько отозвался тот. — И все-таки я считаю, что надо сбить вертушку.

— Нет. Действуй согласно плану.

Горн буркнул что-то неодобрительное, зарядил оружие и вскинул его на плечо.

— В результате мы оповестим их, что у нас есть ракеты, и никакого толку, — пожаловался он.

— Совершенно верно, Уилл. Совершенно правильно. — Адам сжал плечо Эйприл. — Все будет хорошо.

— Готов, — доложил Горн.

В этот момент вертолет, видимо, получил команду и сделал вираж, устремившись к оборонительным позициям. Под брюхом у него замерцали вспышки, и Адам пригнул Эйприл к земле, скомандовав:

— Огонь!

Выпустив длинный огненный шлейф, ракета пронеслась мимо надвигающегося вертолета, и в тот же *

миг перед позициями цепочкой прогремели взрывы. По земле градом забарабанили металлические осколки, ветер потянул за собой облако черного дыма. Вертолет с воем пронесся над Куполом, и вдали затарахтели автоматические винтовки.

Длинная секция забора бесследно исчезла, словно и не было. Теперь на ее месте красовался ряд полыхающих воронок.

— Все целы? — окликнул Адам.

Один за другим защитники Купола назвались.

— Отлично, — подытожил он. — Теперь они знают наверняка, что у нас есть зенитные ракеты. Поглядим, умерит ли это их прыть.

— Вы смотрите новости Эн-би-си.

Только что закончилась комедия положений «Энжи», и на экране появился Том Брокау, стоящий перед изображением карты с помеченным на ней местоположением гребня Джонсона.

— Сообщают, что поблизости от Купола отмечена ружейная стрельба. По нашим предположениям, судебные исполнители начали штурм, пытаясь силой отобрать Купол у группы индейцев-сиу, отказавшихся подчиниться постановлению суда, предписывающему им покинуть территорию. Операция проводится в обстановке полнейшей секретности, и сейчас мы не располагаем никакими подробностями. Пресс-конференция должна состояться через двадцать минут. Пока же нам известно следующее...

— Сукины дети! — Гибсон, сидящий в одном из вертолетов, резко нажал на кнопку рации. — Скальная группа, без моей команды с места не трогайтесь!

Чарли Эванс вместе со своими двумя скалолазами расположился на узком карнизе футов на двадцать ниже края площадки.

— Понял, — откликнулся Чарли.

— Минуты через две-три. — Он переключил частоту. — Стрела-три!

— Стрела-три слушает.

— Следуйте за нами на посадку.

Еще не хватало, чтобы эти ублюдки сбили один из «Черных соколов». Приземлившись среди деревьев на южном конце плато, Гибсон собрал свой штурмовой отряд: девять человек, не считая скалолазов, и объявил:

— Что ж, леди и джентльмены, придется нам потеть.

— Идут, — сказал Малый Призрак. — Передай дальше.

Вынырнувшие из-под сени деревьев тени двинулись в сторону Купола.

— Держитесь, — призвал Адам.

Спецназовцы надвигались неровной боевой линией, в своих черных одеждах почти невидимые на фоне деревьев, несмотря даже на лунный свет. Адам выждал, когда до них останется ярдов сто пятьдесят, и похлопал Малого Призрака по плечу:

— Давай, Джон. Цель повыше.

Малый Призрак послал полдюжины пуль в небеса. Тени замерли, выждали пару секунд и снова двинулись вперед.

— Адам, — проронил Малый Призрак, — этот номер не пройдет. Если мы хотим их остановить, пора браться за дело.

Макс заметил вспышки с расстояния миль в десять.

— Мы опоздали, — сказал он Скотту.

Тут же ожило радио:

— С-47, вы вошли в запретную зону.

— Э-э, вас понял, — встрепенулся Макс. — Заблудился.

— Рекомендуем вам курс двести семьдесят.

— Оставайтесь на прежнем, — тут же подсказал Скотт.

— Там идет война, — нахмурился Макс. — Мы уже не сможем ей помешать.

— А может, еще не поздно.

«Ладно уж, — подумал Макс. — Пропадаю ни за грош...»

С северной стороны на экране радара появилась четкая отметка.

— Идут на нас, — резюмировал Скотт.

Макс кивнул, стараясь выглядеть непринужденно, словно проделывает подобное ежедневно. Потом включил интерком.

— Ну что ж, мы будем на земле через пару минут. Пристегнитесь.

Впереди уже выросли горные хребты. Высмотрев среди них гребень Джонсона, Макс повернул машину чуточку южнее. Видимость отличная, ветер силой в сорок узлов дует строго с северо-запада.

— Погода не блеск, — проронил Макс.

Его второй пилот кивнул:

— Вы отлично справитесь.

По радио ледяным тоном сообщили, что он подлежит аресту.

Макс снизился до двух тысяч футов, сбросил скорость и в пяти милях от плато выпустил закрылки. Посадочная площадка оказалась меньше, чем ему помнилось. Впереди виднелся Купол и вспышки выстрелов.

Из темноты вынырнул боевой вертолет и пристроился параллельным курсом. Макс бросил взгляд в его сторону и увидел, что в открытом люке вертолета сидит человек в черной форме с автоматической винтовкой на коленях.

— С-47, поворачивайте! — рявкнуло радио. — Вы находитесь в запретной зоне!

Плато стремительно надвигалось. Макс слегка потянул штурвал на себя.

Трассирующая очередь прошла тьму, задев нос машины.

— Если понадобится, мы будем стрелять в вас!

— Блефуют, — бросил Скотт.

Макс перевалил через рожицу, убавил газ и ощутил, как передние шасси коснулись земли.

Самолет подскочил и опустился снова.

В наушниках вопили. Теперь опустилось и хвостовое шасси, тоже снабженное лыжей.

Макс заглушил двигатели. Вся беда с приземлением на лыжах в том, что тормоза не работают. Невозможно даже включить двигатели на реверс. Остается лишь пассивно ждать, когда самолет остановится сам по себе.

Справа надвигался Купол. Теперь стал слышен треск автоматных очередей.

— А что в конце поля? — поинтересовался второй пилот.

— Еще один полет, только недолгий.

Самолет миновал Купол. Пассажиры в грузовом отсеке притихли, и слышался только взвизгивающий шелест снега под лыжами. Они проскользнули между стоянкой и парой поспешно отъехавших патрульных машин, из-под колес которых фонтанами бил снег.

А впереди, на самой границе света фар, зияла бездна.

Макс на миг задумался, не завести ли двигатели, чтобы поднять машину в воздух, или дернуть самолет влево, чтобы врезаться в деревья. Но было уже слишком поздно и для того, и для другого. Осталось только ждать до самого конца.

Голос в наушниках умолк.

Макс вцепился в кресло.

Самолет подскочил на сугробе.

Бездна разверзалась все шире и шире, раскинувшись от горизонта до горизонта.

Самолет замедлил бег.

И остановился.

«Черный сокол» с ревом пронесся мимо.

Еще немного, и передние лыжи сорвались бы в пустоту.

— Всем оставаться на местах, — велел Макс пассажирам.

— Отличная посадка, Макс, — похвалил второй пилот.

Выглянув в боковое окно, Макс отстегнулся и выглянул с другой стороны.

— Масса места, — резюмировал он, усаживаясь в кресло и включая левый двигатель.

— Эй, — всполошился Скотт, — поосторожнее!

— Все в порядке. Эта малышка развернется даже на острие иглы.

Это заявление было недалеко от истины. Под аккомпанемент протестов отдельных пассажиров и вновь ожившего голоса в наушниках Макс развернул самолет и повел его обратно к Куполу.

Пока Макс разворачивался, Гибсон понял, что настал подходящий момент.

И пару секунд спустя защитникам Купола пришлось залечь под шквальным огнем. Прикрывающая левый фланг Андреа увидела, как вылетевшая из-за края обрыва железная кошка впилась в землю.

— Самолет идет сюда, — сообщил заместитель Гибсона.

Самолет, направляющийся примерно в сторону позиций Гибсона, прокатился через стоянку, мимоходом осветив ее фарами.

— Это и слепому видно! Какого черта эти дураки затеяли?!

Радист прикрыл наушники ладонями, чтобы лучше слышать.

— Стрела-два запрашивает приказ.

— Приказ на что?!

— Наверно, открыть огонь, Гораций.

— Дьявол, нет! Должно быть, там сплошь чокнутые!

Радист снова прислушался:

— Скалолазы уже наверху.

Макс свернул к Куполу. Вокруг грохотали выстрелы.

— А нельзя ли двигаться побыстрее? — послышался голос Асквита из грузового отсека.

— Макс, не время для полумер, — поддержал его «полузащитник».

Предложение подхватили еще несколько голосов, на диво разных по тембру. Макс прибавил газу и направил самолет прямо к дыре в ограде, в самую гущу перестрелки. Пули забарабанили по фюзеляжу, и Макс сразу представил, как разгневается Сейл, когда получит самолет обратно. Один иллюминатор разлетелся вдребезги.

Упершись в грудь земли, самолет остановился.

— Ладно. — Макс заглушил двигатели.

Сзади уже отпирали грузовой люк. Оператор Лесли Марки — высокий, светловолосый парнишка лет двадцати, опустился в проходе на корточки, чтобы подготовить свое снаряжение. Покончив с этим, он включил софит и произнес:

— Ладно, пошли.

Лесли Марки, уже говоривший что-то в микрофон, кивнул Уолтеру Асквиту, остановившемуся в проеме люка. Асквит выпрыгнул из самолета прямо навстречу пулям. Одна попала ему в ногу, а вторая в грудь, и он тяжело рухнул на снег.

Находившийся впереди Гибсон ужаснулся, увидев случившееся. Тут же из самолета выпрыгнули еще двое, накрыв упавшего своими телами, чтобы защитить его, а в открытом грузовом люке толпились люди. Еще ни разу Гибсон не сталкивался с таким идиотизмом. Вот же безмозглые сукины дети!

— Прекратить огонь! — бросил он радисту и повернулся к заместителю. — Прямо глазам не верю.

И тут вдруг осознал, что вся страна видит его на экранах. Увидел Лесли Марки, распростершегося на земле, чтобы не попасть под пули, но продолжающего говорить в микрофон. Увидел оператора, панорамирующего с раненого на оборонительные позиции и на вооруженных людей по обе стороны.

За пару секунд стрельба постепенно прекратилась.

К месту событий подлетел черный правительственный автомобиль, и выскочившая оттуда Сильвера со всех ног бросилась к упавшему.

— Какого черта?! В чем дело?! — Тут она увидела Асквита и осеклась. — Что случилось?..

Пассажиры продолжали один за другим выбираться из самолета — одни справлялись с этим без труда, другим потребовалась помощь. Начали подъезжать

полицейские машины с включенными мигалками. Появилось инвалидное кресло.

— Кто вы такие? — строго спросила Элизабет.

Пара человек назвали, но Гибсон находился слишком далеко, чтобы расслышать фамилии. Элизабет бросила взгляд в его сторону. Гораций ломал голову, как лучше уладить дело: пожалуй, согнать этих людей в кучу, а заодно воспользоваться преимуществом прекращения огня и вклиниться в позиции индейцев. Это можно сделать. Наверняка.

— Вы видели, что здесь произошло, — говорил Марки в микрофон. — У вас на глазах был ранен Уолтер Асквит, прошлогодний лауреат Пулитцеровской премии по литературе.

«Асквит?! — изумился Гибсон. — Боже мой, это обойдется нам чертовски дорого!»

«Полузащитник» преклонил колени рядом с Асквитом, пытаясь остановить кровотечение, пока седобородый старался устроить того поудобнее.

— Да есть тут у вас врач?! — воззвала женщина как раз в тот миг, когда подъехала машина «скорой помощи».

Глаза Асквита остекленели, и он скончался, вцепившись в рукав «полузащитника».

Тело положили в машину «скорой». Как только она отъехала, Гибсон вышел вперед и назвал.

— Попрошу вас всех пройти со мной.

— Зачем? — спросил седобородый. Ростом он не выделялся, и черты лица его говорили о кротости характера, но, представ перед спецназовцем, он

едва сдерживал гнев. — Чтобы вы могли продолжать свою войну?!

Гибсон воззрился на него. Дело все более и более осложняется.

— Просто арестуйте всю компанию, — вполголоса процедила Элизабет.

— Кто вы? — спросил Гибсон у седобородого. Двоих в этой толпе он узнал, но седобородый был ему незнаком.

— Стивен Джей Гулд. — Тот возвысил голос, чтобы его не заглушил вой ветра. Камера приблизилась, и софит осветил его лицо, чтобы его увидела вся страна. — Мы не собираемся идти вам навстречу. Если правительство хочет убить еще кого-нибудь, пусть начинает с нас.

Они принялись выстраиваться в шеренгу, образуя живой барьер между противниками.

— Гулд, — проговорил Лесли в микрофон, — палеонтолог.

В кадре появился высокий мужчина с аристократической наружностью.

— Чарльз Курран, теолог. — Лесли поднес ему микрофон.

— Это не просто диспут о правах собственности. — Курран словно собирался призвать к порядку недисциплинированного ребенка. — Гребень Джонсона не принадлежит ни одному правительству или даже правительствам. Он принадлежит всем и каждому. — Теолог посмотрел прямо в объектив. — Сегодня его защитники в осаде. В таком случае все мы в осаде.

— Артур Майер Шлезингер-младший, историк.

Карие глаза Шлезингера за стеклами очков в роговой оправе гневно полыхнули, и Гибсона вдруг охватило ощущение бесполезности оружия.

— Скотт Карпентер, астронавт.

Второй пилот Макса, все еще полный сил — хоть сейчас на орбиту, — кивнул невидимой аудитории.

— Грегори Бенфорд, астрофизик и писатель.

Бенфорд — среднего роста, бородатый, одетый в чересчур просторную, наверняка с чужого плеча, охотничью куртку — едва удостоил Гибсона взглядом и взмахом руки позвал губернатора. Ходок неуверенно занял место в шеренге:

— Джеймс Ходок. Вождь Мини Вакан Ойате — Народа Озера Духа. Спасибо, — вымолвил Ходок, посмотрев налево и направо.

— Гарри Марковиц, экономист.

Марковиц скрестил руки на груди, олицетворяя собой непокорность.

— Ричард Уилбур, поэт.

Уилбур кивнул, мысленно пребывая где-то далеко, измеряя взглядом пропорции пространства, отделяющего Купол от окружающих холмов, словно бы узнавая знакомую, памятную местность.

— Дэвид Шрамм, астрофизик.

В шеренгу встал «полузащитник», испачканный кровью Асквита:

— Стивен Хокинг, физик.

Как и остальные, Хокинг был одет не по сезону, словно его оторвали от дела в других, более теплых краях и в спешке затолкнули в самолет. Он холодно смерил Гибсона взглядом с головы до ног.

— Уолтер Ширра, астронавт.

Карие глаза, квадратная челюсть, средний рост. Гибсон узнал его. Он где-то читал, что Ширра — самый общительный и жизнерадостный из астронавтов. Но сегодня в его взгляде не было даже искорки благодушия.

— Урсула Ле Гуин, писатель.

Она все еще стояла, глядя на место, где пал Асквит. На ее одежде тоже алела кровь.

— И Карл Саган, астроном.

Как и остальные, Саган источал гнев и отчаяние, события последних часов поколебали присущий ему оптимизм.

— С нами был еще Уолтер Асквит, — провозгласил он. — Уолтер был поэтом.

— Знаете, — низким, полным угрозы голосом про-
рокотал Гибсон, — даже вам не встать выше закона.

— Порой закон просто глуп, — отрезал Марковиц.

Подошедшая сзади Эйприл Кэннон заняла место
между Ширрой и Хокингом.

А Гибсон уже прикидывал в уме, что скажет на-
чальству.

*Наша песнь достигнет
Той дальней земли...*

Из поэзии южных пайютов

Они провели вечер по ту сторону ворот, расположившись на берегу безымянного моря. Подложив под головы рюкзаки, Саган и Шрамм лежали на песке, разглядывая незнакомые созвездия; Карпентер, Уилбур, Хокинг и Ширра безмолвно сидели вокруг угасающего костра, прислушиваясь к шелесту прибоя и ощущая то же, пожалуй, что испытывают люди, выброшенные морем на неведомый берег. Ле Гуин, Курран и Ходок сбросили обувь и шлепали босиком по воде, гадая, что лежит за морем. Шлезингер, Гулд и Марковиц обменивались с Эйприл мнениями о транспортной системе, доставившей их сюда, и прикидывали, во что выльется ее адаптация к местным условиям.

— Городам конец, — высказался Марковиц.

— Города имеют социальную значимость, — не согласился Гулд. — Хотя бы как места, откуда можно удрать.

Макс держался особняком, испытывая робость, пока Эйприл не заметила его. Вручив Максу банку коки, Эйприл затащила его в круг друзей.

— Не знаю, поблагодарили ли мы тебя, — вымолвила она. — Если бы не ты, ничего этого уже не было бы.

Марковиц засмеялся и обнял его за плечи.

— Да, Макс, нравится вам это или нет, но это вы привели нас сюда. Что бы ни произошло в дальнейшем, это будет на вашей совести.

— На самом деле вопрос заключается в том, — заметил Саган, когда похолодало и все сгрудилось вокруг костра, — куда мы отправимся дальше?

— В каком это смысле? — уточнила Эйприл.

— По-моему, он имеет в виду, что правительство в чем-то право, — пояснил Уилбур. — Я с ним согласен.

— Поддерживаю, — подхватил Ширра. — Начав эксплуатацию Купола, мы выходим далеко за рамки человеческого опыта. Взять хотя бы то, что возникнет экономика совершенно нового типа. Разве не так, Гарри?

— О да, — кивнул Марковиц. — Но мы можем подготовиться. Адаптироваться. — Он с улыбкой махнул рукой в сторону моря. — Будущее ждет нас где-то там.

— На нас лежит ответственность, — через свою электронику проговорил Хокинг. — Более того, своим сегодняшним решением мы сами возложили ее на себя. Теперь уж на попятную не пойдешь.

Море дышало покоем, тихо накатывая волны на пляж, вольготно раскинувшийся под чужими небесами.

— Но нас подстерегают опасности, — проронил Ходок.

Курран согласно кивнул:

— Риск пропорционален масштабам свершения, как и страх. — Он ухмыльнулся. — Нам придется за многое ответить.

— Нам нечего бояться, — откликнулся Шрамм.

— Стивен прав, — высказался Шлезингер. — Перед нами новый мир. А старые миры всегда не в ладах с новыми идеями.

Бенфорд открыл коробку со сладостями, насадил кусочек на прутик и поднес его к огню.

— Итак, речь идет о том, что во главе должны пойти мы?

— По-моему, вам просто придется, — ответил Макс.

Несколько лиц обернулось к нему. Макс подметил, что эта перспектива не так уж пугает их. Ле Гуин потыкала палкой в костер. Дрова затрещали, туча искр взвилась в темное небо.

— Не слишком ли самонадеянно? — произнесла писательница.

Шрамм откупорил две банки пива и одну из них протянул Бенфорду.

— Конечно, самонадеянно. Но мне кажется, что немного самонадеянности тут не повредит.

— А ведь нас могло и не оказаться на месте, когда нужна была помощь, — заметил Курран. — Я еще не уверен, но, по-моему, вчера вечером мы совершили федеральное преступление.

— По-моему, нам не о чем беспокоиться, — улыбнулся Саган. — Мэтту Тейлору понадобится наша помощь, да еще как!

— Ага, — отозвалась Эйприл. — Я с искренним удовольствием помогу президенту. Ведь он едва нас не прикончил.

— Его загнали в угол, — возразил Шлезингер. — А сейчас весь мир загнан в угол, и мы приложили к этому руку.

— Согласен, — подхватил Хокинг. — Я считаю, пора пораскинуть умом, как нам его оттуда вытащить.

Бенфорд кивнул:

— А для начала нам потребуется сформировать положительное общественное мнение.

— Вот именно, — поддержал его губернатор, только что ставший свидетелем могущества общественного мнения.

— Может, провести цикл передач? — предложила Эйприл. — Пусть люди узнают, каково тут на самом деле. Что мы можем получить.

— И чем рискуем, — добавил Карпентер. — Нужна полная откровенность. И раз уж об этом зашла речь... — Он посмотрел на Ходока. — Как насчет сиу? Вы хотите помочь?

Все взгляды обратились к индейскому губернатору.

— Мы будем настаивать на том, чтобы эту планету не превратили во вторую Северную Америку. К тому же будем контролировать использование Портала. А в остальном мы с радостью окажем всяческую помощь.

На северном небосклоне, как раз над морем, красовалась Конская Голова, создавая сильнейшее впечатление надвигающейся грозы.

— У нас будет забот невпроворот, — заметил Ширра.

Они смотрели на звезды, прислушивались к шепоту ветра и наслаждались уютным теплом костра.

— Жаль, что не все мы дошли сюда, — проронила Ле Гуин.

Уилбур кивнул, пряча лицо в тени:

— Заметки Асквита по поводу Купола у меня.

— На публикацию хватит? — осведомился Хокинг.

— О да, вполне. — Уилбур пошарил позади себя рукой, нашел куртку и накинул ее на плечи. — Прекрасно написано. Быть может, в конечном счете он переживет всех нас.

ЭПИЛОГ

Эйприл Кэннон проводила взглядом свой рюкзак, исчезающий в золотом сиянии, пока семеро её спутников (одним из которых стал ее ушедший на пенсию шеф Харви Кек) последний раз проверяли снаряжение. Потом обернулась к Макс:

— Значит, ты точно не хочешь пойти с нами? — В зеленоватом свете она выглядела очаровательно.

— Нет, — покачал он головой. — Я не люблю сюрпризы, а вы наверняка встретите их во множестве.

Она притронулась к его руке:

— Мы будем осторожны.

Группа отправлялась в экспедицию по исследованию линий Эдемской станции, в достатке запасшись продуктами и водой, скафандрами, кислородными масками, портативными аналитическими лабораториями, запчастями и разнообразнейшей научной аппаратурой. Если все пойдет хорошо, они вернутся через две недели с множеством сведений о мирах, лежащих по ту сторону Эдема. (Лабиринт решили не трогать, во всяком случае, пока.)

— Макс, а ты-то чем займешься? Купишь остров на Багамах и удалишься от дел?

— Собираюсь вытродить Пришельца, — ухмыльнулся он.

— Он вроде бы уже ушел. Я бы оставила его в покое, — поежилась Эйприл.

— По-моему, на нас лежит обязанность отыскать его.

— Обязанность перед кем?

— Сам не знаю. Может, перед этим существом. Я питаю к нему симпатию.

— Он может быть опасен.

— Не исключено. Но нам известно, что у него есть чувство юмора. А еще он спасает детей. Мне бы очень хотелось с ним потолковать.

Харви дал Эйприл знак. Пора отправляться.

— Будь осторожен, Макс, — попросила она.

— Непременно. — Он владел своим голосом без труда. — Ты тоже. Возвращайся, ладно?

— Можешь на меня положиться. — Вдруг, совершенно неожиданно, она бросилась к нему в объятия, теплая и податливая, и подняла лицо. И Макс запечатлел на ее губах долгий, крепкий и нежный поцелуй.

ОТ АВТОРА

Озеро Агассис существовало. Я позволил себе небольшие вольности с его береговой линией, но в остальном ничуть не погрешил против истины. Всякий желающий может пролететь на самолете над западными окраинами долины Ред-Ривер на севере, близ канадской границы, и древние берега будут прекрасно видны.

Литературно-художественное издание

Макдевит Джек

Звездный Портал

Редактор М.Л.Катаева

Художественный редактор С.Н.Герцева

Технический редактор Н.Н.Хотулева

Подписано в печать с оригинал-макета 23.06.97

Формат 84 x 108 1/32. Бумага типографская.

Гарнитура "Ньютон". Усл.печ.л. 27,72.

Тираж 11 000 экз. Заказ № 435.

ООО "Издательство АСТ-ЛТД"

Лицензия В 175372 № 02254 от 03.02.97.

366720, РИ, г.Назрань, ул.Фабричная, 3

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: AST@POSTMAN.RU

Отпечатано с готовых диалозитивов

в Тульской типографии.

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

